

6044

ИСТОРИЯ РОССИИ.

ИСТОРИЯ РОССИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.

1873.

78 / 73

9/387

~~4361~~

9c
C 6c

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

6044

ИБ ПНУС

6044

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.

1873.

ГЛАВА I.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1749 и 1750 годы.

Москва въ 1749 году, заботы о ея возстановленіи. — Распоряженія на случай опасности со стороны Швеціи, распоряженія по флоту и арміи. — Увеличеніе цѣны вина и соли. — Распоряженія о инородцахъ. — Призывъ бѣглыхъ. — Мѣры о сохраненіи народнаго здоровья. — Мѣры противъ разбоевъ. — Столкновенія между частями городского населенія. — Сопротивленіе бѣглыхъ крестьянъ въ Брянскѣ. — Магистраты. — Воеводы и полиція. — Положеніе фабрикъ и заводовъ. — Жалоба русскихъ купцовъ на иностранныхъ браковщиковъ. — Коллегіи. — Столкновеніе членовъ синода съ оберъ-прокуроромъ гв. Шаховскимъ. — Изданіе Библии. — Жалобы синода на дурное обращеніе свѣтскихъ лицъ съ духовенствомъ. — Запрещеніе книгъ и вещей на религиозныхъ основаніяхъ. — Состояніе Малороссіи. — Возстановленіе гетманства въ Малороссіи. — Дѣятельность Неплюева въ Оренбургскомъ краѣ. — Борьба съ инородцами въ сѣверо-восточной Сибири. — Отношенія къ европейскимъ державамъ. — Положеніе канцлера Бестужева. — Прекращеніе дипломатическихъ сношеній съ Пруссіею. — Сношенія съ Австріею по поводу православныхъ ея подданныхъ. — Сношенія съ польско-саксонскимъ дворомъ. — Вопросъ курляндскій. — Неудачная попытка Морица Саксонскаго. — Дѣйствія Никиты Ив. Панина въ Стокгольмѣ, Корфа въ Коленгагенѣ, Неплюева въ Константинополь.

Ломоносовъ имѣлъ право въ своей одѣ представить старую испепеленную, полуразрушенную Москву, ждущую возстановленія отъ пріѣзда Елисаветы. Дѣйствительно пребываніе императрицы въ Москвѣ въ продолженіе 1749 года было полезно для древней столицы, такъ сильно пострадавшей отъ пожаровъ. Москва больше всего страдала тѣсною въ самыхъ населенныхъ частяхъ своихъ, что вело, съ одной стороны, къ частымъ истребительнымъ пожарамъ, а съ другой — заражало воздухъ. Послѣ смутнаго времени, при новой династіи, уже видимъ стремленіе царей высвободиться хотя временно изъ кремлевской тѣсноты

на просторъ подгороднихъ мѣсть. При царѣ Михаилѣ такимъ царскимъ мѣстопробываніемъ становится село Покровское, при царѣ Алексѣѣ Измайлово, потомъ Преображенское, которое при Петрѣ такъ тѣсно соединяется съ Нѣмецкою слободою. Въ слѣдствіе этого XVII и XVIII вѣка видятъ новую Москву, Москву Яузскую въ противоположность старой—омываемой Москвою рѣкою и Неглинною. Но между тѣмъ въ старой Москвѣ становится просторнѣе какъ въ слѣдствіе отъѣзда двора и выселенія знати на новыя пріязскія мѣста, такъ особенно въ слѣдствіе пожаровъ; въ Кремлѣ становится возможнымъ жить людямъ, привыкшимъ къ петербургскому простору, которые въ началѣ вѣка не могли выносить кремлевской тѣсноты и зловонія. Кромѣ того старая Москва брала верхъ своимъ святыми и славными древностями, и съ половины XVIII вѣка начинаютъ думать, какъ бы опять перенести царское мѣстопробываніе въ Кремль.

Здѣсь становилось просторнѣе; но въ торговомъ Китаѣ-городѣ была сильная тѣснота. Камеръ-коллегии, главному магистрату, московской губернской и полицмейстерской канцеляріямъ, съ присоединеніемъ комиссіи изъ купечества поручено было составить планъ для очищенія Китая-города, и планъ былъ составленъ въ маѣ мѣсяцѣ 1749 года: скамьи, каменные приступки и другіе загромождающіе пространство постройки предположено сломать, препятствующіе проѣзду погреба засыпать. Сенатъ велѣлъ привести этотъ планъ въ исполненіе¹. Сенату было представлено, что на Всесвятскомъ мосту, единственномъ каменномъ въ Москвѣ, находятся лавки и палатки, въ которыхъ живутъ люди и которыя стоятъ непокрыты, отъ чего этимъ лавкамъ и палаткамъ, да и мосту самому можетъ быть не безъ поврежденія: сенатъ распорядился, чтобъ покрыли ихъ. Мостъ требовалъ починки; починку эту принялъ на себя крестьянинъ Кузнецовъ съ торговъ за 8120 рублей съ тѣмъ, чтобъ позволено было ему при мосту построить разныя мельницы; оброка съ нихъ онъ платитъ не будетъ, но будетъ въ продолженіе десяти лѣтъ содержать мостъ въ исправности. Но приискали указъ императрицы Анны, въ которомъ говорилось, что мельницы вредятъ Всесвятскому мосту: ежегодно надобно его чинить, потому что для мельницъ между быковъ сдѣлана плотина, весною здѣсь ледъ спирается и ломаетъ быки; особенно выше и ниже плотины годъ отъ году все

болѣе вырываетъ землю и насыпало островъ, отъ чего небезопасно всему мосту, и потому велѣно всѣ мельницы сломать. Кузнецова стали уговаривать взять починку моста безусловно; онъ согласился, но уже за 8770 рублей ³. Петербургскихъ гостей въ Москвѣ поразило явленіе, которое прежде оставалось незамѣченнымъ. Несмотря на указъ Петра Великаго Великаго 1722 года, запрещавшій отпускать колодниковъ на связкахъ просить милостыню, сенатъ усмотрѣлъ, что многіе колодники пытаные въ рубищахъ до такой степени ветхихъ, что тѣло едва прикрыто доскутьями, стоя скованные на Красной площади и по другимъ большимъ улицамъ, просятъ милостыню необыкновенно, на распѣвъ съ крикомъ; также ходятъ по рядамъ и по всей Москвѣ по улицамъ. Сенатъ приказалъ: колодниковъ, которые сами себя прокормить не могутъ, отсылать на казенныя работы и давать заработной платы по двѣ копѣйки на день человѣку; а которые содержатся въ искахъ, тѣхъ кормить истцамъ ³. Замѣчено было и другое явленіе, болѣе чѣмъ неприятное; до самой императрицы дошло, что господскіе люди не только нѣчью, но и днемъ проѣзжихъ бьютъ и грабятъ; дошло это потому, что прибить былъ и ограбленъ камердинеръ великаго князя: лавочники и проѣзжіе видѣли, но помощи никакой не подали, также и обывательскій караулъ ⁴. Лѣтомъ донесено было сенату, что въ Москвѣ всякій хлѣбъ продаютъ очень высокими цѣнами, отъ чего народу не малая тягость, а московскій магистратъ не только не старается объ уменьшеніи такихъ чрезвычайныхъ цѣнъ, но и не присылаетъ въ главную полицію вѣдомостей о цѣнахъ: за мартъ мѣсяць прислана вѣдомость въ половинѣ апрѣля; въ мартѣ рожь продавалась по семи гривенъ, а въ іюнѣ продаютъ не меньше полутора рублей, муку по 180 копѣекъ, и скоро будетъ продаваться дороже двухъ рублей ⁵.

Императрица посѣщала и московскія окрестности: село Софьино, забавный домъ Перово и оставалась тамъ по нѣскольку дней. Свои именины, 5 сентября она провела въ Воскресенскомъ монастырѣ (Новый Іерусалимъ) ⁶. 22 декабря она возвратилась въ Петербургъ; но о Москвѣ надобно было заботиться и по отъѣздѣ двора. Въ маѣ 1750 года узнали, что часть каменной стѣны Бѣлаго города упала и задавила нѣсколько человѣкъ. Вѣхости кремлевскихъ стѣнъ и башенъ взялись исправить под-

рядчики въ два года за 12,950 рублей; а по Китаю и Бѣлому городу, гдѣ стѣны и башни обвалились или грозятъ паденіемъ, велѣно чинить, не упуская лѣтняго времени съ крайнимъ осмотрѣніемъ и береженіемъ казны, безъ передачи, изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ ⁷. При этихъ починкахъ нашли кладъ особаго рода: въ угольномъ погребу у Тайнинскихъ воротъ нашли соль бузунъ въ ветхихъ куляхъ; спросили дворцовую канцелярію и соляную контору, и получили отвѣтъ, что объ этой соли у нихъ никакого извѣстія не имѣется ⁸.

Хотѣли обмануть надежду тѣхъ, которые думали, что удаленіе двора въ Москву на цѣлый годъ помѣшаетъ энергическимъ мѣрамъ Россіи въ виду опасности, грозившей со стороны Швеціи: военные приготовленія, вооруженіе флота и движеніе сухопутныхъ войскъ къ финляндскимъ границамъ шли усиленно и давали много заботъ сенату въ финансовомъ отношеніи. Адмиралтейская коллегія доносила въ январѣ 1749 года, что велѣно вооружить нѣкоторую часть корабельнаго флота и отправить въ море въ маѣ мѣсяцѣ; а галерный флотъ, сколько есть наличныхъ галеръ, всѣ приготовить, и морскихъ провизій на эти корабли и галеры заготовить на четыре мѣсяца; за тѣмъ и весь корабельный флотъ, сколько годныхъ къ службѣ кораблей и фрегатовъ находится, къ будущей кампаніи велѣно исправить и вооружить, чтобы въ нужномъ случаѣ по первому указу могли выступить въ море. Для этихъ приготовленій теперь самое удобное время, но коллегія въ денежной казнѣ имѣетъ крайній недостатокъ, и въ слѣдствіе многочисленныхъ доимокъ въ сборахъ, опредѣленныхъ на адмиралтейство съ губерній и провинцій, и надежды предвидѣть не можетъ, чѣмъ бы это вооруженіе флотовъ исправить. Необходимо имѣть 361,266 рублей; эта сумма должна быть употреблена прежде выхода флота въ море, и то только на тѣ корабли и фрегаты, которые должны выступать въ маѣ; теперь въ адмиралтействѣ въ наличности и 10,000 рублей не будетъ, да и тѣ деньги употребятся на жалованье служителямъ, которые за майскую треть 1748 года сполна еще не получили жалованья. Поступленіе денегъ съ положенныхъ на адмиралтейство сборовъ начнется не ранѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; на штатсъ-конторѣ долгу за 1747 и 1748 годы 142,218 рублей, но этого долга, несмотря на многократныя требованія, штатсъ-кон-

тора не платить, да еще доимку въ 97,984 рубля зачитаетъ въ счетъ другихъ издержанныхъ постороннихъ сборовъ; съ 1740 по 1747 годы въ положенной суммѣ на адмиралтейство продолжается до сихъ поръ доимка больше милліона, и объ этой доимкѣ коллегія не разъ представляла сенату и требовала ее; сенатъ велѣлъ штатсъ-конторѣ сдѣлать счетъ, который и сочиняется, но по этому счету контора показываетъ не малые зачеты, о которыхъ требуется обстоятельнаго разсмотрѣнія; впрочемъ и за тѣми зачетами, хотя бы они и справедливы были, все же въ доимкѣ остается до 450,000 рублей.

Сенатъ приказалъ штатсъ-конторѣ отпустить въ адмиралтейскую коллегію немедленно 71,109 рублей, также какъ можно скорѣе окончить съ нею всѣ счета, и что явится въ недосылкѣ отпустить сейчасъ же. Въ февралѣ новое доношеніе: баронамъ Строгановымъ и прочимъ солянымъ промышленникамъ для поставки соли за недостаткомъ наемныхъ работниковъ оказывается не малое вспоможеніе особымъ нарядомъ уѣздныхъ крестьянъ, въ прошломъ году было наряжено 4000 человекъ; а высочайшій интересъ требуетъ, чтобъ и флотъ былъ въ исправномъ состояніи, и хотя коллегія заготовленіе лѣсовъ и не упускаетъ, но доставка ихъ за недостаткомъ рабочихъ людей идетъ очень медленно, лѣса на пристаняхъ остаются, и теперь не иначе могутъ умѣститься какъ на 112 судахъ, на которые рабочихъ надобно до 3000 человекъ, а по примѣру найма рабочихъ прошлаго года можеть отправиться изъ пристани только 29 судовъ, затѣмъ прочіе лѣса останутся опять на пристаняхъ: потому требуетъ коллегія нарядить въ Казанской, Нижегородской, Московской и Кѣвгородской губерніяхъ до 1500 человекъ; а чтобъ были всѣ 3000 человекъ, то дозволить нанимать и съ письменными паспортами. Сенатъ сначала не согласился; но потомъ долженъ былъ для возки дубоваго лѣса велѣть нарядить до 1500 человекъ уѣздныхъ людей, а 3000 остальныхъ дозволить нанимать съ письменными паспортами. Наступилъ май мѣсяць, когда флоту надобно было выходить въ море, и адмиралтейская коллегія снова объявляетъ, что для этого выхода нужно не менѣе 100,000 рублей, у нея на лицо только 17,401 рубль, а штатсъ-контора къ платежу показываетъ невозможность, слѣдовательно флота выпустить неначто; несмотря на запрещенія, штатсъ-контора и

камеръ-коллегія посылають указы, по которымъ принадлежащія адмиралтейству доходы употребляются на посторонніе расходы: такъ въ Нижегородской губерніи камеръ - коллегія употребила на свои расходы 11,554 рубля; съ Олонца определено получать адмиралтейству по 21,300 рублей, этой суммы за разными изнеможеніями никогда въ платежѣ сполна не бываетъ, и на 1748 годъ не заплачено 13,018 рублей; съ Кіевской губерніи назначенная сумма 10,487 рублей почти всегда употребляется мимо адмиралтейства въ другіе расходы. Сенатъ приказалъ: съ монетныхъ дворовъ изъ капитальной суммы отпустить въ адмиралтейство 50,000 рублей, а возвратитъ эту сумму изъ недосланныхъ въ адмиралтейство сборовъ за прошлые годы. Въ маѣ 1750 года адмиралтейская коллегія потребовала доимочной на камеръ-коллегіи и штатсъ-конторѣ суммы—155,925 рублей на покупку провіанта и пеньки: сенатъ велѣлъ доставитъ себѣ немедленно вѣдомости изъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ сколько имѣется наличней денежной казны. Относительно флота въ это время было определено: содержать стопушечный корабль одинъ, осмидесятипушечныхъ 8, такимъ образомъ перваго ранга 9 кораблей; втораго ранга 66-ти пушечныхъ 15; третьяго ранга 54-хъ пушечныхъ три, всего 27 кораблей, то же число, какое было и въ 1720 году; фрегатовъ 32-хъ пушечныхъ шесть. При Петрѣ Великомъ было шесть шнавъ, но теперь признали за лучшее оставить только двѣ, а четыре замѣнить пакетботами, ибо послѣдніе въ разныя посылки удобны и море терпѣть могутъ надежнѣе и строеніемъ въ крѣпости лучше; кромѣ того определено имѣть два прама и три бомбардирскихъ корабля⁹.

Въ маѣ 1750 года сенатъ былъ встревоженъ извѣстіемъ, что изъ сербскаго и венгерскаго гусарскихъ полковъ 59 человекъ подали просьбы объ увольненіи. Сенатъ велѣлъ освѣдомиться, отъ чего это, нѣтъ ли имъ какого неудовольствія? Бригадиръ Витковичъ сообщилъ, что единственная причина неудовольствія заключается въ несвоевременной выдачѣ порціонныхъ и раціонныхъ денегъ, ибо хотя окладное жалованье по шести рублей по третямъ всегда получаютъ исправно, но этого жалованья стаить только на нижнюю одежду и харчи; а лошадьми, ружьемъ, мундиромъ, аммуниціею, палатками должны содержать себя на порціонныя и раціонныя деньги, которыя отпускаются по

прошествіи двухъ, а болѣею частію и трехъ третей, и въ промежуткахъ этихъ отпусковъ гусары впадаютъ въ немалые долги. Въ 1749 году изъ опредѣленной на нерегулярныя полки суммы изъ доходовъ штатсъ-конторы болѣе 65,000 рублей недослано, да на той же штатсъ-конторѣ одного провіантскаго долга на 1747 годъ болѣе 240,000 рублей. И теперь въ цесарскую область отправляются офицеры для вербованія въ гусарскіе полки, и хотя людей прибавится, но если опять такъ долго не будутъ платить имъ денегъ, то надежда впередъ имѣть оттуда гусаръ въ здѣшней службѣ исчезнетъ; притомъ надобно опасаться, чтобъ отъ нестерпимой скудости гусары не впали въ своевольства и грабежи, о чемъ на нихъ уже и жалобы были, или ударятся въ побѣги, какъ было въ 1749 году. Получивъ это объясненіе, сенатъ приказалъ: чтобъ удержать гусаръ въ службѣ, удовлетворить ихъ поскорѣе деньгами, для чего взять займообразно у военной коллегіи, а вмѣсто недосланной суммы въ военную коллегію отпустить прямо изъ бергъ-конторы 100,000 рублей изъ полученныхъ за проданное желѣзо денегъ, и штатсъ-конторѣ крайнее стараніе имѣть, чтобъ впредь на гусарскіе полки деньги не задерживались.

Сенатъ велѣлъ штатсъ-конторѣ отпустить въ артиллерійскую канцелярію 25,000 рублей для укомплектованія артиллеріи; но штатсъ-контора преслала только 8000, да еще зачитывала въ ту же сумму деньги, отпущенныя въ Ригу на фортификаціонныя расходы. Военная коллегія просила сенатъ по этому случаю рассмотреть и пресѣчь разсужденія и вошедшіе въ обычай отговорки штатсъ-конторы, которая только по упрямству продолжаетъ зачитывать 5000 на фортификаціонныя работы, тогда какъ онѣ къ артиллеріи вовсе не относятся: сенатъ велѣлъ штатсъ-конторѣ отпустить въ артиллерійскую канцелярію требуемыя деньги безъ зачетовъ. Тогда же провіантская канцелярія доносила, что въ 1749 году подрядная цѣна въ Ригу за рожь (за куль въ польосма пуда) была рубль 70 копѣекъ, а теперь кушцы не берутъ меньше рубля 99 копѣекъ, за крупу 2 р. 76 копѣекъ; въ провіантской канцеляріи денегъ почти ничего нѣтъ, а въ Ригѣ торги не состоялись, потому что тамъ рожь стоитъ 2,60 копѣекъ. Въ іюль 1750 года штатсъ-контора доносила, что на лейбъ-компанію жалованья по сентябрьскую треть 1747 года и январьскую 1748, всего 54,787

рублей до сихъ поръ не отпушено и отпустить не изъ чего. Сенать приказаль отпустить деньги изъ первыхъ приходовъ безъ всякой задержки.

Въ донесеніяхъ военной коллегіи слышали тонъ до сихъ поръ небывалый. Такъ въ сентябрѣ 1749 года она доносила, что на штатсъ-конторѣ остается долгу 383,853 рубля, и требовала, чтобъ въ главную провіантскую канцелярію долгъ былъ отпущенъ какъ можно скорѣе, ибо въ самыхъ нужныхъ дѣлахъ крайняя остановка, хлѣбные поставщики за неполученіемъ въ свое время платы жалуются и отъ поставокъ провіанта впередъ будутъ отказываться; если же и послѣ этого представленія провіантская канцелярія скоро удовлетворена не будетъ деньгами, въ слѣдствіе чего войско потерпитъ нужду, то самъ прав. сенать долженъ будетъ дать отвѣтъ предъ ея величествомъ, потому что военная коллегія по всеусленнымъ своимъ стараніямъ изъ общей воинской суммы помогала, а теперѣ больше помогать не въ состояніи, и впередъ прав. сенать на нее въ этомъ надежды полагать не благоволилъ бы. Кромѣ того по поданнымъ отъ главнаго комиссаріата и провіантской канцеляріи вѣдомостяхъ, долгу на штатсъ-конторѣ показано на неположенные на воинскую сумму выведенные изъ Персіи, также гусарскіе и другіе полки съ 1742 года 2,305,013 рублей. Прав. сенату велѣно, по представленію военной коллегіи, тотчасъ исполнять и помогать; несмотря на то, по многимъ и усиленнымъ требованіямъ нѣтъ удовлетворенія, все только дѣлаются подтвержденія штатсъ-конторѣ, которая отвѣчаетъ одно, что денегъ нѣтъ, а будутъ ли, не подаетъ надежды, и способа, какъ помочь недостатку въ деньгахъ, не изыскано. Военная коллегія требовала, по крайней мѣрѣ, отпустить до 800,000 рублей на войско, не содержащееся подушнымъ сборомъ, а на заготовленіе провіанта до 300,000 рублей.—Сенать отвѣчалъ, что по показаніямъ штатсъ-конторы суммы на войска, содержаціяся не подушнымъ сборомъ, отпущены, а военная коллегія, не представивъ своихъ счетовъ съ штатсъ-конторою, полагаетъ долгъ въ 2,305,000; но за совершеннымъ недостаткомъ государственныхъ доходовъ не только за прошлые годы всю эту сумму отпустить неоткуда и не изъ чего, но и на текуцій годъ нельзя удовлетворить войска, не содержаціяся подушнымъ сборомъ. Императрицѣ сенать опредѣлилъ доложить: по пятилѣтней сложности государствен-

ныхъ доходовъ приходу въ годъ должно быть 3,965,965 рублей, а въ штатсъ-конторѣ окладныхъ ежегодныхъ расходовъ состоятъ 3,601,534 рубля, да на неокладныя чрезвычайныя дачи 851,473 рубля, итого 4,453,007 рублей, слѣдовательно въ расходъ на каждый годъ недостаетъ 487,852 рублей; да вѣрно отпустить на Измайловскій полкъ въ годъ по 176,573 рубля изъ доходовъ сибирскаго приказа, но за неимѣніемъ въ томъ приказѣ денежной казны отпускается эта сумма изъ штатсъ-конторы, и за такимъ недостаткомъ удовлетворить требованіямъ военной и иностранной коллегій нельзя. До сихъ поръ сенатъ удовлетворялъ какъ могъ изъ наличныхъ денегъ съ крайнею оставкою другихъ расходовъ; а теперь изъ монетнаго капитала, котораго уже очень мало остается и который, за употребленіемъ его въ расходъ, не дастъ надлежащей прибыли, 50,000 рублей, да изъ разныхъ сборовъ, сколько гдѣ можетъ набраться, опредѣлено отпустить: только такой большой суммы, какую требуется военная коллегія, взять неоткуда. Сенатъ опредѣлилъ просить конфирмаціи ея величества на прежеподанные доклады о изысканныхъ способахъ къ пополненію государственныхъ доходовъ, ибо кромѣ того сенатъ никакихъ другихъ способовъ къ удовлетворенію означенныхъ расходовъ изыскать не можетъ¹⁰.

Эти не конфирмированные съ 1747 года доклады заключали въ себѣ извѣстное мнѣніе графа Петра Ив. Шувалова о продажѣ соли и вина вездѣ ровною цѣною, которая должна быть увеличена.¹¹ Теперь, въ слѣдствіе повторенной просьбы, императрица согласилась употребить предоставленные способы умноженія доходовъ, и въ началѣ 1750 года наложено на ведро вина по 50 копейекъ во всемъ государствѣ ровно, кромѣ остзейскихъ губерній, Малороссіи, слободскихъ полковъ и Сибири. Также и соль положено продавать по 35 копейекъ пудъ, кромѣ Астрахани и Чернаго Яра, гдѣ цѣна опредѣлена вполвину; въ соляной конторѣ оставлять отъ этой продажи миллионъ рублей и употреблять ихъ въ расходъ по особливымъ указамъ императрицы, а что будетъ лишку въ сборѣ, то отсылать въ зачетъ подушныхъ денегъ въ главный комиссаріатъ. Сначала встрѣтились затрудненія: главный магистратъ донесъ, что въ Казани винная продажа началась по новому положенію съ 1-го марта, и противъ прежняго сборъ очень уменьшился: явилось 1229 рублей,

а въ 1749 году въ мартѣ мѣсяцѣ собрано было 2622 рубля; тоже случилось и въ Вяткѣ. Коммиссаріатъ доносилъ также, что тамбовскіе откупщики, подъ видомъ выемки корчемнаго вина, прїѣзжая многочисломъ, забираютъ уѣздныхъ обывателей и хотя вина не вынимаютъ, однако бьютъ ихъ смертно и разоряютъ, отъ чего эти обыватели могутъ придти въ несостояніе платить подушный сборъ и прочія подати. Такія же жалобы приходили изъ псковской провинціи. Сенатъ рѣшилъ принять самыя дѣятельныя мѣры противъ того, чтобъ изысканный способъ увеличенія доходовъ не оказался недѣйствительнымъ. Онъ заподозрилъ казанскій и вятскій магистраты въ нерадѣніи и послалъ освидѣтельствовать тамошніе сборы; а въ концѣ года во всѣ губерніи отпавлены были особые чиновники для наблюденія за правильною продажею соли и вина по новому положенію ¹².

А между тѣмъ сенатъ все еще не имѣлъ подробныхъ вѣдомостей приходамъ и расходамъ: 13 апрѣля 1749 года сенатъ разсуждалъ, что онъ велѣлъ наискрѣпчайшимъ образомъ разыскивать на камеръ-коллегіи, чтобъ немедленно сочинены были вѣдомости о доходахъ и расходахъ съ 1743 по 1747 годъ, а до тѣхъ поръ пока онѣ не будутъ поданы въ сенатскую контору, президента коллегіи и членовъ, секретарей и приказныхъ служителей держать въ коллегіи безъ выпуску и смотрѣть за этимъ эзекутору: несмотря на то вѣдомостей до сихъ поръ не подано, и потому приставить сенатской роты унтеръ-офицера съ солдатами, чтобъ не выпускать президента и прочихъ. Но это была только угроза, чтобъ заставить поспѣшить дѣломъ. Вѣдомости не подавались, и 19 сентября призванъ былъ въ сенатъ прокуроръ камеръ-коллегіи Философовъ и спрашиванъ—сочинены ли вѣдомости и для чего до сихъ поръ не внесены въ сенатъ? Прокуроръ отвѣчалъ, что вѣдомости сочиняются, и какъ скоро окончатся, то подадутся. На это ему приказано, чтобъ коллегіа въ этомъ дѣлѣ крайнее стараніе имѣла и для того бы присутствующіе какъ до полудня, такъ и послѣ полудня въ коллегію съѣзжались, а секретарей и приказныхъ служителей держать въ коллегіи безъ выпуску; если же вѣдомости скоро не будутъ окончены, то прокурора и присутствующихъ держать будутъ безъ выпуску ¹³.

Послѣднимъ приближищемъ въ финансовыхъ нуждахъ былъ,

какъ мы видѣли, монетный дворъ, изъ котораго брали необходимыя суммы, обыкновенно подъ видомъ займа; но свидѣтельство, что запасный капиталъ уже истощался, показываетъ, какъ штатсъ-контора платила свои долги. Такъ и въ концѣ 1750 года штатсъ-контора потребовала, чтобъ приказано было отпустить до 300.000 рублей заимообразно съ денежныхъ дворовъ на счетъ отсылаемыхъ туда пошлинныхъ ефимковъ и серебра; а если отпущено не будетъ, то въ расходахъ послѣдуетъ остановка. Съ 1746 по 1750 годъ на монетномъ дворѣ было вычеканено 1.467.145 рублей, въ томъ числѣ полуполтинниковъ 815.645 рублей, гривенниковъ 651.500 рублей; сенатъ приказалъ сдѣлать гривенниковъ еще на 532.855 рублей, чтобы въ случаѣ ихъ недостатка въ размѣнѣ крупной монеты не могло послѣдовать крайней нужды ¹⁴.

Надобно было обратить вниманіе на то, чтобы число плательщиковъ увеличивалось, а не уменьшалось, и чтобы они могли платить. Постановленіе, что новообращенные въ христіанство жители восточныхъ окраинъ освобождались на извѣстный срокъ отъ податей, которыя раскладывались на оставшихся въ язычествѣ или магометанствѣ, это постановленіе должно было вести къ большимъ затрудненіямъ. Въ Казанской губерніи всѣхъ инородцевъ въ подушномъ окладѣ считалось 319.083 душъ, изъ этого числа къ первому января 1749 года крестилось 170.759 душъ, изъ которыхъ минула льгота 30.153 душамъ, а льготы еще не минуло 140.606 душамъ, осталось въ невѣрїи 148.326 душъ, слѣдовательно новокрещенныхъ противъ иновѣрцевъ приходилось больше 22.433 душами, и на этихъ оставшихся въ невѣрїи расположено на вторую половину 1748 года по 53 копейки, и того 79.850 рублей, да доимокъ расположено 379.581 рубль, всего должно было взыскать 459.431 рубль, да съ тѣхъ же оставшихся въ невѣрїи рекруты и лошади взысканы, да и еще слѣдовало взыскать по послѣднему набору. Но сенатъ получилъ донесеніе, что взысканіе скоро произойти не можетъ, многие отъ такого великаго и строгаго взысканія бѣгутъ въ лѣса, о другихъ неизвѣстно, гдѣ они, оставшіеся пришли въ крайнее раззореніе ¹⁵.

Легко понять, что при такихъ обстоятельствахъ съ особеннымъ удовольствіемъ былъ принятъ Сидоръ Тарасовъ Заграб-

скій, явившійся въ 1749 году повѣреннымъ отъ живущихъ въ Польшѣ и Молдавіи русскихъ людей. Онъ просилъ императрицу о прощеніи за побѣги и о позволеніи возвратиться и жить въ миргородскомъ полку на пустыхъ мѣстахъ съ обязательствомъ служить береговую и пограничную службу, какъ служатъ донскіе казаки, или платить сорокаалтынный окладъ, при чемъ Заграбскій объявилъ, что такихъ бѣглецовъ будетъ больше 25.000. Императрица согласилась на ихъ просьбу, но съ тѣмъ, чтобъ они поселились не въ миргородскомъ полку, потому что земли принадлежатъ Малороссіи, а отведутся имъ свободныя земли въ Великой Россіи, въ Бѣлгородской или Воронежской губерніи; которые изъ нихъ захотятъ быть въ купечествѣ, тѣ будутъ положены въ сорокаалтынный окладъ, а кто захочетъ быть въ козацкой или другой какой службѣ, довольствуясь отведенными имъ землями и угодьями, тѣ будутъ опредѣлены по желанію. Кіевскій генераль-губернаторъ Леонтьевъ доносилъ о желаніи другихъ находившихся въ Польшѣ бѣглыхъ Русскихъ перейти въ малороссійскія Быковскія и раскольникыя слободы: и относительно ихъ послѣдовало тоже рѣшеніе ¹⁶.

Перезывали бѣглыхъ изъ-за границы; но принимались ли мѣры о сохраненіи жизни и здоровья оставшихся въ Россіи жителей? Лѣкарей было очень недостаточно; но медицинская контора преслѣдовала самозванныхъ лѣкарей и сенатъ подтверждалъ ея права на это преслѣдованіе. Въ бергъ-коллегію прислана была изъ медицинской конторы промеморія, что въ Москвѣ архангельскій купецъ, раскольникъ Прядуновъ, ходя по домамъ лѣчить людей отъ разныхъ болѣзней нефтью, которою онъ самъ торгуетъ въ Китаѣ городѣ близъ сыскаго приказа у Троицы на Рву въ казенныхъ палатахъ, при чемъ извѣстно, что онъ своимъ неискуснымъ лѣченіемъ нѣкоторымъ людямъ нанесъ вредъ немалый, а иные и жизни лишились; лѣчить онъ не одинъ подлый народъ, но и знатныхъ персонъ, безъ вѣдома и свидѣтельства медицинской канцеляріи въ противность указамъ, а говорить, что по данной ему отъ бергъ-коллегіи привилегіи на нефть состоитъ въ вѣдомствѣ этой коллегіи, и потому бергъ-коллегія прислала бы его въ медицинскую контору. Прокуроръ бергъ-коллегіи Суворовъ настаивалъ, чтобъ этого купца Прядунова немедленно отослать въ медицинскую контору; но колле-

гя отсылать не велѣла. Суворовъ представилъ дѣло въ сенатъ; тотъ велѣлъ отослать Прядунова въ медицинскую контору, а у бергъ-коллегіи запросить, для чего не отослала, презрѣвши предложеніе прокурора. Бергъ-коллегія отвѣчала: не только въ Россіи, но и въ другихъ сѣверныхъ странахъ не слышно, чтобы нефть добывалась, только въ Персіи она есть, и великую прибыль отъ нея тамошняя нація получаетъ; а въ Россіи нефть сыскана стараніемъ и собственнымъ капиталомъ Прядунова недавно; коллегія позволила ему построить нефтяной заводъ, дала привилегію и указъ производить и продавать нефть, потомъ коллегія позволила ему ту нефть привезти въ Москву для передвойки въ лабораторіи, которая устроена для минеральныхъ и всякихъ матеріальныхъ казенныхъ и партикулярныхъ пробъ, а нефть числится въ тѣхъ же минеральныхъ матеріалахъ, и въ томъ заводчикамъ всякіе способы показывать и наставленія по силѣ привилегій и указовъ давать надобно, и хотя онъ изъ лабораторіи вынося нефть продавалъ, и то не въ противность указамъ, ибо отъ этого никакого казеннаго ущерба нѣтъ; какой же отъ прядуновской нефти послѣдовалъ вредъ и даже смертные случаи и кого именно Прядуновъ лѣчилъ, о томъ медицинская контора не объявила, и бергъ-коллегія своего вѣдомства людей, прежде не осмотрясь и не опознавъ, не должна такъ по глухому и неосновательному требованію тотчасъ отдавать и послушать прокурора, какъ только онъ предложитъ, и прокурору все не надлежало правительствующему сенату представлять и въ напрасное затрудненіе приводить; ибо по усмотрѣніи истины и перепискою между собою бергъ-коллегія и медицинская контора могли бы согласиться, постановить и публиковать, къ какому употребленію та нефть пригодна. Къ сему жь бергъ-коллегія представляетъ, что мазаньемъ этою нефтью совѣтникъ бергъ-коллегіи Чебышовъ получилъ разгибаніе перстовъ у руки, о чемъ онъ не разъ коллегіи представлялъ и прокуроръ зналъ; генераль-майоръ Засѣцкій въ рукахъ и ногахъ получилъ движеніе, о чемъ далъ и письмо Прядунову, и отъ другихъ слышно, что также получили пользу отъ нефти, и потому не повелѣноль будетъ медицинскому факультету эту нефть по искусству медицины и химіи экспериментовать, а Прядунову объявлено, чтобъ онъ ея до указа никому не продавалъ; притомъ Прядуновъ по-

4300

далъ въ бергъ-коллегію доношеніе, что свою нефть онъ въ Гамбургъ для пробы посылалъ, и какова она тамъ по пробѣ явилась, о томъ приложилъ присланный ему невѣдомо отъ какого доктора Миллера аттестатъ и просилъ, чтобъ его для поправленія завода отпустить, и впредь позволить добываемую имъ нефть продавать. Сенатъ рѣшилъ дѣло такъ: Прядунова отослать въ медицинскую канцелярію и съ нефтью, относительно продажи конторѣ бергъ-коллегіи сноситься съ медицинскою канцеляріею. Бергъ-коллегія въ этомъ дѣлѣ поступила очень непорядочно: допустила Прядунова жить въ палатѣ, гдѣ ея лабораторія, и онъ тамъ нефть продавалъ; лабораторія не для того учреждена, а для свидѣтельства рудъ и минераловъ; коллегія не отсылала Прядунова въ медицинскую канцелярію и требовала отъ нея извѣстія, кому Прядуновъ вредъ сдѣлалъ, тогда какъ ей не подлежало въ чужія дѣла вступаться, не обратила вниманія на представленіе прокурора и дерзко объ немъ отозвалась, наконецъ и сенатскаго указа не послушала. За такіе непорядочные поступки наложенъ былъ на членовъ бергъ-коллегіи штрафъ вычетомъ изъ жалованья ¹⁷.

Мѣры правительства къ охранѣ народа отъ лихихъ людей по прежнему оказывались недостаточнымъ, по прежнему разбои производились въ широкихъ размѣрахъ. Назначенный для сыску воровъ и разбойниковъ премьеръ-майоръ Горбуновъ доносилъ въ 1749 году, что въ брянскомъ уѣздѣ злодѣи появились, войско на нихъ нападало въ мѣсу и взяло нѣсколько человекъ съ атаманомъ и часть добычи, въ собраніи ихъ было по выходѣ изъ-за польскаго рубежа 14 человекъ; въ апрѣлѣ мѣсяцѣ изъ-за границы прошло въ Россію 17 числа 30 человекъ, 29 числа 15, 30 около 50 и ходятъ по брянскому уѣзду; не малое число такихъ же злодѣевъ находится за границую, собираются идти въ Россію. Это было подлѣ границы; но скоро пришло извѣстіе отъ московской губернской канцеляріи, что въ московскомъ уѣздѣ разбойники жгутъ обывателей въ ихъ домахъ и появились на переяславской, углицкой и александро-слободской дорогахъ; въ 18 верстахъ отъ Москвы по серпуховской дорогѣ убили ассессора Ладыженскаго въ деревнѣ его и домъ его совершенно пограбили. Опредѣленный въ вятской и пермской провинціяхъ для искорененія воровъ и разбойниковъ секундъ-майоръ Еси-

повѣ увѣдомлялъ о появившейся на рѣкѣ Вяткѣ воровской компаніи, и какъ онъ на нее напалъ и имѣлъ съ нею не малую *суктицію*. Сенатъ приказалъ написать Есипову, чтобъ въ искорененіи злодѣевъ имѣлъ крайнее стараніе, а впредь въ доношеніяхъ своихъ такихъ рѣчей, что имѣлъ съ ворами *суктицію* отнюдь бы не писалъ, а писалъ російскимъ діалектомъ. Въ олонецкомъ уѣздѣ поручикъ Глотовъ поймалъ не малое число разбойниковъ, которые показали, что товарищи ихъ живутъ въ каргопольскомъ уѣздѣ въ особомъ лѣсномъ разбойничьемъ стану; для поимки ихъ Глотовъ послалъ партію, которая встрѣтила въ лѣсу двоихъ крестьянъ. Крестьяне эти разсказывали, что по лыжному слѣду дошли они до избы, изъ которой вышли три человѣка и начали звать ихъ въ избу, грозясь убить ихъ если не войдутъ; звѣроловы, войдя въ избу, увидали ружья, рогатины, догадались, куда попали, и подслушали, что разбойники совѣтуются ихъ убить, чтобъ не были на нихъ языками (не донесли на нихъ). Двое разбойниковъ пошли въ баню, а третій остался въ избѣ: тогда одинъ изъ крестьянъ наналъ на него и покололъ ножомъ; послѣ чего оба пошли къ банѣ; заложили двери бревномъ накрѣпко, подошли къ окну и одного моющагося разбойника застрѣлили изъ винтовки, другой началъ ломиться въ двери и когда вышелъ, то и его застрѣлили, переночевали въ избѣ, и утромъ, уходя, сожгли ее безъ остатка, чтобъ другимъ ворами пристанища не было. Крестьянамъ этимъ было одному 20, другому 17 лѣтъ. Сенатъ приказалъ: сдѣлать повальный обыскъ, и если міромъ одобрять крестьянъ, то отпустить ихъ безъ всякаго наказанія. Въ муромскомъ уѣздѣ оказалось большое вооруженное собраніе разбойниковъ.

Приходили извѣстія о разбояхъ особаго рода. Въ 1749 году въ сѣвскую провинціальную канцелярію подалъ прошеніе управляющій имѣніями графини Чернышевой Суходольскій: крестьяне госпожи его—Башкирцевъ, Михайловъ и Кислый съ товарищами, крестьянами разныхъ сель и деревень, человѣкъ до 3000, собравшись наряднымъ дѣломъ, съ ружьями, шпагами, рогатинами и дубьемъ, пришли на заводы госпожи своей Чернышевой—лѣтажскій, лупандинскій и кранивенскій, пограбили хлѣба четвертей до 1000, да вина болѣе 800 ведръ, цѣловальниковъ побили и разогнали; потомъ пришедши въ слободу Бабинецъ, въ

господскій домъ, управителя и людей били смертно, и нѣкоторыхъ убили, домъ пограбили; то же самое сдѣлали въ селѣ Радогощѣ. Шайки все усиливаются и, ходя по селамъ, бьютъ и грабятъ, старость и соцкихъ отъ себя опредѣляютъ. Рыльскій помѣщикъ Поповкинъ собрался съ разбойническою партією, съ безпаспортными и бѣглыми рекрутами, въ числѣ 50 человекъ, пришелъ къ помѣщику Нестерову въ село Глиницы, произвелъ разбой и грабежъ, при чемъ двухъ человекъ убилъ до смерти. Въ 1750 году въ бѣлгородской губерніи была захвачена многочисленная разбойничья партія: воры и разбойники винились во многихъ разбояхъ, воровствахъ, сожиганіи людей и показали на отставного прапорщика Сабельникова, что онъ держалъ разбойную пристань, отпускалъ ихъ на разбой, бралъ долю изъ разбойныхъ денегъ и самъ ѣздилъ на разбой. Поручикъ Иванъ Мушинъ-Пушкинъ подалъ жалобу, что новгородская помѣщица, дѣвица Катерина Дирина, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ морекоей академіи гардемариномъ Ильею и родственниками дворянами Ефимомъ, Мелетьемъ, Тимошеемъ и Агаѣею Дириными, съ людьми и крестьянами, въ числѣ 50 человекъ, пріѣзжала въ деревню его Кукино новгородскаго уѣзда, произвела разореніе и драку, при чемъ убито было двое крестьянъ¹⁸.

Такъ было въ селахъ, преимущественно въ отдаленныхъ мѣстныхъ мѣстностяхъ на сѣверѣ и востокѣ и въ бѣлгородской губерніи, прежней московской украинѣ, издавна извѣстной спокойнымъ характеромъ своихъ жителей. Обратимся къ любопытнымъ явленіямъ въ городахъ. Здѣсь иногда происходили междоусобія между частями народонаселенія. Кирпичники города Коломны, Митяевской слободы, 21 человекъ жаловались на обиды отъ коломенскихъ купцовъ и выпросили, чтобъ дѣло ихъ было разсмотрѣно членомъ отъ главнаго магистрата и членомъ отъ московской губерніи. Но прежде рѣшенія дѣла приписали ихъ къ купцамъ въ посадъ и отдали въ команду подъ магистратъ. Ямщики обратились снова съ жалобою, что въ коломенскомъ магистратѣ, которому они теперь стали подвѣдомственны, ратманами Добычинъ и Бочарниковъ, которые къ нимъ въ Митяеву слободу пріѣзжали и съ прочими купцами дворы ихъ разбивали, ихъ смертельно били и мучили и едва не сожгли ихъ всѣхъ въ домѣ, куда они скрылись въ числѣ 27 человекъ, и пріѣзжали на

ряднымъ дѣломъ, скопомъ и заговоромъ, съ дрекольемъ и пожарными крючьями, у церкви били въ набатъ, пріѣзжало чело-вѣкъ до 200 коломенскаго купечества. Потомъ привезли ихъ въ магистратъ, и сторожь, заковывая кирпичника Колчина въ но-жныя желѣза, убилъ его до смерти; ратманы съ смертными побо-ями начали отъ нихъ требовать, чтобъ показали, что купцы къ нимъ не пріѣзжали, разоренія и пожара не производили и Кол-чинъ въ магистратѣ не убитъ, а взятъ былъ больной и въ ма-гистратѣ умеръ отъ воли Божіей, и кирпичники, видя надъ со-бою безчеловѣчное мученіе, подписались.

Но и подобныя столкновенія въ городахъ происходили пре-имущественно въ прежней украинѣ, въ Бѣлгородской губерніи. Брянскіе купцы—Григорій, Иванъ и Кузьма Кольцовы жалова-лись, что ночью напали на ихъ брата Григорія разбоемъ на большой смоленской дорогѣ брянскаго помѣщика Ивана Зиновье-ева люди и завезли его къ помѣщику во дворъ, въ село Бѣжи-чи, гдѣ Зиновьевъ его билъ и держалъ на цѣпи въ приворот-ной избѣ. По просьбѣ остальныхъ братьевъ Григорій освобожденъ былъ оттуда посланными изъ брянской воеводской канце-ляріи, и по суду здѣсь разбой Зиновьева былъ доказанъ; но онъ, избывая слѣдствія, не подавая жалобы въ Брянскѣ, просилъ въ главномъ магистратѣ на двухъ братьевъ, Ивана и Кузьму, будто бы пріѣзжали къ нему въ домъ и безчестили его. По его чело-битью главный магистратъ опредѣлилъ изслѣдовать дѣло сѣвско-му провинціальному магистрату, и однако дѣло въ Сѣвскѣ не передано, главный магистратъ потребовалъ Кольцовыхъ на судъ прямо къ себѣ, и они принуждены выслать повѣреннаго, посад-скаго Бадулина; а между тѣмъ въ главный магистратъ опредѣ-ленъ оберъ-президентомъ близкій родственникъ Зиновьева Сте-панъ Зиновьевъ. Новый оберъ-президентъ судилъ судъ по род-ству: повѣреннаго Бадулина держали въ цѣпи и желѣзахъ подъ карауломъ, и судныя рѣчи говорилъ онъ въ цѣпи. Иванъ Зи-новьевъ, сообщая съ коллежскимъ ассессоромъ Аванасьемъ Гон-чаровымъ (который купилъ въ Брянскѣ верхнія и нижнія двор-цовыя слободы), началъ дѣйствовать противъ Кольцовыхъ: при-кащикъ Гончарова и люди Зиновьева нападали на нихъ въ го-родѣ и хвалились убить до смерти; Зиновьевъ, захвата посад-скаго Меренкова, который былъ повѣреннымъ Кольцовыхъ, въ

брянской воеводской канцеляріи, билъ его немилостиво и грабилъ, а Гончаровъ жаловался на Кольцовыхъ въ сенатъ, будто они приступали ко двору прапорщика Юшкова, гдѣ скрылись прикащикъ его и крестьяне; потомъ Гончаровъ подалъ въ главный магистратъ прощеніе, что Кольцовы и съ ними 700 человекъ купцовъ приступали къ его конющенному двору и стрѣляли изъ ружья по его крестьянамъ, въ слѣдствіе чего главный магистратъ опредѣлялъ всѣхъ ихъ забрать въ Москву къ слѣдствію. Сенатъ велѣлъ сдѣлать запросъ въ главный магистратъ обо всемъ дѣлѣ и присутствовалъ ли оберъ-президентъ Зиновьевъ при разбирательствѣ дѣла своего родственника. Главный магистратъ тянулъ время, отдѣлываясь всѣми средствами отъ подачи отвѣта сенату, и вдругъ обвинилъ Кольцовыхъ за безпорядки по брянской таможи. Но сенатъ потребовалъ, чтобъ прежде этого новаго дѣла главный магистратъ далъ отвѣтъ по старому; тогда главный магистратъ донесъ, что отвѣтъ надобно писать на гербовой бумагѣ, а Кольцовы не являются въ главный магистратъ и бумаги не даютъ, слѣдовательно отвѣта за недачею гербовой бумаги писать не начемъ. Сенатъ приказалъ: подать отвѣтъ на гербовой бумагѣ, купивъ ее на деньги главнаго магистрата, который взыщетъ потомъ ихъ на Кольцовыхъ.

Но въ то время, какъ главный магистратъ искалъ гербовой бумаги, дѣло разыгрывалось въ Брянскѣ. Гончаровъ жаловался, что у него ушли крестьяне, 21 человекъ; прикащикъ Гончарова, Зайцевъ объявилъ, что бѣглецы живутъ въ городѣ и, стоя по переулкамъ днемъ, нападаютъ на другихъ крестьянъ господина его, бьютъ и рѣжутъ ихъ рогатинами, ножами и кинжалами, отъ чего крестьяне находятся при смерти. Брянская воеводская канцелярія, которой велѣно было сыскать бѣглыхъ, доносила, что военная команда отъ этой поимки отказалась по недостатку людей; магистратъ отказался подъ предлогомъ, что у него съ Гончаровымъ приказныя ссоры по поводу Зиновьева и Кольцовыхъ; бѣглецы крестьяне заперлись на одномъ дворѣ и малою командою взять ихъ никакъ нельзя, хотя канцелярія и оцѣпила дворъ карауломъ. Караульщики донесли, что къ бѣглымъ приходилъ попъ Максимовъ отъ Архангельской церкви съ братомъ Егоромъ и съ брянскимъ купцомъ Коростинимъ, который несъ образъ, и побывши на дворѣ, ушли обратно. Только что эти

ушли, смотря—идеть другой попь Секиотовъ съ образомъ отъ Рождественской церкви, образъ несутъ брянскіе купцы Коростинъ и Сѣриковъ. Канцелярія поручила схватить бѣглыхъ прапорщику Федосѣеву, назначенному для сыску воровъ и разбойниковъ; прапорщикъ донесъ, что ходили къ избѣ, но бѣглые, имѣя при себѣ огненное ружье, копыя и бердыши, взять себя не дали и объявили, что живы въ руки не дадутся; въ то же время и брянскихъ посадскихъ выбѣжало человѣкъ до ста умышленно съ дубемъ, а отъ полицмейстерской конторы опредѣленные на караулъ помощи не даютъ, должно быть по согласію; попы и монахи проходятъ къ бѣглымъ безпрепятственно: еще прошелъ съ образомъ попь Григорій отъ Николая Чудотворца и два монаха брянскаго петропавловскаго монастыря.

Явился для поимки бѣглыхъ рязанскаго полка капитанъ Маховъ и сдѣлалъ распоряженіе—чтобъ легче взять крестьянъ, разломать заборы сосѣднихъ дворовъ; но посадскіе ломать заборовъ не дали и посадскій Коростинъ съ товарищами кричалъ, что если самъ полицмейстеръ или воевода придутъ ломать ихъ заборы, то они ихъ самихъ кольемъ побьютъ до смерти или животы распорятъ ножами; а если капитанъ Маховъ придетъ съ командою и хотя одинъ коль выломаетъ, то самъ на коль посаженъ будетъ; если же кто на дворъ ихъ взойдетъ и овощи потопчетъ, то голову положить. Брянская полиція, съ своей стороны доносила, что она потребовала отъ магистрата, чтобъ онъ собралъ посадскихъ для взятія злодѣевъ, и чтобъ посадскіе ничѣмъ не сужали послѣднихъ: магистратъ отмолчался; тогда полиція прямо обратилась ко всеѣмъ обывателямъ, чтобы подписались въ слушаніи и исполненіи предписанія, но никто подписываться не сталъ, а бѣглые натаскали большія кучи камня и песку, на крыши встали огромныя колоды и повѣсили на веревкахъ: если осаждающіе подойдутъ близко, то стануть метать камнями, сыпать въ глаза пескомъ и съ избъ опускать привязанныя колоды. Маховъ послалъ къ бѣглымъ крестьянамъ капрала Салкова для увѣщанія ихъ и съ вопросомъ, будутъ ли слушать указъ; крестьяне отвѣчали, что указъ слушать будутъ, при чемъ объявили, что приходилъ къ нимъ брянскій воевода и говорилъ: ступайте къ Гончарову, онъ васъ бить не будетъ и станете жить въ домахъ своихъ; а не хотите идти къ Гончарову, то разоидитесь

куда-нибудь, и они ему отвѣчали, что идти имъ некуда. Маховъ, взявши всю свою команду, пошелъ ко двору бѣглыхъ крестьянъ, и, не доходя сажень ста до двора, команду оставилъ и одинъ пошелъ къ бѣглымъ; но они на дворъ его не пустили, и сидятъ всѣ на крышахъ и у заборовъ стоятъ на примощенныхъ лавкахъ, почему принужденъ былъ стоять на улицѣ и увѣщевалъ, чтобъ отдались, въ противномъ случаѣ поступить съ ними какъ съ противниками указовъ, говорилъ болѣе часа, но тѣ никакой склонности не показали, а кричали страшно звѣрскимъ образомъ. Тогда онъ велѣлъ приступить командѣ и читать копію съ сенатскаго указа; крестьяне выслушали и крикнули, что указъ воровской, сенатъ указъ своровалъ и далъ Гончарову за великія деньги, и генералъ команду далъ за деньги же, взявши съ Гончарова до 2000 рублей, да и онъ капитанъ взялъ до 100 рублей или и больше; и приступили они крестьяне къ забору съ ружьями, рогатинами и бердышами и кричали, что если команда будетъ ихъ брать и хотя одного человѣка поворошить или заборъ велитъ ломать, то они всѣхъ перестрѣляютъ и переколютъ, а если силы ихъ не будетъ, то сами себя перерѣжутъ, а живыми въ руки не дадутся.

Маховъ, для устрашенія бѣглыхъ, велѣлъ у сосѣднихъ посадскихъ обывателей разобрать заборы; но хозяева домовъ разбирать заборы не дали и такимъ же свирѣпымъ образомъ на Махова и команду его кричали: если хотя за одну заборню тронутся, или по огородамъ ихъ пойдутъ, то всѣхъ побьютъ до смерти. И опасаясь, чтобъ команды не побили до смерти, Маховъ разбирать заборы не велѣлъ. Бѣглыхъ на дворѣ было человѣкъ 50, да позади ихъ двора на огородѣ посадскихъ съ кольями и дубьемъ человѣкъ до 300, а прочіе, стоя на улицахъ и на кровляхъ домовъ своихъ, кричали необычайнымъ образомъ, угрожая бить команду до смерти. Маховъ увидавъ сообщеніе посадскихъ съ бѣглыми, принужденъ былъ съ командою отступить и поставилъ по концамъ улицы съ двухъ сторонъ двора, гдѣ сидѣли бѣгле, карауль. Нужно было бы поставить карауль на дворѣ Коростина, гдѣ колодезь, изъ котораго бѣгле брали воду; но Коростинъ и посадскій Мамоновъ съ товарищами кричали, что кто взойдетъ на дворъ Коростина, тотъ будетъ убитъ. 300 человѣкъ посадскихъ не дали поставить караула и сзади двора,

говоря, что пришли не командѣ помогать, но охранять свои огороды. Маховъ доносилъ, что находится съ командою своею въ превеликомъ страхѣ и ежеминутно ожидаетъ нападенія; крестьянъ можно взять цѣлою ротою, и то если посадскіе не вступятся. Гончаровъ подалъ просьбу въ сенатъ на послабленіе брянской воеводской канцеляріи: она выпустила двоихъ его бѣглыхъ крестьянъ, которые бѣжали за границу; канцелярія сдѣлала это по злобѣ, ибо ей не велѣно вѣдать его вотчинъ; брянскій магистратъ и жители Брянска бѣглыхъ его крестьянъ держатъ у себя и не отдають; и оставшимся его крестьянамъ дѣлають всякія обиды и разоренія, нигдѣ проходу и проѣзду не даютъ; бѣглые, засѣвшие въ Коростинѣ улицѣ, называютъ свое воровское собраніе комиссіею. Брянчане, по его словамъ, привыкли противиться указамъ и сами хвалятся: у насъ многія комиссіи были и капитанъ Шпорейтеръ съ командою еслибъ въ городкѣ не отсидѣлся, то былъ бы безъ головы, и то дѣло такъ изволочилось, и многія комиссіи, поволочась, отстали. Сенатъ по этимъ донесеніямъ и жалобамъ велѣлъ военной коллегіи послать въ Брянскъ штабъ-офицера, и если крестьяне не сдадутся, то поступить съ ними какъ со злодѣями, но только въ самой крайней нуждѣ.

Здѣсь представляется намъ въ обширныхъ размѣрахъ столкновеніе между сословными частями городского народонаселенія, въ другихъ мѣстахъ встрѣчалось такое столкновеніе въ меньшихъ размѣрахъ: такъ въ Серпуховѣ титулярный совѣтникъ Казариновъ приходилъ многолюдствомъ на дворъ купца Серебренникова, разломалъ заборъ, порубилъ садовыя деревья, разломалъ баню и овладѣлъ огородною землею. Въ Бѣлгородѣ мы видѣли сильное столкновеніе между купцами по поводу выборовъ въ магистратъ, при чемъ главный магистратъ былъ обвиненъ сенатомъ въ неправильныхъ дѣйствіяхъ и штрафованъ. Скоро главному магистрату представился случай привлечь къ слѣдствію враждебнаго ему президента бѣлгородскаго магистрата Андреева. Бѣлгородскій купецъ Степанъ Прокоповъ подалъ жалобу: вмѣстѣ съ купцомъ Есиновымъ требовалъ онъ въ бѣлгородскомъ магистратѣ установленнаго закономъ свидѣтельства къ подряду на поставку провіанта въ днѣпровскій магазинъ. Но президентъ Андреевъ съ товарищами, злобясь на нихъ за то, что они были въ числѣ

тѣхъ, которые не соглашались на избраніе Андреева и товарищей его въ магистратскіе чины, отреклись дать требуемое свидѣтельство, развѣ просители дадутъ имъ за него большую взятку; тогда они, Прокоповъ и Есиповъ принуждены были дать пять векселей, на имя президента Андреева въ 500 рублей, бургомистра Денисова и троихъ ратмановъ на каждаго по 50 руб. Давши взятку, Прокоповъ и Есиповъ донесли объ этомъ въ главный магистратъ и просили объ изслѣдованіи. Главный магистратъ жаловался также на Андреева, что онъ членовъ главнаго магистрата называетъ государственными ворами. Сенатъ велѣлъ изслѣдовать дѣло въ комиссіи о фальшивыхъ векселяхъ.

Мы видѣли, какъ недоставало въ Россіи рабочихъ силъ, какъ онѣ потому были дороги; казна и частные промышленники перебывали другъ у друга рабочихъ, и по этому случаю нижегородскій магистратъ былъ изобличенъ въ насильствѣ. Одного изъ работниковъ, нанявшихся для отправленія корабельныхъ лѣсовъ, президентъ нижегородскаго магистрата Жуковъ билъ батожемъ нещадно, другого вытолкалъ въ шею изъ магистрата; когда били работника, то приговаривали: не нанимайтесь на лѣсныя, нанимайтесь на промышленныя суда! Чтобъ застращать посадскихъ людей, отклонить ихъ отъ найма на лѣсныя суда, Жуковъ нанявшимся на послѣднія давалъ паспорта съ прописью, что имъ въ работѣ быть только на лѣсныхъ судахъ и никому другому ихъ въ работу не принимать. Жуковъ за это присужденъ былъ къ уплатѣ 180 рублей штрафа, бурмистръ 120 р., ратманы заплатили по 50, земскіе старосты по 25.

Воеводамъ трудно было уладиться съ полиціею; двѣ силы сталкивались. Симбирскій полицмейстеръ жаловался, что воевода Колударовъ вступаетъ въ полицейскія дѣла, приказываетъ полицмейстера и команду его ловить, грозитъ его полицмейстера бить кошками и людей его ловить и въ тюрьму сажать и платѣ съ нихъ велитъ обирать; разсылщики Колударова полицейскую команду бьютъ безъ всякой причины, и онъ полицмейстеръ бѣзится для исправленія своей должности боится, чтобъ по старости его не изувѣчили; полицейской должности править не кому, ибо осталось команды три человекъ и тѣ стары и дряхлы; а подъячій одинъ и тотъ престарѣлъ и слѣпъ, копистовъ и пищиковъ нѣтъ, а вольнымъ ходить для письма въ по-

лицейскую контору воевода запретилъ. Полицмейстеръ терпѣлъ притѣсненіе отъ воеводы, а воеводѣ доставалось иногда отъ другой силы. Въ Сѣвскѣ товарищъ воеводы Борноволокъ занимался въ канцеляріи дѣлами, какъ вдругъ присылаетъ къ нему генераль-майоръ Карауловъ, находившійся въ городѣ для рекрутскаго приѣма, и велитъ явиться къ себѣ; Борноволокъ отвѣчаетъ, что занять важными дѣлами, и потому благоволилъ бы генераль требовать по указному порядку отъ провинціальной канцеляріи письменно или хотя и словесно, почему надлежащее исполненіе послѣдовать непременно имѣеть. Тогда Карауловъ прислалъ за нимъ двоихъ унтеръ-офицеровъ съ угрозою, что если не пойдетъ, то пришлетъ команду вытащить его подъ карауломъ. Борноволокъ пошелъ и былъ встрѣченъ ругательствами, съ него сняли шпагу и повели рынками и по улицамъ въ торговый день въ пятницу въ баталіонную канцелярію. Сенатъ велѣлъ судить Караулова военнымъ судомъ.

Отъ описываемаго времени дошло до насъ извѣстіе, въ какихъ домахъ жили губернаторы и воеводы; изъ описанія этихъ домовъ мы можемъ получить нѣкоторое понятіе объ обширности и удобствахъ городскихъ жилищъ въ Россіи въ половинѣ XVIII вѣка. Въ 1749 году камеръ-коллегія подала мнѣніе, что въ губернскихъ городахъ для губернаторовъ строить дома о 8 покояхъ, и залъ былъ бы между угловъ 10 аршинъ, а прочіе покои отъ 8 до 6 аршинъ, три или двѣ избы людскихъ, поварня, два погреба—сухой и ледникъ, баня, сарай для экипажей, конюшня о 12 стойлахъ, канцелярія о 8 покояхъ; въ провинціальныхъ городахъ воеводамъ дома строить о 5 покояхъ, а въ приписныхъ о 4. Сенатъ согласился¹⁹.

Въ описываемое время правительство должно было имѣть дѣло съ движеніемъ рабочихъ на одной изъ самыхъ значительныхъ фабрикъ. Въ 1749 году содержатель суконной фабрики Ефимъ Болотинъ съ товарищами объявилъ, что рабочіе, въ числѣ болѣе 800 человекъ, неизвѣстно съ какимъ умысломъ, оставили суконное дѣло и работать не хотятъ. Мануфактуръ-коллегія спросила оставшихся при дѣлѣ рабочихъ о причинѣ; тѣ объявили, что не знаютъ, заработныя деньги всѣ получаютъ по указу сполна безъ удержанія и работу фабриканты даютъ безпрерывно, на фабрикѣ 170 становъ, при нихъ въ работѣ на-

ходилось болѣе 1000 человекъ. Коллегія всѣмъ присутствіемъ отправила на фабрику для увѣщанія; но возмутители объявили, что они объ обидахъ отъ фабрикантовъ и безпрестанныхъ жестокихъ наказаній подали прошеніе императрицѣ, и пока указа не послѣдуетъ, до тѣхъ поръ на работу не пойдутъ. Всѣ увѣщанія остались тщетны. Тогда пятерыхъ заводчиковъ мятѣжа высѣкли кнутомъ; но и послѣ этого рабочіе объявили, что въ работу не пойдутъ; пошло только человекъ 20, потомъ вступило въ работу еще 286 человекъ; но въ бѣгахъ осталось 586. Сенатъ приказалъ: заводчиковъ смуты бить кнутомъ и сослать въ Рогервикъ; другихъ бить плетми и принудить къ работѣ. Черезъ нѣсколько времени Болотины, ставившіе въ казну по 100,000 аршинъ сукна, объявили, что теперь больше 80,000 поставить не могутъ, ибо по причинѣ московскихъ пожаровъ долгое время работы не было, сгорѣлъ домъ Суровщикова, гдѣ производилась часть суконнаго дѣла, да и на всей ихъ суконной фабрикѣ за уборкою матеріаловъ и припасовъ отъ пожара въ кладовыя палаты и за разломаніемъ нѣкоторыхъ деревянныхъ строеній и въ слѣдствіе того, что у многихъ мастеровыхъ людей сгорѣли дома, работы не производились; кромѣ того они терпятъ недостатокъ въ людяхъ, ибо послѣ ревизіи убыло у нихъ по разнымъ случаямъ болѣе 200 человекъ. Они узнали, что въ гарнизонныхъ школахъ въ Москвѣ и по городамъ солдатскихъ и зазорныхъ дѣтей не малое число, изъ которыхъ многіе не только къ военной экзерциціи, но и къ словесному ученію непонятливы, а жалованье и содержаніе имъ производится: поэтому они, Болотины требуютъ, чтобъ повелѣно было изъ этихъ школъ до 400 человекъ учениковъ, начиная отъ 12 лѣтъ, которые еще для службы молоды, опредѣлить къ ихъ суконной мануфактурѣ; они будутъ получать здѣсь задѣльные деньги, и когда достигнутъ 25 лѣтъ и годны будутъ въ военную службу, тогда ихъ въ нее опредѣлить. По справкѣ оказалось въ московской гарнизонной школѣ (которая раздѣлялась на словесную и письменную науку) триста человекъ, да сверхкомплектныхъ 545, и отъ 400 человекъ, отданныхъ на фабрику, будетъ казнѣ прибыли ежегодно 2841 рубль. Сенатъ согласился.

Въ концѣ 1749 года императрица приказала сенату взять вѣдомости отъ всѣхъ шелковыхъ фабрикъ, могутъ ли онѣ выдѣ-

лать на своихъ фабрикахъ достаточное количество товара, такъ что можно было бы обойтись безъ вывоза шелковыхъ матерій изъ-за границы, потребовать вѣдомости также о золотыхъ и серебряныхъ галунахъ. Сенатъ донесъ, что русскіе фабриканты облизываются дѣлать бархатовъ травчатыхъ и гладкихъ 4590, косматыхъ 1680 аршинъ, итого 6270; штофовъ цвѣтныхъ 9000, гладкихъ 17,080, грезетовъ 49,477, свистуновъ 10,500, тафтъ травчатыхъ и гладкихъ 41,267, гродетуровъ травчатыхъ 400, подкладокъ 500, коноватовъ персидскихъ 1050, кутней персидскихъ 600, лентъ разныхъ сортовъ 196,846 аршинъ, чулковъ сто паръ, платковъ разныхъ цвѣтовъ 49,244, кружевъ персидскихъ 200 косяковъ. По справкѣ обнаружилось, что такихъ шелковыхъ иностранныхъ товаровъ по всѣмъ россійскимъ гаванямъ въ привозѣ было въ 1746 году—бархатовъ гладкихъ въ кускахъ 15,722, слѣдовательно лишняго 9452 аршина, штофовъ 28,887—лишняго 2807 аршинъ, грезетовъ 31,492—меньше 17,985; свистуновъ 4880—меньше 3620; тафтъ 47,965—больше 6290; гродетуру 17028—больше 16628; лентъ съ золотомъ и серебромъ 3 пуда 1½ фунта; кружевъ 16 кусковъ—многимъ меньше; платковъ 14976 дюжинъ и 4 штуки, да флеровыхъ съ золотомъ и серебромъ 79 платковъ—больше 10800, 72 дюжины и 4 штуки; чулокъ 690 дюжинъ съ половиною—больше 681 дюжина; въ 1747 году въ привозѣ эти шелковые товары были противъ 1746 года гораздо меньше, а именно бархатовъ 5655 аршинъ, штофовъ 13846, грезетовъ 15902, свистуну 40 аршинъ; тафтъ 13889; гродетуру 9106 аршинъ; лентъ только флорентовыхъ шесть кусковъ, да цвѣтныхъ и флеровыхъ 7 фунтовъ 56 золотниковъ, а платковъ и кружевъ въ привозѣ уже не было; чулковъ 63 дюжины. Фабриканты плащильнаго, волоченаго и пряденаго золота и серебра объявили, что могутъ удовольствоваться Россію безъ привоза иностранныхъ произведеній. Сенатъ рѣшилъ представить императрицѣ эту вѣдомость съ слѣдующимъ своимъ мнѣніемъ: запретить привозъ тѣхъ продуктовъ, которыхъ производится въ Россіи достаточное количество; остальные привозить къ одному петербургскому порту, чтобъ узнать, сколько тѣхъ шелковыхъ товаровъ еще надобно. Такъ какъ указъ Петра Великаго отъ 31 генваря 1724 года о присылкѣ въ сенатъ ежегодныхъ рапортовъ о состояніи фабрикъ и образцовъ дѣлае-

мыхъ на нихъ товаровъ не исполняется, то послать въ мануфактурь-коллегію указъ о неотмѣнномъ его исполненіи и потребовать отзыва, для чего не исполнялся для положенія штрафа на мануфактурь-коллегію. По просьбѣ шелковыхъ фабрикантовъ велѣть сибирскому приказу вывозить изъ Китая сырецъ при казенномъ караванѣ и отдавать въ мануфактурь-коллегію, которая должна отдавать его на русскія фабрики за наличныя деньги, а не въ долгъ.

По поводу знаменитой ярославской фабрики Затрапезнаго вскрылось дѣло, любопытное по отношенію къ нравамъ времени. Фабрикою завѣдывалъ майоръ Лакостовъ, зять умершаго фабриканта Ивана Затрапезнаго, и завѣдывалъ ею только до совершеннолѣтія малолѣтняго шурина своего Алексѣя Затрапезнаго, котораго онъ, по его выраженію, опредѣлить къ наукамъ для нѣмецкаго языка и ариѳметики. Меньшая дочь покойнаго Ивана Затрапезнаго вышла замужъ за шелковаго фабриканта Данилу Земскаго, который вскорѣ послѣ женитьбы своей началъ подкапываться подъ Лакостова; тотъ подалъ жалобу въ мануфактурь-коллегію, что Земскій шурина своего Алексѣя Затрапезнаго отъ учителя Жилкина изъ школы укралъ, вмѣсто честныхъ наукъ купилъ ему голубей, держалъ его въ домѣ своемъ въ праздности и играхъ два мѣсяца, возилъ его въ Ярославль и, отлуча отъ наукъ, велѣлъ его тамъ оставить безъ всякаго призрѣнія; юноша сталъ развращеннымъ и непристойнымъ, въ самой пагубной праздности ходя по улицамъ въ непристойной одеждѣ, а иногда въ балахонѣ, игралъ съ фабричными ребятами въ бабки. Тотъ же Земскій, въ пріѣздъ свой въ Ярославль на порученную Лакостову мануфактуру, заводилъ между людьми смуту, чтобъ мастера Лакостова не слушали, тещу свою Затрапезнову привелъ къ тому, что она съ того времени говорила: «Все Данилушкино»; а теща эта не въ своемъ умѣ, что извѣстно и мануфактурь-коллегіи. Въ 1744 году по общему согласію другого свояка Балашова, жены его и третьей свояченицы, вдовы Сусанны Болотиной и по просьбѣ самого шурина Алексѣя Затрапезнаго, Лакостовъ опять опредѣлилъ его къ наукамъ, послалъ въ Нарву, а въ 1747 году перевелъ въ Ригу. Земскій отправлялъ нарочно челоуѣка своего въ Нарву и Ригу, чтобъ вторично украсть шурина или выманить, послалъ воров-

ское письмо отъ имени тещи, которая писала, чтобъ безъ благословенія ея не ѣздить за море, куда хочетъ послать его Лакостовъ.

Относительно печальнаго состоянія тещи своей Лакостовъ ссылался на мануфактуръ-коллегію. Дѣйствительно въ этой коллегіи находился рапортъ ассессора ея Меженинова объ осмотрѣ фабрики Затрапезнова: на фабрикѣ товаровъ и наготовленныхъ для ихъ производства матеріаловъ много, но покойнаго Затрапезнова вдова въ постоянномъ своемъ пьянствѣ сильно вредитъ фабрикѣ: запрещаетъ мастерамъ повиноваться зятьямъ своимъ Лакостову и Балашову, называя ихъ людьми посторонними, и твердя, что настоящій господинъ фабрики это ея малолѣтній сынъ и потому она имѣетъ надъ ними власть; мастера, заискивая ея милости, пьютъ постоянно съ нею вмѣстѣ и отъ этого не такъ исправно исполняютъ свои обязанности, а рабочіе люди находятся въ такомъ безстрашіи, что при немъ случилось у нихъ и смертное убійство; на входящихъ для покупокъ на фабрику всякихъ людей вдова Затрапезнова мечется какъ бѣшеная, потому что всегда пьяна, кусаетъ, деретъ, кидаетъ ножами, вилками и всѣмъ, что попадется подъ руку и такимъ образомъ мѣшаетъ приходивъ на фабрику, да и самъ онъ Межениновъ спасенъ былъ отъ ея побоевъ только помощію зятя ея Балашова, ибо она удивительную имѣетъ силу. При немъ же пріѣзжалъ на фабрику сынъ ея и разглашалъ, будто бы фабрика отдается третьему зятю Данилѣ Земскому, и мать его отъ великой любви къ этому зятю своему, безпрестанно повторяетъ: «Все Данилушково!» а молодой Затрапезновъ, хотя по дурному воспитанію своему и по природѣ очень глупъ, однако Лакостова и Балашова ругать, и Земскаго хвалить твердо навывкъ. Несмотря на это донесеніе Меженинова, мануфактуръ-коллегія рѣшила оставить безъ вниманія жалобу Лакостова на Земскаго по поводу писемъ къ молодому Затрапезнову въ Ригу, ибо эти родственныя письма съ приглашеніемъ пріѣхать на свиданіе ничего преступнаго въ себѣ не заключаютъ, вымысловъ и подлоговъ и Лакостову обиды никакой нѣтъ, а если Земскій мѣшаетъ ему въ управленіи мануфактурою, то онъ бы прямо жаловался на это, не примѣшивая постороннихъ дѣлъ; Затрапезный же въ такихъ уже лѣтахъ, что можетъ самъ жаловаться на Земскаго, да и не видно ни откуда, почему бы Лакостовъ долженъ былъ

имѣть большее вліяніе на него, чѣмъ другіе родственники. Тогда Лакостовъ перенесъ дѣло въ сенатъ, который рѣшилъ, что мануфактуръ-коллегія поступила неправильно, не давъ суда Лакостову съ Земскимъ, ибо въ прошеніи первого указаны были преступныя поступки второго, именно выкрадываніе шурина отъ учителя и возбужденіе фабричныхъ и письма въ Ригу дѣйствительно составныя воровскія; опредѣлено за это съ мануфактуръ-коллегіи взыскать штрафъ въ 500 р. ²⁰.

Относительно промышленнаго и торговаго значенія Ярославля замѣчательна слѣдующая просьба, поданная ярославскими и другихъ городовъ купцами, Кузьмою Зеленцовымъ съ товарищами, всего 54 человекъ: при петербургскомъ портѣ главный торгъ юфтяный, а ярославское купечество изстари занимается кожевеннымъ промысломъ, оно же привозитъ къ петербургскому порту воскъ, щетину и русаковъ, т.-е. псевдыбланнныхъ зайцевъ на большую сумму; только отъ непорядочныхъ браковщиковъ иноземцевъ купечество приходитъ въ упадокъ, потому что браковщики все иноземцы, и присяжные ль они или неприсяжные, того русское купечество не знаетъ, да и тѣхъ иностранные купцы посылаютъ не поочереды, не по выбору, по своей волѣ, который браковщикъ угождаетъ имъ, тотъ и бракуетъ, и отъ русскихъ купцовъ о неправильномъ бракѣ представленія и спору какъ иностранные купцы, такъ и браковщики не принимаютъ. При такомъ непорядочномъ бракѣ бѣдный продавецъ принужденъ терпѣть и даетъ браковщику волю, чтобъ онъ, мстя за справедливое представленіе, еще болѣе не охудалъ товара, да и для того: когда иностранный купецъ купить юфти у многихъ русскихъ продавцевъ, а за уменьшеніемъ числа браковщиковъ всего товара скоро не перебракуетъ и въ то время какъ идетъ бракъ, привезутъ къ порту еще юфти, или по заморскимъ извѣстіямъ цѣна упадетъ, тогда иностранные купцы прикажутъ браковщику забраковать ту юфть, которую они купили высокою цѣною; бѣдные продавцы принуждены по неволѣ иностраннаго купца удовольствоваться сбавкою цѣны; если же продавецъ не захочетъ цѣны уменьшить и станетъ продавать другимъ иностраннымъ купцамъ, по согласію ихъ между собою другой иностранный купецъ забракowanego товара какъ негоднаго не покупаетъ и длить время, чтобъ получить наибольшую сбав-

ку цѣны, въ слѣдствіе чего продавцы должны съ горестію продавать, дѣлая не малыя уступки. Если же русскій купецъ станетъ торговать ихъ заморскіе товары, да упомянетъ, чтобъ товаръ перебраковать, то какъ только услышитъ иностранный купецъ это слово, сейчасъ вышлетъ покупателя вонъ изъ анбара, и сдѣлается ему на будущее время непріателемъ и во многія конторы объявить объ немъ, чтобъ ему не продавали, и такъ предъ русскими спѣсиво себя ведутъ, что о правдѣ слышать не хотятъ; особенно разоряютъ небогатыхъ русскихъ купцовъ, которые берутъ у нихъ иностранные товары въ долгъ съ великими въ цѣнахъ передачами и обязываются русскіе товары ставить по контрактамъ низкими цѣнами, отъ чего многіе лишились промысловъ своихъ и впали въ неоплатные долги. Петербургскіе и другихъ городовъ купцы, Солодовниковъ съ товарищи въ прошеніи своемъ написали, чтобъ браковать юфти знающими людьми и представили петербургскихъ куццовъ Бѣлякова и Вавилова, не справясь съ знатными купцами и кожевными промышленниками, и опредѣлили за бракъ юфтей платить русскимъ купцамъ по 2 копѣйки съ пуда, а не такъ какъ при бракѣ пеньки и льна браковщики получаютъ половину съ русскихъ, и половину съ иностранныхъ купцовъ, и отъ такого учрежденія съ обѣихъ сторонъ безопасность. Коммерцъ-коллегія опредѣлила Бѣлякова и Вавилова браковщиками; но они люди незнающіе, объявляютъ негодную кожу съ дырами, но на кожевенныхъ заводахъ всякая кожа дѣлается съ дырами и безъ того обойтись нельзя. Потому ярославскіе купцы просили сенатъ разсмотрѣть дѣло, Бѣлякова и Вавилова отрѣшить, и вмѣсто нихъ опредѣлить изъ ярославскаго купечества Григорія Истомина, знатнаго мастера, да въ товарищи къ нему ярославскаго купца Швылева, а къ нимъ двоихъ иноземцевъ, и привести всѣхъ ихъ къ присягѣ; кромѣ того прислать на гостиный дворъ члена коммерцъ-коллегіи или портовой таможни, собрать браковщиковъ и русскихъ юхотныхъ купцовъ и сообща учредить юфтямъ бракъ порядочный; также учредить бракъ и прочимъ иностраннымъ и русскимъ товарамъ, давши браковщикамъ инструкцію. Сенатъ приказалъ: быть браковщиками юфти Истомину и Швылеву, привести ихъ къ присягѣ, дать инструкцію и сдѣлать все такъ, какъ просили ярославскіе купцы ²¹.

Рѣдко которая коллегія не чувствовала власти сената, отмѣнявшаго ея рѣшенія и налагавшаго денежные штрафы за неправильные, по его мнѣнью, приговоры. Прокуроръ юстицъ-коллегіи Жилинъ донесъ, что въ нѣкоторые дни присутствующіе съѣзжаются въ разные часы, и хотя всё въ собраніи бываютъ, только слѣдственныхъ дѣлъ не слушаютъ, а читаютъ сами положенные передъ ними журналы по дѣламъ о переносѣ изъ города въ городъ и о запискѣ духовныхъ, и въ этомъ чтаніи почти все время проходитъ, пока ударить часъ выходить всѣмъ изъ коллегіи; иные подпишутъ прочтенные журналы, а другіе оставляютъ безъ подписанія, и затѣмъ слѣдственные дѣла понынѣ остаются безъ рѣшенія, да и отъ челобитчиковъ происходятъ въ нерѣшеніи дѣла безпрестанныя докубы. Сенатъ послалъ въ коллегію принести неподписанные журналы; посланный, возвратясь объявилъ, что въ коллегіи присутствующихъ никого нѣтъ; тогда сенатъ послалъ капитана сенатской роты съ приказомъ, что когда присутствующіе въ коллегію съѣдутся, то запоздній пріѣздъ держать ихъ подъ карауломъ безысходно. Совѣтникъ Юшковъ объявилъ, что опоздалъ, потому что въ его домѣ потолокъ провалился. Сенатъ приказалъ: по такой законной причинѣ освободить его изъ-подъ ареста.²²

Въ духовной коллегіи, въ св. синодѣ продолжались также несогласія между членами и оберъ-прокуроромъ. Въ 1749 году князь Шаховской писалъ императрицѣ: «Я не премолчая со оными членами о томъ, что когда усмотря по божескимъ и вашего импер. Величества законамъ въ неисполненіи оставленное ими не послѣлъ тѣхъ производимое, спорю; за то часто не токмо на меня сердятся и многими словами персонально оскорбляютъ, и заочно, уповаю, и жалобы ка меня произносятъ. И тако мнѣ противъ многихъ спорить опредѣленному и разными опасностями окруженному единое только есть спасеніе и покровъ правосудіе и милость вашего импер. величества. А мнѣ бъ то была наивысочайшая милость, когда бъ мои поступки и для соблюденія вашего импер. величества интересовъ ревностныя домогательства и съ синодальными членами не заедино ихъ жалованье и доходы, но также за упущеніе экономическихъ порядковъ и за раздачу въ великовотчинные архіерейскіе дома и монастыри на строеніе, безъ надлежащаго прежде о доходахъ

и остаткахъ отчета, болѣе 40,000 рублей изъ казны вашего импер. величества денегъ, и за несобираніе въ синодъ оставшихся въ епархіяхъ и монастыряхъ послѣ духовныхъ персонъ пожитковъ (въ коемъ числѣ однихъ денегъ и червонныхъ болѣе 20,000 рублей находится) и по прочимъ таковымъ же дѣламъ споры и противъ всѣхъ приносимыхъ на меня жалобъ персонально предъ очьми вашего импер. величества при нихъ самими дѣлами доказать и оправдаться позволено было»²³.

Шаховской могъ указывать также на медленность синода въ исправленіи и изданіи библии, медленность въ дѣлѣ, которое особенно занимало Елисавету, какъ завѣщанное отцомъ. Мы видѣли, что исправленіе библии было поручено архимандриту Иларіону. Оказалось, что въ Теофилактовской (Допатинскаго) исправленной библии во многихъ главахъ и стихахъ текстъ съ текстомъ старой печатной библии и ни съ какими греческими кодексами не согласенъ, иные стихи перемѣнены, другіе дополнены или убавлены, и главы нѣкоторыя начинаются не оттуда, откуда по греческимъ кодексамъ должны начинаться, а по указу Петра Великаго велѣно именно эти несогласія исправить согласно съ греческимъ переводомъ 70 толковниковъ. 17 ноября 1746 года опредѣлили: перемѣны рѣчей у Теофилакта выносить на брегъ (на поля), а старыя рѣчи писать въ текстъ на ряду; что же касается до перемѣны въ разумѣ, также прибавки или убавки стиховъ или перемѣны главъ, то смотрѣть на сдѣланныя выписки изъ разныхъ греческихъ кодексовъ. и если сыщется хотя въ одномъ кодексѣ такъ, какъ въ старой печатной, то оставить такъ и въ томъ разумѣ, какъ въ старой печатной, а если ни въ одномъ изъ греческихъ кодексовъ не сыщется такъ, какъ въ старой печатной лежитъ, то представлять на разсужденіе синода. 9 января 1747 года архимандритъ Иларіонъ подалъ доношеніе, что усмотрѣлъ онъ много въ старопечатной библии такихъ рѣчей и цѣлыхъ стиховъ, которые противны новоисправленной библии, а исправить то по надлежащему невозможно, и притомъ объявляя о своемъ греческаго языка незнаніи и что онъ глазами, трудясь при чтеніи той библии, ослабѣлъ, просить отъ того библейскаго труда увольненія въ Воскресенскій монастырь, гдѣ ему будучи настоятелемъ, и жалованье нынѣ за библейскій трудъ даемое производить. Синодъ опредѣлялъ Иларіо-

на уволить, а изъ Кіева вызвать двоихъ іеромонаховъ, знающихъ греческій языкъ.—Въ экстрактѣ о библейскомъ дѣлѣ, поданномъ императрицѣ, въ концѣ находится замѣчаніе, должно быть оберъ-прокурорское: «И тако св. синода члены отъ порученнаго имъ именными ея императорскаго величества указами библейскаго исправленія сами отбывъ, разнымъ персонамъ оную повѣряя, за разными же сумнительства оное дѣло безконечно продолжаютъ, и жалованье вотще употребилось. А когда и означенные кіевскіе монахи одни токмо безъ искуснѣйшихъ къ тому изъ синодальныхъ членовъ исправленіе бібліи учинять, то по примѣру вышеозначенныхъ премѣнъ чаятельно, что паки и потомъ сумнительства еще какія избобрѣтуть.»

Іеромонахи начали исправлять біблію; показалось долго, и 1-го марта 1750 года синодъ получилъ указъ — печатать безъ всякаго отлагательства. 10 іюля началось печатаніе; 8 сентября новое требованіе, чтобъ синодъ подалъ вѣдомость, въ какомъ положеніи находится печатаніе бібліи? Синодъ доложилъ, что начавшееся 10 іюля 1750 года печатаніе производилось безъ перерыва; что же касается того, въ какое время всѣ пророческія и макавейскія книги могутъ синодомъ быть освидѣтельствованы и исправлены, того показать точно не можно, ибо хотя синодъ о семъ и безиреставное попеченіе имѣеть, но понеже многотрудныя въ нихъ находятся къ разобранію мѣста, каковыя наипаче состоятъ въ пророчествахъ, къ тому же въ синодѣ сверхъ того библейскаго исправленія завсегда происходитъ слушаніе и другихъ многихъ текущихъ и неотлагаемаго рѣшенія требующихъ дѣлъ, не упоминая о епаршескихъ ²⁴.

Изъ дѣлъ, слушаніемъ которыхъ занимался синодъ, замѣтимъ слѣдующія: тверской архіепископъ Митрофанъ жаловался на обиды, причиняемыя духовенству свѣтскими людьми: 1) ржевскій воевода Венюковъ избилъ батогами дьякона Преображенской церкви Барсова; слѣдствіе провинціальною тверскою канцелярією произведено, но рѣшенія нѣтъ; 2) майоръ Свѣчинъ священника Тимоѣева билъ по щекамъ и проломилъ голову тростью, о чемъ провинціальная канцелярія до сихъ поръ слѣдствія не произвела; 3) полицмейстеръ Тарховъ пономаря Григорьева велѣлъ бить плетью, самъ билъ тростью и едва оставилъ жива, слѣдствія не произведено; 4) ржевскій помѣщикъ Юрьевъ билъ

батагами приходскаго своего священника, отъ чего тотъ и умеръ; началось слѣдствіе, Юрьевъ бѣжалъ и до сихъ поръ не сысканъ; 5) ржевскаго уѣзда вотчинникъ капитанъ Новокшеновъ съ людьми и крестьянами прѣѣхалъ къ священнику, билъ его, жену и дѣтей дубьемъ и кольемъ, одного сына увезъ и держалъ пять дней скована; 6) кашинскаго уѣзда села Фроловскаго вотчинникъ гвардіи поручикъ Фамендинъ священника за невѣнчаніе людей его безъ вѣчныхъ памятей билъ по щекамъ и дубиною и принудилъ вѣнчать; 7) старицкаго уѣзда помѣщикъ прапорщикъ Поликарповъ принуждалъ священника вѣнчать крестьянина съ десятилѣтнею дѣвочкою и за неисполненіе пришелъ съ людьми въ домъ его, грозясь убить; священникъ спрятался; тогда Поликарповъ велѣлъ разломать его избу, имѣніе все пограбилъ, дочь и сноху его травилъ собаками. Въ вѣдѣніи синода сенату по поводу этихъ жалобъ было выставлено, что въ свѣтскихъ командахъ по консисторскимъ промеморіямъ слѣдствій не производять, а принуждаютъ обиженныхъ съ обидчиками вступать въ суды по формѣ и за тѣми дѣлами волочиться; а обиженные духовныя особы представляютъ, что они въ суды вступать, бумагу гербовую давать и за дѣлами волочиться по скудости и земледѣльству не въ состояніи, особенно же за отлучкою ихъ отъ церкви въ отправленіи службы Божіей и мірскихъ требъ послѣдуетъ остановка. Сенатъ рѣшилъ: поступить во всѣхъ этихъ дѣлахъ по силѣ указовъ, а требованіе синода, чтобъ обиженныхъ не привлекать къ суду по формѣ, исполнить невозможно.

Синодъ обвинялъ и главный магистратъ въ потачкѣ раскольникамъ. Въ 1749 году синодъ сообщилъ сенату, что въ городѣ Ржевѣ Володимировѣ раскольники выбрали бургомистромъ въ магистратъ купца Чупятова, который хотя въ явный расколъ и не былъ записанъ, но жилъ съ отцомъ своимъ, записнымъ раскольникомъ въ одномъ домѣ и тайно держался раскола, ибо въ церковь никогда не ходилъ. Главный магистратъ утвердилъ Чупятова, который своихъ родственниковъ и прочихъ злыхъ раскольниковъ всячески защищаетъ и живущихъ у нихъ пришлыхъ учителей прикрываетъ. Сенатъ велѣлъ послать въ главный магистратъ указъ объ отрѣшеніи Чупятова. Но въ слѣдующемъ году по тому же поводу синодъ жаловался опять на глав-

ный магистратъ, тверской магистратъ, тверскую и ржевскую провинціальныя канцеляріи: во Ржевѣ при ревизіи записались вновь въ раскольники 187 человекъ, и крестили многихъ православныхъ, дѣтей своихъ, крещенныхъ православными священниками, учать своимъ ересямъ, въ домахъ своихъ имѣють по-таенныя мольбища и держать у себя учителей раскольническихъ старцевъ, старицъ и бѣльцовъ съ Ветки и изъ другихъ мѣстъ; хотя въ 1746 году въ бытность въ Ржевѣ архієпископа Митрофана нѣкоторые, по его увѣщанію, и показали склонными къ обращенію, но предводителемъ своимъ Андреемъ Свѣшниковымъ отъ того были удержаны; хотя этотъ Свѣшниковъ вмѣстѣ съ купцомъ Кудряевымъ и другими и были присоединены къ православію, однако опять возвратились въ расколъ, и ходя по другимъ городамъ и уѣздамъ, разсѣвають лжеученія и развращаютъ простой народъ. Къ защитѣ своей они отыскиали средство въ главномъ магистратѣ, который подтвердилъ указомъ тверскому магистрату не отыскивать ихъ и не отдавать къ слѣдствію въ консисторію, въ слѣдствіе чего подъячіе и канцеляристы ржевской воеводской канцеляріи держатся раскола, несмотря на то, что такимъ, по указамъ, у дѣлъ быть не вѣлѣно. Въ 1747 году было послано изъ консисторіи отыскать раскольничьихъ учителей въ деревняхъ старицкаго уѣзда Чуриловѣ и Васильевской, но бургомистръ, записной раскольникъ Константиновъ, имѣющій у себя раскольничью пристань, вмѣстѣ съ крестьянами смертно прибилъ и ограбилъ этихъ посланныхъ и отбилъ взятую ими женщину съ раскольническими жетайнами, а тверская провинціальная канцелярія ничего за это не сдѣлала.

Другія вѣсти о расколѣ приходили съ сѣвера; въ устюжскомъ уѣздѣ изъ Бѣлослудскаго стана изъ разныхъ деревень сбѣжали тайно ночью крестьяне записавшіеся по послѣдней ревизіи въ расколъ и не записавшіеся, всего 53 человекъ, мужчинъ и женщинъ. За ними погнался прапорщикъ съ солдатами, крестьянами и присланными изъ консисторій священниками; онъ нашелъ бѣглецовъ въ одномъ скиту, въ которомъ съ прежними бѣглецами набралось болѣе 70 человекъ. Бѣглецы изъ окна переговаривали съ священниками, и на всѣ увѣщанія ихъ отвѣчали: «Зачѣмъ пріѣхали, то и творите, а у насъ намѣреніе положено одно, какое сами знаемъ.» Прапорщику присланъ былъ указъ не брать

бѣглецовъ приступомъ, чтобъ не сожглись; но бѣглецы и безъ приступа зажгли скитъ и сгорѣли въ немъ всѣ.

Предметомъ синодскихъ занятій была также цензура книгъ. За неимѣніемъ новыхъ книгъ разбирали старыя, и въ 1749 году велѣно было отбирать книгу: Театронъ или позоръ историческій, переведенную съ латинскаго Гаврииломъ Бужинскимъ и изданную въ 1724 году. Въ слѣдующемъ году, по именному указу, взяты были изъ таможи объявленныя въ ней купцомъ Бузанкетомъ фарфоровыя вещи въ томпаковой оправѣ на подобіе гусиныхъ яицъ, 14 штукъ, съ изображеніемъ на нихъ страстей Христа Спасителя, Богоматери и св. угодниковъ, которыя къ употребленію въ нихъ никакихъ мірскихъ вещей не приличны; императрица приказала отдать ихъ Бузанкету обратно съ такимъ подтвержденіемъ, чтобъ онъ не продавалъ ихъ ни въ Петербургѣ, ни въ другихъ мѣстахъ россійскаго государства подъ тяжкимъ штрафомъ, отправилъ бы ихъ за границу и впредь съ такими изображеніями никакихъ вещей, сосудовъ и прочихъ, которыя кладутся въ карманы, на столы, употребляются для стѣнныхъ уборовъ, онъ и другіе купцы отнюдь не выписывали и не вывозили ²⁵.

Члены синода по прежнему были изъ малороссіянъ; духовникъ императрицы, протоіерей Дубянской былъ малороссіянинъ; фаворитъ Разумовскій былъ также малороссіянинъ. Мы уже говорили, что главнымъ достоинствомъ Елисаветы, несмотря на вспыльчивость ея въ отдѣльныхъ случаяхъ жизни, было безпристрастное и спокойное отношеніе къ людямъ; она знала всѣ ихъ столкновенія, вражды, интриги, и не обращала на нихъ никакого вниманія, лишь бы это не вредило интересамъ службы; она одинаково охраняла людей, полезныхъ для службы, твердо держала равновѣсіе между ними, не давала имъ губить другъ друга. Этому спокойному, безпристрастному отношенію императрицы къ людямъ кн. Шаховской обязанъ былъ возможностью сохранять свое трудное мѣсто, несмотря на сильную набожность императрицы, несмотря на то, что иностранцы уже кричали о чрезвычайномъ вліяніи, данномъ Елисаветою духовенству, несмотря на то, что малороссіяне должны были находить себѣ заступника въ фаворитѣ малороссіянинѣ. Но понятно, что тамъ гдѣ интересъ малороссіянъ и Малороссіи не сталкивался ни съ

какими и ни съ чьими другими интересами, Елисавета охотно должна была выслушивать представленія фаворита и охотно дѣлать все то, что могло содѣйствовать благосостоянію страны, откуда онъ былъ родомъ.

Мы оставили Малороссію предъ восшествіемъ на престолъ Елисаветы, когда главнымъ правителемъ страны былъ генералъ Кейтъ. Мы видѣли, что Кейтъ намекалъ Остерману, что надобно воспользоваться нерасположеніемъ малороссіянъ къ великороссіянамъ и въ число великороссійскихъ членовъ управленія ввести Нѣмца ²⁶. Но планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, Кейтъ скоро понадобился въ Петербургѣ, и Остерманъ назначилъ главнымъ правителемъ Малороссіи своего приверженца изъ Русскихъ — извѣстнаго Ив. Ив. Неплюева. Но и Неплюевъ недолго пробылъ въ Малороссіи. Въ концѣ октября 1741 года пріѣхалъ онъ въ Глуховъ, а 3 декабря пріѣхалъ туда генералъ Бутурлинъ съ манифестомъ 25 ноября о восшествіи на престолъ Елисаветы; Бутурлину было велѣно смѣнить Неплюева, отправить его въ Петербургъ, а самому остаться правителемъ Малороссіи впредъ до новаго распоряженія. Старшина и полковники поднесли за это извѣстіе Бутурлину 2000 рублей и выбрали троихъ депутатовъ — Апостола, Марковича и Горленко для отправленія въ Петербургъ ходатайствовать по малороссійскимъ дѣламъ предъ новою императрицею. Въ январѣ 1742 года депутаты отправились, и наняли себѣ въ Петербургѣ квартиру — пять каменныхъ палатъ въ верхнемъ этажѣ за 14 рублей въ мѣсяцъ; извозчикъ съ парой лошадей стоилъ 40 алтынъ въ день, сани и упряжь свои. Первые визиты были къ генералу Ушакову, продолжавшему завѣдывать тайною канцеляріею и къ канцлеру князю Черкасскому. Затѣмъ слѣдовали другіе вельможи, изъ которыхъ только князь Александръ Бор. Куракинъ, любившій сильно пошировать, угостилъ депутатовъ «напоилъ и накормилъ съ особливою своею похвальною склонностію.» Только на четвертый день депутаты были *по службѣ* у Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, камергера, *нашего* малороссіянина. На шестой день послѣ обѣда были во дворцѣ и имѣли аудіенцію у ея импер. величества, Государыня изволила стоять въ присутствіи дамъ и господъ. Привѣтъ говорилъ панъ полковникъ лубенскій Апостоль; на привѣтъ отвѣтствовалъ тайный совѣтникъ баронъ

Минихъ, обнадеживая милостію монаршею весь народъ, и партикулярно депутатовъ. Послѣ того допущены были къ ручкѣ ея величества.

Депутатовъ ласкали, часто приглашали по вечерамъ во дворецъ на оперы, «гдѣ дѣвки итальянки и кастратъ пѣли съ музыкою.» Бывали у земляка Разумовскаго, у котораго выпивали по 10 бокаловъ венгерскаго; ѣздили въ академію покупать книги, смотрѣли кунсткамеру, глобусъ, бібліотеку и другія диковинки; въ академіи же были на лекціи: профессоръ физики Крафтъ многіе дѣлалъ при нихъ опыты стеклами зажигательными, чрезъ микроскопіумъ композитумъ, чрезъ зажигательные планы, принизъ металльный и деревянный, чрезъ барометръ и гидрометръ. ѣздили смотрѣть слоновъ, львицъ, бобровъ полосатыхъ, медвѣдей бѣлыхъ и другихъ звѣрей и птицъ.

Насмотрѣвшись этихъ диковинокъ въ новой столицѣ, малороссійскіе депутаты въ мартѣ мѣсяцѣ поѣхали въ Москву присутствовать при коронаціи. Здѣсь на третій день по пріѣздѣ отправились въ нѣмецкую слободу во дворецъ къ Разумовскому, который напоилъ ихъ венгерскимъ. Потомъ опять ѣздили во дворецъ къ Разумовскому и удостоились быть у ручки ея величества и милостивыя слова слышать, и подписали; вечерять отправились къ отцу духовнику, также своему малороссіянину. Въ Москвѣ, по поводу коронаціи, начались увеселенія при дворѣ: депутаты ѣздили во дворецъ и были на оперѣ въ оперной залѣ, гдѣ, въ изъясненіе милосердыхъ комитетовъ ея величества, репрезентовалась исторія о Титѣ, императорѣ римскомъ, и составленной на него конжюраціи чрезъ Сикстуса и Лентулуса, съ поущенія Вителліи, дочери убіеннаго Вителлія, которымъ всѣмъ оный императоръ простилъ. Сіе представленіе украшено было декораціею лѣсовъ, площадей, облаковъ, при преизрядномъ пѣніи и при танцахъ экстраординарныхъ. Но для малороссіянъ были особенныя удовольствія: Разумовскій пользовался случаемъ, чтобъ погулять съ своими: сосватается его дворовый человѣкъ на дворовой дѣвушкѣ—Разумовскій позоветъ своихъ на малороссійскую свадьбу и подошьютъ. Воротятся депутаты вечеромъ домой, и тамъ уже ждутъ ихъ дворцовые—слѣпой бандуристъ и пѣвчіе, и начнется куликанье. Поѣдутъ къ архіерею черниговскому, тверскому, все это свои же, и покуликаютъ до-

вольно. И у себя депутаты могли поить и кормить гостей: къ нимъ изъ Малороссіи приходили обозы, привозили горѣлку двойную, анисовую, вишневку, тютюнъ, сало, ветчину, гусей, утокъ, индюковъ, шпено, свѣчи восковыя и салныя, розу варенье, прянички, сыры, пригоняли воловъ, овецъ. Не все куликали: ѣздили въ сенатъ, подавали просьбы по общимъ и частнымъ дѣламъ, ѣздили къ почтмейстеру, вносили по 18 рублей, чтобъ въ слѣдующемъ году получать газеты французскія, амстердамскія, подговаривали иноземцевъ для обученія дѣтей нѣмецкому и латинскому языкамъ за 35 рублей въ годъ²⁷.

Такъ провели малороссійскіе депутаты въ Москвѣ 1742 годъ, въ концѣ котораго отправились домой. А между тѣмъ Разумовскій не былъ прадзень. Еще 13 декабря 1741 года Елисавета, въ свое присутствіе въ сенатѣ указала имѣть разсужденіе, какое малороссійскому народу сдѣлать облегченіе въ податяхъ и въ прочемъ, чтобъ онъ могъ поправиться отъ убытковъ, претерпѣнныхъ въ бывшую турецкую войну въ слѣдствіе пребыванія у него большого войска. 21 мая 1742 года генераль-прокуроръ предложилъ слѣдующія средства облегчить Малороссію: проѣзжіе ничего не должны брать даромъ, сами не должны ставиться на квартиры, а брать какія отведеть имъ мѣстное начальство. Въ 1739 году генеральная войсковая канцелярія запретила прежде бывшій переходъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто, подъ предлогомъ, что отъ этого много народу уходитъ за границу: теперь этотъ переходъ позволить, но смотрѣть накрѣпко, чтобъ побѣговъ за границу изъ Малороссіи и слободскихъ полковъ не было. Печты, учрежденныя во время турецкой войны, свести, а содержать только одну—отъ Глухова по кіевскому тракту. Доимку снять. Сенатъ согласился. Запрещено было также великороссіянамъ закрѣплять за себя малороссіянъ²⁸.

Правителемъ Малороссіи или министромъ, какъ тогда выражались, былъ назначенъ генеральъ Ив. Ив. Бибиковъ. Правительство строго наблюдало, чтобъ льготы малороссійскія сохранялись ненарушимо; но какъ прежде, такъ и теперь сами Малороссіяне просили, какъ милости, нарушенія этихъ льготъ. Такъ одинъ изъ самыхъ видныхъ людей въ Малороссіи, человекъ образованный, или, по крайней мѣрѣ, большой охотникъ до образованія, покупавшій книги русскія и иностранныя, и дѣлавшій изъ

нихъ длинныя выписки, выписывавшій иностранныя газеты и учителей иностранныхъ къ дѣтямъ своимъ, оставившій намъ любопытныя записки, бунчуковый товарищъ Яковъ Марковичъ, котораго въ 1742 году посылали депутатомъ отъ Малороссіи привѣтствовать новую императрицу и ходатайствовать о льготахъ для Малороссіи, —этотъ самый Яковъ Марковичъ, по возвращеніи въ Малороссію, въ 1743 году подалъ просьбу о пожалованіи его за службу чиномъ полковничьимъ на ваканцію. Сенатъ рѣшилъ отказать въ просьбѣ, потому что по пунктамъ, даннымъ гетману Апостолу, велѣно въ полковники выбирать вольными голосами по прежнему ихъ малороссійскому обыкновенію.

Въ Малороссіи, странѣ земледѣльской и бѣдной народонаселеніемъ, вопросомъ первой важности былъ вопросъ объ отношеніяхъ земледѣльцевъ къ землевладѣльцамъ. Мы знаемъ, что издавна въ Малороссіи слышалась жалоба на стремленіе землевладѣльцевъ дѣлать своими подданными или крѣпостными вольныхъ козаковъ. Закрѣпощенные такимъ образомъ крестьяне поднимали иски, добываясь по прежнему въ козаки. Въ 1746 году войсковая канцелярія представила сенату, что по указу Петра Великаго позволено крестьянамъ искать козачества, но отъ этого просождать злоупотребленія: во время войны молчать, а въ мирное время, чтобъ не платить податей и завладѣть панскими землями, начинаютъ отыскивать козачества, затрудняютъ и малороссійскіе суды и сенатъ; являются челобитчики дѣтъ въ 70, и онъ и отецъ его постоянно были въ мужикахъ, а показываютъ, что дѣдъ былъ козакомъ и поставляютъ свидѣтелей моложе себя, которые говорятъ, что отъ отцовъ своихъ слышали, будто челобитчиковъ дѣдъ служилъ въ козакахъ, а въ старыхъ козачьихъ спискахъ его нѣтъ; чтобъ уничтожить такое злоупотребленіе, надобно назначать годовой срокъ, въ который бы все отыскивали козачества, а по прошествіи срока челобитчикамъ отказывать, иначе просьбамъ конца не будетъ; притомъ же мужики принимаютъ такую суровость, что какъ скоро подали челобитье, то уже владѣльцевъ отнюдь слушать не хотятъ, бьютъ ихъ и прикащиковъ. Сенатъ не согласился, запретилъ назначать годовой срокъ. На этомъ основаніи въ слѣдующемъ году 79 челобѣкъ черняговскаго полка били челомъ, что еще Павелъ Полуботокъ и сынъ его завели ихъ себѣ въ подданство; они проси-

ли освобожденія, но справедливости имъ не оказано, только взятками разорены: бригадиръ Ильинъ взялъ съ нихъ куфу горѣлки, полковникъ Тютчевъ 12 рублей денегъ и двѣ куфы горѣлки, подполковникъ Семеновъ два рубля. Сенатъ велѣлъ изслѣдовать дѣло; обвиняемые заперлись, но обвинители присягнули въ правдѣ своихъ показаній, и рѣшено, что надобно взять съ обвиненныхъ за взятки вдвое и отдать обвинителямъ.

Въ 1749 году кievскій губернаторъ Леонтьевъ представилъ въ сенатъ, что великороссійскіе купцы для всенародной пользы просятъ позволенія сидѣть въ Кіевѣ въ рядахъ сообща съ кievскими мѣщанами и врознь всякими товарами торговать; подати у себя въ великороссійскихъ городахъ будутъ они платить бездомочно и кievскому магистрату всякія повинности отправлять; по мнѣнію кievской губернской канцеляріи это слѣдовало позволить, ибо кievскимъ мѣщанамъ отъ этого никакого стѣсненія не будетъ. Но сенатъ, справившись, что въ грамотѣ Петра Великаго запрещено пріѣзжимъ въ Кіевъ торговымъ людямъ сидѣть въ лавкахъ вмѣстѣ съ кievскими мѣщанами и продавать товары въ локти, фунты и золотники, послалъ Леонтьеву выговоръ, что онъ объ отмѣнѣ существующихъ указовъ не долженъ былъ представлять. Еще прежде кievскій магистратъ жаловался сенату, что главный магистратъ привлекаетъ его подъ свое вѣдѣніе, тогда какъ онъ въ вѣдомствѣ главнаго магистрата никогда не бывалъ, и слался на привилегіи, подтвержденныя Петромъ Великимъ. Главный магистратъ объяснилъ, что онъ кievскій магистратъ въ свое вѣдѣніе не привлекаетъ, а посылаетъ для извѣстія указы о пожалованіи разныхъ людей чинами и объ отставкахъ. Сенатъ приказалъ—изъ главнаго магистрата въ кievскій магистратъ никакихъ указовъ не посылать.

Малороссія много пострадала отъ засухи и саранчи; поэтому въ августѣ 1748 года императрица приказала сенату постановить мѣры для облегченія Малороссіи. Призваны были въ сенатъ находившіеся тогда въ Петербургѣ малороссійскіе депутаты и спрошены, не признаютъ ли они полезнымъ въ слѣдствіе недостатка въ хлѣбѣ, запретить малороссійскимъ обывателямъ курить вино; депутаты отвѣчали, что надобно позволить курить вино только духовенству и шляхетству, генеральной и прочей тамошней старшинѣ и выборнымъ козакамъ, потому что они для

винокурения хлѣбъ большею частію покупаютъ, и то противъ наличнаго числа козаковъ половинѣ; а прочимъ рядовымъ козакамъ и подсосѣдкамъ, также мѣщанству и посполитому народу винокурение запретить. Сенатъ согласился.

Великороссійскій офицеръ не могъ позволить себѣ безнаказаннаго насилія надъ малороссіяниномъ: кирасирскій поручикъ Ланской за разграбленіе дома малороссіянина Степанова, за смертельные ему побои, за держаніе жены его въ двухъ колодкахъ, за пытки и мученія племянницы и служительницъ его и постороннихъ пяти женщинъ, лишень былъ всѣхъ чиновъ, наказанъ плетью въ Малороссіи и написанъ въ солдаты ²⁹.

Отъ насилій великорусскихъ офицеровъ легко было доставить безопасность Малороссіянамъ; но и въ Малороссіи точно также какъ и въ Великой Россіи трудно было доставить жителямъ безопасность отъ разбойниковъ. Въ запискахъ одного изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ людей въ Малороссіи находимъ слѣдующее извѣстіе: «Пріѣхалъ въ Сварковъ и засталъ дочь мою старшую, которая объявила, что напали на нихъ въ селѣ Будиловѣ ночью разбойники, взяли ее и пана Стефана, тирански били и начали было пекти (поджаривать) и, побравши всѣ деньги, серебро и проч., ушли за границу ³⁰.» Сильную заботу доставляло правительству Запорожье, какъ разсадникъ разбойничества. Въ 1742 году опредѣлено было посылать Запорожцамъ ежегодно по 4660 рублей, кромѣ того муки по 1000 четвертей да крупъ на то число по пропорціи; пороху и свинцу по 50 пудъ; но Запорожцы не довольствовались этимъ жалованьемъ и рыбными и звѣриными промыслами: они нападали на козаковъ и калмыковъ, посылаемыхъ въ пограничные разъѣзды, отбирали у нихъ лошадей и оружіе. Малороссіяне, ѣздившіе изъ Бахмута въ Черкасскъ, жаловались, что Запорожцы ихъ грабятъ; съ заставы Каменнаго Брода пріѣзжали* донскіе козаки съ жалобами, что на нихъ нападаютъ Запорожцы, и ссылаютъ ихъ съ заставы, объявляя, что рѣка Міусъ въ ихъ владѣніи. Запорожцы, въ свою очередь, жаловались, что донское войско сильно обижаетъ ихъ, изъ рѣкъ Калміуса и Міуса и прочихъ рыболовныхъ мѣстъ отгоняетъ ихъ, запорожскихъ и болоховскихъ козаковъ. Донцы жаловались на большія обиды, грабительства и разоренія отъ Запорожцевъ и просили, чтобъ Запорожцамъ запрещень былъ

въѣздъ въ непринадлежащія имъ мѣста, въ Калміусь, Калчики, Еланчики, и особливо въ Міусь и Темерникъ, также въ морскія косы, довольствовались бы они по прежнему мѣстами, прилегающими къ ихъ сторонѣ между Днѣпромъ и впадающею въ Азовское море рѣкою Бердою; а если Запорожцы на Міусь будутъ зимовать и весною вмѣстѣ съ Донцами *добываться* (промышлять), то изъ Черкаска лошадей въ поле выпустить будетъ некуда, и проѣздъ изъ всѣхъ мѣстъ въ Черкасскъ съ разными припасами всякаго званія людямъ можетъ быть остановленъ. Для размежеванія отправленъ былъ подполковникъ Бильсъ, которому кошевой объявилъ, что письменные документы въ шведскую войну всѣ пропали; надобно было прибѣгнуть къ сказкамъ старожилонъ, но по этимъ сказкамъ обѣ стороны выходили правы. Запорожцы объявили, что они владѣютъ спорными мѣстами недавно, но не самовольно, что у нихъ на то есть грамота, подписанная Ив. Ив. Неплюевымъ, бывшимъ при разграниченіи между Россією и Турцією; но оказалось, что въ этой грамотѣ просто заключалось извѣщеніе Неплюева о заключеніи мира между Россією и Турцією. Сенатъ приказалъ: Запорожцамъ владѣть отъ Днѣпра рѣкою Самарою, Волчьими водами, Бердою, Колчакомъ, Калміусомъ и прочими, впадающими въ нихъ рѣчками и подлежащими къ тѣмъ рѣчкамъ косами и балками по прежнюю границу 1714 года; а отъ рѣки Калміуса Еланчикомъ, Кринкою, Міусомъ, Темерникомъ до самаго Дона и впадающими въ нихъ рѣчками, балками и косами владѣть донскимъ козакамъ; границею быть рѣкѣ Калміусу.

Въ началѣ 1747 года кіевскій губернаторъ Леонтьевъ доносилъ, что въ Запорожьѣ посылаются строгія грамоты о пресѣченіи воровства и разбоевъ, и кошевой съ товариществомъ представлялъ, что онъ со всѣми куренными атаманами и немалою командою рядовыхъ козаковъ ходили врознь партіями по всѣмъ степнымъ рѣчкамъ, лежащимъ при Азовскомъ морѣ, балкамъ, байракамъ и другимъ мѣстамъ для искорененія воровъ, разбойниковъ и другихъ безпаспортныхъ бродягъ, сыскали воровъ Журавля и Калгу съ 20-ю товарищами и повѣсили. Леонтьевъ прибавлялъ, что несмотря на это, запорожскіе казаки не отстаютъ отъ укорененныхъ въ нихъ злодѣйствъ, ибо какъ съ польской стороны, такъ и отъ русскіхъ подданныхъ много жалобъ на ихъ разбой, смерт-

ныя убійства и грабительства. Но, съ одной стороны, надобно было побуждать кошевого, чтобъ онъ преслѣдовалъ разбойниковъ, а съ другой—удерживать, чтобъ онъ не казнилъ пойманныхъ смертію, а сообразовался съ общимъ распоряженіемъ для всего государства. Въ 1749 году шесть человекъ Запорожцевъ въ польскихъ владѣніяхъ разбили Жида, въ чемъ и повинились. Леонтьевъ изъ Кіева отослалъ ихъ въ Запорожье съ приказаніемъ—наказать ихъ жестоко по войсковому обыкновенію, въ присутствіи всѣхъ козаковъ. Кошевой рапортовалъ, что двое разбойниковъ повѣшены, а прочіе публично безъ пощады кievымъ боемъ жестоко наказаны, «ревнуя высочайшимъ ея императорскаго величества указамъ, дабы такое непрерывное воровство прекратиться могло.» Сенатъ велѣлъ послать указъ, чтобъ впредь не казнили, а присылали ему приговоры. Кошевой представилъ, что если не казнить, то воровства и другихъ шалостей искоренить будетъ невозможно. Сенатъ, разумѣется, не принялъ этого представленія. Непрерывное воровство не прекращалось: гайдамаки жили въ зимовникахъ при Ингуль и въ урочищѣ Вербовомъ, числомъ до 3 и до 4 тысячъ. Въ 1750 году военная коллегія доносила, что городъ Изюмъ стоитъ на самой границѣ; за нимъ шатаются многочисленныя разбойничьи партіи изъ Запорожья и нападаютъ на промышленниковъ, проѣзжающихъ въ Торъ и Бахмутъ за солью, а въ Черкасскъ за рыбою, также разоряютъ и обывателей изюмскихъ. Донцы жаловались опять, что Запорожцы нападаютъ на ихъ владѣнія. Сенатъ велѣлъ послать въ Запорожье обычную грамоту, чтобъ тамъ прилагали стараніе объ искорененіи воровскихъ людей. Это было послѣднее распоряженіе сената: 25 октября 1750 года Запорожье поступило въ вѣдѣніе малороссійскаго гетмана ⁵¹.

Мы видѣли, что въ 1744 году Елисавета предпринимала путешествіе въ Кіевъ. Малороссійская старшина опредѣлила выставить 4000 лошадей для проѣзда ея величества; но Алексѣй Гр. Разумовскій писалъ Бибикову, что надобно выставить еще столько же лошадей, да подъ свиту 15,000 и все это надобно собрать съ обывателей. Собирали подводы, но въ то же время собирали и подписи подъ челобитною государынѣ объ избраніи гетмана; впрочемъ не вся генеральная старшина подписалась, а на этомъ основаніи не подписывались и другіе менѣе чиновные

люди. 6 августа Елисавета въѣхала торжественно въ Глуховъ. Около кареты ѣхали старшина и бунчуковые съ обнаженными саблями. Подъѣхавши къ городскимъ воротамъ, Елисавета вышла изъ кареты и приняла поздравленіе черниговскаго епископа Амвросія Дубневича; потомъ она пѣшкомъ отправилась въ дѣвичій монастырь, гдѣ слушала обѣдню и проповѣдь черниговскаго архіерея. Изъ церкви съ тою же церемоніею поѣхала въ министерскій домъ, гдѣ принимала знатныхъ малороссіянъ и слушала поздравительную рѣчь Михайлы Скоропадскаго. Потомъ съѣла обѣдать, а послѣ обѣда забавлялась танцами Малороссіанокъ, польскими и козацкими. На другой день чрезъ Разумовскаго подано было прошеніе о гетманѣ; кромѣ того все полковники, стоявшіе съ полчанами своими на станціяхъ до самаго Кіева, подали такое же челобитье.

5 мая 1747 года сенатъ получилъ указъ — быть въ Малороссіи гетману по прежнимъ тамошнимъ правамъ и обыкновѣніямъ, и онаго во всемъ на такомъ основаніи учредить, какъ гетманъ Скоропадскій учрежденъ былъ. Только въ началѣ 1750 года пріѣхалъ въ Глуховъ графъ Генриховъ, по требованію котораго старшина съѣхалась въ генеральную канцелярію и подписывалась на прошеніи, чтобъ гетманомъ быть брату фаворита, графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому, извѣстному уже какъ президенту Академіи Наукъ. Это было 18 февраля; а ровно черезъ мѣсяць, 18 марта, въ Глуховѣ, въ квартирѣ министерской было собраніе всеѣхъ полковниковъ, бунчуковыхъ товарищей, старшины полковой и сотниковъ; туда же пріѣхали архіереи и все духовенство, и объявлено было избраніе гетмана Разумовскаго, а рядовыхъ казаковъ не было. 22 числа совершилось публичное избраніе. Собрались полки съ музыкою и стали около театра; торжественное шествіе двигалось отъ квартиры графа Генрихова: несли знамя, булаву, бунчукъ, печать, шли старшины, а впереди всеѣхъ ѣхалъ въ каретѣ секретарь съ высочайшею грамотою, по прочтеніи которой графъ Генриховъ спрашивалъ всеѣхъ: кого избирають? и въ отвѣтъ получилъ: графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго. Послѣ этого все отправилась въ церковь, гдѣ слушали проповѣдь и молебствіе ⁴².

Такъ былъ избранъ гетманъ, назначенный въ Петербургѣ. Велио было уничтожить въ Малороссіи казенные конскіе заводы

и фабрик; отозваны были великороссійскіе члены малороссійскаго управленія; Малороссія перешла опять въ вѣдѣніе иностранной коллегіи вмѣсто сената; но гетманъ, воспитанный въ Петербургѣ и за границею, нисколько не напоминалъ старыхъ гетмановъ. Онъ и жена его, урожденная Нарышкина, скучали въ Малороссіи и рвались въ Петербургъ, ко двору; въ одномъ письмѣ, умоляя императрицу позволить пріѣхать ему въ Петербургъ, Разумовскій писалъ, что сырой климатъ Глухова ему страшно вреденъ, что онъ можетъ получить облегченіе въ своей болѣзни только въ благословенномъ климатѣ петербургскомъ³³. При томъ Разумовскій нуждался постоянно въ менторѣ и привезъ съ собою въ Малороссію Григорія Теплова, а Тепловъ стоялъ четверыхъ великороссійскихъ членовъ прежней малороссійской коллегіи.

Возстановленіе гетманства въ Малороссіи не обошлось безъ доноса. Кіевскій генераль-губернаторъ Леонтьевъ прислалъ въ сенатъ письмо, писанное будто бы миргородскимъ полковникомъ Василиемъ Капнистомъ къ Рудницкому, старостѣ чигиринскому отъ 29 февраля 1750 года: «Желаніе мое быть гетманомъ не сбылось, ибо выбрали гетманомъ Кирилла Григор. Разумовскаго не по его должности. Нылѣ, по нашей присягѣ съ шляхтою и ордою, старайся отдать ордѣ въ ясырь заднѣпрскія мѣста отъ Архангельска до устья Тясмина, и для того отъ меня командирами въ заднѣпрскія мѣста отправлены Байракъ и Попатенко, которые ни въ чемъ ордѣ и шляхтѣ противиться не стануть и еще помогать будутъ, а изъ россійской команды я постараюсь, чтобъ ниодинъ оттуда не вышелъ, а самъ буду искать случая, съ гетманомъ гуляючи, смертною отравою его напоить и по немъ гетманомъ быть.» Въ Кіевѣ учреждена была по этому дѣлу особая комиссія, которая признала Капниста совершенно невиннымъ, и за то, что понапрасну держали подъ арестомъ, его произвели въ бригадиры и подарили 1000 червонныхъ³⁴.

Малороссійское народонаселеніе въ XVIII вѣкѣ вытягивалось далеко на востокъ, къ границамъ государства съ степною Азіею, гдѣ Россія мстила кочевникамъ за ихъ прежнія опустошенія, приглашая къ выгодной торговлѣ. Мы видѣли, какъ давно заботились здѣсь о приисканіи и укрѣпленіи мѣста, которое должно было именно быть средоточіемъ среднеазиатской тор-

говля, мы видѣли здѣсь дѣятельность Кириллова, котораго замѣнилъ Татищевъ; при Елисаветѣ мы видимъ здѣсь другого птенца Петра Великаго, Ив. Ив. Неплюева, хорошо известнаго намъ по дипломатической дѣятельности въ Константинополь. Расположеніе Остермана готовило Неплюеву болѣе широкое поприще: мы видѣли, что въ правленіе Анны Леопольдовны онъ былъ назначенъ правителемъ Малороссіи; переворотъ 25 ноября, паденіе Остермана повели и къ паденію Неплюева, какъ креатуры Остермана; но были люди, и прежде другихъ сама императрица, которые считали Неплюева креатурою Петра Великаго и не считали полезнымъ отнять дѣятельность у челоуѣка, отмѣченнаго преобразователемъ. Но оставимъ самого Неплюева рассказывать намъ о своихъ приключеніяхъ.

«Въ исходѣ того года (1741) присланъ въ Глуховъ Александръ Бор. Бутурлинъ, коему повелѣно меня, смѣня отъ всѣхъ должностей, отправить въ Петербургъ, а притомъ публиковать, такъ какъ и во всемъ государствѣ опубликовано было, что всѣ указы, какого бы званія ни были, данные въ бывшее правленіе, уничтожаются и всѣ чины и достоинства отъемяются, и посему я увидѣлъ себя вдругъ лишеннымъ знатнаго поста, ордена и деревень. Приѣхавъ въ Москву, узналъ, что меня обвиняютъ дружбою съ графомъ Остерманомъ; и хотя я ничего противнаго отечеству и самодержавной власти не только не дѣлалъ, не слышалъ, но ей-ей и никогда не думалъ; совсѣмъ тѣмъ сія вѣдомость меня потревожила несказанно. Въ графъ жь Андрей Ивановичъ имѣлъ я всегда моего благодѣтеля, и за что онъ такъ осужденъ былъ, того также, по совѣсти, какъ предъ Богомъ явиться, не вѣдалъ. Возложился на Бога и на мою неповинность и съ тѣми мыслями въ Петербургъ прибылъ и явился у князя Алексѣя Михайловича (Черкаскаго) и у князя Никиты Юрьевича (Трубецкаго), кои мнѣ всегда были благодѣтели. Князь Никита Юрьевичъ сказалъ, чтобъ я ѣхалъ къ принцу Гессенъ-Гомбургскому и ему бы доложилъ о моемъ приѣздѣ, что я и сдѣлалъ. Отъ принца присланъ былъ ко мнѣ приказъ, чтобъ я никуда не съѣзжалъ съ двора, и потомъ увидаль, что въ особо учрежденной комиссіи въ 16 пунктахъ допрашивали графа Остермана: не вѣдалъ ли о семъ Неплюевъ? и онъ давалъ отвѣты, какъ то и подлинно было, что я ни о чемъ не былъ извѣстенъ;

и хотя онъ нынѣ несчастенъ, но я не могу отпереться, что онъ былъ мой благодѣтель и человѣкъ таковыхъ дарованій по управленію дѣлами, каковыхъ мало было въ Европѣ. Въ началѣ 1742 присланъ мнѣ отъ принца приказъ, чтобъ я у двора явился, что я и исполнилъ, и при семъ случаѣ поставленъ я былъ на колѣна предъ церковью въ то время, когда императрица Елисавета Петровна проходила въ оную: она изволила, остановясь, возложить на меня паки орденъ св. Александра Невскаго и пожаловать меня допустить къ рукѣ; я, увидѣвъ дочь государя, мною обожаемаго, въ славѣ ей принадлежащей и въ лицѣ ея черты моего отца и государя Петра Перваго, такъ обрадовался, что забылъ все минувшее и желалъ ей отъ истинной души всѣхъ благъ и послѣдованія ей путемъ въ Бозѣ опочивающаго родителя. Потомъ сдѣлалъ я визиты всѣмъ знатнымъ. Старый мой благодѣтель, Григорій Петровичъ (Чернышевъ) принялъ меня какъ роднаго и всѣ силы употреблялъ къ защищенію моей невинности. Черезъ нѣсколько дней сдѣлана мнѣ отъ сената повѣстка, чтобъ я въ оный явился, гдѣ мнѣ объявленъ имянной указъ, чтобъ ѣхать въ Оренбургскую экспедицію командиромъ.»

Это назначеніе было для Неплюева почетною ссылкою; но благодаря своимъ способностямъ и энергій, онъ на этомъ мѣстѣ служенія своего пріобрѣлъ наибольшее право оставить свое имя на страницахъ русской исторіи, на страницахъ исторіи цивилизации. Область, ввѣренная управленію Неплюева, начиналась за Волгою, гдѣ Самара была обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ командировъ оренбургской экспедиціи. Оренбургъ, о которомъ было столько хлопотъ, который считался оплотомъ Россіи отъ Средней Азіи, представлялъ крѣпость, окруженную заборомъ изъ плетня, осыпаннымъ землянымъ дерномъ; гарнизонъ былъ ничтожный. Въ эту твердыню командиры ѣздили разъ въ годъ съ многочисленнымъ конвоемъ, потому что по всей линіи регулярныхъ командъ никогда не было, кромѣ бѣглыхъ крестьянъ, называвшихся козаками. Зимой сообщеніе между Самарою и яицкою линіею вовсе пресѣкалось. Неплюевъ въ томъ же 1742 году объѣхалъ линію, назначилъ, гдѣ быть селеніямъ и какъ укрѣпить ихъ по правиламъ фортификаціоннымъ и достаточнымъ для обороны отъ степного народа, снабдивъ всѣ эти мѣста гарнизономъ изъ регулярныхъ войскъ, артиллерією и пороховыми ма-

газинами. Оренбургъ онъ переименовалъ въ Орскую крѣпость, назначилъ укрѣпить ее валомъ съ бастионами, но счелъ ее неудобною быть торговымъ средоточіемъ, и выбралъ для этого мѣсто на 250 верстѣ ниже по теченію Яика, основалъ тутъ новую крѣпость и назвалъ ее опять Оренбургомъ. Этотъ Оренбургъ укрѣпленъ былъ ровомъ и валомъ съ каменною одеждою въ окружности безъ малаго пять верстѣ. Неплюевъ приманивалъ туда купцовъ изъ Самары и другихъ мѣстъ разными выгодами, и желая подать примѣръ поселенцамъ въ перенесеніи трудовъ на новомъ, только что обстраивающемся мѣстѣ, жилъ въ землянкѣ, какъ и всѣ другіе, и вошелъ въ новоотстроенный свой командирскій домъ не прежде, какъ и всѣ другіе жители вошли въ свои дома, а гарнизонъ въ казармы, послѣ чего онъ уже не возвращался болѣе въ Самару, или въ Русь, какъ тогда говорили въ Оренбургѣ. Купцы были приманены [въ новую крѣпость торговыми выгодами, и потому надобно было хлопотать о томъ, чтобъ они не обманулись въ своихъ надеждахъ. Неплюевъ сталъ приманивать другихъ купцовъ изъ Россіи, писалъ во всѣ магистраты; съ другой стороны посылалъ приглашать Киргизцевъ, Хивинцевъ, Ташкенцевъ, Кошкарцевъ, Трухменцевъ и Бухарцевъ; въ эту посылку онъ употреблялъ Татаръ Сеитовой слободы, давши имъ хорошія деньги и обѣщавши еще болѣе, если успѣютъ приманить азіатцевъ. Татары исполнили какъ нельзя лучше порученіе, и въ 1745 году въ Оренбургѣ происходила уже значительная торговля ³⁵. Мы уже приводили извѣстія Неплюева объ успѣхахъ этой торговли. Въ 1749 году Неплюевъ писалъ въ сенатъ, что въ прошломъ году русскіе купцы получили въ Оренбургѣ серебра персидскою монетою отъ азіатскихъ купцовъ 71 пудъ 13 фунтовъ; а съ послѣдней половины апрѣля текущаго года прибыло нѣсколько бухарскихъ и хивинскихъ каравановъ, въ которыхъ тамошнихъ обыкновенныхъ товаровъ очень немного, но персидскаго серебра 418 пудъ 22 фунта; а такъ какъ привозныхъ туда изъ Россіи товаровъ только на 140,000 рублей, изъ чего надобныхъ азіатскимъ купцамъ едва достанетъ ли, то по просьбѣ русскихъ купцовъ принужденъ онъ дать имъ на почтовые подводы подорожныя, съ которыми они на своемъ коштѣ отправляютъ нарочныхъ въ Москву и другіе города, чтобъ какъ можно скорѣе еще доставить нужныхъ то-

варовъ въ Оренбургъ; сверхъ того писано въ Казань, чтобъ тамошніе купцы спѣшили туда же съ своими товарами, ибо если однажды русскихъ товаровъ азіатскимъ купцамъ не достанеть, то этимъ они могутъ быть отохочены отъ прїѣзда въ Оренбургъ въ большомъ числѣ. Сенатъ послалъ сказать Неплюеву, что его распоряженіями доволенъ. Скоро Неплюевъ сдѣлалъ другое распоряженіе: изъ привезеннаго азіатцами серебра большую половину взяли астраханскіе купцы за свои товары и повезли въ Астрахань, а такъ какъ тамъ находился портъ, то Неплюевъ писалъ астраханскому губернатору о предосторожности, чтобъ это серебро опять не ушло въ Персію. Сенатъ послалъ указъ въ Астрахань: имѣть крѣпкое смотрѣніе, чтобъ за границу никакого серебра не вывозилось ³⁶.

Неплюевъ не былъ доволенъ малороссійскимъ народонаселеніемъ уральскихъ степей. При императрицѣ Аннѣ вызвано было туда изъ Малороссіи 209 семей, которыя жили сперва на казенномъ содержаніи, потомъ это содержаніе велѣно прекратить, но зато ихъ не употребляли ни въ какіе наряды, никому не давали они подводъ, имѣли право ходить для промысловъ въ русскіе города. Въ 1744 году Неплюевъ представилъ сенату о неспособности Черкасъ: несмотря на данныя имъ льготы они нисколько не поправились, и онъ принужденъ былъ раздать имъ нѣсколько сотъ четвертей казенной ржи, чтобъ нѣкоторые изъ нихъ, особенно малолѣтныя, престарѣлыя и сироты съ голоду не померли. Нѣкоторые изъ нихъ просились поселиться внутри линіи на рѣкѣ Кинели и въ другихъ мѣстахъ ближе къ русскимъ жилищамъ, а другіе желали возвратиться въ Малороссію. Неплюевъ, разсуждая, что отъ жительства ихъ при самой границѣ никакой пользы не предвидится, даже опасно, чтобъ ихъ, неосторожныхъ и слабыхъ людей Киргизы внезапными набѣгами не растаскали, какъ то въ прошломъ году и случилось съ ними не въ одномъ мѣстѣ,—позволилъ поселившимся на Яикѣ, при урочищѣ Разсыпномъ, гдѣ особенно часты бывали воровскіе перелазы, переселиться на рѣку Кинель, о желаніи же другихъ возвратиться въ Малороссію донесъ сенату, требуя его разрѣшенія: сенатъ разрѣшилъ отпустить ихъ на родину, на прежнія мѣста жительства ³⁷. Въ томъ же 1744 году была учреждена Оренбургская губернія, губернаторомъ которой назначенъ былъ

Неплюевъ. Къ новой губерніи отошли всѣ вновь построенныя по границѣ и строящіяся крѣпости съ регулярными и нерегулярными войсками и прочими поселенцами, также двѣ провинціи— Исетская и Уфимская со всѣми башкирскими дѣлами; наконецъ оренбургскій губернаторъ долженъ былъ вѣдать киргизскій народъ и тамошнія пограничныя дѣла ³⁸.

Относительно Сибири и самыхъ отдаленныхъ ея мѣстностей царствованіе Елисаветы началось религіознымъ распоряженіемъ: въ началѣ 1742 года въ камчадалскую землицу опредѣленъ синодомъ для проповѣди слова Божія тобольскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Іосифъ Зинкеевичъ. Въ концѣ года видимъ распоряженіе объ отправленіи туда же архимандрита Хотунцевскаго съ двумя студентами высшихъ школъ, которые должны были обучать новокрещенныхъ дѣтей русской грамотѣ, букварю съ истолкованіемъ божественныхъ заповѣдей и катихизису. Въ Пекинѣ на мѣсто умершаго архимандрита Иларіона Трусова отправленъ былъ для проповѣди слова Божія архимандритъ Гервасій Линцевскій съ іеромонахомъ и іеродіакономъ. Вмѣстѣ съ заботами о хлѣбѣ духовномъ шли заботы о хлѣбѣ матеріальномъ. Съ перваго поселенія Русскихъ въ Сибири до половины XVIII вѣка правительство должно было кормить своихъ служилыхъ людей въ Сибири хлѣбомъ, привозимымъ изъ европейской Россіи. Въ 1746 году сенатъ послалъ указъ о посѣвѣ въ верхъиртышскихъ крѣпостяхъ хлѣба—ржи, овса, ячменя. Сибирскій губернаторъ Киндерманъ донесъ, что въ 1747 году яровой и рожь родились съ прибылью, именно прибыли 4795 четвертей. Весною 1748 года посѣяны хлѣбъ въ тобольскихъ, ишимскихъ, колыванскихъ, кузнецкихъ и тарскихъ линіяхъ. Киндерманъ предлагалъ для успѣха хлѣбопашества завести скотоводство, закупить быковъ, и обѣщалъ, что черезъ два года крѣпости будутъ пробавляться своимъ хлѣбомъ и прекратится убыточная для казны привозка хлѣба въ нихъ. Сенатъ одобрилъ распоряженія Киндермана и опредѣлилъ выдать ему 1000 рублей въ награду ³⁹.

Но не должно думать, чтобъ въ описываемое время на всемъ протяженіи Сибири все спокойно подчинялось русскому правительству, его распоряженіямъ церковнымъ и гражданскимъ. Изъ анадырскаго острога майоръ Павлуцкій доносилъ, что 1746 года въ

мартъ мѣсяцѣ изъ Анадырска ходилъ онъ съ командою на Колымское море для сыску неприятелей Чукчей, которыхъ и нашли въ пяти юртахъ 16 человекъ, и всѣхъ ихъ побили, а другіе тутъ же сами, не хотя идти въ покорность, прирѣзались, женъ и дѣтей своихъ всѣхъ прикололи и повѣсили; Русскіе взяли въ добычу оленей сотъ съ шесть, которые употреблены на пропитаніе служилымъ людямъ; потомъ опять нашли Чукчей, и отбили у нихъ 50 оленей, а самихъ побить не могли, потому что они, приколовъ дѣтей своихъ, бѣжали, а въ погоню за ними по малолюдству команды и по неимѣнію съѣстныхъ припасовъ, послать было нельзя. Лѣтомъ того же года Павлуцкій донесъ, что ясачные Акланскіе и Каменные Коряки измѣнили, убили ѣхавшихъ изъ Охотска священника и при немъ 5 человекъ, также убили семь казаковъ Акланскаго острога, да посланныхъ Павлуцкимъ за разными дѣлами двоихъ сержантовъ, одного пятидесятника, 10 казаковъ, приѣзжали къ Акланскому острогу, стояли подъ нимъ двое сутокъ и убили казака. Въ мартѣ 1747 года Павлуцкій, узнавъ о приближеніи Чукчей, которые разбиваютъ ясачныхъ Коряковъ, взялъ съ собою лучшихъ легкихъ солдатъ и казаковъ 97 человекъ, да Коряковъ 35, отправился на оленяхъ и собакахъ впередъ, и за собою велѣлъ слѣдовать сотнику Котковскому съ остальнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ 202 человекъ. 14 марта Котковскій получилъ извѣстіе, что Павлуцкій 13 числа ночью напалъ на Чукчей при устьѣ рѣчки Орловой на горѣ; Чукчи разбили его и убили, убили также 50 человекъ, ранили 28, взяли ружья, пушку, знамя, барабанъ; Чукчи одолѣли числомъ, потому что ихъ было съ 500 или 600 человекъ, и удобствомъ положенія: Чукчи были на горѣ, а Павлуцкій подъ горою. Посланный на мѣсто Павлуцкаго поручикъ Кекеровъ въ началѣ 1749 года началъ дѣйствовать противъ измѣннившихъ Коряковъ; измѣнники, прирѣзавъ женъ и дѣтей своихъ, человекъ до 30, ушли ночью; Кекеровъ самъ не могъ преслѣдовать ихъ, потому что былъ раненъ изъ ружья; погнавшаяся часть войска настигла ихъ, но они сѣли въ осаду въ пещерѣ, къ которой приступить было нельзя, потому что въ нее ходятъ на ремняхъ. Въ концѣ 1749 года канцелярія Охотскаго порта доносила, что въ недалекомъ разстояніи отъ Ямскаго острога видаютъ неприятелей въ большомъ числѣ. Отправленный изъ Ямскаго остро-

га сержантъ Бѣлобородовъ съ командою для строенія крѣпости доносилъ, что въ іюль 1749 года напали на нихъ непріатели, человекъ 400, бились часа съ четыре; непріатель былъ прогнанъ, но русскіе начли у себя 14 человекъ раненыхъ ⁴⁰.

Эти событія, происходившія въ невѣдомыхъ странахъ, на берегахъ Восточнаго океана, были извѣстны очень немногимъ въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ все вниманіе было обращено на западъ, гдѣ заботливо сторожили движенія опаснаго прусскаго короля и особенно боялись его вліянія въ сосѣдней Швеціи. Система Бестужева, въ основаніи которой лежала мысль, что самый опасный врагъ Россіи есть Фридрихъ II-й, торжествовала; но знаменитый канцлеръ не могъ спокойно наслаждаться ея торжествомъ, ибо число и значительность враговъ его не уменьшались. Осенью 1749 года Елисавета отправилась изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ), гдѣ хотѣла праздновать свои именины (5 сентября); здѣсь она пожаловала въ камеръ-юнкеры родственника графовъ Шуваловыхъ, молодого Ивана Ивановича Шувалова. Это назначеніе было событіемъ при дворѣ; всѣ перешептывались, что это новый фаворитъ, небольшой кружокъ охотниковъ до образованія радовался возвышенію молодого человекъ, котораго видѣли всегда съ книгою въ рукахъ ⁴¹; но не могъ радоваться этому канцлеръ, предвидя, какъ фаворъ Ивана Шувалова усилитъ значеніе враждебныхъ графовъ Шуваловыхъ, Петра и Александра. Значеніе Алексѣя Гр. Разумовскаго повидимому не понизилось, но молодой братъ его, графъ Кириллъ, ходившій на помочахъ своего дядьки Теплова, не раздѣлялъ нисколько пріязни старшаго брата къ канцлеру. Отъ пребыванія двора въ Москвѣ въ 1749 году до насъ дошла любопытная записка канцлера, составленная въ октябрѣ «для всевысочайшаго извѣстія»: «Хотя тогда никто слова не говорилъ, какъ Лестоукъ на обѣдѣ у шведскаго посланника Вульфеншетерна (въ присутствіи пословъ, всѣхъ чужестранныхъ министровъ и здѣшнихъ знатнѣйшихъ) канцлера съ великимъ грубіанствомъ принуждалъ за здравіе ея императорскаго величества предъ всѣми людьми пить; но какъ на прошедшей недѣлѣ въ четвертокъ, т. е. 12 сего октября канцлеръ на новосельи у князя Мих. Андр. Бѣлосельскаго, гдѣ было за столомъ съ хозяиномъ и хозяйкою 20 персонъ, ассессора Теплова принудить хо-

тѣмъ, чтобъ онъ за здоровье графа Алексѣя Гр. Разумовскаго покаръ, который всѣми полонъ пить, полный же выпилъ, то теперь по всему городу уже рассказываютъ, будто канцлеръ Теплова разругалъ, съ великимъ для него (канцлера) прискорбіемъ, что его непріатели (коихъ безъ причины столько же много какъ волосовъ на головѣ) тѣмъ пользуются пожалованный ему отъ ея императорскаго величества изъ первѣйшихъ въ государствѣ чинъ съ такимъ молодымъ человѣкомъ смѣшивать. Канцлеръ однакожъ за излишне поставлялъ бы ея императорскаго величества оправданіемъ своимъ предъ Тепловымъ утруждать; но дабы какъ гдѣ ложно обнесеннымъ не быть, то всенижайше дерзновено приѣмлетъ представить, что канцлеръ, увидя, что Тепловъ въ помянутый покаръ только ложки съ полторы налилъ, принуждалъ его оный полонъ выпить, говоря, что онъ долженъ полонъ выпить за здоровье такого человѣка, который ея императорскому величеству вѣренъ, такъ и въ ея высочайшей милости находится, и отъ котораго ему подлинно много благодѣяній сдѣлано, и что къ чему же въ такія компаніи и ѣздить, буде съ другими наравнѣ не пить. Но какъ Тепловъ грубіяństwo имѣлъ и того не послушаться, то можетъ быть канцлеръ ему и сказалъ, что развѣ онъ хочетъ примѣру церемоніймейстера Веселовскаго послѣдовать, а впрочемъ никакого браннаго ниже оскорбительнаго слова не сказалъ, и въ томъ на всѣхъ безпристрастныхъ изъ оной компаніи ссылается. Что до грубіяństwa Теплова принадлежитъ, то онъ въ томъ уже обыкъ, ибо въ многіе дома незванный пріѣзжалъ, гораздо у прочихъ и старшихъ себя за столомъ мѣсто снималъ, да и дамъ тѣмъ не щадилъ, какъ то особливо Авдотья Герасимовна Журавка надъ собою искусство (опытъ) тому видѣла, когда онъ отнялъ у ней мѣсто въ каретѣ, въ которой она уже ѣхала, такъ что она на улицѣ осталась, о чемъ она сама лучше донести можетъ. А примѣръ Веселовскаго въ томъ состоитъ, что на прощальномъ обѣдѣ у посла лорда Гиндфорта, какъ посоль, наливши полный покаръ, пилъ здоровье, чтобъ благополучное ея импер. величеству государственованіе болѣе лѣтъ продолжалось, нежели въ томъ покарѣ капель, то и всѣ оный пили, а одинъ только Веселовскій полонъ пить не хотѣлъ, но ложки съ полторы, и то съ водою токмо налилъ, и въ томъ упрямо предъ всѣми стоялъ, хотя канц-

леръ изъ ревности къ ея величеству и изъ стыда предъ послами ему по-русски и говорилъ, что онъ долженъ сіе здравіе полнымъ покаяніемъ пить какъ вѣрный рабъ, такъ и потому, что ему отъ ея императорскаго величества много милости показано пожалованіемъ его изъ малаго чина въ столь знатный. Но канцлеръ тогда не хотѣлъ ея императ. величество симъ утруждать, какъ то и нынѣ происшедшее съ Тепловымъ въ молчаніи оставилъ бы, ежели бъ о томъ по городу иначе не толковали, хотя онъ и то и другое изъ усердія своего сдѣлалъ: первое изъ респекта и должности къ ея императ. величеству, а другое по любви къ графу Алексѣю Григорьевичу, а еще паче, что и то респекту противно, чтобъ не хотѣть пить за здоровье такого человѣка, который милость ея императ. величества на себѣ носить ^{42.}»

Несмотря на то, что у Бестужева столько же было враговъ, сколько волосъ на головѣ, онъ былъ еще силенъ въ это время, такъ что самый могущественный врагъ его, графъ Петръ Шуваловъ считалъ иногда нужнымъ сближаться съ нимъ. Такъ осенью 1749 года Воронцовъ объявилъ прусскому министру Гольцу, что сверхъ его ожиданія Петръ Шуваловъ помирился съ Бестужевымъ. Воронцовъ былъ сильно этимъ огорченъ и сказалъ, что приметъ мѣсто посланника при какомъ-нибудь дворѣ, ибо не можетъ бороться съ безпорядкомъ, который царствуетъ въ Россіи и утомленъ преслѣдованіями своего врага. Когда Гольцъ замѣтилъ, что надѣется на милости къ нему императрицы, то Воронцовъ отвѣчалъ, что послѣ паденія Лестока онъ не можетъ болѣе полагаться на самыя священныя обѣщанія императрицы ^{43.} Слабый лучъ надежды блеснулъ было съ другой стороны: Воронцовъ сообщилъ Гольцу, что имѣлъ разговоръ съ Кириллою Разумовскимъ: тотъ открылъ ему, что онъ и старшій братъ его начинаютъ ревновать ко власти канцлера, который имъ очень наскучилъ, и хотя нужно время для поколебанія къ нему довѣрія императрицы, однако они надѣются успѣть въ этомъ въ продолженіе года. Надежда отдалить Разумовскаго отъ Бестужева основывалась еще на томъ, что жена молодого Бестужева умерла и такимъ образомъ порывалась родственная связь между обѣими фамиліями. Но когда Гольцъ предложилъ Воронцову деньги для привлеченія Алексѣя Разумовскаго на свою сторону, то

Воронцовъ отвѣчалъ, что теперь еще не время, что Бестужевъ еще очень силенъ ⁴⁴.

Бестужевъ по прежнему былъ въ силѣ; Воронцовъ по прежнему видѣлъ себя въ опалѣ, и догадываясь, что перлюстрація или вскрываніе депешъ иностранныхъ министровъ должна быть главною причиною опалы, подалъ въ концѣ 1749 года, въ день рожденія императрицы, новое умиловительное письмо: «Уже пятый годъ, всемилостивѣйшая государыня, настоять, какъ я, по несчастливомъ моемъ, однакожъ безвинномъ вояжѣ изъ иностранныхъ государствъ, неописанную и единому Богу свѣдущему болѣзнь, сокрушеніе и горестное мученіе жизни моей препровождаю, лишаясь дражайшей и безцѣнной милости и повѣренности вашего императ. величества. Чрезъ многія мои письменныя и словесныя прошенія утруждалъ я ваше императ. величество о милостивомъ изъясненіи; токмо кромѣ обычно сроднаго милосердаго отвѣта отъ вашего императ. величества не получалъ, что я напрасно только о томъ думаю. Я Сердцевѣдца Бога во свидѣтели представляю и себя на Его страшный и праведный судъ предаю, что какъ до сего несчастнаго моего чина вице-канцлера вашему императ. величеству вѣрный и истинный рабъ былъ, столь болѣе нынѣ въ семъ чину желаю себя достойнымъ учинить вящей высочайшей милости вашего императ. величества. Я никакого пристрастія и ненависти ни къ какому иностранному государю не имѣлъ, не имѣю и впредь имѣть не буду; они все у меня дотолѣ въ почтеніи содержатся, доколѣ къ вашему императ. величеству въ искренней дружбѣ и любви пребудутъ. Сіе всеподданнѣйшее прошеніе побуждаетъ меня чинить рабская моя къ вашему императ. величеству вѣрность и должность пожалованнаго мнѣ чина, ибо чрезъ нѣсколько уже лѣтъ, къ немалому моему пороку, по дѣламъ вашего императ. величества къ докладамъ не удостоенъ. Извѣстная перлюстрація писемъ, которая множествомъ какъ рѣка течетъ, отъ коллегіи скрыта; а понеже довольно вѣдомо, и искусство (опытъ) научило, сколь много въ сихъ письмахъ разныя сумнительныя и ложныя внушенія писаны бывали, то весьма справедливо и нужно для осторожности знать, дабы заблаговременно вашему императ. величеству должное изъясненіе подать. И для того

слезно прошу приказать всѣ оныя письма въ коллегію сообщить, дабы о прошедшемъ основательно вѣдать ^{45.}»

Просьба, какъ видно, не была исполнена. Понятно, что Воронцову очень важно было знать о прошедшемъ; что же касалось настоящаго, то перлюстраціи теряли свое значеніе. Наиболѣе возбуждавшими опасенія были депеши французскаго и прусскаго министровъ; но съ Франціею дипломатическія сношенія прекратились, съ Пруссіею готовы были прекратиться.

Въ мартѣ 1749 года австрійскому послу графу Бернесу собщена была промеморія: «Никакъ понять не можно, для чего бѣ король прусскій въ такое время, когда вся Европа вождельнымъ покоемъ паки пользуется и ничего непріятельскаго опасаться не имѣеть, такія великія военныя приготвленія, сильныя рекрутскіе наборы, знатное умноженіе своей арміи предпринимаетъ. Ласкательное мнѣніе, которое онъ иногда имѣлъ бы, чтобъ шведскую Померанію себѣ присвоить, а напротивъ того Швеціи къ завладѣнію эстляндскаго и лифляндскаго герцогствъ вспоможеніе показать, одно достаточно отъ его къ нѣкоторымъ незапнымъ предпріятіямъ пріуготовить. Кончина нынѣшняго короля шведскаго и тайно замышляемая, а, можетъ быть, уже постановленная премѣна тамошней формы правительства королю прусскому уповательно, по его исчисленію, наилучшій поводъ подать могутъ дальновидными его опасными намѣреніями. Коль весьма римская императрица-королева притомъ интересована находится, оное очевидно есть, ибо легко понять можно, что ежели бы Швеціи, съ помощію Пруссіи, введеніе самодержавства удалось, то бы оная тогда съ Франціею и Пруссіею въ главныххъ дѣлахъ весьма великую инфуенцію получила, вмѣсто того, что Швеція при нынѣшней формѣ правительства всегда связанными руки имѣеть и за весьма слабое и негодное орудіе ея союзниковъ признаваема быть можетъ» ^{46.} Тогда же Кейзерлингъ доносилъ изъ Берлина, что министръ Подевилльсъ, по королевскому приказанію, сдѣлалъ ему такое заявленіе: носится слухъ, что въ Швеціи нѣкоторые думаютъ измѣнить нынѣшнюю форму правленія и опять ввести самодержавіе; его величество очень хорошо знаетъ свои интересы и ясно предусматриваетъ, какое вліяніе будетъ имѣть шведскій переворотъ на эти интересы, и потому такого предпріятія онъ

не дозволить, тѣмъ менѣе станетъ ему способствовать; онъ же велѣлъ дать знать шведскому кронпринцу, чтобъ тотъ отвергнулъ подобныя проекты, еслибъ они ему были предложены и никоимъ бы образомъ не вмѣшивался въ это дѣло, которое не можетъ имѣть никакого успѣха. Сдѣлавши такое заявленіе относительно Швеціи, Подевильсъ началъ объяснять прусскія вооруженія: король, говорилъ онъ, ничего такъ не желаетъ, какъ сохраненія всеобщаго спокойствія;¹ но такъ какъ всѣ его сосѣди ревностно вооружаются и дѣлаютъ такія распоряженія, къ которымъ приступаютъ обыкновенно наканунѣ войны, то благо-разуміе требовало позаботиться и о своей безопасности. Вотъ единственная причина, заставляющая короля готовить свои войска на всякій случай, впрочемъ же онъ будетъ слѣдовать своимъ неизмѣннымъ чувствамъ, заставляющимъ его соблюдать драгоцѣннѣйшую дружбу ея импер. величества. На отпускнуой аудіенціи Кейзерлингу самъ король повторилъ всѣ эти заявленія.

Гроссъ, назначенный, какъ мы видѣли, на мѣсто Кейзерлинга, началъ свои донесенія тѣмъ, что вооруженія прусскаго короля внушены страхомъ предъ вооруженіями Россіи и Австріи, что онъ самъ никакъ не рѣшится начать войну, и что военныя приготовления, сдѣланныя Россією, представляютъ лучшее средство удержать прусскаго короля и шведское министерство отъ всякихъ нововведеній. Въ концѣ марта Подевильсъ увѣрялъ австрійскаго посланника графа Хотека и секретаря датскаго посольства, что его король теперь въ сѣверныя дѣла ни прямо, ни косвенно вмѣшиваться не хочетъ, развѣ только для ихъ мирнаго улаживанія; для отнятія всякаго подозрѣнія король даже откладываетъ свою поѣздку въ Пруссію. Въ апрѣлѣ Гроссъ уже доносилъ, что военныя приготовления въ Пруссіи день ото дня ослабѣваютъ, ибо въ Швеціи не предполагается никакихъ перемѣнъ, которыя не могли бы произойти безъ помощи Франціи, а Франція нуждается въ покоѣ.

1750-й годъ начался неудовольствіями. Манifestъ императрицы, чтобъ всѣ офицеры изъ остзейскихъ провинцій, находившіеся въ чужестранной службѣ, оставили ее и возвратились въ Россію, былъ очень дурно принятъ въ Берлинѣ. Въ началѣ января Гроссъ далъ знать, что эстляндецъ Деколонгъ, пріѣзжавшій къ нему тайно изъ Потсдама, тотчасъ по возвращеніи, по ко-

ролевскому указу, былъ взятъ подъ карауль. «Это можетъ служить доказательствомъ, писалъ Гроссъ, что король не только хочетъ задержать силою русскихъ подданныхъ въ своей службѣ, но и по усиливающейся день ото дня подозрительности своей, онъ пресѣкъ чужестраннымъ министрамъ почти всѣ сношенія съ своими подданными и съ находящимися въ его службѣ людьми.» Черезъ нѣсколько времени послѣ этого Гроссъ собрался съѣздить въ Потсдамъ посмотрѣть новопостроенный королевскій замокъ Сансуен; но получилъ отъ Подевильса, *дикое*, какъ выражается Гроссъ, письмо, въ которомъ давалось знать, что король не желаетъ этого посѣщенія, послѣ того, какъ открыта его Гроссова переписка—съ офицерами прусской арміи и даже съ тѣми, которые находятся въ потсдамскомъ гарнизонѣ. Переписка эта состояла въ циркулярѣ къ лифляндскимъ и эстляндскимъ офицерамъ, чтобъ они, въ исполненіе воли императрицы, взяли отставки изъ прусской службы.

13 мая Подевильсъ вручилъ Гроссу слѣдующую декларацию: «Сохраненіе спокойствія и тишины на Сѣверѣ такъ важно для короля, что онъ не можетъ далѣе откладывать дружескаго объясненія съ русскимъ дворомъ на счетъ тучъ, скопившихся съ нѣкотораго времени и грозящихъ этому спокойствію. Король съ горестію видѣлъ, что императрица была встревожена предполагаемою переменою въ шведской формѣ правленія, и это повело между русскимъ и шведскимъ дворами къ объясненіямъ о предметѣ чрезвычайно деликатномъ для каждаго независимаго государства. Потомъ король съ истиннымъ удовольствіемъ увидѣлъ, что въ Швеціи приняты были всѣ мѣры для удаленія малѣйшаго подозрѣнія со стороны русскаго двора. Но король къ сожалѣнію былъ обманутъ въ своихъ надеждахъ новымъ мемуаромъ графа Панина, поданнымъ въ прошломъ январѣ, гдѣ опять поднятъ тотъ же вопросъ, на который Швеція должна отвѣчать согласно съ правилами своей независимости и своимъ достоинствомъ. При такомъ положеніи дѣлъ король не можетъ удержаться отъ настоятельной и дружественной просьбы, чтобъ императрица всероссійская отложила всякое дальнѣйшее объясненіе и прекратила дѣло, послѣдствія котораго могутъ погрузить Сѣверъ въ страшныя смуты. Король обязанъ это сдѣлать какъ по желанію спокойствія на Сѣверѣ, такъ и по союзному

договору съ Швеціею, которую онъ долженъ защищать въ случаѣ нападенія на нее.»

Легко понять, какъ не понравилось это объявленіе при русскомъ дворѣ, а 7-го августа Гроссъ донесъ о «презрѣніи своего характера:» по приглашенію онъ вмѣстѣ съ другими иностранными министрами поѣхалъ въ Шарлотенбургъ на представленіе въ придворномъ театрѣ. По окончаніи представленія въ той же галлерей, гдѣ оно происходило, приготовленъ былъ большой столъ и Гроссъ видѣлъ, какъ король, подозвавши къ себѣ адъютанта, приказывалъ ему кого пригласить къ ужину; адъютантъ пригласилъ министровъ французскаго, датскаго и шведскаго, но обошелъ австрійскаго и русскаго, и послѣдніе отправились черезъ садъ къ своимъ экипажамъ, чтобъ возвратиться въ Берлинъ. На дорогѣ нагоняетъ ихъ тотъ же адъютантъ и приглашаетъ австрійскаго министра къ ужину; такимъ образомъ исключенъ былъ одинъ Гроссъ. Въ слѣдъ за тѣмъ всѣ другіе иностранные министры были приглашены во дворецъ на балъ и ужинъ, къ одному Гроссу прислано было приглашеніе только на балъ. Гроссъ послѣ того пересталъ ѣздить ко двору, гдѣ оказали полное равнодушіе къ его отсутствію. 6-го ноября онъ далъ знать, что приглашенный петербургскою академіею наукъ профессоръ астрономіи Гришау внезапно арестованъ въ своемъ домѣ и содержится подъ карауломъ, который никого къ нему не допускаетъ. Распускалось такое обвиненіе, что онъ, отправивъ часть своего имущества въ Россію, переслалъ и карты прусскихъ провинцій; но по мнѣнію Гросса его задержали только за то, что онъ хотѣлъ уѣхать въ Россію.

Въ октябрѣ Бестужевъ поднесъ императрицѣ докладъ съ прописаніемъ оскорбленій, нанесенныхъ Гроссу; докладъ оканчивался такъ: «Коллегія иностранныхъ дѣлъ въ разсужденіи такихъ короля прусскаго акредитованному отъ вашего импер. величества министру учиненныхъ презрительныхъ поступковъ и показанной чрезъ то весьма чувствительной *образы* (оскорбленія) предъ другими чужестранными министрами, всенподданвѣйше представляетъ, не соизволите ли ваше импер. величество для предупрежденія всего того и чтобъ долге ему Гроссу такихъ предосудительныхъ уничтоженій показывано не было, повелѣтъ его оттуда сюда отозвать.» Рескриптомъ отъ 25 октября Гроссъ былъ

отозванъ, при чемъ ему приказывалось не объявлять прусскому министерству ни о причинѣ его отъѣзда, ни о возвращеніи своемъ назадъ въ Берлинъ, ни о томъ, что кто-либо другой будетъ присланъ на его мѣсто. Послѣднимъ порученіемъ, возложеннымъ на Гросса отъ его двора, было—уговорить знаменитого математика Эйлера къ возвращенію въ Россію. 29-го октября президентъ академіи наукъ графъ Разумовскій получилъ отъ канцлера письмо: «Ея импер. величество всемилостивѣйше изволила указать вашему сіятельству объявить, чтобъ изволили къ бывшему въ здѣшней академіи профессоромъ Эйлеру отписать, не похочетъ ли онъ паки сюда возвратиться и въ здѣшнюю службу вступить, обнадеживая его особеннымъ ея импер. величества благоволеніемъ, и что ему всякія всевозможныя снисхожденія и выгоды дозволены будутъ.» Въ этомъ смыслѣ Разумовскій написалъ Эйлеру: «Вы совершенно увѣрены быть можете, что сіе всевысочайшее соизволеніе ея импер. величества не токмо вамъ, но и вашей фамиліи (ежели бы Богу угодно было жизнь вашу пресѣчь) быть можетъ съ немалымъ авантажемъ, потому что вы имѣете теперь случай заключить все то въ кондиціи, чего покой вашъ требуетъ, на прежнія же кондиціи, о которыхъ я вамъ неоднократно писалъ при вступленіи моемъ въ правленіе академіи, прошу не взирать, а сочинить такія, которыя къ вашему и вашей фамиліи совершенному удовольствію служить бы могли.» Другое письмо Разумовскій написалъ къ Гроссу: «Изъ приложеннаго при семъ къ г. Эйлеру письма подъ открытою печатью усмотрѣть изволите, сколь необходимо надобно, чтобъ помянутый господинъ профессоръ паки возвратился въ службу ея импер. величества. Хотя всѣ наисильнѣйшія обнадеживанія въ письмѣ моемъ я ему изъяснилъ къ принятію сего предложенія: однакожь ежели вы за благо что усмотрите словесно дополнить, то прошу надежно ему то учинить и ничего не оставить въ персвазіяхъ вашихъ, чтобы могло споспѣшествовать въ семъ дѣлѣ. Онъ человекъ по причинѣ многочисленной фамиліи своей немалый экономъ, и для того въ семъ случаѣ наибольше интересъ будетъ дѣйствовать. Однакожь, что касается до спокойнаго житія его въ Россіи, яко то: свободностей полицейскихъ дому его, буде пожелаетъ имѣть собственный, то все по предписаннымъ отъ него кондиціямъ дозволено

и наблюдено будетъ, однимъ словомъ, онъ добрую теперь имѣетъ оказію учредить себя, фамилію и домъ свой наилучшимъ образомъ, и чего самъ къ спокойному житію предостеречь себѣ не можетъ, а персонально мнѣ по приѣздѣ объявить, въ томъ я ему буду прилежный помощникъ. Должность же его не иная будетъ при академіи, какъ только быть профессоромъ высшей математики, лекцій публичныхъ не читать и никого безъ произволенія своего не обучать, кромѣ двухъ или трехъ ему приданныхъ адъюнктовъ россійскихъ, и то въ часы свободные отъ трудовъ и произвольно.»

Гроссу не удалось уговорить Эйлера къ возвращенію въ Россію ⁴⁷.

Прекращеніе дипломатическихъ сношеній между дворами петербургскимъ и берлинскимъ было, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ шведскихъ дѣлъ, ибо Фридриха II преимущественно раздражали рѣшительныя дѣйствія русскаго посланника въ Стокгольмѣ, а Бестужевъ спѣшилъ пользоваться раздраженіемъ Фридриха II, чтобъ избавиться отъ присутствія въ Петербургѣ прусскаго посланника, опаснаго ему по сношеніямъ съ его врагами. Тѣ же шведскія дѣла вели къ столкновенію и обмѣну неприятныхъ нотъ съ *любимымъ* теперь въ Петербургѣ кабинетомъ вѣнскимъ: Россія требовала отъ него также рѣшительныхъ заявленій на счетъ шведскихъ дѣлъ, а въ Вѣнѣ уклонялись. Мы видѣли, что русскимъ посломъ сюда былъ назначенъ графъ Михайла Петр. Бестужевъ; Ланчинскій оставался нѣсколько времени при немъ съ прежнимъ значеніемъ, но скоро умеръ. Кромѣ шведскихъ дѣлъ, къ которымъ оба двора относились не съ одинакимъ интересомъ, Мих. Петр. Бестужевъ-Рюминъ имѣлъ отъ своего двора еще одно деликатное порученіе. Въ концѣ 1749 года онъ получилъ такой рескриптъ императрицы: «Явился здѣсь въ Москвѣ изъ Трансильваніи протопопъ Николай Баломери и въ нашемъ синодѣ подалъ прошеніе, что онъ присланъ сюда отъ елира и народа трансильвано-волошкаго просить милостивой защиты православнымъ христіанамъ въ вестерпимыхъ бѣдахъ и гоненіяхъ, претерпѣваемыхъ ими за непринятіе уніи съ римскою церковью. Изъ поданныхъ имъ бумагъ, къ вамъ пересылаемыхъ, вы увидите, что издавна и до самого царствованія императора Леопольда они пользовались совершенною свободою

относительно вѣры и отправления богослуженія, имѣли собственныхъ греческой вѣры епископовъ и священниковъ безъ всякаго ограниченія и принужденія къ уни; но вдругъ явились отъ папы римскаго духовныя особы подъ именемъ богослововъ, которыя сдѣлали распоряженія къ приведенію народа въ унию, также и отъ нынѣшней императрицы объ этомъ нѣкоторыя указы послѣдовали. Вы, разсмотря все это, прежде всего обстоятельно навѣдайтесь, подлинно ли протопопъ Баломири посланъ сюда отъ всего народа съ просьбою о защитѣ, и точно ли трансильвано-волошскій народъ находится въ такихъ обстоятельствахъ, какъ онъ объявляетъ, и если окажется, что подлинно, то вы можете надлежащій меморіаль сочинить и подать министру императрицы королевы; въ этомъ меморіалѣ вы будете домогаться, чтобъ они по прежнему были оставлены въ греческой вѣрѣ безъ всякаго притѣсненія. Вы обратитесь къ справедливости и великодушію императрицы, укажите, что въ ея областяхъ, во всѣхъ государствахъ и въ нашей имперіи находятся разныхъ націй и религій люди и церкви, и къ перемѣнѣ вѣры не принуждаются. Впрочемъ отдается на ваше благоусмотрѣніе, подавать меморіаль или объясниться устно.»

Только въ іюнѣ 1750 года Бестужевъ могъ отвѣчать императрицѣ на этотъ рескриптъ. По дальнему разстоянію и по малому числу пріѣзжающихъ изъ Трансильваніи онъ еще не узналъ, дѣйствительно ли протопопъ Баломири посланъ отъ всего народа; но узналъ другое, что прошлаго лѣта пріѣзжали изъ Трансильваніи депутаты съ жалобою на религіозныя гоненія и возвратились назадъ безъ всякаго удовлетворенія. Потомъ приславы были оттуда же монахъ и приходскій священникъ, которые самой императрицѣ подали жалобу на притѣсненія отъ униатовъ: православныхъ, которые унию принять не хотятъ, напрасно бьютъ, поносятъ, отнимаютъ насильно ихъ имущества, сажаютъ въ тюрьмы безвинно, двойныя подати берутъ, на церкви налагаютъ оброки и не допускаютъ въ нихъ службу совершать, отъ чего уже съ шесть лѣтъ младенцы безъ крещенія, старыя и взрослые безъ исповѣди и приобщенія остаются, а умершія тѣла безъ отпѣванія просто въ землю зарываютъ. До сихъ поръ еще нѣтъ никакого рѣшенія отъ императрицы. Бестужевъ сдѣлалъ экстрактъ изъ рескрипта императрицы, приложилъ къ нему

декретъ императора Леопольда въ пользу православныхъ и противоположный декретъ Маріи Терезіи въ пользу уніи и отдалъ канцлеру графу Улефельду съ требованіемъ прекратить гоненіе на православныхъ, какъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ ея величества. Улефельдъ отвѣчалъ, что ни о какихъ притѣвленіяхъ не слыхалъ, но помнить одно, что въ Трансильваніи явился какой-то возмутитель и хотѣлъ подчинить своей власти нѣкоторыхъ приходскихъ священниковъ. Его вызвали въ Вѣну для объявленія о тягостяхъ, о которыхъ онъ тамъ разглашалъ; но онъ вмѣсто того убѣжалъ въ турецкую Валахію, а оттуда вѣроятно пробрался въ Москву. При этомъ канцлеръ увѣрялъ, что у нихъ люди всѣхъ вѣръ имѣютъ полную свободу, а греческаго исповѣданія людей въ Трансильваніи гораздо больше, чѣмъ всѣхъ другихъ.

Въ августѣ отправленъ былъ Бестужеву повторительный указъ употребить старанія въ защиту трансильвано-волошскаго народа. Бестужевъ отвѣчалъ въ концѣ сентября, что нѣсколько разъ упоминалъ Улефельду объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что трансильванскіе депутаты и посторонніе, пріѣзжавшіе изъ тѣхъ мѣстъ люди подтверждали, что повсюду тамъ православные священники совершать службу и по домамъ ходить съ требами не допускаются, также книги церковныя русской и волошской печати и духовныхъ людей черезъ границу пропускать запрещено; духовные и мірскіе люди за непріятіе уніи содержатся по разнымъ мѣстамъ за крѣпкимъ арестомъ, и уніатскіе попы всѣмъ православнымъ грозили, что если они не приступятъ къ уніи, то не только потеряютъ все имѣніе, но императрица-королева велитъ своимъ войскамъ искоренить ихъ мечемъ съ женами и дѣтьми. Отъ этого страха многіе разбѣжались по лѣсамъ и въ горы. На жалобы депутатовъ до сихъ поръ никакой резолюціи нѣтъ. Императрица отдала всѣ челобитныя тайному совѣтнику Коловрату, у котораго находятся въ завѣдываніи дѣла православнаго народонаселенія; но этотъ Коловратъ, по своему католическому ханженству и наущенію здѣшнихъ духовныхъ, всѣмъ православнымъ неописанныя пакости чинить, и графъ Улефельдъ на представленія Бестужева отвѣчалъ, что ему надобно взять справки у Коловрата. Въ послѣдній разъ, когда Бестужевъ спросилъ Улефельда, въ какомъ положеніи дѣло,

тотъ отвѣчалъ, что трансильванскому народу никакого утѣсненія въ вѣрѣ не дѣлается, что пріѣзжающіе въ Вѣну православные трансильванцы и тотъ бѣглець, что живетъ въ Россіи, все выдумали. Потомъ Бестужевъ узналъ, что Коловратъ объявилъ депутатамъ, чтобъ взявши паспорта ѣхали назадъ, и когда они спросили, какъ же императрица рѣшила ихъ дѣло, то онъ съ сердцемъ сталъ кричать, что они все бунтовщики, шизматки, были прежде уніатами, а теперь обратились въ шизму; на это депутаты отвѣчали, что они никогда уніатами не бывали, а если нѣкоторые изъ ихъ поповъ, для корысти, безъ вѣдома народа, скрытно соединились съ римскою церковью, то имъ до нихъ никакого дѣла нѣтъ. Затѣмъ Коловратъ, ругая ихъ всячески, сталъ имъ грозить, какъ они смѣли искать посторонней помощи и велѣлъ имъ немедленно выѣхать изъ Вѣны. На адвоката, который принялся за ихъ дѣло и писалъ челобитныя, наложенъ штрафъ. «По всемъ изображеннымъ обстоятельствамъ явно видно, писалъ Бестужевъ, въ чемъ состоятъ здѣшнихъ духовныхъ желанія и проски, и какимъ опасностямъ подверженъ этотъ бѣдный и, большею частію, простой и безграмотный народъ, и что къ спасенію его другого средства нѣтъ, какъ если ваше импер. величество соизволите повелѣть австрійскому послу генералу Бернесу серьезно объявить, что если гоненія на греко-каѳоликовъ не прекратятся, то вы, по единовѣрью будете ихъ защищать; мои же домогательства здѣсь никакого успѣха имѣть не могутъ. Въ сербской, кроатской и мѣстами венгерской земляхъ, гдѣ живетъ множество народа православнаго, оказавшаго въ послѣднюю войну великую вѣрность и заслуги больше другихъ подданныхъ, римское духовенство дѣлаетъ разныя обиды, но православные и просить здѣсь не смѣютъ, зная напередъ, что никакой справедливости показано не будетъ.» Въ ноябрѣ Бестужевъ писалъ, что пріѣхали православные депутаты изъ Кроаціи съ жалобами на притѣсненія, что не позволяютъ не только строить новыхъ церквей, но и починивать. Депутатовъ посадили въ глубокія подземныя тюрьмы, а потомъ отправили въ Кроацію и тамъ разбросали по крѣпкимъ тюрьмамъ. Изъ Трансильваніи постоянныя извѣстія, что гоненіе на православныхъ продолжается съ неописанною жестокостію. Въ слѣдъ за тѣмъ Бестужевъ просилъ императрицу устроить церковь при

посольскомъ домѣ какъ для него, такъ и для множества находящихся въ Вѣнѣ православныхъ; священника предлагалъ не высылать изъ Россіи, но взять извѣстнаго ему съ хорошей стороны сербскаго священника Михайла ⁴⁸.

Графъ Михайла Петр. Бестужевъ пріѣхалъ въ Вѣну и оставался здѣсь съ непріязненными чувствами къ брату своему, знаменитому канцлеру. Мы видѣли, что жена Михайлы Петровича, по Лопухинскому дѣлу, была сослана въ Сибирь. Въ Дрезденѣ ему понравилась вдова оберъ-шенка Гаугвицъ, и онъ рѣшился на ней жениться, писалъ къ брату въ Петербургъ, чтобъ онъ исходатайствовалъ разрѣшеніе императрицы на бракъ и, долго не получая никакого отвѣта, обвинчался безъ разрѣшенія, слѣдствіемъ чего было то, что въ Петербургѣ не признавали новую графиню Бестужеву, а потому не могли признавать ее и при дворахъ, гдѣ графъ Бестужевъ былъ посломъ. Въ Петербургѣ обвиняли въ этомъ дѣлѣ канцлера, который, желая быть наслѣдникомъ брата, представилъ императрицѣ, что бракъ отъ живой жены не можетъ быть законнымъ ⁴⁹. Изъ письма Мих. Бестужева къ Воронцову узнаемъ, что онъ прислалъ просьбу о позволеніи вступить въ бракъ еще осенью 1747 года, а женился только 30 марта 1749 года, все дожидаясь разрѣшенія. Въ этомъ письмѣ читаемъ слѣдующія строки, обращенныя къ Воронцову: «Ваше сіятельство, какъ уповаю, яко мой милостивый патронъ и истинный другъ, въ семъ приключеніи участіе примете, и по искренней своей ко мнѣ дружбѣ и милости, чинимыя иногда наче чаянія противъ сего невиннаго моего поступка внушенія по справедливости и челоуѣколюбію своему въ пользу мою опровергать не оставите: ибо сіе дѣло не иное, но самое партикулярное, до государственныхъ интересовъ нимало не касается, и на которое я токмо для успокоенія моей совѣсти и для честнаго житія на свѣтѣ поступилъ.» Такимъ образомъ канцлеръ, отталкивая брата, заставлялъ его обращаться во враждебный лагерь ⁵⁰.

Преемникомъ Бестужева въ Дрезденѣ былъ назначенъ, какъ мы видѣли, находившійся здѣсь прежде графъ Кейзерлингъ. Новый посолъ долженъ былъ начать свои сношенія съ графомъ Брюлемъ по поводу готовившагося событія въ Польшѣ, смерти великаго гетмана короннаго Потоцкаго. Брюль объявилъ Кейзерлингу, что имѣя въ виду распоряжаться въ Польшѣ въ полномъ

согласіи съ Россією, король хочетъ назначить великимъ гетманомъ Браницкаго, а на его мѣсто полнымъ гетманомъ подольскаго воеводу Ржевускаго, потому что оба они постоянно оказывали опыты усердія къ королю и его союзникамъ, въ ссорахъ польскихъ семействъ не участвуютъ, и сохраняютъ руки свои чистыми отъ подкуповъ дворовъ иностранныхъ, Ржевускій же оказалъ особенное усердіе къ Россіи во время прохода войскъ ея чрезъ Польшу и въ то время, когда Швеція старалась образовать конфедерацію. Брюль сильно жаловался на Францію и Пруссію, которыя не перестаютъ сѣять сѣмена раздора въ Польшѣ, при чемъ главное орудіе ихъ фамилія Потоцкихъ съ своею шайкою. «Я, говорилъ Брюль, имѣю въ рукахъ письменныя доказательства, какъ эти люди производили новыя соглашенія съ Франціею и Пруссіею на счетъ образованія конфедераціи, и дѣло стало только за тѣмъ, что Франція не согласилась дать имъ требуемой суммы денегъ. Однако для сохраненія людей въ своихъ сѣтяхъ, Франція не скупится на ежегодныя пенсіи, такъ сендомирскому воеводѣ Тарло даетъ 4000 червонныхъ. Легко понять, что Франція не даромъ обременяетъ свою истощенную казну. Старикъ Потоцкій опредѣлилъ при арміи троицхъ региментарей изъ своихъ соумышленниковъ: воеводу сендомирскаго Тарло, короннаго кравчаго Потоцкаго и воеводу метиславскаго Сапѣгу, которые давно уже упомянутымъ дворамъ себя продали, свою неблагодарность къ Россіи самымъ чернымъ образомъ заявили и во всѣхъ замѣшательствахъ были главными дѣятелями. Коронный гетманъ вмѣстѣ съ силами тѣлесными почти потерялъ и употребленіе разума; жена его дѣлаетъ все его именемъ по предписанію Тарло. Эта безпокойная голова, посѣдѣвшая въ интригахъ, едва ли упуститъ изъ рукъ случай оказать себя соотвѣтственно своему праву; притомъ настоящій его региментарскій чинъ доставляетъ ему ту выгоду, что онъ легко можетъ привлечь армію въ свои виды и пользоваться ею для образованія и подкрѣпленія конфедераціи. Король употреблялъ всевозможные способы для приведенія дѣлъ въ лучшее состояніе и для сохраненія спокойствія, но отношенія его къ Франціи препятствуютъ ему сдѣлать рѣшительный шагъ. Впрочемъ я васъ обнадеживаю, что его величество имѣетъ непремѣнное намѣреніе никогда не отступать отъ союза съ Россією и Австріею

и способствовать его укрѣпленію, относительно же сохраненія тишины въ Польшѣ принять всѣ тѣ мѣры, которыя императрица сочтетъ нужными для своихъ интересовъ.» Кейзерлингъ въ своемъ донесеніи замѣтилъ, что характеристика лицъ, сдѣланная Брюлемъ, совершенно вѣрна.

Черезъ нѣсколько времени Кейзерлингъ имѣлъ другой разговоръ съ Брюлемъ о польскихъ дѣлахъ по поводу неудачи послѣдняго сейма. Брюль сильно возставалъ противъ *liberum veto*: «Смутное и несчастное состояніе польскаго государства очевидно, говорилъ онъ: сеймы представляютъ единственный способъ для рѣшенія государственныхъ дѣлъ; но когда на этихъ сеймахъ рѣшеніе дѣла зависитъ не отъ того, какъ большинство или почти всѣ хотятъ, но отъ того, что одинъ только не хочетъ, то само собою ясно, что жребій короля, республики и всѣхъ государственныхъ дѣлъ зависитъ отъ воли одного человѣка, котораго какая-нибудь иностранная держава употребляетъ для своихъ видовъ. Государство, устройство котораго таково, что добро находить всегда препятствія, а зло никогда не можетъ быть отвращено, на послѣдокъ должно само собою разложиться. На такомъ гибельномъ пути находится теперь и польская республика; ея вольность представляетъ только способъ, которымъ враги ея пользуются, чтобъ препятствовать всему для нея выгодному и полезному. Никакъ нельзя сказать, чтобъ какъ между знатыми людьми, такъ и между мелкимъ шляхетствомъ не было людей благоразумныхъ и благонамѣренныхъ, которые понимаютъ опасное злоупотребленіе въ подачѣ вольнаго голоса, предусматриваютъ паденіе государства, и не только жалѣютъ о печальномъ состояніи отечества, но готовы употребить всѣ средства для отвращенія этого великаго зла.»

— «Не знаю, замѣтилъ Кейзерлингъ, въ то время, когда будутъ стараться объ отвращеніи одного зла, не впадутъ ли въ другое гораздо большее, ибо явно, что *liberum veto* сдѣлалось болѣзнію уже неизлѣчимою; вся нація покланяется ему какъ идолу; легко можетъ статься, что малѣйшее покушеніе противъ него ослабитъ любовь народа къ королю, раздражитъ противъ него, наполнитъ сердце сомнѣніемъ, страхомъ, недовѣріемъ и поведетъ къ безпокойствамъ, которыя принесутъ пользу только сосѣдямъ, привыкшимъ въ мутной водѣ рыбу ловить.» — Брюль

согласился съ этимъ, но выразилъ мнѣніе, что всѣ опасныя слѣдствія были бы предупреждены, если бы Россія и Австрія согласились способствовать уничтоженію *liberum veto*, и король больше всего желаетъ одного, чтобъ сосѣдніе друзья и союзники хорошенько разсудили, что *liberum veto* полезно или вредно для нихъ въ будущемъ. Если въ разсужденіи Швеціи, Порты и другихъ сосѣднихъ державъ какъ Россіи, такъ и Австріи союзъ республики нуженъ, то надобно, чтобъ этотъ союзъ приносилъ какую-нибудь пользу, а польза можетъ получиться только тогда, когда другія злонамѣренныя державы не будутъ имѣть въ рукахъ средства уничтожить всякое сеймовое рѣшеніе.—Донося объ этомъ разговорѣ, Кейзерлингъ писалъ: «Теперь уже явно оказывается, что хотя здѣшній дворъ самъ собою перемѣну въ подачѣ вольнаго голоса сдѣлать не намѣренъ, однако не будетъ противиться, если республика сама собою догадается о сокращеніи этой употребленной во зло вольности.» Изъ Петербурга Кейзерлингу было предписано—употреблять всѣ старанія, чтобъ Польша непремѣнно осталась при существующихъ обыкновеніяхъ и ничего новаго не было бы введено.

Въ іюнь 1749 года Кейзерлингъ сообщилъ своему двору слова Брюля, имѣвшаго особенное значеніе для русской политики. «Мы, говорилъ Брюль, не имѣемъ никакой причины щадить Пруссію, которая продолжаетъ дѣлать намъ всевозможныя досады. Мы принуждены все это сносить; но если Россія и Австрія будутъ намъ помогать, то мы заговоримъ другимъ голосомъ. Это было бы полезно видамъ обонхъ императорскихъ дворовъ, ибо еслибъ они непосредственно предприняли что-нибудь хотя малѣйшее противъ Пруссіи, то ея дворъ не приминетъ объявить, что они хотятъ вырвать у него изъ рукъ Силезію; а такого истолкованія нельзя будетъ привести, если здѣшній дворъ станетъ сопротивляться прусскимъ видамъ съ помощію Россіи и Австріи.

Въ это время въ Дрезденѣ гостилъ побочный братъ короля, маршалъ французской службы, знаменитый Морицъ саксонскій, и его пріѣздъ подалъ поводъ къ поднятію вопроса о Курляндіи, отъ которой Морицъ не отказывался. Онъ съѣздили въ Берлинъ, былъ отлично принятъ Фридрихомъ II, и пошли слухи, что послѣдній предложилъ ему руку своей сестры—съ Курляндіею въ

приданое. Кейзерлингъ обратился къ Брюлю съ вопросомъ, правда ли это, и тотъ, въ высшей конфиденціи, не только далъ утвердительный отвѣтъ, но прибавилъ, что Морицъ принялъ предложеніе съ глубокимъ молчаніемъ и поклономъ. Кейзерлингъ донесъ также, что Морицъ, по возвращеніи изъ Пруссіи, сказалъ англійскому посланнику Уильямсу: «я до сихъ поръ дрался за другихъ; а теперь время и о себѣ подумать.» Потомъ спросилъ у Уильямса, не можетъ ли онъ ему хорошій вооруженный корабль доставить, и когда тотъ спросилъ, какой именно корабль ему нуженъ, то Морицъ далъ ему записку: «Я желалъ бы знать, что будетъ стоить каперское судно или вооруженная шлюпка о 16 или 20 пушкахъ, хорошая, на ходу легкая, которая бы не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ была въ употребленіи.» По этому поводу Кейзерлингъ сообщилъ императрицѣ свое мнѣніе о курляндскомъ дѣлѣ: Императоръ Петръ I-й по своей государственной мудрости, призналъ, что Россія, относительно своихъ прибалтійскихъ владѣній, не можетъ быть равнодушна къ судьбѣ Курляндіи: отсюда и бракъ царицы Анны съ герцогомъ курляндскимъ и стараніе Петра поддержать герцогство при старыхъ его правахъ. Никогда Курляндія не была въ такомъ опасномъ положеніи, какъ теперь, когда Морицъ Саксонскій возобновляетъ свои претензіи, а дворы французскій, шведскій и прусскій считаютъ для себя выгоднымъ подкрѣплять эти претензіи. Если Курляндія отдастся въ покровительство одной короны польской, то пропадетъ неминуемо въ слѣдствіе жалкаго военнаго состоянія Польшы, и легко повѣять, что виды означенныхъ дворовъ не ограничатся одною Курляндіею: Курляндія, въ рукахъ преданнаго имъ герцога, будетъ служить только средствомъ для достиженія важнѣйшихъ цѣлей. Излишне было бы распространяться о томъ, какую помощь враждебные дворы получили бы отъ того, еслибы на престолѣ курляндскомъ сѣлъ маршалъ Франціи и зять обоихъ ея союзниковъ, королей прусскаго и шведскаго. Такъ какъ онъ могъ бы пользоваться множествомъ предложений брать къ себѣ прусское войско, то Россія никогда бы не была безопасна въ своихъ собственныхъ границахъ; передъ ея воротами находился бы всегда внимательный наблюдатель, готовый пользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, не упоминая объ удобствѣ, какое получила бы Швеція высаживать свои войска

въ курляндскихъ гаваняхъ и соединяться съ Пруссакими; уже давно рѣшено, что Швеція ключъ къ Ригѣ можетъ найти только въ Курляндіи. Единственнымъ средствомъ для отвращенія такихъ бѣдъ Кейзерлингъ считалъ возстановленіе Бирона на курляндскомъ престолѣ ⁵¹.

Представляя императрицѣ эту реляцію Кейзерлинга, Бестужевъ подкрѣпилъ послѣднюю ея часть своимъ мнѣніемъ, что необходимо освободить Бирона и возстановить его на курляндскомъ престолѣ, взявши сыновей его въ русскую службу и сдѣлавши ихъ такимъ образомъ аманатами. Бестужевъ представлялъ, что если Курляндія останется въ прежнемъ положеніи, а въ Польшѣ будетъ король недоброжелательный Россіи, то онъ можетъ объявить основательную претензію на многіе милліоны, при чемъ, разумѣется, получить помощь отъ Турокъ, Шведовъ и Французовъ. Кромѣ того, что можно оставить дѣтей Бирона аманатами, можно еще принять другія предосторожности, именно взять съ него обязательство, что онъ ничего отъ Россіи требовать не будетъ, а король и республика польскіе поручатся за исполненіе этого обязательства на вѣчныя времена. Чрезъ возстановленіе Бирона Россія пріобрѣтетъ признательность польскаго короля, отдалить всѣхъ другихъ претендентовъ, прекратить всякую опасность; Полякамъ кричать на сеймахъ повода не будетъ; тогда какъ теперь королю прусскому и Франціи такъ хочется захватить въ свои руки Курляндію, что Фридрихъ II хочетъ выдать сестру свою за графа Сакса, маршала французскаго, не смотря на то, что онъ незаконнорожденный, притомъ старъ и дряхль. Да хотя бъ онъ и не сыгралъ этой свадьбы, то довольно извѣстно, какъ ему и Франціи нужно это герцогство въ рукахъ имѣть, дабы оттуда Россію безпокоить, Шведамъ помогать и въ Польшѣ интриги производить.—Но Елисавета отвѣчала рѣшительно, что не освободитъ Бирона.

Попытка Морица Саксонскаго подкупить въ свою пользу канцлера Бестужева дала послѣднему возможность снова поднять дѣло о Биронѣ.

Въ октябрѣ 1749 года совѣтникъ саксонскаго посольства Функъ извѣстилъ канцлера о пріѣздѣ польскаго графа Гуровскаго, который, заболѣвши, переслалъ къ нему, Функу, письмо съ предложеніемъ канцлеру 25,000 золотыхъ червонныхъ, если тотъ

постарается доставить ему Курляндію. Канцлеръ рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ сдѣлать еще представленіе въ пользу Бирона; но онъ боялся обратиться опять прямо къ императрицѣ послѣ ея рѣшительнаго отказа, и повелъ дѣло черезъ Разумовскаго, къ которому написалъ:

«Пріемлю смѣлость приложить при семъ пакетъ съ крайне нужными дѣлами, и ваше сіятельство покорнѣйше прошу оный ея импер. величеству всевижайше поднести. Я уповаю, что ея величество по всевысочайшей своей довѣренности вложенное въ немъ прочитаетъ вамъ изволить, слѣдовательно ваше сіятельство изъ того усмотрѣть изволите, до чего дошли производящіяся повсюду интриги о доставленіи французскому маршалу графу Саксу герцогства курляндскаго. Я ея импер. величеству недавно всевижайше представлялъ, чтобъ для отвращенія такихъ интригъ навсегда, несчастливаго герцога Бирона освободить; но ея импер. величество сказать изволила, что его не освободить. Я потому не дерзаю болѣе ея импер. величество моими всевижайшими представленіями утруждать; но я ваше сіятельство покорнѣйше прошу, принявъ сіе дѣло въ уваженіе, ея импер. величеству при случаѣ всевижайше представить, что графъ Саксъ ничего болѣе и не требуетъ какъ такого со стороны ея импер. величества изъясненія, что Биронъ свободенъ быть не можетъ, слѣдовательно мнѣ легко было бѣ столь дерзостно Гуровскимъ представленныя 25000 червонныхъ принять. Но я весьма вѣрный ея импер. величества рабъ и сынъ отечества, чтобъ я помыслить могъ и противъ будущихъ интересовъ ея и государства малѣйше поступить. Сіе дѣло столь важно и толь великихъ слѣдствій, что оно подлинно всю аттенцію заслуживаетъ и по моему слабѣйшему мнѣнію теперь ничего нужнѣе нѣтъ, какъ оно единожды рѣшить и окончить, ибо 1) по зачавшимся нынѣ въ Польшѣ крайнимъ несогласіямъ весьма скоро тамо опасной конфедерации опасаться должно, при которой 2) и такъ зѣло о Курляндіи шумящіе Поляки сіе дѣло въ наибольшее движеніе приведутъ, а особливо когда разсѣянные почти вездѣ, а особливо въ Польшѣ, французско-прусско-шведскіе эмиссары ихъ къ тому внушеніями, а иногда и употребленіемъ денегъ побуждать станутъ, какъ дабы надобнаго имъ герцогомъ курляндскимъ сдѣлать, какъ паче тѣмъ иногда поведѣть къ дальнѣйшимъ замѣ-

пательствамъ подать. 3) Хотя бѣ толь великой опасности для тепершняго времени и не настояло: то однакожъ кто за будущія обстоятельства ручаться можетъ, кои всегда легко переимѣняться могутъ. Не всегда надѣяться можно, что короли польскіе толь благонамѣренны пребудутъ. Многіе примѣры были, что они съ Турками соединялись, а польскіе вельможи и безъ того по большей части французско-прусскими партизанами суть; что жъ будетъ, когда бѣ герцогъ Биронъ въ нынѣшнемъ состояніи умеръ, а Польша, соединясь съ Турками, вмѣсто Курляндіи, претензіи его, въ коихъ она истецъ, на Украйну или Лифляндію въ дѣйство производить стала, причемъ всемѣрно Пруссія и Швеція спокойны не остались бы, но паче опасной для нихъ ея импер. величества силѣ предѣлы положить искали бѣ. Я желаю, чтобъ я въ сихъ мнѣніяхъ ошибся, а не такъ точно угадалъ, какъ нынѣ происшествіе оправдало, что всемъ нынѣшнимъ замѣшательствамъ и безпокойствамъ и премѣнѣ формы правительства въ Швеціи причиною есть супружество короннаго наследника съ сестрою короля прусскаго, который тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ, нежели король французскій.

«Ежели токмо ея импер. величество все сіи уваженія въ милостивое прозорливое свое разсужденіе принять изволить, то чаать нельзя, чтобъ ея величество, яко премудрая мать своего отечества, не соизволила дарованіемъ свободы несчастливому Бирону, забывъ все его преступленія, предпочесть будущее благополучіе своей имперіи тому малому, а именно около 80,000 талеровъ въ годъ прибытку, который нынѣ съ курляндскихъ секвестрованныхъ маестностей казна ея получаетъ, по который однакожъ стократно увеличенъ будетъ, когда претензіи сильною рукою производить стали бѣ. Все же сіи дальности легко предвидѣть, но по упущеніи времени не такъ скоро поправить, какъ теперь всемъ отвратить можно единымъ только освобожденіемъ несчастливаго Бирона, которое толь меньше сумѣнно подлежить, ибо при высвобожденіи его можно отъ него такія обязательства взять, какія токмо ея импер. величеству угодны были бѣ; а чтобъ какая отъ него опасность была, того никакъ думать нельзя, ибо княжество его только въ четырехъ миляхъ отъ Риги, слѣдовательно всегда подъ грозою російскаго оружія находится.»

Гуровскій болѣе четырехъ мѣсяцевъ оставался въ Россіи, и канцлеръ составилъ слѣдующую записку для высочайшаго извѣстія: «Къ достовѣрному доказательству, что графу Гуровскому отъ маршала графа Сакса подлинно поручено все пути и способы въ дѣйство употребить для доставленія ему герцогства курляндскаго, и что Гуровскій и въ самомъ дѣлѣ всякими интригами сильно въ томъ трудится, довольно его своеручныхъ писемъ и оригинальнаго графа Сакса за его подписаніемъ и печатью на 25,000 червонныхъ билета; но онъ притомъ не остался, ибо онъ камергеру графу Бестужеву-Рюмину (сыну канцлера) 1000 червонныхъ тотчасъ въ руки выдать представлялъ, дабы онъ канцлера склонялъ въ виды Гуровскаго вступить. А какъ потомъ онъ и къ генералу Апраксину забѣгалъ, чтобъ онъ, яко другъ канцлеру, его въ томъ подкрѣплялъ, который ему отвѣтствовалъ, что то будучи весьма не его дѣло, онъ не токмо въ то мѣшаться не можетъ, но канцлеру о томъ и словомъ упомянуть не смѣетъ: то думать можно, что Гуровскій такія посулы и попытки не симъ только двоимъ учинилъ, но, можетъ быть, и въ другихъ мѣстахъ о томъ проискриваетъ, а особливо, что онъ камергеру графу Бестужеву-Рюмину не токмо большое награжденіе, но притомъ и милость короля французскаго и ежегодную отъ маршала графа Сакса пенсію обѣщаль.» 31 марта 1750 года Гуровскому было объявлено, чтобъ онъ въ три дня выѣхалъ изъ столицы ⁵². Попытка Морица Саксонскаго не удалась; но не удалось и Бестужеву освободить Бирона и возстановить его на курляндскомъ престолѣ: Елисавета осталась непреклонна въ своемъ рѣшеніи.

Между тѣмъ Брюль сообщилъ Кейзерлингу, что прусскіе отряды врываются въ пограничныя саксонскія деревни и хватаютъ людей въ рекруты; король, говорилъ Брюль, не можетъ долѣе сносить, чтобъ его подданные становились добычею иностранцевъ; никто изъ пограничныхъ жителей болѣе уже не безопасенъ; приходятъ сжедневныя жалобы на захватъ людей и увозъ ихъ за границу; король хочетъ употребить строгость по примѣру самого короля прусскаго, который велѣлъ повѣсить саксонскаго таможеннаго чиновника по одному только подозрѣнію, что онъ пріѣхалъ въ Галле подговаривать людей; король надеется, что будетъ защищенъ отъ обидъ прусскаго короля вы-

сочайшею и дражайшею дружбою императрицы, что она велитъ своему министру въ Берлинѣ сдѣлать нужныя о томъ представленія прусскому министерству. Въ слѣдъ затѣмъ Брюль далъ Кейзерлингу промеморію, въ которой выставлялась необходимость рѣшить поскорѣе курляндское дѣло прежде чѣмъ враждебные дворы воспользуются имъ для своихъ видовъ.

1749 годъ Кейзерлингъ окончилъ подробнымъ донесеніемъ о состояніи Польши. На первомъ планѣ была здѣсь вражда двухъ фамилій, Потоцкихъ и Чарторыйскихъ. Началась она съ соперничества въ достиженіи гетманскаго чина. Русское покровительство дало Потоцкимъ ту силу и значеніе, которыя они, по смерти Августа II, носившіи употребить противъ Россіи, поддерживая Станислава Лещинскаго. Когда послѣ сдачи Данцига, Чарторыйскіе признали Августа III, и дворъ началъ ихъ употреблять въ дѣлѣ умрениія, то эта фамилія показала отличные опыты своей благонамѣренности. Когда же было постановлено—забыть все прошедшее и стараться привлечь къ себѣ всѣхъ благодѣяніями, то и Потоцкіе были взысканы милостями: нѣкоторые получили пенсіи, другимъ даны королевскія маестности, нныя повышены въ чинахъ, а самъ воевода кіевскій пожалованъ великимъ короннымъ гетманомъ, не взирая на сильный протестъ Кейзерлинга, находившаго опаснымъ, чтобъ два главныя въ королевствѣ достоинства, примаса и гетмана находились въ одной фамиліи. Послѣдующія событія оправдали опасенія Кейзерлинга и до сихъ поръ оправдываютъ, хотя смерть примаса и уменьшила нѣсколько опасность.

Гетманское достоинство не могло достаться въ худшія руки. Тогдашній кабинетъ-министръ Сулковскій, не давши знать Кейзерлингу, доставилъ этотъ чинъ Потоцкому, о чемъ самъ потомъ сильно жалѣлъ, но поправить ошибки было уже нельзя безъ новаго возмущенія Поляковъ. Привыкнувъ во время революціи и при Станиславѣ управлять всѣмъ, Потоцкіе хотѣли того же и при нынѣшнемъ королѣ, но встрѣтивъ помѣху въ Чарторыйскихъ, воспылали къ нимъ злобою, хотя Чарторыйскіе поддерживаютъ себя единственно личными достоинствами, а нисколько не милостію королевскою, отъ которой ничего не получали: чѣмъ были прежде до революціи тѣмъ и остались, равно какъ и старый графъ Понятовскій. Всему свѣту извѣстно, что во вре-

мя турецкой и шведской войны домъ короннаго гетмана былъ прибѣжищемъ турецкихъ и шведскихъ эмиссаровъ, которые тамъ обыкновенно собирались, соглашались на счетъ мѣръ своихъ противъ Россіи, черезъ Потоцкаго получали нужныя имъ извѣстія; у него, какъ на почтовомъ дворѣ, держали свою переписку; онъ съ сообщниками во время шведской войны поднималъ противъ Россіи конфедерацію, отъ чего произошли бы опасныя слѣдствія, еслибы Кейзерлингъ не нашелъ въ коронной маршалшѣ Мишиекъ орудія для успокоенія конфедератовъ, къ чему не мало способствовали также старанія Ржевускаго, Чарторыйскихъ и Понятовскаго. На всѣхъ сеймахъ коронный гетманъ производилъ крикъ и жалобы противъ Россіи, не имѣя къ тому ни малѣйшаго повода, ибо Кейзерлингъ остерегался дѣйствовать противъ Потоцкихъ враждебно, напротивъ старался приласкать ихъ подарками, и этими средствами, привлечши на свою сторону графиню Мишиекъ, тещу гетмана Потоцкаго и сестру Тарло, равно духовныхъ и адыютантовъ гетмана, могъ узнавать заранѣе о всѣхъ враждебныхъ Россіи замыслахъ и предупреждать ихъ. Такія отношенія Кейзерлинга къ Потоцкимъ не могли нравиться Чарторыйскимъ; но Кейзерлингъ далъ знать послѣднимъ, что ихъ заслуги и благонамѣренность извѣстны русскому двору и они могутъ совершенно положиться на его покровительство; но онъ не можетъ мѣшаться въ ихъ отношенія къ Потоцкимъ, ибо Россіи нужно одно — сохраненіе въ Польшѣ спокойствія, возстановленіе котораго Россіи такъ дорого стоило, а самъ онъ Кейзерлингъ проситъ ихъ, что еслибъ онъ потребовалъ отъ нихъ чего-нибудь несогласнаго съ благомъ Польши и дружбою между нею и Россіею, то они бъ не исполняли его требованія, а противились бы ему всѣми силами. Въ такомъ положеніи Кейзерлингъ оставилъ дѣла въ Польшѣ, когда былъ перемѣщенъ во Франкфуртъ. Но и здѣсь онъ получалъ извѣстія, что Потоцкіе продолжаютъ дѣйствовать по прежнему въ видахъ Франціи безъ обращенія вниманія на своего короля. И теперь дѣлается тоже самое: воевода сендомирскій получаетъ отъ Франціи пенсію въ 4000 червонныхъ; воеводѣ Бѣльскому въ послѣднюю бытность его въ Парижѣ, подарено 10,000 сѣмковъ; тамъ онъ недавно и проектъ подалъ, какимъ бы образомъ свергнуть графа Брюля. При королѣ, для польскихъ дѣлъ, находится теперь подканцлеръ

Воджицкій, который скорѣе преданъ Потоцкимъ, чѣмъ Чарторыйскимъ; великій канцлеръ коронный, Малаховскій сначала не держался ни той, ни другой партіи, но такъ какъ онъ выдалъ дочь за одного изъ Потоцкихъ, то пожалуй скорѣе будетъ дѣйствовать въ интересахъ этой фамиліи. «Я не усматриваю, замѣчаетъ Кейзерлингъ, какимъ бы способомъ Потоцкіе могли быть отвлечены отъ своихъ обязательствъ съ Франціею и наведены на другой путь; опыты показали, что всѣ представленія и милости остались напрасными, и потому никогда ни Россія, ни король не могутъ довѣрять этимъ людямъ, которые не упускаютъ ни одного случая къ злымъ дѣламъ. Однако благоразуміе требуетъ не раздражать ихъ; здѣшній дворъ думаетъ также, и я не премину утверждать его въ этомъ мнѣніи. Что же касается вольнаго голоса (*liberum veto*), то мысль о его ограниченіи не новая и не Чарторыйскимъ принадлежитъ, а Потоцкимъ, которые уже не разъ и старались объ этомъ, и еслибъ они при королѣ получили такую же власть, какую имѣли во время междуцарствія, то давно бы уже отмѣнили вольный голосъ, и эта отмѣна была бы гораздо выгоднѣе имъ, чѣмъ Чарторыйскимъ, потому что они и въ сенатѣ и въ палатѣ пословъ имѣютъ гораздо болѣе приверженцевъ и потому во всякомъ случаѣ обезпечены на счетъ большинства голосовъ.

1750 годъ Кейзерлингъ началъ опять непріятнымъ для Елисаветы извѣстіемъ о разговорѣ съ короннымъ подканцлеромъ Воджицкимъ по поводу Курляндіи. Воджицкій объявилъ ему, что получилъ изъ Польши письма, въ которыхъ многіе магнаты домогаются, чтобъ онъ сдѣлалъ королю наисильнѣйшія представленія о необходимости скорѣйшаго рѣшенія курляндскаго дѣла; что это дѣло заслуживаетъ теперь особеннаго вниманія, ибо нѣкоторые иностранные дворы хотятъ воспользоваться имъ ко вреду Россіи и Польши. Въ апрѣлѣ Кейзерлингъ вмѣстѣ съ дворомъ переѣхалъ изъ Дрездена въ Варшаву, и въ маѣ увѣдомилъ о богатомъ политическими послѣдствіями бракѣ короннаго гофмаршала Мишка съ дочерью перваго министра Брюля, а Мишекъ былъ родной братъ коронной гетманши Потоцкой, въ слѣдствіе чего Потоцкіе были очень довольны. Когда Кейзерлингъ выразилъ Брюлю надежду, что этотъ союзъ съ Потоцкими не произведетъ переменъ въ его отношеніяхъ къ общимъ друзьямъ и

въ господствовавшемъ до сихъ поръ политическомъ планѣ, то Брюль отвѣчалъ, что онъ не отдастъ интересы своего государя въ приданое за дочь; такія же обнадеживанія дѣлалъ онъ Чарторыйскимъ и Понятовскимъ. Во второй половинѣ мая примасъ, отъ имени всѣхъ сенаторовъ, подалъ королю адресъ о необходимости рѣшить курляндское дѣло, съ чѣмъ король былъ совершенно согласенъ и немедленно переслалъ адресъ въ Москву. Съ другой стороны коронный гетманъ жаловался, что гайдамаки не даютъ покоя пограничнымъ польскимъ областямъ. Для успокоенія послѣдняго дѣла Кейзерлингъ сообщилъ указъ императрицы киевскому губернатору Леонтьеву объ искорененіи гайдамаковъ.

Между тѣмъ приближалось время чрезвычайнаго сейма и надобно было рѣшить важный вопросъ — кому быть сеймовымъ маршаломъ? Король для своихъ интересовъ находилъ необходимымъ, чтобъ маршаломъ былъ Ржевускій, воевода подольскій, а потому уговорилъ его отказаться отъ воеводства, и сенаторства, ибо, по закону, никто изъ правительственныхъ лицъ маршаломъ быть не могъ. Но Потоцкіе этому воспротивились; въ день открытія сейма, когда надобно было выбирать маршала, поднялись страшные споры, и въ этихъ спорахъ прошелъ срокъ, назначенный для сейма, въ слѣдствіе чего онъ и не могъ состояться.

Успокоенный относительно Польши, Кейзерлингъ сталъ хлопотать о томъ, чтобъ отвлечь ся короля, какъ курфирста саксонскаго, отъ неестественнаго союза съ Франціею по причинѣ субсиднаго трактата и привлечь къ старому союзу съ Россіею и Австріею. Саксонское правительство было убѣждено въ малой пользѣ отъ перваго и необходимости втораго; но Кейзерлингу говорили одно, что еслибъ въ слѣдствіе послѣдней войны Саксонія не находилась въ такомъ отчаянномъ положеніи и не терпѣла такую нужду въ деньгахъ, то не взяла бы ихъ отъ Франціи; самъ король сказалъ англійскому посланнику Уилліамсу: «договоръ съ Франціею былъ заключенъ по нуждѣ, а не по расположенію.» Этотъ Уилліамъ былъ переведенъ изъ Берлина къ саксонскому двору частію для того, чтобъ получить понятіе о дѣлахъ въ Польшѣ, главнымъ же образомъ для того, чтобъ навѣдаться, склоненъ ли саксонскій дворъ оставить французскія

субсиди и вступить въ обязательство относительно сохраненія вольности, тишины и безопасности въ Европѣ. Такъ онъ самъ объявилъ Кейзерлингу, который потому и началъ съ нимъ совѣтоваться, какъ бы это дѣло привести въ движеніе. Рѣшили, что всего лучше начать съ общей конференціи у графа Брюля. Дѣло въ конференціи началось заявленіемъ, что французскій субсидный договоръ можетъ быть замѣненъ такимъ же договоромъ съ Англіею, если Саксонія приступитъ къ петербургскому договору между Россіею и Австріею. Брюль отвѣчалъ, что его государь согласенъ на это и велѣлъ уже объявить о своемъ согласіи въ Петербургѣ, но требуетъ ручательства въ безопасности отъ Пруссіи; пусть Россія объявитъ, что въ случаѣ, еслибы кто-нибудь обезпокоилъ Саксонію подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, то Россія будетъ помогать ей всѣми своими силами. Брюль замѣтилъ, что такое ручательство прежде всего необходимо, ибо когда въ недавнее время Россія, по причинѣ шведскихъ дѣлъ, требовала помощи отъ Саксоніи, то прусскій король велѣлъ объявить въ Дрезденѣ, что какъ скоро непріятельскія дѣйствія начнутся, то онъ Саксонію задавитъ, чтобъ отнять у нея возможность продолжать игру. Кейзерлингъ и Уилліамсъ признали справедливость этого требованія; причемъ Кейзерлингъ замѣтилъ, что пока у Саксоніи будетъ продолжаться союзъ съ Франціею, Россія не можетъ оказать полной довѣренности Саксоніи. Уилліамсъ предложилъ, что будетъ достаточно, если король польскій на аудіенціи объявитъ имъ, что не намѣренъ возобновлять союзнаго договора съ Франціею, а намѣренъ вступить въ обязательства съ древними своими союзниками, если онъ получитъ столько же выгодъ, сколько представлялъ договоръ съ Франціею, и если русская императрица сдѣлаетъ декларацию о безопасности и гарантіи его областей и правъ. Кейзерлингъ согласился, и 12 августа ему, а на другой день Уилліамсу король объявилъ какъ было условлено.

Во время веденія этого дѣла о тѣсномъ союзѣ польскаго короля съ русскою императрицею, Кейзерлингъ былъ смущенъ возобновленіемъ жалобъ бѣлорусскаго епископа Волчанскаго на притѣненія греческой вѣры; жалобъ, которыя должны были вести къ непріятнымъ объясненіямъ съ польскими министрами; а теперь Волчанскій именно жаловался на притѣненія въ об-

ластях литовских канцлеров. Кейзерлингъ обратился къ подканцлеру князю Чарторыйскому съ представлениемъ, что дѣло идетъ о нарушении договора вѣчнаго мира и примѣръ этого нарушения подается въ маестностяхъ министровъ республики. Чарторыйскій отвѣчалъ, что это все зависитъ отъ виленскаго католическаго епископа; онъ, Чарторыйскій, сносился съ нимъ, и тотъ велѣлъ отвѣчать, что онъ не можетъ дать явнаго позволенія на перестройку и починку русскихъ церквей, но хочетъ своимъ духовнымъ подъ рукою приказать, чтобъ они не препятствовали исповѣдникамъ греческой вѣры. Чарторыйскій обнадеживалъ Кейзерлинга, что онъ, съ своей стороны, всячески защищаетъ людей греческой вѣры, что онъ имъ на собственный счетъ построилъ церковь. Кейзерлингъ окончилъ свое донесеніе слѣдующими любопытными словами: «Мнѣ здѣшнее польское министерство часто давало знать, для чего люди греческой вѣры не обращаются съ своими жалобами къ своему королю? для чего они обо всемъ чрезъ другой дворъ представляютъ? Они жители и подданные республики, и слѣдовало бы имъ своему королю честь отдавать и съ довѣріемъ просить его о защитѣ и помощи. Хорошо было бы, еслибъ греческимъ епископамъ объявили, чтобъ они впредь свои жалобы приносили обычнымъ образомъ самому королю, и потомъ пересылали бы ихъ ко мнѣ, а я ихъ не приминулъ бы подкрѣплять по высочайшимъ намѣреніямъ вашего величества; это, по словамъ польскихъ министровъ, дало бы дѣламъ лучший видъ, ибо происходило бы естественнымъ порядкомъ.

Другое непріятное дѣло—курляндское также не затихало; въ сентябрѣ канцлеры подали Кейзерлингу промеморію, въ которой говорилось, что въ послѣднемъ сенатусъ-консиліумѣ, держанномъ въ концѣ августа, всѣ сенаторы единодушно просили короля возобновить наисильнѣйшія домогательства и представленія при российскомъ дворѣ объ освобожденіи герцога курляндскаго Бирона: право, потребность порядка и тишины въ Курляндіи, природная ея величества справедливость, необходимая предосторожность для предупрежденія вредныхъ политическихъ послѣдствій,—все указываетъ на это дѣло какъ на дѣло первой важности для короля, республики польской и Россіи, которыхъ интересы соединены. При этомъ канцлеры устно сооб-

щили Кейзерлингу, какъ прискорбно королю и республикѣ, что послѣ многократнаго дружескаго домогательства о герцоговомъ освобожденіи до сихъ поръ никакого отвѣта нѣтъ ⁵³.

Елисавета осталась по прежнему непреклонною относительно Бироа и Курляндіи, ибо если, съ одной стороны, могли указывать на необходимость успокоить Курляндію и Польшу на случай войны съ Швеціею и Пруссіею, то, съ другой стороны, могли внушать, что именно въ случаѣ этой войны Курляндія должна оставаться безъ герцога и быть въ распоряженіи Россіи. Шведскія дѣла преимущественно обращали на себя вниманіе русскихъ государственныхъ людей.

Въ январѣ 1749 года въ конференціи съ шведскими министрами Тессинномъ и Экеблатомъ, Панинъ прочелъ декларацію своего двора противъ возстановленія самодержавія въ Швеціи. Когда Панинъ прочелъ то мѣсто деклараціи, гдѣ говорилось, что нѣкоторые возстановленіемъ самодержавія хотятъ избѣжать отвѣтственности за свое поведеніе предъ государственными чинами, то Тессинъ, уставивши глаза на Экеבלата, нѣсколько времени оставался неподвиженъ; когда же Панинъ окончилъ чтеніе, то Тессинъ началъ говорить, что эти вѣдомости о самодержавіи для нихъ суцная новость, и что изъ всѣхъ ложныхъ слуховъ, которые въ послѣднее время разсѣяны были по провинціямъ, они ничего подобнаго не слыхали; что они, какъ сенаторы, обязались присягою охранять настоящую форму правленія; наслѣдный принцъ при своемъ избраніи поклялся и не мыслить о самодержавіи: «Наша вольность, заключилъ Тессинъ, такъ намъ дорога, что мы не захотимъ опять подвергнуться игу.»

Послѣ этой деклараціи немедленно было созвано чрезвычайное собраніе сената въ присутствіи наслѣднаго принца, и надворный канцлеръ Нолкенъ принялъ на себя сдѣлать королю ложное донесеніе, будто Панинъ въ конференціи именемъ императрицы объявилъ, что она хочетъ держать въ готовности всѣ свои силы для утвержденія, по кончинѣ королевской, наслѣднаго принца на престолѣ. Это донесеніе такъ встревожило больного короля, что онъ не могъ заснуть всю ночь, и когда на другой день явился къ нему съ докладами совѣтникъ рессенской канцеляріи Беннингъ, то онъ съ глубокою печалью и упрекомъ сказалъ ему: «Вы мнѣ всегда толковали о дружбѣ

ко мнѣ русской императрицы, а вотъ что ея посланникъ объявилъ въ конференціи! можно было бы до моей смерти подождать съ такою деклараціею; и безъ того эти негодяи очень смѣлы; разузнайте, что за причина такого поступка Панина.» Какъ скоро Панинъ узналъ объ этомъ чрезъ надежнаго человѣка, то немедленно отправилъ къ Бенингу оригиналь императрицына рескрипта для уясненія дѣла королю. Между тѣмъ Тессинъ сообщилъ Панину, что королевскій отвѣтъ на деклараціи будетъ состоять въ слѣдующемъ: король узналъ съ великимъ удивленіемъ, будто бы въ Швеціи существуетъ намѣреніе возстановить самодержавіе и даже дѣлаются въ тайнѣ приготовленія; король тѣмъ болѣе удивляется такому слуху, что кромѣ слуховъ изъ Норвегій о датскихъ вооруженіяхъ въ пользу наслѣднаго принца, ни о чемъ подобномъ никакихъ неосновательныхъ разглашеній не выходило; король находился на счетъ этого въ полномъ спокойствіи, твердо полагаясь на святость присяги, на добросовѣстность его высочества наслѣдника, на должное бодрствованіе своего севата и на всенародную ненависть къ самодержавію; впрочемъ дружеское объявленіе со стороны императрицы король принимаетъ съ наиболѣе чувствительнѣйшею признательностію.

Вслѣдъ за Панинымъ датскій посланникъ Винтъ прочелъ Тессину отъ своего двора такую же декларацію относительно возстановленія самодержавія, и получилъ въ отвѣтъ то же изумленіе и тѣ же отговорки. Колпаки были въ восторгѣ отъ этихъ декларацій, шляпы были особенно встревожены, тѣмъ болѣе, что смотрѣли на русскую декларацію какъ на слѣдствіе паденія Лестока. Ласковость ихъ къ Панину усилилась. Предложеніе сенатора Палмстерна о созваніи чрезвычайнаго сейма было отклонено, ибо ненадѣялись на его счастливый исходъ среди двоихъ бдящихъ сосѣдей, которыхъ цѣль была явна.

Мы видѣли, что кронпринцъ непремѣнно хотѣлъ быть канцлеромъ упсальскаго университета. Онъ достигъ своей цѣли и старался пользоваться своимъ вліяніемъ въ университетѣ. Въ Упсалѣ бывала большая ярмарка; на эту ярмарку отправился Горлеманъ, женатый на фавориткѣ кронпринцессы, бывшей Фрейлинѣ Ливенъ; отправился онъ подъ предлогомъ осмотра университетскихъ строеній, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ поручить профессорамъ, которые получили это достоинство отъ

кронпринца, разглашать собравшемуся на ярмарку народу, что нечего бояться военныхъ приготовленій со стороны сосѣдей, что господствующая партія имѣеть въ рукахъ средство склонить русскій дворъ на свою сторону, съ помощію котораго не только можетъ противиться датскимъ видамъ, но и предупредить ихъ. Но Панинъ отправилъ на ярмарку также своего агента, Гека, секретаря крестьянскаго чина, который чрезъ своихъ друзей внушалъ, что русскій дворъ никогда не будетъ дѣйствовать за одно съ злогосподствующею партіею въ ея стараніяхъ возстановить самодержавіе; что воинскія приготовленія сосѣдей разумѣется не причинять никакого вреда Швеціи, ибо имѣють цѣлю сохраненіе ея вольности; несомнѣнно, что еслибъ Россія и Данія не охраняли такъ бдительно настоящей формы правленія, то Шведы давно были бы рабами извѣстной ватаги и подданными Франціи и Пруссіи. Гекъ, возвратившись изъ Упсалы, увѣрялъ Панина, что неудовольствіе противъ господствующей партіи страшное и ненависть къ кронпринцессѣ превосходитъ всякое вѣроятіе; собравшіеся на ярмарку крестьяне, жалуясь на свое бѣдственное положеніе, говорили, что все это зло привезла кронпринцесса съ собою; принца же считаютъ человѣкомъ слабымъ и неспособнымъ къ дѣламъ, которымъ управляетъ жена и графъ Тессинъ. Въ письмѣ къ канцлеру Бестужеву Панинъ передалъ свой разговоръ съ совѣтникомъ Фриденстерномъ, оказавшимся въ послѣднее время однимъ изъ самыхъ энергическихъ людей между колпаками. Фриденстернъ прямо объявилъ, что они не ждутъ никакого добра отъ наследнаго принца, и спросилъ конфиденціально Панина, могутъ ли они надѣяться, что императрица, умаливъ свою терпѣливость, наконецъ окажетъ правосудіе относительно неблагоустроенностей этого принца, и когда нація, благодаря ея оружію, увидитъ часть своего избавленія, отниметъ ли отъ него свою спасительную руку? «Вы получили такъ много доказательствъ, отвѣчалъ Панинъ, какъ ея величество всегда далека отъ того, чтобъ въ вашихъ домашнихъ дѣлахъ самовластно устанавливать какой бы то ни былъ порядокъ; вы можете быть удостовѣрены, что ея величество желаетъ одного — подкрѣплять вашу вольность; и такъ какъ до сей минуты никто изъ васъ предо мною не открывался относительно престолонаслѣдія, то я объ этомъ и не доносилъ

моей государынѣ, слѣдовательно и министеріальнаго отвѣта вамъ дать не въ состояніи. Вы можете легко понять, какой важности это деликатное дѣло и какой требуетъ прозорливости для тайнаго и осторожнаго произведенія своего. По моему мнѣнію, вамъ надобно предварительно имѣть въ этомъ секретѣ еще одного или двоихъ изъ знатнѣйшихъ добрыхъ патріотовъ, съ которыми вмѣстѣ вы можете просить ея величество о защитѣ и помощи, сдѣлавши прежде между собою твердое соглашеніе, какимъ образомъ произвести это дѣло въ дѣйствіе.» Фриденстернъ отвѣчалъ, что завтра же хочетъ ѣхать въ деревню къ сенатору Окергельму и уговориться съ нимъ, и такъ какъ кронпринцъ возведенъ въ свое достоинство по рекомендаціи императрицы, то онъ не желаетъ выгнать его изъ Швеціи съ какимъ-нибудь огорченіемъ, а будетъ стараться, чтобъ ему дали или пенсію или единовременное значительное вознагражденіе.

Въ концѣ мая Панинъ получилъ рескриптъ императрицы, въ которомъ ему предписывалось сдѣлать вторичное представленіе насчетъ возстановленія самодержавія. «Хотя, говорилось въ рескриптѣ, данный вамъ отъ королевскаго имени отвѣтъ насъ совершенно успокоилъ, ибо мы въ добрыхъ намѣреніяхъ короля удостовѣрены: однако собственный нашъ натуральный интересъ, съ которымъ связана безопасность нашей имперіи и соблюденіе тишины и равновѣсія на сѣверѣ, требуетъ такъ просто не полагаться на обнадеживанія графа Тессина. Опытъ довольно показалъ, какъ на тамошнія обнадеживанія можно было полагаться; возьмемъ въ примѣръ негоціаціи графа Тессина при датскомъ дворѣ и недавно заключенный договоръ съ прусскимъ королемъ: не были ли мы сильнѣйшимъ образомъ обнадеживаны, что они ни во что не вступятъ не увѣдомивъ насъ предварительно? И такъ какъ получаемыя изъ разныхъ мѣстъ и изъ самой Швеціи надежныя вѣдомости говорятъ, что въ Стокгольмѣ нѣкоторыми господами подъ рукою уже все распоряджено тотчасъ по представленіи короля вдругъ ввести самодержавіе, безъ извѣщенія государственныхъ чиновъ, и что въ секретнѣйшемъ комитетѣ будто постановлено, что государственные чины до 1751 года собираться не должны, то когда все это совершится, уже поздно будетъ съ нашей стороны принимать мѣры. Поэтому мы сочли необходимымъ поручить вамъ испросить у шведскаго мини-

стерства особливую конференцію и не только повторить уже сдѣланныя вами прежде словесныя представленія, но и вновь накрѣпко *декларовать*, что «хотя мы ничего такъ усердно не желаемъ какъ съ нашими сосѣдами, особенно же съ королевствомъ шведскимъ, пребывать въ ненарушимой союзнической дружбѣ и въ откровенномъ добромъ согласіи, наши обязательства съ Швеціею вѣрно исполнять и все то, что только къ нѣкоторымъ дальностямъ поводъ подать можетъ, рачительнѣйше искоренять: однако мы, еслибъ подтверждающееся вездѣ намѣреніе имѣлось тотчасъ по преставленіи короля настоящую форму правительства отмѣнить и самодержавіе снова ввести, что съ соблюденіемъ ненарушимой тишины и необходимаго равновѣсія на сѣверѣ отнюдь согласно не было бы, то мы на такую перемѣну равнодушно смотрѣть никакъ не могли бы; но, по силѣ принятыхъ съ Швеціею ништадтскимъ договоромъ обязательствъ, нашли бы принужденными въ такомъ важномъ дѣлѣ принять участіе и употребить наважнѣйшія мѣры для воспрепятствованія этой перемѣнѣ. А чтобъ однажды навсегда выйти изъ настоящаго сомнѣнія, чтобъ впредь не опасаться намъ за свой собственный интересъ и вольность шведскаго народа, то мы считаемъ нужнымъ прибавить къ этой деклараціи слѣдующее: еслибъ по смерти королевской вздумалось отмѣнить настоящую форму правленія въ Швеціи, то мы для предупрежденія всѣхъ будущихъ безпорядковъ приняли рѣшеніе—вступить съ корпусомъ нашихъ войскъ въ шведскую Финляндію, не какъ непріятельница, но какъ пріятельница, вѣрная союзница, защитница угѣсненной шведской вольности, по примѣру 1743 года, когда мы, на собственномъ иждивеніи корпусъ нашихъ войскъ въ Швецію посылали, дабы государство отъ тогдашнихъ сомнительныхъ внутреннихъ безпокойствъ и опасности избавить. Этотъ нашъ корпусъ не причинитъ обывателямъ Финляндіи ни малѣйшаго отягощенія, будетъ содержанъ на собственномъ нашемъ иждивеніи, въ немъ будетъ наблюдаться строгая дисциплина, въ той, разумѣется, надеждѣ, что вся шведская нація эти наши войска приметъ самымъ дружественнымъ образомъ. Если же, паче чаянія, нѣкоторые изъ Шведовъ, по частнымъ корыстнымъ видамъ, вознамѣрились бы эту нашу полезную предосторожность превратно толковать и въ предосужденіе своего оте-

чества намъ сопротивляться: въ такомъ случаѣ какъ собственные наши интересы, такъ и обязательство съ Швеціею необходимо потребуютъ, чтобъ мы за утѣсненную вольность націи дѣйствительно и сильно вступились и всѣхъ тѣхъ, которые помыслили бъ эту вольность нарушить, за измѣнниковъ своего отечества признавали, слѣдовательно съ ними, какъ съ нашими непріятелями и нарушителями внутреннего покоя поступили.»

Панину удалось достать постановленія секретной комиссіи на счетъ возстановленія самодержавія по смерти королевской; пересылая ихъ къ своему двору, онъ жаловался на слабое состояніе русской партіи: «Ихъ (членовъ русской партіи) настоящая ситуація такого состоянія, что они съ наилучшимъ въ свѣтѣ намѣреніемъ и диспозиціею прежде не могутъ пошевелиться, пока такого щита предъ собою не увидятъ, который бы при самомъ началіи дѣла отъ перваго удара со стороны злой партіи ихъ могъ спасти, чего они тѣмъ паче опасаются, ибо ихъ имена весьма знатны суть и потому они страшатся, чтобъ ихъ первою кровію все дѣло не вѣнчалось.» Главная трудность дѣла, по мнѣнію Панина, состояла въ томъ, что не было способа къ составленію хотя немногочисленной, но формальной партіи, чтобъ всѣхъ привести подъ одну дирекцію и постановить общую систему, чтобъ они могли свои растерянные разсужденія сдѣлать единомысленными и каждый бы прямо зналъ, отъ кого онъ зависитъ; вовторыхъ, трудно опредѣлить время, образъ и обстоятельства, при которыхъ дѣло должно начаться; они ничего такъ не боятся, какъ быстрого и нечаяннаго для себя удара, и наступающую зиму ожидаютъ съ ужасомъ, а замерзшее море почитаютъ своею могилою. Помогать ему, Панину они ни въ чемъ не могутъ, ибо не имѣютъ въ дѣлахъ, никакого участія, живутъ въ уединеніи безъ сношеній другъ съ другомъ, а если случится имъ неожиданно свидѣться, то при этомъ свиданіи происходятъ одни разсужденія и вздохи, которые и служатъ имъ общою отрадою.

Панинъ успѣлъ достать и реляцію шведскаго посланника Генкена изъ Берлина отъ 24 ноября 1747 года, въ которой описывается слѣдующій разговоръ Генкена съ Фридрихомъ II: «Понеже, говорилъ Генкенъ, обязательствомъ между сими высокими дворами намѣренія и аванжажи обоихъ государствъ (Швеція

и Пруссіи) такъ равномѣрными и нераздѣлимыми учинены, что никакой иной разности кромѣ порядка въ правительствѣ не стоитъ: того ради и секретный аусшусъ (коммиссія) государственныхъ чиновъ старался, чтобъ въ томъ возможное равенство доставить, дабы обои ихъ величества другъ друга съ равною властію и равномѣрною скоростію, когда то потребно будетъ, во всемъ способствовать могли. Его королевское величество прусское (пишетъ Гепкенъ) о томъ великое удовольствіе оказывалъ, а особливо понеже онъ въ такомъ мѣстѣ находился, что имѣвшее его по причинѣ того съ графомъ Тессинимъ совѣтованіе, какъ его королевское высочество въ Швецію перевезенъ быть имѣлъ, къ тому первый поводъ подало, и его величество присовокупилъ къ тому, что безъ такой перемѣны постановленное обязательство въ такомъ состояніи и силѣ, какъ оное нынѣ есть, никогда съ безопасностію прочно пребывать не могло бѣ; однакожъ онъ опасается, что иногда противная партія, которая російскаго и датскаго дворовъ виды подкрѣпляетъ, въ дѣйствительномъ произведеніи такого секретнаго аусшуса полезнаго распоряженія препятствовать можетъ.» Подлѣ этого мѣста канцлеръ Бестужевъ сдѣлалъ замѣтку для императрицы: «Изъ него усматривается, что еще при трактованіи о супружествѣ короннаго наслѣдника вредительное намѣреніе о введеніи самодержавства въ виду имѣлось. Ея импер. величеству правда невозможно было тогда сего предусмотрѣть, но Бриммеръ и Лестокъ, кои главнѣйше на сіе супружество присовѣтовали, конечно о томъ знали. Только жъ канцлеръ и тогда еще противу того представлялъ, какъ-то ея импер. величество чаятельно о томъ припамятовать изволить.» 15 іюля Панинъ писалъ канцлеру Бестужеву: «Я не въ состояніи предусмотрѣть никакого способа, которымъ бы можно было не допустить прусскій дворъ вмѣшаться въ игру, если только она начнется введеніемъ самодержавія; дѣло кончится здѣсь прежде, нежели будетъ получено извѣстіе о его началѣ. Со стороны народа никакой надежды на сопротивленіе не видно. Добрые патріоты сами собою ни на что не отважатся, пока не увидятъ себя въ безопасности въ слѣдствіе помощи своихъ союзниковъ, явившейся среди Швеціи; а наступающая зима эту надежду у нихъ отнимаетъ. Еслибы возможно было еще вы-

иѣшнюю осенью нечаянно вступитъ въ Швецію съ требованіемъ созванія сейма, и тѣмъ предупредить Пруссію?»

Сношенія съ Корфомъ замедлили подачу второй русской деклараціи противъ введенія самодержавія; когда она была подана, графъ Тессинъ, встрѣтившись 24 августа съ Панинымъ на половинѣ кронпринцессы, сталъ ему говорить, что прежде подачи формальнаго отвѣта на декларацію онъ хочетъ объясниться съ нимъ дружески по этому дѣлу, и просилъ, чтобъ Панинъ говорилъ съ нимъ теперь не какъ съ министромъ, но какъ съ пріятелемъ, который его особенно почитаетъ за честнаго чловека и благонамѣреннаго министра. «Я спрашиваю, продолжалъ Тессинъ, у васъ совѣта, какимъ образомъ сочинить нашъ отвѣтъ: войдите въ наше положеніе, почувствуйте тотъ ударъ, который такая декларація наноситъ намъ, обратите безпристрастное вниманіе на независимость, какою должна пользоваться каждая держава.» Панинъ отвѣчалъ, что хотя бы онъ имѣлъ и высокое понятіе о своихъ политическихъ способностяхъ, то и тогда не воспользовался бы его учтивостію и не осмѣлился своими совѣтами предупредить рѣшеніе его двора; теперь же тѣмъ менѣе можетъ это сдѣлать, ибо не сознаетъ въ себѣ достаточной къ тому способности. Но, желая отвѣчать дружеской откровенности, онъ не можетъ скрыть предъ нимъ, что и ему декларація кажется очень важною и достойною всякаго вниманія; время всего лучше оправдаетъ то или другое и несомнѣнно поставитъ дѣло въ желаемое положеніе, почему и тревожиться много не слѣдуетъ, если онъ твердо увѣренъ, что никакого замысла противъ правительственной формы въ Швеціи не существуетъ. Тессинъ отвѣчалъ: «Я чувствую основательность вашего разсужденія и въ послѣднемъ случаѣ очень спокоесь; но примите во вниманіе тотъ случай, когда одна держава объявляетъ другой, что она безъ всякаго требованія, приняла рѣшеніе вступить съ войскомъ въ ея области: какъ должна послѣдняя держава принять такую декларацію? Каждое правительство должно сохранять внутреннюю и виѣшнюю тишину своего отечества, при чемъ тогда только обращается за помощію къ союзникамъ, когда сама не имѣютъ къ тому способствъ; но Швеція теперь, благодаря Бога, такой для себя нужды не предусматриваетъ.»—«Прежде чѣмъ я вамъ буду отвѣчать, сказалъ Панинъ,

я попрошу изъясненія на два пункта: 1) возможное ли дѣло, чтобъ вся шведская нація единогласно захотѣла отмѣнить настоящую форму правленія? и во 2) какъ вы толкуете седьмую статью ниншадтскаго договора?» Тессинъ нѣсколько времени собирался съ мыслями, и потомъ отвѣчалъ: «Первое я считаю совершенно невозможнымъ; а седьмая статья имѣетъ силу когда бы дѣйствительно настоялъ такой случай, и мы потребовали бы русской помощи.»—«Позвольте вамъ припомнить, сказалъ на это Панинъ, что когда я прѣбхалъ сюда, то вы меня предупреждали на счетъ существованія разныхъ партій въ королевствѣ; мы теперь наиримѣрь и можемъ предположить, что одна изъ этихъ партій замыслила по кончинѣ королевской перемѣнить форму правленія и произведетъ это въ дѣйствіе на сеймѣ, имѣя у себя большинство голосовъ: спрашивается, отъ кого ожидать тогда требованія относительно исполненія обязательствъ и можно ли въ такомъ случаѣ предупредить вредное дѣло? Разсмотрите своимъ здравымъ разсужденіемъ, какіе бы Россія потаенные и своекорыстные виды могла имѣть противъ Швеціи, чтобъ пользоваться ей такими вѣроломными стратагемами? Она не ищетъ распространенія своихъ границъ, чему достаточные опыты имѣются, а другихъ какихъ-нибудь видовъ и представить себѣ нельзя. Она можетъ имѣть въ виду только сохраненіе всеобщаго спокойствія, что несомнѣнимо съ перемѣною формы здѣшняго правительства, и я могу васъ увѣрить, что когда въ Швеціи не будутъ думать объ этой перемѣнѣ, то никогда не увидятъ въ своихъ предѣлахъ сосѣдскаго войска.» Тессинъ поблагодарилъ за дружеское объясненіе.

Понятно, что въ Россіи не хотѣли употребить рѣшительныхъ мѣръ, посылать войско безъ всякаго требованія со стороны Шведовъ; хотѣли помѣшати возстановленію самодержавія посредствомъ самихъ же Шведовъ, и потому требовали отъ Панина, чтобъ онъ поддерживалъ партію противниковъ самодержавія и назначили для этого 50000 рублей. Панинъ долженъ былъ повторить: «Такъ называемые благонамѣренные патріоты всегда готовы брать наши деньги; но при настоящемъ положеніи здѣшнихъ дѣлъ нельзя ожидать отъ этого никакой пользы; ибо безъ прикрытія своихъ спиць они не ополчатся, тѣмъ болѣе, если они увидятъ, что все это клонится только къ отстраненію

самодержавія, тогда какъ у каждаго изъ нихъ другая цѣль: низверженіе господствующей партіи и полученіе знатныхъ чиновъ и должностей. Если по выключеніи двухъ или трехъ человекъ, по всемъ другимъ моимъ знакомымъ разсуждать о всемъ шведскомъ народѣ, то надобно прійти къ заключенію, что онъ не понимаетъ общаго блага и пользы отечества, но каждый преслѣдуетъ собственныя цѣли. Зависть и ненависть съ одной стороны, а деньги съ другой — вотъ побужденіе и хорошаго и дурного.» Къ канцлеру Бестужеву Панинъ писалъ, что онъ не имѣетъ искусства и качествъ, нужныхъ для составленія партіи, не можетъ столько обращаться между людьми, ибо нравъ его требуетъ уединенія, при чемъ и тупорѣченіе препятствуетъ.»

30 августа Панинъ былъ приглашенъ на конференцію, гдѣ получилъ отвѣтъ на деклараціи, состоявшій въ слѣдующемъ: «Декларации, которую кронпринцъ недавно издалъ по собственному соизволенію, что онъ желаетъ оставить неприкосновенною настоящую форму правленія, достаточно къ уничтоженію всякаго подозрѣнія. Если же и послѣ того обнаружилось бы какое-нибудь покушеніе на вольность и права народа, то правительство имѣетъ достаточно средствъ для сопротивленія подобному покушенію. Если же, не смотря на это, ея импер. величество, безъ предварительнаго и формальнаго требованія съ шведской стороны, приказала войскамъ своимъ перейти границы, то подобный поступокъ будетъ принятъ за нарушеніе всенародныхъ правъ и за явный разрывъ, который понудитъ Швецію употребить для защиты своей всѣ данныя ей Богомъ средства.»

Датскій посланникъ, готовившій также декларацію въ смыслѣ русской, узнавши объ отвѣтѣ, испугался и не подалъ никакой деклараціи. Панинъ писалъ канцлеру Бестужеву: «Вашею высокографскаго сіятельства ко мнѣ высокая милость и протекція всегда меня дерзновеннымъ предъ вами учиняетъ; но, милостивый государь, при такихъ мнѣ критическихъ обстоятельствахъ здѣшнихъ дѣлъ еслибы я сей доступи еще не имѣлъ, то бѣ какъ возможно было по сіе время мнѣ спастися? ибо поистинѣ признаюся, что теперь не вижу какъ безпорочно наконецъ освободиться: того ради всепокорнѣйше прошу милостиво разсмотрѣть мои слабыя мнѣнія. Датскій дворъ довольно оказалъ свое правило—ко всему склоняться, не производя ничего въ дѣйство и

съ предосужденіемъ доброй вѣрѣ искать временныхъ выгодъ. Можетъ быть онъ надѣется много и на то, что видитъ насъ съ Швеціею въ такихъ замѣшательствахъ, и надѣется этимъ себя сохранить отъ опасности, которой когда-нибудь, рано или поздно можетъ подвергнуться въ слѣдствіе своего поведенія. Правда еще можно сколько-нибудь надѣяться, что на введеніе въ Швецію самодержавія дворъ этотъ равнодушно глядѣть не можетъ: но онъ ограничится тѣмъ, что не признаетъ самодержавія въ Швеціи, въ надеждѣ, что Россія будетъ дѣйствовать противъ нея всѣми своими силами, и такимъ образомъ все бремя шведскихъ дѣлъ падетъ на одну Россію, если только англійскій дворъ не будетъ дѣйствовать съ нами сообща. По этому было бы желательно, чтобъ лондонскій и вѣнскій дворы о здѣшнихъ дѣлахъ получили самое ясное понятіе, какого они до сихъ поръ не имѣютъ. Весь интересъ нашихъ, высокихъ союзниковъ состоитъ въ томъ, чтобъ шведскій король самъ собою не былъ въ состояніи начать войну, вступить въ новыя обязательства и умножать свою военную силу. Когда Англія захочетъ серьезно приступить къ дѣлу, то она силою своихъ денегъ можетъ много облегчить; въ противномъ случаѣ я не вижу возможности помѣшачъ здѣшнему перевороту, кромѣ долготѣйшей войны; если же не воевать, то надобно будетъ осудить себя на исключеніе изъ общихъ европейскихъ дѣлъ, ибо какъ скоро здѣсь характеръ правленія перемѣнится, то Россіи придется думать только, о собственныхъ своихъ дѣлахъ. Признаюсь предъ вашимъ высокографскимъ сіятельствомъ, что моя нынѣшняя жестока, здѣшняя жизнь кажется мнѣ безплодною.»

Извѣстный совѣтникъ Фриденстерна предлагалъ Панину ввести въ Финляндію корпусъ русскаго войска съ опубликованіемъ причинъ этого поступка и созвать сеймъ въ Финляндіи, на что эта страна имѣетъ полное право. Панинъ писалъ императрицѣ, что онъ въ этомъ предложеніи находитъ нѣкоторое основаніе, ибо въ прошломъ вѣкѣ особые финляндскіе сеймы бывали. Въ то же время Панинъ доносилъ о намѣреніи господствующей партіи заставить короля подписать отреченіе отъ престола въ пользу наслѣднаго принца, что сдѣлать легко по душевному и тѣлесному состоянію короля, который подпишетъ актъ не читая. Панинъ переслалъ въ Петербургъ и копію заготовленнаго

уже акта отреченія. Вѣнскій дворъ хлопоталъ, чтобъ шведское правительство издало обнадеживательскій актъ, что правительственная форма измѣнена не будетъ; когда австрійскій резидентъ упомянулъ о необходимости этого акта французскому послу, то послѣдній замѣтилъ, что такой необходимости нѣтъ, ибо седьмой параграфъ Ништадтскаго мира викакого дѣйствія имѣть не можетъ: онъ въ абовскомъ трактатѣ не повторенъ, а между всѣми державами въ обычаѣ послѣдними трактатами именно и спеціально обозначать прежнія обязательства.

Между тѣмъ Панинъ получилъ изъ Россіи 50000 рублей, назначенныхъ для сформированія партіи. Несчастный посланникъ не зналъ, что съ ними дѣлать и писалъ канцлеру Бестужеву: «Ваше высокографское сіятельство конечно сами просвѣщенно вѣдать изволите, что съ одними такъ-называемыми добрыми патриотами ничего начать нельзя въ надеждѣ добраго успѣха. Другое дѣло, еслибъ мы имѣли въ сенатѣ одного или двухъ достойныхъ вождей; опытъ доказалъ, какъ недостаточно управление партіею посредствомъ иностраннаго министра, хотя бы онъ обладалъ гораздо большими для того качествами, чѣмъ я. Можетъ служить примѣромъ и противная здѣшняя партія: она конечно не французскими министрами, но внутренними ея вождями управляется и содержится и укорененіе свое въ дѣлахъ получила чрезъ сенаторскій подкупъ; напротивъ того наша сторона, какъ скоро въ 38 году потеряла свою силу въ сенатѣ, то послѣ при разныхъ и очень полезныхъ случаяхъ не могла поправиться. Не вижу другого способа къ началію формированія партіи, какъ подкупъ двоихъ или троихъ сенаторовъ, которые бы имѣли всѣ нужныя для вождя партіи качества, и взяли на себя дѣло составленія партіи, и такъ какъ время сейма еще не близко, а дѣло требуетъ большихъ расходовъ, то англійскій дворъ можетъ здѣсь своимъ золотомъ преодолѣть силу Франціи.» Большихъ хлопотъ стоило провезти деньги въ Стокгольмъ, чтобъ утаить ихъ отъ таможенныхъ чиновниковъ. Гвардейскій каптенармусъ и переводчикъ привезли ихъ изъ Копенгагена. Переводчикъ оставилъ своего товарища съ деньгами за воротами Стокгольма, а самъ пріѣхалъ къ Панину. Тотъ выѣхалъ съ секретарями своими на охоту и остановился ночевать въ трактирѣ, гдѣ жилъ курьеръ съ деньгами подъ предлогомъ болѣзни; ночью перенесли

сумы съ деньгами въ комнату посланника, который вмѣстѣ съ секретарями надѣли ихъ на себя подѣ епанчи и такимъ образомъ провезли въ городъ.

Панину предстояло еще тяжелое дѣло — подать третье требование своего двора шведскому правительству. 26 октября императрица анпробовала слѣдующій рескриптъ къ нему: «Мы изъ вашихъ донесеній усмотрѣли, какимъ образомъ вы учинили вторичную декларацию шведскому министерству и какой неудовлетворительный для насъ отвѣтъ данъ вамъ королевскимъ именемъ. Мы за наилучшее изобрѣли требовать, чтобъ шведскій дворъ вступилъ съ нами въ особливую негоціацию для постановленія торжественной конвенціи, чтобъ Швеція нынѣшнюю форму правленія отнюдь и ни подѣ какимъ видомъ не отмѣняла, напротивъ чего мы обязались бы не только эту форму правленія, но и установленное тамъ наследство гарантировать и пригласить къ той же конвенціи всѣ дворы. При врученіи этой промеморіи вамъ подается наилучшій способъ содержаніе ея подкрѣпить дальнѣйшими разсужденіями и явственно показать, какъ неприличенъ данный съ шведской стороны отвѣтъ, и какъ этотъ новый съ нашей стороны поступокъ свидѣтельствуесть о нашихъ прямо дружескихъ къ шведскому двору чувствахъ, особенно къ наследному принцу, ибо кромѣ того, что мы ревнуемъ о соблюденіи правъ и вольности сосѣдственной намъ націи, мы не хотимъ допустить, чтобъ принцъ, покусившійся когда-нибудь ихъ нарушить, преступилъ учиненную имъ присягу и тѣмъ въ началѣ своего правленія возбудилъ ропотъ цѣлой націи, любящей свою вольность, и сдѣлалъ бы это принцъ, въ возведеніи котораго въ его достоинство мы принимали такое участіе. Это довольно показываетъ, основательны ли были разсѣянные повсюду злостные слухи, будто мы старались ниспровергнуть наследство, нами самими установленное, когда мы стараемся заблаговременно отвратить и то, что могло бы служить поводомъ къ такому ниспроверженію. Теперь шведскому министерству представляется послѣдній случай показать намъ искренность тѣхъ увѣреній, какія оно намъ непереставало твердить: имъ стоитъ только вступить въ предлагаемую конвенцію, что имъ сдѣлать легко когда они обнадеживаютъ не имѣть никакого помышленія объ отмѣнѣ нынѣшней формы правленія; это для нихъ и вы-

годно, ибо они разомъ освободятся отъ безпокойствъ, въ какихъ ихъ содержатъ продолжающіяся со всѣхъ сторонъ вооруженія.»

Канцлеръ писалъ Панину: «Я вашему высокоблагородію откроюсь, что мы подлинно осмотрѣя никакого скоропостижнаго безъ разсужденія поступка не сдѣлаемъ и первые въ огонь не бросимся, хотя при томъ и всегда готовы будемъ ко всему тому, чего обстоятельства и сходство всевысочайшихъ интересовъ потребовали бѣ. Я вѣрю, что господа Датчане больше всѣхъ ошибутся, да и не худо, чтобъ они ошибку свою прямо почувствовали. Ея импер. величество со всѣмъ тѣмъ однакожъ всевысочайше намѣрена къ датскому двору ни малѣйшей наружной отѣнны въ своихъ сентиментахъ не показывать, но паче стараться, что ежели бѣ начатую съ онымъ негоціацію о шведскихъ дѣлахъ пресѣчь должно было, то такимъ образомъ сдѣлать, чтобъ датскій дворъ тому виновнымъ оставался; а впрочемъ, что до Шведовъ самихъ принадлежитъ, то хотя мы и по дѣйствительной отѣннѣ ихъ формы правительства первые войну съ ними начать не намѣрены, а еще меньше не учиня съ союзниками нашими предварительнаго соглашенія, однакожъ, когда съ здѣшней стороны въ нынѣшней вооруженной позитурѣ останемся, то можетъ быть сіе одно довольно сильнымъ способомъ будетъ Шведовъ самихъ о томъ въ раскаяніе привести и иногда до того достигнуть, что сами жъ они принуждены были бѣ на нынѣшнюю форму правленія возстановить, когда собственные ихъ подданные, и безъ того великими налогами и податями отягощенные, продолжаемымъ для того далѣе непрестаннымъ вооруженіемъ въ совершенное отчаяніе приведены будутъ и противъ самовластнаго правительства возстанутъ, еже толь имовѣрнѣе есть, ибо извѣстно, что они ни третьей доли того не снесутъ, еже ея импер. величество безъ всякаго труда въ дѣйство произвести можетъ. Все сіе единственно для собственнаго вашего извѣстія остаться имѣеть, а впрочемъ ни мало не препятствуетъ, чтобъ ваше высокоблагородіе по прежде даннымъ вамъ наставленіямъ не старались благонамѣренныхъ въ Швеціи сколько можно ободрять и ихъ при лучшихъ сентиментахъ содержать. Ничего лучше быть не могло бѣ какъ, пріобрѣтя Финляндію, Шведовъ съ Датчанами ихъ жребію оставить; но происхо-

дѣянія иногда отъ того слѣдствія не толь легко предвидѣть можно, какъ бы такое предпріятіе требовало; но паче опасаться надобно, что такимъ образомъ и самыя наши союзники не только за случай союза не признали бѣ, но паче мы наступательною стороною признаны быть могли бѣ. Впрочемъ я охотно и совершенно вступаю въ разсужденіе вашего высокоблагородія касательно до жестокой тамо вашей жизни. Но ваше высокоблагородіе противу того сами жѣ разсудить изволите, такіа ли нынѣ обстоятельства, чтобѣ ея импер. величество могла хотя на малое время оттуда взять такого человѣка, на вѣрность котораго ея величество полагаются изволить и искусство его къ нынѣшнему соглашенію тамошнихъ дѣлъ весьма нужнымъ назвать.»

Письмо было очень лестно; но съ Панина не слагалась обязанность имѣть дѣло съ «благонамѣренными», которые, по его мнѣнію, никуда не годились, и онъ долженъ былъ подать третью декларацію, отъ которой не ждалъ никакой пользы.

Третья декларація была отдана Панинымъ шведскому министерству 4 января 1750 года; отвѣтъ полученъ былъ 26 числа того же мѣсяца, и состоялъ въ рѣшительномъ отказѣ вступить въ какую-либо конвенцію относительно формы правленія. Такъ какъ Австрія и Саксонія подкрѣпляли предложеніе русскаго двора, то шведское министерство объявило, что король, для уничтоженія въ Европѣ всякаго сомнѣнія относительно своихъ миролюбивыхъ намѣреній, гарантируетъ всѣми своими союзниками, что онъ первый никогда мира не нарушитъ, и если русскій дворъ приметъ эту гарантію и съ своей стороны дастъ такую же, то спокойствіе свѣчасъ же возстановится. Панинъ переслалъ канцлеру свое мнѣніе, что такую гарантію Россія совершенно отказалась бы отъ права противодѣйствовать перемѣнѣ правительственной формы. Шведы хорошо знаютъ, что русскій дворъ пойметъ въ чемъ дѣло; но имъ хочется усыпить союзниковъ Россіи, которые, быть можетъ, не такъ далеко проникаютъ въ шведскія дѣла, могутъ смѣшать перемѣну правительственной формы съ нарушеніемъ мира и ослабить свое вниманіе, такъ что Россія одна останется занятою шведскими дѣлами, что для Франціи и Пруссіи очень желательно. Весь безпристрастный свѣтъ долженъ признать, что противовѣсіе Франціи заключает-

ся въ силахъ одной Россіи, которой при шведской перемѣнѣ нельзя будетъ принимать большого участія въ общихъ дѣлахъ для пользы своихъ союзниковъ. Одно средство однажды навсегда пріобрѣсть безопасность и со славою окончить принятыя относительно Швеціи мѣры—это получить отъ нашихъ союзниковъ формальную гарантію на счетъ ненарушимости шведской формы правленія, при чемъ въ особомъ секретномъ актѣ обозначить всѣ касающіеся дѣла пункты, отмѣною которыхъ можетъ быть нарушена общая система равновѣсія и при такомъ нарушеніи постановить признаніе союзнаго случая (*casus foederis*). Этимъ разсмотрѣніемъ нынѣшній образъ шведскаго правленія введется въ генеральную форму всей Европы и господствующая въ Швеціи партія лишится возможности называть ее домашнимъ дѣломъ. Это выраженіе: «домашнее дѣло» можетъ имѣть силу въ юридическихъ школахъ между простымъ народомъ, а не въ кабинетахъ державъ.—Бестужевъ отвѣчалъ на это *благоразсудительное* мнѣніе, что его нельзя довольно выхвалить. «Я, писалъ канцлеръ, не оставилъ бы стараться надлежащее по оному употребленію учинить; но зная вашему высокоблагородію можетъ быть не такъ свѣдомыя диспозиціи нашихъ союзниковъ, я предусматриваю, что сей хорошій планъ и чрезъ долгое время своего совершенства едва достигъ бы. Прошедшая война ихъ такъ засуетила, что они по нынѣ ни о какихъ постороннихъ дѣлахъ помышлять не хотятъ, по меньшей мѣрѣ ни на что не поступятъ, не протягивая вдаль, еже не иначе какъ противной сторонѣ поводъ подавали бъ тому перечить, умалчивая, что Англія и безъ того едва похотѣла бъ шведскую форму правительства (гарантировать), не приглашая къ тому Франціи. Такимъ образомъ легко сдѣлаться могло бъ, что чинимыя нами о томъ пропозиціи втунѣ остались бы, слѣдовательно теперь наилучшее есть, находясь по всякимъ происшествіямъ въ готовности, смотрѣть и обождать, какое теченіе дѣла примутъ, потомъ уже свои мѣры принимать. Когда наши союзники, а именно: вѣнскій, лондонскій, копенгагенскій и дрезденскій дворы на учиненныя отъ насъ имъ по шведскимъ дѣламъ представленія и требованія никакого удовольствительнаго отвѣта не дали, то и мы всѣ учиненныя отъ нихъ здѣсь по тѣмъ же дѣламъ пропозиціи въ молчаніи оставлять будемъ, дабы они и самымъ малѣй-

нимъ съ здѣшной стороны отвѣтомъ не дѣлали себѣ меритовъ (заслугъ) ни при шведскомъ, ни при французскомъ, ниже прусскомъ дворахъ, а еще меньше всѣ о нашихъ намѣреніяхъ извѣстны были. Постараемся лучше одни, елико можно, цѣлость нашихъ интересовъ наблюдать⁵⁴»

Особенно поведение Англіи заставляло думать о томъ, какъ бы «однимъ цѣлость нашихъ интересовъ наблюдать.» Въ Лондонѣ Чернышевъ объявилъ герцогу Ньюкестлю, завѣдывавшему сношеніями съ сѣверными государствами, что императрица надеется, въ случаѣ если Швеція не обратитъ никакого вниманія на представленія Россіи о неперемѣннѣ формы правленія и Россія будетъ принуждена исполнять обязательства виштадтскаго договора, то Англія признаетъ здѣсь случай союза и не откажетъ въ помощи. Ньюкестль отвѣчалъ, что сомнѣвается, чтобъ Франція допустила Швецію заключить съ императрицею какую-либо новую конвенцію о формѣ правительства; французскій дворъ находится въ твердомъ мнѣніи, что сдѣланное короннымъ шведскимъ наслѣдникомъ объявленіе достаточно для успокоенія всего свѣта, что въ Швеціи и не помышляется о введеніи самодержавія; Франція отказалась исполнить требованіе лондонскаго двора, склонить шведское правительство внести небольшую перемѣну въ манифестъ короннаго наслѣдника для большаго разъясненія дѣла; Франція основала свой отказъ на томъ, что такіа требованія относительно внутреннихъ дѣлъ неприличны и достоинству Швеціи, какъ вольной державы, предосудительны; къ этому французскій посоль прибавилъ, что очень жаль, если сдѣланная Швеціею успокоительная декларация не будетъ имѣть успѣха и на сѣверѣ возгорится война, ибо пламя этой войны распространится по всей Европѣ. Когда Чернышевъ подалъ промеморію о томъ, что Панинъ представилъ шведскому правительству третью декларацию, то Ньюкестль сказалъ, что въ отвѣтъ на промеморію будетъ заключаться просьба англійскаго правительства къ императрицѣ, чтобъ она удержалась относительно Швеціи отъ всякихъ поступковъ, которые могутъ назваться наступательными, тѣмъ болѣе, что лондонскій дворъ не можетъ признать случая союза и слѣдовательно обязанности помогать Россіи, когда послѣдняя введетъ свое войско въ Финляндію единственно изъ досады, что Швеція откажется заклю-

чить требуемую от нея конвенцію относительно переменъ правительственной формы. Чернышевъ выразилъ удивленіе относительно того, какъ этотъ отвѣтъ на его промеморію мало согласуется съ тѣмъ искренними союзническими чувствами, которыми лондонскій дворъ много разъ выражалъ императрицѣ; Чернышевъ ставилъ на видъ, какъ Англія заинтересована въ этомъ дѣлѣ не только относительно политическаго равновѣсія, о которомъ она такъ заботится, но и относительно своей торговли; и та и другая потерпятъ ущербъ, если въ Швеціи возстановится самодержавіе. «Я совершенно съ вами согласенъ, отвѣчалъ Ньюкестль, для Англіи крайне важно, чтобъ въ Швеціи не было возстановлено самодержавіе, и нашему двору очень пріятно, что для недопущенія этого императрица держитъ войско наготовѣ; но у насъ еще не усматривается никакой необходимости, чтобъ императрица велѣла своимъ войскамъ предпринять наступательное движеніе, нашъ дворъ не имѣетъ доказательствъ могущихъ его удостовѣрить, что Швеція дѣйствительно намѣрена измѣнить свою правительственную форму; коронный наследникъ, для котораго такая переменъ должна произойти, не можетъ вступить на престолъ, пока старый король еще живъ. Французскій дворъ продолжаетъ увѣрять, что переменъ никакой не послѣдуетъ, что объ этомъ тамъ и не думаютъ, а еслибъ что-нибудь подобное затѣвалось, то онъ самъ готова тому сопротивляться какъ дѣлу несогласному съ ея интересами. Съ другой стороны маркизъ Пюизіе объявилъ нашему посланнику лорду Альбемарлю, что если Россія дѣйствительно, какъ грозитъ, двинетъ свои войска въ Финляндію, то Франція союзника своего не оставитъ, но вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ немедленно подастъ ему помощь. Я вамъ скажу откровенно, продолжалъ Ньюкестль, что нашъ дворъ, недавно освободившись отъ разорительной войны, теперь ни подъ какимъ видомъ въ новую войну вступить не склоненъ, да и не въ состояніи по усилившемуся государственному долгу, не поправа своихъ финансовыхъ дѣлъ; вотъ почему нашъ дворъ и считаетъ своею главною обязанностію не давать вашему двору обѣщаній, какихъ сдержать не въ состояніи и потому долженъ отвлекать императрицу отъ всего того, что могло бы повлечь къ войнѣ, тѣмъ болѣе, что Россія можетъ имѣть противъ себя Францію, Швецію, Прусе-

сію и даже Турцію. И вѣнскій дворъ согласенъ съ нашимъ взглядомъ.» Герцогъ Бедфордъ, завѣдывавшій сношеніями съ южными государствами, еще разъ объявилъ Чернышеву, что если Россія начнетъ войну съ Швеціею, то Англія не приметъ въ ней никакого участія, случая союза по договору не признаетъ, но крайней мѣрѣ онъ, Бедфордъ въ королевскомъ совѣтѣ будетъ настаивать, чтобъ случай союза не былъ признанъ. Англіи нельзя втягиваться въ новую войну по причинѣ громадности своего долга. При этомъ онъ высказалъ неудовольствіе, что императрица, безъ вѣдома его двора, велѣла подать Панину третью декларацию. «Я, говорилъ Бедфордъ, совершенно согласенъ съ французскимъ дворомъ, что декларациа наследнаго принца достаточна для успокоенія; никакая конвенція большаго ручательства не дастъ, и я не увѣренъ, чтобъ императрица, по абовскому договору, имѣла право требовать отъ Швеціи большихъ ручательствъ.»

Чернышевъ уговаривалъ обоихъ герцоговъ, чтобъ они не очень боялись французскихъ угрозъ, которыя останутся недѣйствительными при твердомъ союзѣ между Россіею, Англіею и Австріею; у Англіи есть лучшее средство прекратить французскія угрозы — это дать на русскую промеморію благопріятный отвѣтъ. «Я однако не надѣюсь, писалъ Чернышевъ, чтобъ мои представленія имѣли какой-нибудь успѣхъ. Сомнѣнія мои основываются на слѣдующемъ: вопервыхъ, на страхѣ англійскаго министерства предъ новою войною; вовторыхъ, на великой экономіи въ расходахъ, которая теперь здѣсь наблюдается; втретьихъ, на несогласіи министровъ въ королевскомъ совѣтѣ, которое производитъ остановку въ иностранныхъ дѣлахъ.» Въ слѣдующихъ депешахъ Чернышевъ между прочимъ извѣщалъ свой дворъ о разговорахъ Ньюкестля съ посланникомъ прусскимъ. Послѣдній внушалъ, что англійскій король долженъ употребить свое стараніе при русскомъ дворѣ для отвращенія императрицы отъ нападенія на Швецію; въ противномъ случаѣ король его не можетъ быть равнодушнымъ и будетъ привужденъ, по оборонительному договору съ Швеціею, подать ей помощь. Ньюкестль отвѣчалъ ему, что у Англіи съ Россіею оборонительный союзъ, и потому если Россія начнетъ съ Шве-

цією наступательную войну, то Англія въ этой войнѣ участія не приметъ ⁵².

Чернышевъ былъ очень не доволенъ этимъ отвѣтомъ англійскаго министерства, Панинъ былъ очень недоволенъ пунктами внушеній, представленными шведскому министерству отъ другой союзницы Россіи, Австріи. Въ этихъ пунктахъ говорилось, что римская императрица не можетъ представить никакихъ новыхъ способовъ къ соглашенію между Россіею и Швеціею, и ожидаетъ съ шведской стороны, не сыщутся ли такіе способы, которыми бы возможно было какъ можно скорѣе установить тишину. Римская императрица обѣщаетъ, безъ требованія или предписанія, представить русской императрицѣ, не можетъ ли она удовольствоваться шведскими обнадеживаніями и приказать отвести отъ границъ своихъ лишнія войска. Шведское министерство отвѣчало благодарностію за попеченіе о мирѣ и просьбою о продолженіи этихъ попеченій. Шведскій король, говорилось далѣе въ отвѣтѣ, утѣшаетъ себя надеждою, что дѣла уладятся мирно, тѣмъ болѣе, что подозрѣніе на счетъ переѣзны правительственной формы, совершенно неосновательно; это доказывается извѣстнымъ манифестомъ наслѣднаго принца 12 іюля 1749 года, и хотя манифестъ касался только шведскихъ подданныхъ, однако, по своей сущности, достаточенъ для удовлетворенія Россіи и другихъ державъ. Другихъ способовъ удовлетворенія безъ предосужденія своей независимости, Швеція не знаетъ.

Панинъ былъ недоволенъ австрійскими внушеніями, но когда ему прислали изъ Петербурга копии чернышевскихъ донесеній, то поведеніе вѣнскаго двора, сравнительно съ поведеніемъ лондонскаго, показалось ему уже достойнымъ похвалы. «Наши союзники, писалъ онъ канцлеру Бестужеву, могутъ быть извинены тѣмъ, что въ разсужденіи внутренняго состоянія своихъ государствъ, стараются постороннія дѣла вдаль протягивать и для того желаютъ утишить настояція замѣшательства; но тѣмъ не менѣе англійское министерство въ своемъ поведеніи оправдаться не можетъ, ибо оно, уважая такъ мало искренность предъ своими союзниками, ослабляетъ систему равновѣсія и тѣмъ противной сторонѣ подаетъ поводъ поступать съ большею дерзостію. Какъ кажется, вѣнскій дворъ не теряетъ изъ виду послѣд-

вяго пункта и какъ ни усердно старается успокоить сѣверныя дѣла, однако по сіе время не сдѣлалъ ни одного поступка, которымъ бы могъ поднять головы своимъ противникамъ, но при каждомъ отзывѣ мужественно оказываетъ твердость своей системы. Вѣнскій дворъ въ своемъ рескриптѣ къ здѣшнему резиденту сильно осуждаетъ поступокъ англійскаго министерства, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣланъ такъ публично и обнародованъ всѣми газетами.»

Въ сентябрѣ Панинъ видѣлся съ знаменитымъ прежде главою колпаковъ, старикомъ Окергельмомъ, который прїѣзжалъ на время въ Стокгольмъ. Окергельмъ въ откровенномъ разговорѣ о состояніи Швеціи, объявилъ, что если Россія оставитъ Швецію ея собственному жребію, то тѣмъ скорѣе приведетъ къ упадку господствующую партію. Императрица сдѣлала все возможное и должна спокойно ожидать событій, въ необходимомъ же случаѣ поступить согласно съ своими деклараціями и тогда конечно найдетъ сочувствіе въ цѣломъ шведскомъ народѣ, который ничего такъ не опасается какъ войны съ Россією. Франція не такъ щедро будетъ расточать свои деньги, если русскій дворъ не станетъ производить никакого движенія. Всѣ тѣ, которые Россіи обѣщаютъ на будущемъ сеймѣ золотыя горы, имѣютъ въ виду только обогатиться ея деньгами; опытъ показалъ, какъ трудно и бесполезно иностранному министру управлять здѣшними земскими дѣлами, ибо въ концѣ онъ непременно будетъ обмануть, особенно министръ русскій, ибо въ дѣйствительности Россія очень мало имѣетъ здѣсь истинныхъ друзей; для главнаго управленія дѣлами необходимы изъ Шведовъ знатные, способные и вліятельные люди; но такихъ онъ, Окергельмъ, не знаетъ никого; что же касается до него самого, то онъ покорнѣйше проситъ оставить его въ забвеніи, ибо не признаетъ въ себѣ ни малѣйшей къ такимъ дѣламъ способности. Русскими деньгами ничего сдѣлать нельзя; другое дѣло если будутъ дѣйствовать морскія державы въ твердомъ соединеніи съ вѣнскимъ дворомъ: онѣ могутъ силою денегъ искать себѣ друзей и среди французской партіи и вообще могутъ дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ кто-либо другой, ибо система ихъ никогда не можетъ быть соединена съ зависимоію Швеціи. Настоящая форма правленія прочна по крайней мѣрѣ на нѣсколько време-

ни; господствующая партія не можетъ теперь ее нарушить безъ ускоренія собственной гибели, если только русскій дворъ останется при твердомъ намѣреніи исполнить свои деклараціи.

Въ отвѣтномъ рескриптѣ на донесеніе о разговорѣ съ Окергельмомъ говорилось, что мнѣнія Окергельма сходятся со мнѣніями императрицы, именно, сдѣлавши все то, что благодѣяніями можно было сдѣлать, предоставить Шведовъ ихъ собственному жребію и быть въ готовности дѣйствовать когда безопасность русскихъ границъ того потребуетъ. «Дѣйствительно опытъ показалъ, говорилось въ рескриптѣ, что употребляемые въ Швеціи съ русской стороны деньги служатъ только къ тому, что заставляютъ Францію высылать еще больше денегъ и такимъ образомъ еще больше укрѣплять Шведовъ противъ насъ. Мы не хотимъ сами питать ихъ ненависть противъ себя и потому повелѣваемъ вамъ поступать такимъ образомъ, чтобъ злонамѣренные да и почти всѣ Шведы видѣли нежеланіе ваше искать ихъ благосклонности; вы можете при случаѣ велѣть имъ внушать, что вы французскія деньги деньгами же перевѣшивать не хотите. Это однако не связываетъ вамъ рукъ продолжать знакомства, служація вамъ къ полученію нужныхъ извѣстій и дѣлать издержки, которыхъ требуетъ наша служба ⁵⁶.»

Болѣе всѣхъ другихъ державъ русскимъ движеніямъ въ Стокгольмѣ должна была сочувствовать Данія изъ страха предъ усиленіемъ Швеціи посредствомъ самодержавія; но Данія была держава слабая и потому не могла дѣйствовать такъ рѣшительно, какъ Россія, должна была поступать осторожно, озираться на всѣ стороны. Въ концѣ января 1749 года самъ король объявилъ Корфу, что сущность конвенціи между Россіею и Даніею должна заключаться въ двухъ пунктахъ: 1) Россія должна препятствовать прусскому королю въ угоду Шведовъ напасть на датскія области, совершенно открытыя; 2) должна быть лучше опредѣлена граница между Даніею и Швеціею, ибо хотя императрица великодушно объявила, что никакихъ завоеваній для себя отъ Швеціи не желаетъ; но датскія границы очень мало защищены отъ шведскихъ нападений, а Шведы такіе сосѣди, которымъ никогда вѣрить нельзя. Послѣ этого король съ часъ разговаривалъ о шведскомъ и прусскомъ дворахъ. Корфъ писалъ, что изъ этого разговора можно было примѣтить въ королѣ мало

высокопочитанія къ прусскому двору, а противъ шведскаго, особенно противъ министерства, казался онъ очень раздраженнымъ, и между прочимъ сказалъ: «удивительное дѣло, что шведскій дворъ присылаетъ сюда всегда такихъ министровъ, которые могутъ быть названы прямыми банкротами честности, таковъ Тессинъ, таковъ Палмстерна, Генкенъ и настоящій Флеммингъ, у котораго такая злость и коварство на лицѣ написаны, хотя неизвѣстно, умѣетъ ли онъ говорить, потому что при всѣхъ случаяхъ заставляетъ говорить за себя французскаго министра.» При всемъ томъ, писалъ Корфъ, король не изъяснился ни о тѣхъ способахъ, какими здѣсь думаютъ удержать прусскаго короля отъ вмѣшательства въ шведскія дѣла, ни о томъ, какую границу имъ хочется имѣть со стороны Швеции.

На другой день послѣ этого разговора министръ Шулинъ прочелъ Корфу конвенцію: Россія и Данія согласились препятствовать всѣми средствами введенію въ Швецію самодержавія и потому обязуются: съ обѣихъ сторонъ выставить на шведскихъ границахъ войско и вооружить флотъ; еслибы Швеція взнамѣрилась передвинуть финляндскій корпусъ къ норвежскимъ границамъ для дѣйствій противъ Даніи, то Россія обязана сдѣлать диверсію своими галерами въ Швецію и тѣмъ поставить послѣднюю между двумя огнями; если прусскій король соберетъ войско вблизи датскихъ границъ, то Россія выставляетъ сильный корпусъ на курляндскихъ границахъ, датскій король въ такомъ случаѣ сосредоточитъ наибольшую силу въ Голштиніи, а противъ Швеціи воевать только оборонительно; если прусскій король нападетъ на Данію, то Россія объявляетъ ему войну и не положитъ оружія прежде, чѣмъ Данія будетъ приведена въ совершенную безопасность; Россія должна склонять кронпринца шведскаго, чтобъ онъ за себя и за своихъ потомковъ отказался отъ Шлезвига и Голштиніи; Данія должна получить все то, чего она лишилась по миру въ Бремзебро. Всѣ эти пункты должны содержаться въ тайнѣ.

Король, по увѣренію Корфа, желалъ тѣснаго сближенія съ Россіею по шведскому дѣлу; но министръ Шулинъ былъ французской партіи и хитрилъ: наружно не противился конвенціи и притворялся, что совершенно согласенъ съ намѣреніями королевскими, а между тѣмъ старался выиграть время, вымышляя

всякіе предлоги къ остановкѣ дѣла и желалъ дожидаться такихъ обстоятельствъ, которыя были бы въ состояніи низпровергнуть всю машину и сохранить въ Даніи французскую систему. Въ апрѣлѣ у Корфа съ Шулинымъ былъ разговоръ по поводу объявленія, сдѣланнаго Франціею британскому двору, что Франція сама будетъ стараться сохранить настоящую правительственную форму въ Швеціи и потому согласна доставить всякое обезпеченіе державамъ, принимающимъ въ этомъ участіе. Корфъ замѣтилъ, могутъ ли Россія и Данія ожидать такого обезпеченія отъ державы, которой приверженцы въ Швеціи приняли всѣ мѣры для возстановленія самодержавія; внутренняя слабость злонамѣренной партіи для успѣха въ такомъ трудномъ предпріятіи извѣстна, и потому можно вывести естественное заключеніе, что вожди партіи составили означенный планъ не безъ вѣдома и не безъ предварительнаго совѣта съ Франціею. Корфъ подозревалъ, что Шулинъ самъ принималъ участіе въ деклараціи, сдѣланной Франціею, чтобъ доставить ей свободнѣйшія руки въ сѣверныхъ дѣлахъ и усилить возможность возобновленія французскаго субсиднаго договора. На замѣчаніе Корфа Шулинъ нѣсколько помедлилъ отвѣтомъ; потомъ, собравшись съ мыслями, сказалъ, что и англійскій король считаетъ такое обезпеченіе надежнымъ и думаетъ, что получить его отъ Франціи. Корфъ не продолжалъ разговора, боясь подать поводъ заключить о какомъ-нибудь безпокойствѣ со стороны русскаго двора; по его мнѣнію нѣкоторымъ равнодушіемъ можно было въ Копенгагенѣ больше выиграть, чѣмъ усиленнымъ стараніемъ. Въ слѣдъ затѣмъ Шулинъ пригласилъ Корфа на конференцію и прочелъ ему рескриптъ короля къ датскому министру въ Россіи Шезу, состоявшій въ слѣдующемъ: король великобританскій велѣлъ сообщить, что, видя опасныя признаки безпокойства на сѣверѣ, онъ велѣлъ представить обоимъ императорскимъ дворамъ, что Англія, по окончаніи столь тяжкой войны съ Франціею, можетъ помочь своимъ союзникамъ только въ томъ случаѣ, когда на нихъ нападутъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ; тѣмъ меньше онъ склоненъ принять участіе въ дѣйствіяхъ противъ установленнаго въ Швеціи порядка наслѣдства, ибо въ такомъ случаѣ начнется общая война на сѣверѣ, при чемъ Франція и Пруссія, по всѣмъ вѣроятностямъ, получатъ верхъ. Вотъ почему ан-

англійскій король не можетъ не отсвѣтовать такихъ намѣреній своимъ союзникамъ, въ томъ числѣ и королю датскому. Необходимо смотрѣть неуспинно, чтобъ нынѣшняя правительственная форма въ Швеціи была сохранена, но сдѣланныя въ Стокгольмѣ русскимъ и датскимъ дворами деклараціи на первый разъ достаточны. Французскій король велѣлъ обнадежить англійскій дворъ, что и онъ самъ будетъ стараться сохранить существующую правительственную форму въ Швеціи и готовъ доставить въ этомъ отношеніи обезпеченіе всѣмъ державамъ, принимающимъ участіе въ дѣлѣ. Король прусскій также велѣлъ повѣстить, что по сдѣланному ему объявленію отъ русской императрицы вооруженія съ ея стороны производится не для обиды кому-либо, но только для предосторожности, на случай, еслибъ явилась опасность для спокойствія на сѣверѣ; хотя этимъ объявленіемъ темное облако, нашедшее на сѣверъ казалось начало исчезать, однако недавно явилась въ Стокгольмѣ русская декларація, слѣдовательно опасность отъ непогоды еще не совсѣмъ миновалась; поэтому прусскій король желаетъ знать намѣренія датскаго короля относительно этого дѣла. И французскій король, продолжалъ Шулинъ, велѣлъ здѣсь объявить, что изъ датскихъ вооруженій на норвежскихъ границахъ и изъ тѣсной дружбы между Данією и Россією его король возмѣлъ подозрѣніе не клонятся ли датскія вооруженія противъ Швеціи; король объявляетъ, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ помогать Швеціи.

Данія отвергла субсидный и оборонительный трактатъ съ Англією и заключила его съ Францією, на томъ основаніи, что Англія требовала засводенги корпуса вспомогательныхъ войскъ, а Франція не требовала. Шулинъ, объявляя объ этомъ Корфю, увѣрялъ, что этимъ трактатомъ съ Францією король его никакъ не связываетъ себя рукъ относительно Швеціи, ибо когда французскій посланникъ допытывался, какъ поступитъ Данія въ томъ случаѣ, если самодержавіе въ Швеціи будетъ возстановлено на сеймѣ съ согласія всѣхъ чиновъ, то ему отвѣчали: если будутъ хотя три человѣка въ Швеціи противъ перемѣны, то Данія будетъ ихъ защищать. Въ августѣ Корфъ писалъ въ Петербургъ, что Данія хотя не мало опасается шведскаго переворота, однако не будетъ принимать серьезныхъ мѣръ прежде кончины шведскаго короля. Трудно ожидать, чтобъ датскій король въ такомъ

важномъ дѣлѣ рѣшилъ что-нибудь одинъ безъ министерства, ибо для этого требовались бы качества, которыя даются опытно-стію и лѣтами; англійскій посланникъ во время своей негодіаціи имѣлъ довольно тайныхъ аудіенцій, съ которыхъ уходилъ всегда съ добрыми обнадеживаніями отъ короля, но Шулинъ умѣлъ обратить въ ничто эти обнадеживанія. Корфъ, чтобъ выпытать у Шулина его мнѣніе о шведскихъ дѣлахъ, завелъ рѣчь о строеніи Шведами крѣпости въ Ландскронѣ, указывая, что это не можетъ оставаться безъ опасныхъ слѣдствій для Даніи, особливо, когда возстановлено будетъ самодержавіе. Шулинъ отвѣчалъ, что крѣпостныя постройки въ Ландскронѣ требуютъ долгаго времени и громадныхъ издержекъ, а впрочемъ, нельзя отвергать, что это предпріятіе не можетъ быть приятно для Даніи. Потомъ Корфъ склонилъ рѣчь на слухи, что въ концѣ года будетъ созванъ въ Стокгольмѣ чрезвычайный сеймъ для возстановленія самодержавія — дѣло легкое при совершенномъ паденіи патриотической стороны. Корфъ спросилъ у Шулина, какія, по его мнѣнію, нужно было бы принять мѣры въ такомъ случаѣ. Шулинъ отвѣчалъ, что между Россією и Данією еще не послѣдовало по этому важному предмету никакого соглашенія и потому онъ не имѣетъ обязанности объявлять своихъ мнѣній; но такъ какъ дѣло идетъ объ интересѣ одинакой важности какъ для Россіи, такъ и для Даніи, то онъ скажетъ свое мнѣніе, но только какъ частный человекъ. Я думаю, продолжалъ Шулинъ, что сдѣланныя со стороны Россіи и Даніи военныя приготовленія на шведскихъ границахъ достаточны для удержанія злонамѣренной партіи въ ея замыслахъ, эти господа легко могутъ видѣть, что рискуютъ потерять свои головы, и кронпринцъ рискуетъ потерять престолъ, и быть выгнаннымъ изъ Швеціи; злонамѣренная партія очень хорошо знаетъ, что отъ Франціи, кромѣ нѣкоторой суммы денегъ, она никакой помощи не получитъ. Король прусскій, быть можетъ, пришлетъ свое выговоренное въ трактатѣ вспомогательное войско, но нельзя думать, чтобъ онъ далѣе захотѣлъ вмѣшаться въ дѣло. Несмотря на то, надобно внимательно слѣдить за движеніями злонамѣренной партіи, и я увѣренъ, что король мой государь въ извѣстномъ случаѣ безотлагательно примется за оружіе и вступитъ въ Швецію, хотя бы конвенція съ Россією и не была заключена, въ надеж-

дѣ, что императрица, соблюдая собственный интересъ, сдѣлаетъ то же самое.

Король выпросилъ себѣ тайную аудіенцію у короля, которая происходила 3 сентября. Король представилъ, что тайный комитетъ прошлаго шведскаго сейма уже подписалъ актъ введенія самодержавія, отложивъ исполненіе до будущаго сейма. Теперь надобенъ только удобный случай, который доставитъ позднее годовое время, когда злонамѣренные не будутъ опасаться никакого препятствія со стороны иностранныхъ державъ, и при совершенномъ утѣшеніи патриотовъ безопасны и относительно внутренняго сопротивленія: и въ какое положеніе тогда были бы приведены заинтересованные дворы, еслибы движенія злонамѣренныхъ заблаговременно не были предупреждены— это онъ предоставляетъ священнѣйшему провиціану его королевскаго величества. Императрица не намѣрена оставить безъ вниманія такое важное дѣло, и не сомнѣвается, что и его величество также къ нему внимателенъ и не откажетъ сообщить на его счетъ свои виды. Король отвѣчалъ, что онъ никакъ не можетъ допустить перемѣны правительственной формы въ Швеціи и хочетъ сопротивляться этой перемѣнѣ всѣми своими силами, почему и сдѣлать всѣ нужныя распоряженія въ Норвегіи; только онъ признаетъ себя обязаннымъ, въ слѣдствіе своей деклараціи, не предпринимать ничего подобнаго наступательному движенію до тѣхъ поръ, пока злонамѣренные дѣйствительно что-нибудь затѣяютъ; его цѣль — сохранить спокойствіе на сѣверѣ, и потому никакъ не желаетъ подать поводъ къ войнѣ какимъ-нибудь поступкомъ, который бы могъ быть истолкованъ какъ обида. Онъ надѣется, что императрица совершенно согласна съ нимъ въ этомъ отношеніи, и онъ надѣется, что дѣло не дойдетъ до войны, ибо извлеченная уже до половины на шведскихъ границахъ шнага можетъ привести злонамѣренныхъ на другія мысли. Впрочемъ онъ проситъ увѣрить императрицу, что всегда будетъ поступать какъ истинный союзникъ Россіи, убѣжденный въ пользѣ и естественности этого союза; начатыя негодіаціи съ Франціею и Швеціею не содержатъ въ себѣ ничего, что могло бы ослабить его; первая касается только полученія хорошей суммы денегъ безъ связыванія себѣ рукъ; вторая же состоитъ единственно въ возобновленіи стараго трактата. «Было бы не-

согласно съ моимъ достоинствомъ и интересомъ, продолжалъ король, еслибъ я заключилъ новые договоры, которые были бы противны обязательствамъ моимъ съ императрицею. Я не могъ принять предложенія Англіи вопервыхъ потому, что эта держава въ мирныя времена большихъ субсидій давать не привыкла, во вторыхъ потому, что она выговаривала себѣ помощь войсками, а я не могу изъ моей арміи отправить ни одного человѣка: мои Норвежцы надобны мнѣ противъ Шведовъ; изъ голштинскихъ войскъ мнѣ нельзя ничего дать, ибо я не знаю, что окажется съ той стороны.» Корфъ замѣтилъ, что король относительно германскихъ своихъ владѣній можетъ опасаться только со стороны Пруссіи, и въ этомъ отношеніи англійскій субсидный трактатъ доставилъ бы полную безопасность. Король отвѣчалъ, что этого можно достигнуть, если Англія вступить въ союзъ, не требуя, чтобъ Данія лишилась французскихъ субсидій.—«Это разсужденіе чрезвычайно странное, писалъ Корфъ: хотягь на Англію наложить обязанность заботиться о здѣшней безопасности въ то самое время, какъ отвергаютъ ея дружественныя предложенія и даютъ предпочтеніе другой державѣ; изъ этого видно, какія слабыя правила старается внушить министерство этому молодому государю.»

23 ноября Корфъ былъ приглашенъ на конференцію къ министрамъ, которые объявили ему, что такъ какъ шведскій наследный принцъ недавно опубликованнымъ актомъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ высказался противъ перемѣны правительственной формы, и такъ какъ императрица-королева венгерская обѣщала стараться о выданіи со стороны шведскаго правительства другаго подобнаго же акта, то датскій дворъ призналъ излишнимъ заключить по этому предмету особую конвенцію съ Россією: большая часть европейскихъ державъ тѣмъ или другимъ способомъ принимаютъ участіе въ сохраненіи настоящей формы шведскаго правленія, и если Россія съ Данією вступать въ особыя обязательства, зависяція отъ будущихъ и неподлинныхъ случаевъ, то это можетъ возбудить въ другихъ державахъ зависть и подозрѣніе, что было бы болѣе вредно, чѣмъ полезно для сохраненія тишины на сѣверѣ⁵⁷.

Корфъ приписывалъ такой оборотъ дѣла Шулину; канцлеръ Бестужевъ соглашался съ нимъ, но совѣтовалъ быть осторож-

нѣе относительно могущественнаго министра: «Принятая г. Шулинымъ странная мѣра, писалъ Бестужевъ — мѣры, которыя интересу короля не всегда останутся вредны, ни мало не удивляютъ, ибо я имѣлъ случай познать съ прежнихъ еще времени превратныя его мысли и совершенную преданность къ Франціи; почему я ему всегда не довѣрялъ, и съ самаго еще начала, когда тайная негоціація началась, не смотря на то, что первое предложеніе учинено съ датской стороны, никакого добра отъ него не надѣялся. И дѣйствительно въ мнѣніи своемъ не ошибся, ибо онъ незапно уничтожилъ всю негоціацію и мнѣніе свое въ разсужденіи теперешней формы правленія основалъ только на чаяніи и легко опровергаемыхъ мнѣніяхъ, въ чемъ послѣдовалъ предписанію французскаго двора съ точностію. Я имѣю у себя достовѣрное извѣстіе, что г. Шулинъ испрашивалъ у французскаго двора совѣта, привести ли начатую негоціацію къ желаемому концу, въ чемъ ему непристойнымъ образомъ отказано и запрещено. Изъ сего слѣдовательно легко заключить можно, какую французскій дворъ надъ нимъ имѣетъ силу, когда разсудить, что онъ въ угодность оному старался датскій дворъ отщепить отъ нашего и возбудить между обоими несогласіе..... Я слышалъ также поминку нѣкоей посторонней переписки, что ваше превосходительство изволили у нѣкоторыхъ тамошнихъ вашихъ пріятелей называть г. Шулина пенсіонеромъ Франціи. Ваше превосходительство можете легко себѣ представить, что если сіе дойдетъ до ушей г. Шулина, то онъ, спасая честь свою, подговоривъ двухъ свидѣтелей, потребуетъ отъ васъ отчета; и вашему превосходительству трудно будетъ доказать, поелнку тотъ министръ, который беретъ мзду, свидѣтелей удаляется; а между тѣмъ онъ, раздраженъ будучи вашимъ попрекомъ, и при жалобѣ своей послѣдуетъ примѣру графа Тессина. Въ тогдашнее время стоило мнѣ несчетныхъ трудовъ ваше превосходительство изъ бывшихъ замѣшательствъ съ честію освободить. Если же послѣдуютъ теперь отъ датскаго министерства какія-либо жалобы, то ваше превосходительство можете себѣ представить ту досаду, которую я имѣть буду за то, что васъ на теперешнее ваше мѣсто рекомендовалъ, также и то, что я васъ поддерживать не въ состояніи буду. Сей случай подалъ бы зломыслищимъ Шведамъ поводъ къ оправданію своея безполезныя на васъ

жалобы. Вашему превосходительству известна моя къ вамъ искренняя дружба по многимъ обстоятельствамъ, для которой и вамъ теперь и открываюсь чистосердечно. Качество господина Шулина мнѣ давно известно, родъ мыслей его не годится ни къ чему, онъ исполненъ коварства; однакожь влияние его при тамошнемъ дворѣ и кредитъ у короля въ такомъ состояніи, что должно ему всевозможнымъ образомъ уступить, чтобъ противнымъ чѣмъ-либо не огорчить его и чрезъ то не привести оба двора въ разстройку. Я совѣтую вашему превосходительству г. Шулина уступать, столько ласкать и подавать видъ старанія войти къ нему въ пріязнь, чтобъ пріятны имъ о васъ худыя намѣренія уничтожить и привести въ недоумѣніе. Такими поступками всего лучше можно выиграть. Я уже найду способъ за ваше превосходительство и за себя отмстить сему коварному министру, отмстить столь чувствительно, чтобъ онъ вѣчно ощущалъ досаду, а можетъ быть удастся мнѣ свергнуть его съ мѣста; но я сіе сообщая вашему превосходительству за сокровеннѣйшую тайну»⁵⁸.

10 декабря Корфъ имѣлъ разговоръ съ самимъ королемъ: «Я надѣюсь, сказалъ Фридрихъ V, получить радостную вѣдомость о возвращеніи ея импер. величества въ Петербургъ: хотя и эта столица довольно далеко отъ насъ, однако когда императрица въ ней находится, то мнѣ кажется, что я ея особу больше въ сосѣдствѣ имѣю, и что дѣла тѣмъ много выиграютъ, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ на сѣверѣ. По крайней мѣрѣ изъ деклараціи шведскаго наслѣднаго принца слѣдовало бы заключить, что Шведы сами нуждаются въ сохраненіи мира, да и старанія другихъ дворовъ къ тому же клонятся.» Корфъ отвѣчалъ, что извѣстія изъ Стокгольма удостовѣряютъ его, что манифестъ короннаго наслѣдника надобно признать хитростію французской партіи, употребленною для успокоенія его датскаго величества и разъединенія съ русскою императрицею. Что же касается иностранныхъ державъ, старающихся при шведскомъ дворѣ о соблюденіи тишины на сѣверѣ, то между ними надобно отличить такія, которыя имѣютъ влияние на шведскія дѣла, и такія, которыя его не имѣютъ: къ послѣднимъ принадлежатъ римско-императорскій дворъ, котораго представленія имѣли мало успѣха, также и Великобританскій, а къ первымъ

Франція и Пруссія, которыя согласились помогать злонамѣреннымъ Шведамъ въ перемѣнѣ правительственной формы.—«Если шведское министерство, сказалъ король, имѣло въ виду при печатаніи извѣстнаго манифеста раздѣлить Данію съ Россією, то ошиблось, ибо я вполне признаю необходимость союза между обоими дворами, и прошу васъ удостовѣрить ея императ. величество, что я хочу способствовать всѣми средствами сдѣлать узелъ такой необходимой дружбы неразрывнымъ, прошу и васъ не переставать стараться объ этомъ; что же касается французскаго и прусскаго дворовъ, то я не могу понять, какой имъ интересъ въ возстановленіи самодержавія въ Швеціи.» Корфъ писалъ, что онъ ясно доказалъ, что Франція и Пруссія имѣютъ въ этомъ сильный интересъ и король не могъ ничего ему отвѣчать. Корфъ указалъ также королю на опасность, которая грозитъ Даніи отъ укрѣпленія Шведами Ландскроны. Потомъ король разговаривалъ о разныхъ предметахъ, о разныхъ дворахъ; Корфъ нашелъ его разсужденія очень важными, нашелъ, что онъ французскому и прусскому дворамъ не довѣряетъ, а къ наследному принцу шведскому и его партіи питаетъ прямую ненависть.

Въ концѣ 1749 года Корфъ писалъ о ненависти, а въ самомъ началѣ 1750 долженъ былъ писать о необыкновенныхъ знакахъ благосклонности, которыя оказываетъ король прусскому посланнику. Въ апрѣлѣ Корфъ увѣдомилъ о внезапной смерти министра Шулина, при чемъ писалъ: «Правда, этотъ министръ былъ великій противникъ интересамъ вашего императ. величества, но перемѣнится ли дѣла въ слѣдствіе его смерти, это зависитъ отъ назначенія ему преемника ^{59.}»

Дѣла не перемѣнились, потому что датская политика относительно шведскаго вопроса не была личнымъ дѣломъ Шулина, или партіи, въ члѣ которой стоялъ этотъ министръ.

Державы, боровшіяся съ Россією дипломатическими средствами въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ, разумѣется, должны были также сильно бороться съ нею и въ Константинополѣ. Неплюевъ въ началѣ 1749 года увѣдомилъ о слухѣ, распушенномъ въ Константинополѣ, что Россія должна будетъ вести войну противъ Швеціи, Пруссіи, Даніи и Польши, что 70,000 прусскаго войска уже двинулось для занятія Курляндіи. Тутъ же Неплюевъ сообщилъ записку, поданную Портѣ шведскимъ повѣ-

реннымъ въ дѣлахъ Селценомъ. Селценъ домогался у Порты, чтобъ она спросила у русскаго резидента, зачѣмъ его правительство дѣлаетъ такія сильныя военныя приготовленія, сухопутныя и морскія при шведскихъ границахъ, и показала ему копію союзнаго договора, заключеннаго между нею и Швеціею. Французскій посланникъ Дезальеръ получилъ отъ своего двора приказаніе вразумлять Порту, что ея интересы требуютъ внимательнаго взора на сѣверныя событія, ибо Россія имѣетъ одну цѣль—овладѣть Швеціею, слѣдовательно Турки, будучи съ нею въ союзѣ, должны ей помогать; да и безъ союзнаго обязательства должны всѣми средствами препятствовать, чтобъ Русскіе не умножили своихъ силъ. Эти внушенія съ шведской и французской стороны и безпрестанно подаваемые государями молдавскимъ и валахскимъ ложныя вѣдомости, привели Порту въ недоумѣніе и заставили ее обратиться къ англійскому посланнику Портеру съ просьбою объяснить причины русскихъ вооруженій: «даромъ большія деньги на вооруженія не тратятся; правда ли, что Россія хочетъ назначить другого короннаго наследника въ Швеціи? Что такое Курляндія, что объ ней въ настоящихъ сѣверныхъ дѣлахъ упоминается? Не остановится ли въ Польшѣ русское войско, зимовавшее въ австрійскихъ владѣніяхъ, и правда ли, что польскую вольность хотятъ совершенно утѣснить?» Портеръ обратился къ Неплюеву и австрійскому интернунцію Пенклеру за совѣтомъ, что ему отвѣчать. Тѣ постарались ему внушить, что онъ долженъ воспользоваться благоприятнымъ случаемъ и снова забрать въ свои руки то вліяніе, которое морскія державы имѣли при Портѣ до Бѣлградскаго мира, что теперь время не только Туркамъ глаза открыть, но и Дезальеру съ Селценомъ нанести чувствительный ударъ, показавши, что представленія Сельцена дѣлаются по внушеніямъ Дезальера. Неплюевъ представлялъ Портеру, что злоба Французовъ противъ Россіи происходитъ за помощь, оказанную императрицею Англичанамъ посылкою войска къ Рейну; что шведско-французско-прусская интрига направлена противъ Россіи и Англии вмѣстѣ, и что надобно за это отомстить; что Россія принуждена, въ слѣдствіе шведскаго недоброжелательства, держать войско на сѣверѣ; но такъ какъ на югѣ не прибавлено ни одного полка, то Турціи безпокоиться рѣшительно нечего. Въ этомъ

смыслѣ составленъ былъ письменный отвѣтъ, который Портеръ и переслалъ рейсъ-ефенди.

22 июня Неплюевъ имѣлъ разговоръ съ великимъ визиремъ, который встрѣтилъ резидента чрезвычайно ласково и сказалъ, что русскій дворъ не можетъ и желать большей дружбы, чѣмъ та, которую Порта къ нему имѣеть. По этой-то дружбѣ онъ, визирь и желалъ засвидѣтельствовать ему, резиденту, какъ бы Порта охотно видѣла Россію въ согласіи съ Швеціею, ибо ничто не можетъ быть пріятнѣе для Порты, какъ доброе согласіе между ея друзьями. Неплюевъ отвѣчалъ, что императрица одного только и желаетъ, чтобъ быть въ добромъ согласіи со всеми державами, и Порта знаетъ сама это очень хорошо изъ того старанія, съ какимъ Россія поддерживаетъ дружбу въ отношеніи къ ней. Потомъ резидентъ перешелъ къ сѣвернымъ дѣламъ и прямо объявилъ, что нѣкоторые неблагонамѣренные шведскіе министры желаютъ возбудить безпокойства на сѣверѣ переменною правительственной формы, чтобъ избавиться отвѣтственности предъ чинами и въ угоду чужимъ державамъ; но такъ какъ гарантія Петра Великаго естественно перешла и на императрицу, то она и по собственному интересу, и для предупрежденія неминуемыхъ безпокойствъ велѣла своему министру объявить въ Стокгольмѣ, что она не можетъ смотрѣть равнодушно на замышляемую перемену; и какъ скоро злонамѣренная партія отъ своего умысла отстанетъ, то императрица не подастъ ни малѣйшей причины къ безпокойству, ибо она завоеваній не желаетъ, не имѣя нужды въ приращеніи земель. Визирь отвѣчалъ, что хотя Порта и слышитъ многое, но не обращаетъ серьезнаго вниманія (тутъ онъ показалъ рукою, что изъ одного уха впускаетъ, а изъ другаго выпускаетъ), и надѣется, что все эти несогласія на сѣверѣ кончатся ничѣмъ. Тутъ Неплюевъ замѣтилъ, что если Порта сильно желаетъ тишины на сѣверѣ, то ей бы слѣдовало Шведамъ совѣтовать, чтобъ они отстали отъ своихъ вредныхъ замысловъ и не слушали совѣтовъ тѣхъ державъ, которыя стараются зажечь огонь на сѣверѣ. И визирь долженъ быть отъ ихъ совѣтовъ и внушеній во всегдашней осторожности, потому что они не стыдятся въ двухъ мѣстахъ одинаково каверзить: здѣсь при Портѣ сообщаютъ ложныя извѣстія о Россіи, а въ Россіи о Портѣ.

Въ сентябрѣ интернунцій Пенклеръ сообщилъ Неплюеву и Портеру перехваченную депешу Дезальера, въ которой тотъ хвастался, что визирь говорилъ съ Неплюевымъ повелительно, что онъ, Дезальеръ, успѣлъ открыть турецкому правительству глаза на счетъ русскихъ замысловъ и что для воспрепятствованія послѣднимъ возможна конвенція между Франціею, Пруссіею, Швеціею, Польшею и Турціею. Пенклеръ объявилъ при этомъ, что хотя его королева-императрица и не вѣритъ французскому хвастовству, однако считаетъ нужнымъ, чтобъ они втроемъ приняли мѣры для воспрепятствованія упоминаемой Дезальеромъ конвенціи. Три министра рѣшили, что въ этомъ дѣлѣ особенного вниманія заслуживаетъ упоминовеніе о Пруссіи, ибо еслибы Франція успѣла склонить прусскаго короля на проектъ Дезальера, то это не мало нарушило бы европейское равновѣсіе. Они рѣшили внушать Портѣ съ трехъ сторонъ о благонамѣренности Россіи относительно Швеціи, но рѣшили при этомъ дѣйствовать съ крайнею осторожностію и не дѣлать ни малѣйшаго намека на счетъ плана Дезальера, ибо этотъ планъ могъ остаться только въ головѣ послѣдняго, наполненной, по словамъ Неплюева, проектами: такъ Дезальеръ постоянно твердилъ о Полякахъ, преувеличивалъ ихъ силы и въ то же время указывалъ необходимость освободить ихъ отъ русскихъ притѣсненій, необходимость съ будущаго польскаго сейма отправить въ Константинополь министра съ жалобою на проходъ русскихъ войскъ чрезъ Польшу. Неплюевъ пригласилъ къ себѣ переводчика Порты и объявилъ ему, что злонамѣренная партія въ Швеціи рѣшила произвести въ дѣйствіе свой планъ тотчасъ по смерти королевской, и потому императрица приказала своему послу въ Стокгольмѣ сдѣлать вторичную декларацію, что будетъ защищать вольность утѣсненныхъ Шведовъ; но если шведское правительство дастъ надежное удостовѣреніе, что форма правительственная измѣнена не будетъ, то Россія ничего болѣе требовать не станетъ. Если Шведы, говорилъ Неплюевъ, откажутся дать всякое удовлетвореніе, то всѣ безпристрастные будутъ считать ихъ нарушителями мира; надобно надѣяться, что и Порта раздѣлитъ также этотъ взглядъ и будетъ совѣтовать Шведамъ не нарушать спокойствія на сѣверѣ.

Неплюевъ и Портеръ внушали, что Порта должна уговаривать Шведовъ уступить русскимъ требованіямъ; Дезальберъ внушалъ, что Шведы правы, что декларациею наследнаго принца дано полное обезпеченіе, и что Порта должна отговаривать русскую государыню отъ столь несправедливыхъ требованій. Турецкіе министры не знали, что дѣлать, совѣтовались между собою и рѣшили: Шведовъ вполнѣ не оставлять, на словахъ за нихъ ходатайствовать, но русскому двору отнюдь не причинять неудовольствія. Увѣдомивъ объ этомъ свой дворъ, Неплюевъ писалъ: «Мнѣ же во опроверженіе тѣхъ шведско-французскихъ здѣсь интригъ, собою директно нынѣ дѣлать нечего по опасности какимъ-либо безвременнымъ отзывомъ непристойнаго отъ Турокъ объявленія на себя навести; но подъ рукою при всѣхъ подаваемыхъ случаяхъ возможное чинить не оставляю.»

Въ началѣ 1750 года Неплюевъ присылалъ своему двору все успокоительныя извѣстія, что несмотря на усилія Франціи и Швеціи склонить Порту на принятіе посредничества въ сѣверныхъ дѣлахъ, та не поддается ихъ внушеніямъ. Но отъ 18 мая получена была отъ него въ Петербургѣ депеша другого рода: «Черезъ посредство двухъ серальскихъ фаворитовъ и, вѣроятно, благодаря сребролюбію рейсъ-ефенди, (шведскій переводчикъ трижды былъ у него въ домѣ на разсвѣтѣ), который, по жадности своей, со всѣхъ сторонъ беретъ, противъ всякаго нашего ожиданія испытали мы (т. е. Неплюевъ, Пенклеръ и Портеръ) турецкое непостоянство, удостовѣрились, что ни на какія здѣшнія обнадеживанія полагаться не надобно; что здѣсь не слѣдуютъ какой-нибудь принятой системѣ, но по прихотямъ самыхъ важныхъ рѣшеній отмѣняются.» Дѣло состояло въ томъ, что 14 мая Неплюевъ былъ позванъ на конференцію къ визирю, который прочелъ ему записку: въ ней было сказано, что такъ какъ по полученнымъ изъ разныхъ мѣстъ вѣдомостямъ извѣстно, что шведскій отвѣтъ на послѣднее русское требованіе основательнѣе, то Порта надѣется, что обѣ державы будутъ сохранять путь правый и прямой и что скоро увѣдомится она о возстановленіи между ними дружбы и добрыхъ сношеній. Неплюевъ отвѣчалъ, что отдаетъ на разсужденіе визирю: при возникшихъ между двумя государствами столкновеніяхъ, дѣло рѣшается одними ли словесными увѣреніями, или для этого требуются трактаты и

конвенціи. Шведы повсюду разглашали, будто Россія хочет свергнуть ихъ коронаго наслѣдника; а Россія основательно доказываетъ, что они желаютъ перемѣнить форму своего правленія: то чего же лучше, какъ заключить съ обѣихъ сторонъ конвенцію, что ни того ни другого не будетъ? и если это разумное средство не примется, то безспорно, что Шведы, по французскимъ и прусскимъ наущеніямъ, стараются взволновать Сѣверъ. Императрица не желаетъ ни пяди шведской земли; но если Шведы не отстанутъ отъ своего намѣренія перемѣнить правительственную форму, то она не сдержится никакими представленіями и употребитъ всѣ дарованные ей Богомъ способы для воспрепятствованія этому злу. Россійская держава никогда не позволитъ предписывать себѣ законовъ ни Шведамъ, ни Французамъ, никакому-либо другому народу, устававливая всѣ свои поступки на вѣсахъ правосудія, съ богоугоднымъ намѣреніемъ — не допускать, чтобъ отъ сосѣдей и въ ея государствахъ огонь загорѣлся. На эти слова визирь и рейсъ-ефенди твердили одно, что Порта высказалась единственно изъ дружбы къ обѣимъ сѣвернымъ державамъ. Послѣ Неплюевъ узналъ, что рейсъ-ефенди сказалъ визирю: «Хотя нынѣшнее свиданіе также мало принесетъ пользы, какъ и прошлогоднее, однако мы это дѣло съ рукъ сбыли.»

Было ясно, что съ турецкой стороны Россіи нельзя было ожидать никакихъ значительныхъ непріятностей по сѣвернымъ дѣламъ; столкновение между Крымцами и Запорожцами также не могло повести ни къ чему важному. Въ такомъ успокоительномъ положеніи находились дѣла, когда въ концѣ года въ Петербургъ было получено извѣстіе о внезапной смерти Неплюева, послѣдовавшей 8 ноября. Пековской архіепископъ Симеонъ Тодорскій получилъ отъ находившагося при миссіи іеромонаха Іосифа любопытное письмо о болѣзни и кончинѣ резидента: «Извѣщаю преосвященству вашему о смерти резидента, который Божиимъ смотрѣніемъ наказованъ былъ многожды болѣзнію различною, первое отнятіемъ руки, потомъ желчію, что весь былъ жолтъ, и тая желчь происходила ему отъ сердца лютою, и продолжалась все лѣто; однажды съ деревни пріѣхалъ въ Перу, не знаю за что осердился на портиаго такъ жестоко, что обомлѣлъ. Сколько лѣкари увѣщевали его о томъ, не слушалъ и не могъ

отстать, навѣкъ всегда въ лютости и въ ярости. Случилось ему шестаго числа сего ноября во вторникъ вечеру въ нѣмецкаго резидента быть, и тамъ сдѣлалась ему апоплексія, котораго въ лектики (на носилкахъ) въ дворъ оттуду принесли, и страдалъ по докторскому мнѣнію апоплексією, а по моему отъ бѣса мучимъ, и все тое было ему отъ Бога въ наказаніе, чего для въ среду бывшу ему въ чувствѣ добромъ и въ памяти, говорилъ хорошо, чисто; я пришелъ къ нему; онъ не хотѣлъ сперва на меня смотрѣть, отворочался якъ бѣсъ отъ креста, говорилъ ему за исповѣдь, отказалъ — пожди. Потомъ въ среду жъ предъ полунощію мучило его четырьмя нападами, мало и дыхалъ, чего для я приобщилъ его божественныхъ таинъ безъ исповѣди, понеже не говорилъ; а послѣ полунощи стало ему полегче, пилъ чай и по утру въ четвертокъ говорилъ съ докторами; я приходилъ и хотѣлъ ему говорить и принудить къ исповѣды—ниже слово сказалъ; всѣ удивлялись, съ лѣкарами говорилъ и лѣкарства принималъ, а ко мнѣ ниже единого слова промолвилъ; послѣ половины дня начало быть ему худше, ввечеру скончался безъ исповѣды. И по примѣтамъ прежнихъ лѣтъ житія его такъ въ Россіи, какъ и въ Стамбулѣ не былъ онъ совершенъ христіанинъ: но или лютеръ, или совсѣмъ атеиста, понеже имѣлъ великое обхожденіе съ англицкимъ посломъ, а той явный атеиста. Въ Стамбулѣ находятся различніи народы православніи и имѣютъ резидента въ великомъ почтеніи яко отъ православнаго государства, а по теперешнемъ случаи всѣ удивились и позорствуютъ на Россію, что едно православное государство въ свѣтъ, и тое уже начинаетъ колебаться въ вѣрѣ и развращаться, весь Стамбулъ атеистою покойнаго называлъ за его злые поступки, наипаче же теперь внушили, что не хотѣлъ исповѣдаться. О чемъ я прошу преосвященства вашего въ случаѣ внушить сіе всемилостивѣйшей государынѣ, дабы добраго христіанина избрали и прислали въ Царьградъ⁶⁰.

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1751 и 1752 годы.

Возстанія приписныхъ къ фабрикамъ крестьянъ.—Помѣщичьи и крестьянскія междоусобія.— Столкновенія на межахъ.—Предложеніе графа Петра Иванов. Шувалова о генеральномъ межесваніи.—Указъ противъ ябедниковъ.—Смягчающее движеніе въ законодательствѣ.—Продолженіе брянскаго дѣла о бѣглыхъ крестьянахъ.—Магистратское дѣло въ Бѣлгородѣ.—Безпорядки въ Орлѣ.—Устюжскіе кушцы и половники.—Торговое и промышленное движеніе.—Финансы.—Дѣла церковныя.—Продолженіе борьбы съ инородцами въ Сибири.—Дѣла малороссійскія.—Письмо канцлера Бестужева къ императрицѣ.—Ссора канцлера съ братомъ его Мих. Петр. Бестужевымъ.—Столкновеніе съ Австріею по поводу выселенія Сербовъ въ Россію.—Новая Сербія.—Сношенія съ польско-саксонскимъ дворомъ.—Переговоры съ англійскимъ дворомъ о субсидіяхъ.—Дѣла турецкія.—Кончина шведскаго короля Фридриха и вступленіе на престолъ Адольфа Фридриха.—Прекращеніе безпокойствъ относительно плановъ новаго короля.—Сношенія съ Даніею.

1751 годъ начали въ Петербургѣ обычными увеселеніями. На другой день Новаго года «какъ знатныя обоего пола персоны и иностранныя господа министры, такъ и все знатное дворянство съ фамиліями отъ 6 до 8-го часа имѣли пріѣздъ ко двору на маскарадъ въ богатомъ маскарадномъ платьѣ, и собирались въ большой залѣ, гдѣ въ осьмомъ часу началась музыка на двухъ оркестрахъ и продолжалась до семи часовъ пополудни. Между тѣмъ убраны были столы кушаньемъ и конфетками для ихъ императорскихъ высочествъ съ знатными обоего пола персонами и иностранными господами министрами въ особливомъ покоѣ, а для прочихъ находившихся въ томъ маскарадѣ персонъ въ при-

хожихъ парадныхъ покояхъ на трехъ столахъ, на которыхъ поставлено было великое множество пирамидъ съ конфетами, также холодное и жаркое кушанье. Въ одной большой залѣ и въ парадныхъ покояхъ въ паникадилахъ и кракштейнахъ горѣло свѣчь до 3000, а въ маскарадѣ было обою полу до 1500 персонъ, которыя всѣ по желанію каждаго разными водками и наилучшими виноградными винами, также кофеемъ, шоколадомъ, чаемъ, оршатомъ и лимонадомъ и прочими напитками довольствованы». 18-го января былъ при дворѣ другой такой же маскарадъ ⁶¹.

Съ половины 1751 года въ разныхъ мѣстахъ имперіи начало обнаруживаться явленіе, которое въ слѣдующемъ году приняло небывалые размѣры. Въ вятской провинціи встали противъ своихъ властей крестьяне архіерейскаго дома, также Успенскаго Трифонова и другихъ монастырей: Пущихъ заводчиковъ велѣно было наказать кнутомъ, а прочихъ батогами; но крестьяне не допустили до этой экзекуціи секретаря, пріѣхавшаго съ драгунскою командою, секретаря и восемь человекъ драгунъ избили. Тогда другіе драгуны стали стрѣлять и убили двоихъ крестьянъ; остальные крестьяне отступили, но залегли по всѣмъ дорогамъ, чтобъ не пропускать команды; послана была другая команда, которая выручила секретаря и схватила троихъ зачинщиковъ мятежа; въ другихъ деревняхъ зачинщики разбѣжались при явленіи команды ⁶².

Вятскій воевода Дубенскій постарался исторически объяснить сенату положеніе крестьянъ въ своей отдаленной и находившейся въ особенныхъ условіяхъ провинціи. Вятскіе крестьяне платятъ подати съ трудомъ, потому что множество ихъ, за неимѣніемъ своихъ земельныхъ участковъ, скитается, питаясь подаяніемъ, а землями государственными, по большей части, владѣютъ домъ архіерейскій, монастыри, купечество и разнаго чина люди. Въ этой провинціи, какъ видно, сначала были мѣста лѣсныя и пустынные, которыя при поселеніи отдавали черносошнымъ крестьянамъ во владѣніе на оброкъ; когда же стало людей умножаться, тогда эти крестьяне изъ отданныхъ имъ земель продавали другъ другу и, расчищая, селились деревнями; также отдавали на поминъ души въ архіерейскій домъ, монастырямъ и многимъ сельскимъ церквамъ въ приклады, продавали посадскимъ,

приказнымъ и всякаго чина людямъ. Послѣ переписи 1722 года крестьяне, за малопомѣніемъ въ своихъ деревняхъ земли, расчистили въ разныхъ мѣстахъ пустоши и лѣсныя земли и поселились на нихъ деревнями и починками, а по нынѣшней переписи написали ихъ въ прежнихъ деревняхъ, а въ новорасчищенныхъ деревняхъ и починкахъ никакихъ душъ не написали, почему крестьяне подушныхъ денегъ не платятъ, отговариваясь, что на этихъ земляхъ душъ не написано, а должны платить за нихъ тѣ, которые прежними ихъ деревенскими участками владѣютъ. Между Вятскимъ и Устюжскимъ уѣздами, близъ Черной рѣчки, поселились пришлые неизвѣстно какіе люди въ большомъ числѣ, поселились насильно и живутъ деревнями и починками, посылаемыхъ къ нимъ отъ вятской канцеляріи бьютъ и увѣчаютъ, а слѣдствія произвести нельзя за неимѣніемъ извѣстія о земельныхъ дачахъ; да и въ другихъ смежныхъ съ вятскою провинціею мѣстахъ, подлѣ Еранскаго и Казанскаго уѣзда, а болѣе на Отяцкихъ новокрещенскихъ жалованныхъ земляхъ, такихъ же пришлыхъ крестьянъ не малое число. Воевода предлагалъ прислать къ нему изъ Вотчинной коллегіи копію съ писцовыхъ книгъ и по нимъ возстановить старыя межи. Сенатъ приказалъ: отпрѣвить изъ Вотчинной коллегіи межевщика, геодезиста и секретаря съ копіями писцовыхъ, межевыхъ и переписныхъ книгъ въ возможной скорости и написать, что сенатъ представленіемъ Дубенскаго доволенъ ⁶⁸.

Въ 1751 году статскій совѣтникъ Никита Демидовъ купилъ у князя Репнина имѣніе въ Обоянскомъ уѣздѣ. Для отказа крестьянъ за новаго помѣщика нѣхалъ майоръ съ командою да серпуховской воевода. Когда они пріѣхали въ село Ильинское, то крестьяне ихъ туда не пустили и, по выслушаніи указа, единогласно объявили, что они себя за Демидова къ отказу не допустятъ и слушать его безъ кровопролитія не стануть. Это было осенью; а въ концѣ года въ то же село Ильинское отправился совѣтникъ Вотчинной Коллегіи Поляковъ; но на встрѣчу къ нему вышли въ поле крестьяне, человекъ до 1500, съ рогатинами, дубинами и прочимъ дрекольемъ, и объявили, что его къ себѣ въ село не пустятъ, а чтобъ прочелъ указъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ остановленъ. Поляковъ исполнилъ требованіе и поздравилъ крестьянъ, что они уже не принадлежатъ больше

Демидову, а приписаны къ собственнымъ вотчинамъ ея императорскаго величества. Крестьяне отвѣчали, что за высочайшую милость благодарствуютъ, а его, совѣтника для переписки себя и приписки къ собственнымъ вотчинамъ государыни не пустятъ, потому что онъ посланъ по желанію и въ пользу Никиты Демидова и высочайшая милость еще имъ невѣроятна, ибо военная команда стоитъ кругомъ ихъ вотчины; сверхъ того о припискѣ къ государынинимъ вотчинамъ должны они ожидать указа изъ вотчинной ея императорскаго величества канцеляріи. Сказавши это, крестьяне пошли обратно въ село Ильинское, а совѣтникъ возвратился въ село Ивановское, въ двухъ верстахъ отъ Ильинскаго, опять посылалъ требовать, чтобъ пустили его въ Ильинское, получилъ новый отказъ и возвратился въ Москву. Сенатъ, узнавши объ этомъ, приказалъ объявить Полякову *репримандъ*, за то, что сдѣлалъ не такъ: ему велѣно было только вотчины за Демидова не отказывать, а Демидову объявить, чтобъ онъ вотчиною не владѣлъ и сборовъ съ нея не собиралъ ⁶⁴.

Это распоряженіе, которое самимъ крестьянамъ показалось невѣроятнымъ, не осталось безъ слѣдствій. Въ 1752 году содержатель парусной и бумажной фабрики въ Малоярославскомъ уѣздѣ коллежскій ассессоръ Гончаровъ подалъ жалобу на непослушаніе крестьянъ. Посланную вслѣдствіе этой жалобы команду крестьяне встрѣтили съ оружіемъ въ рукахъ въ числѣ 800 человекъ. Команда остановилась и въ ея глазахъ крестьяне учились военной экзерциціи, какъ надобно приступать и отступать, у нихъ были какіе-то необыкновенные ножи и многіе ходили въ гренадерскихъ шапкахъ; они напали на команду, разбили ее, отняли пушки. Принуждены были послать бригадира Хомякова съ тремя полками: ему удалось разбить крестьянъ благодаря артиллеріи и утушить возстаніе.

Послѣ этого Хомякову дано было такое же порученіе, только потруднѣе. Дворянинъ Евдокимъ Демидовъ подалъ просьбу: «въ калужской провинціи куплена отцомъ моимъ у графа Головкина къ желѣзнымъ нашимъ заводамъ волость Ромодановская; изъ крестьянъ этой волости треть, обученные мастерству, всегда находились въ той провинціи на нашихъ заводахъ, другая треть на сибирскихъ заводахъ, остальные на пашнѣ. Въ 1741 году эта волость откладывалась отъ насъ и крестьяне многія против-

ности показывали, прикащика нашего до смерти убили; а въ нынѣшнемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ съ третьяго числа та же Ромодановская волость самовольно отъ насъ отложила, воду изъ заводскаго пруда крестьяне всю выпустили, держащіяся въ огнѣ угольныя дровныя кучи оставили, все люди разошлись, заводскія работы остановились и крестьяне посланныхъ нашихъ къ себѣ въ деревни не пускаютъ. Услыхавъ объ этомъ самовольствѣ, крестьяне той же волости, обученные разнымъ мастерствамъ и находящіяся на нашихъ брынскихъ и дугненскихъ заводахъ, многіе, покинувъ работу, ушли въ свою Ромодановскую волость, а отъ этого многія работы остановились.

Примѣромъ для ромодановскихъ крестьянъ служило сопротивление крестьянъ репинской волости, которые, какъ мы видѣли, достигли своей цѣли, освободились отъ Демидова. Какъ только пришелъ приказъ отъ владѣльца—всеѣхъ крестьянъ ромодановской волости выслать на работы на дугненскій заводъ, то волость и поднялась; репинскіе говорили ромодановскимъ: «Мы въ челобитныхъ писали, что Демидовъ грозилъ насъ размучить и тѣмъ отъ него отошли: и вы знаете что знаете.» Главными зачинщиками были крестьяне—Горохъ, Рыбка, Бурлаковъ, Рыженковъ, Семеновъ, Рыкъ, Чупрунъ и Волкъ; староста Бурлаковъ началъ было отрекаться отъ бунта; но его стали бить и принудили продолжать дѣло. Жившій въ волости солдатъ Дмитріевъ обучалъ крестьянъ воинскимъ приѣмамъ; вооружали не только всеѣхъ мужчинъ, но женщинъ и дѣвицъ, нарядивъ ихъ въ мужское платье. Противъ возмущившихся былъ отправленъ полковникъ Олицъ съ 500 человекъ команды; но онъ былъ разбитъ крестьянами и взятъ въ плѣнъ: подполковникъ фонъ-Рень, одинъ капитанъ, прочихъ чиновъ и рядовыхъ 30 человекъ были ранены тяжело, такъ что оказались къ жизни безнадежны; 9 офицеровъ и 188 рядовыхъ получили легкія раны; изъ крестьянъ было убито 59, ранено 42 человека. Тогда отправленъ былъ бригадиръ Хомяковъ, усмирившій гончаровскихъ крестьянъ. Демидовскіе крестьяне вышли и противъ него вооруженные, крича: «Мы ея императорскому величеству не противимся, да смерть себѣ отъ Демидова видимъ и въ руки къ нему неидемъ». Рѣка раздѣляла ихъ отъ войска; солдаты начали стрѣлять, и видно было, что въ крестьянскихъ рядахъ было много убитыхъ и ра-

ненных; но это не отняло духа у крестьянъ и они ни на шагъ не отступили отъ берега. Хомяковъ требовалъ, чтобъ высланы были изъ нихъ лучшіе люди для истолкованія имъ указа; лучшіе люди пришли и объявили: «Мы ея императорскому величеству ни въ чемъ не противимся, и если за государыню будемъ взяты, а за Демидова насъ не отдадутъ и о томъ объявятъ намъ указъ, то противиться не будемъ». Хомяковъ не рѣшался напасть, ждалъ подкрѣпленій; потомъ велѣлъ зажечь нѣкоторыя деревни и приступить къ селу Ромоданову; крестьяне выступили изъ села, при чемъ схвачено ихъ было человекъ 200; но прочіе разбѣжались и составили многочисленныя разбойничьи шайки съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ Петербургѣ нашли, что Хомяковъ дѣйствуетъ очень слабо и отдали его подъ военный судъ. На его мѣсто явился генераль-майоръ Опочининъ, которому удалось поймать 674 человекъ изъ возмущившихся крестьянъ. Главные зачинщики сосланы были въ Сибирь на желѣзные заводы Демидова съ приказомъ употреблять ихъ въ тяжкія работы. Жалобы на мучительство Демидова объявлены выдуман-ными, ибо 257 мастеровыхъ и заводскихъ рабочихъ показали противное.

Въ томъ же 1752 году тульскій купецъ Лугининъ купилъ къ полотняной фабрикѣ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ село Сороколѣтово; но въ это время пошелъ слухъ о возстаніи ромодановской волости: сороколѣтовскіе крестьяне отказались ходить на фабрику, утверждая, что къ фабрикамъ деревнямъ быть не велѣно; они собрались всемъ міромъ въ приходской церкви, призвали священниковъ, отслужили молебенъ и присягнули — не слушаться Лугинина и другъ друга не выдавать. При появленіи военной команды крестьяне разбѣжались ⁶⁵.

Дѣло не ограничивалось крестьянами, приписными къ фабрикамъ и заводамъ. Въ 1752 году олонецкія вотчины Хутынскаго монастыря отказали ему въ повиновеніи. Три раза новгородская губернская канцелярія посылала ихъ уговаривать, но они посланныхъ выгнали, команду били и бранили и единогласно кричали, что указа не слушаютъ и подписываться не будутъ. Сенатъ велѣлъ послать достаточную команду, изслѣдовать дѣло и зачинщиковъ высѣчь плетью нещадно ⁶⁶.

Крестьяне вятской провинціи хлыновскаго уѣзда шланской

волости вели дѣло законнымъ порядкомъ; повѣренный отъ этой волости крестьянинъ Бесперстовъ билъ челомъ въ сенатѣ: имѣлъ онъ отъѣздъ для торговаго промысла въ Оренбургъ; узнавши объ этомъ секретарь вятской провинціи Перминовъ прислалъ за нимъ какъ за своимъ крѣпостнымъ крестьяниномъ, прислалъ къ старостѣ письмо, чтобъ его сыскать и прислать къ нему; его сыскали и привели къ Перминову, который сталъ ему говорить, чтобъ онъ съ прикащиками его, которые отъ него торгуютъ подъ чужими именами собственными его Перминова товарами, съѣздили въ Оренбургъ и за это обѣщаль наградить. Бесперстовъ отказался и отпущенъ домой; но староста шланской волости получилъ отъ секретаря предписаніе обобратъ у Бесперстова и отца его все ихъ имѣніе, хлѣбъ и скоть. Староста исполнилъ предписаніе, и Бесперстовъ отиравился къ Перминову жаловаться на безвинную обиду. Перминовъ сказалъ ему: «Поѣдешь въ Оренбургъ съ моими прикащиками, то всё свои пожитки получишь назадъ, получишь и награжденіе за поѣздку; если же не поѣдешь, то и всю волость разорю.» Бесперстовъ поѣхалъ въ Оренбургъ съ прикащикомъ Перминова, хлыновскимъ купцомъ Праздниковымъ, который жилъ въ домѣ Перминова. Съ 1745 года по 1751 годъ Бесперстовъ прожилъ въ Оренбургѣ и другихъ городахъ, имѣя смотрѣніе за прикащиками Перминова, всякій его товаръ принималъ и отправлялъ, деньги взыскивалъ по вексямъ безъ всякаго вознагражденія, а когда сталъ просить объ увольненіи, то Перминовъ прислалъ въ шланскую волость людей своихъ и всё пожитки его и отца его забралъ безъ остатку, взяли разнаго серебра три фунта, 10 лошадей, 26 овецъ, 21 свиною, три улья пчель, денегъ 30 рублей, и все отвезено въ домъ Перминова на мірскихъ подводахъ; этими пожитками секретарь корыстуется до сихъ поръ, а Бесперстовъ и отецъ его скитаются межъ дворами и кормятся мірскимъ подаяніемъ. Во всёхъ государственныхъ волостяхъ Перминовъ обижаютъ и разоряетъ крестьянъ, собираетъ разные сборы на свои домовыя нужды, раскладывая ихъ на всёхъ крестьянъ по числу душъ. Въ 1748 году схватилъ двоихъ крестьянъ шланской волости и вымучилъ у нихъ вексель въ 400 рублей, а деньги взыскалъ со всёхъ крестьянъ волости, расположа по числу душъ. Въ томъ же году схватилъ 8 человѣкъ крестьянъ и вы-

мучилъ вексель въ 200 рублей, и съ одного изъ этихъ крестьянъ взыскалъ 100 рублей, а съ прочихъ по раскладкѣ. Крестьяне бить челомъ не смѣютъ не только въ вятской канцеляріи, но и въ казанской губернской канцеляріи, потому что многіе челобитчики на него едва не померли въ тюрьмѣ по его проискамъ: поэтому крестьяне и послали Бесперстова бить челомъ прямо въ сенатъ ⁶⁷.

Если являлись такіе тяжкіе для крестьянъ секретари, какъ Черминовъ, то бѣда иногда приходила на нихъ и отъ своего брата. Дворцовыхъ тамбовскихъ волостей бѣглый и наказанный кнутомъ крестьянинъ Иванъ Нагорновъ съ сообщниками сочинилъ фальшивый актъ отъ имени всѣхъ крестьянъ этихъ волостей, будто бы имъ нужно занять денегъ на крестьянскія потребности, а заплатятъ они овечьей шерстью, собирая съ каждой души по два фунта; на основаніи этого акта Нагорновъ взялъ у московскихъ кунцовъ 760 рублей денегъ и въ увѣреніе платежа шерстью далъ имъ вексель въ 1000 рублей на имя всѣхъ сель старостъ и крестьянъ, послѣ чего бѣжалъ изъ Москвы. Для предупрежденія подобныхъ случаевъ сенатъ велѣлъ публиковать, чтобъ никто не давалъ займы денегъ дворцовымъ крестьянамъ, посланнымъ для хожденія по дѣламъ ⁶⁸.

На польскихъ границахъ помѣщики и крестьяне по прежнему терпѣли отъ крестьянскихъ побѣговъ. Въ 1752 году великолуцкіе помѣщики подали жалобу, что люди и крестьяне ихъ, по подговору польскихъ обывателей, бѣгутъ за польскій рубежъ, пограбля пожитки ихъ помѣщичьи и крестьянскіе, а польскіе обыватели всячески помогаютъ имъ къ побѣгу и поселенію, и потомъ подсылаютъ въ Россію для воровства, разбоя и грабежа, даютъ оружіе и порохъ, уводятъ многихъ въ неволю ⁶⁹.

Кромѣ означенныхъ случаевъ возстаній правительство по прежнему употребляло отдѣльные воинскіе отряды въ борьбѣ съ разбойниками. Въ описываемые года случаи разбоевъ являлись въ серпуховскомъ, каширскомъ, тарусскомъ и обоянскомъ уѣздахъ ⁷⁰. Въ 1751 году находившійся у сыску воровъ и разбойниковъ отъ Калуги до Нижняго по обѣ стороны Оки подполковникъ Жеребцовъ доносилъ, что въ его командѣ колодниковъ 221 человекъ ⁷¹. Въ началѣ 1752 года олонеккая воеводская канцелярія доносила, что теперь воровскихъ и разбой-

ничьихъ артелей и никакого объ нихъ слуху въ продолженіе двухъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ нѣтъ, поэтому для сыску ихъ команды въ Олонцѣ быть не для чего. Сенатъ приказалъ: офицеру, взявши отъ олонецкаго воеводы письменный реверсъ, что у нихъ воровъ, разбойниковъ, бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ нѣтъ, выступить съ командою изъ города ⁷³. Но тамъ, гдѣ военныя команды оставались, было видно, что онѣ не могутъ дѣйствовать съ успѣхомъ безъ помощи обывателей. Военная коллегія, которой тяжело было веденіе этой внутренней войны, потребовала отъ сената указа «о всеконечномъ прекращеніи пристаней ворами и разбойникамъ, чтобы въ селахъ и деревняхъ прикащики, старосты, выборные, соцкіе и десяцкіе помогали сыщикамъ въ поискахъ за вредными людьми ⁷³.»

Ведшееся изстари явленіе—ожесточенныя схватки на межахъ скоро должны были повести къ общей мѣрѣ для ихъ уничтоженія. Полковникъ Мясновъ послалъ изъ крапивенской своей деревни Даниловки для кошенія сѣна на свою дачу двороваго человѣка Григорья съ крестьянами человѣкъ тридцать; но изъ села Крутиць помѣщиковъ Толбузиныхъ вышелъ староста съ крестьянами, человѣкъ триста, напали на косцовъ, двороваго Григорья убили до смерти, схватили 14 человѣкъ крестьянъ, увезли къ себѣ въ село и на помѣщичьемъ гумнѣ измучивъ ихъ самымъ звѣрскимъ образомъ, умертвили; помѣщики ихъ, недоросли Толбузины были тутъ ⁷⁴. Для размежеванія земель въ новгородскомъ уѣздѣ послана была команда изъ 50 человѣкъ, но когда начали межевать, монастыря Антонія Римлянина келарь Евдокимъ, служитель Михайловъ, староста и выборный со всеми крестьянами монастырской вотчины, человѣкъ болѣе 1000, явились съ дубьемъ, кольемъ и топорами и межевать не допустили, крича, что если стануть межевать, то будутъ бить до смерти, останавливали солдатъ, хватая ихъ за ружья и штыки, для рассѣку между лѣсомъ рубить деревья въ не давали, гдѣ нужно было идти для измѣренія съ цѣпью, какое дерево надобно было рубить, охватывали его руками, подставляли подъ топоры ноги и прочь толкали, чтобъ только начать драку, и такимъ многолюдственнымъ нападеніемъ фронтъ смѣшали. Келарь вытащилъ изъ рукъ солдата цѣпь, переднія кольца ея разогнули, столпъ,

привезенный для обозначенія межи, съ посмѣяніемъ оттащили назадъ ⁷³.

20 января 1752 года графъ Петръ-Ив. Шуваловъ подалъ въ сенатѣ письменное предложеніе, что «Ея импер. величества всеавгустѣйшей государыни милосердное извѣстное предиріятіе и желаніе, дабы подданные подь державою ея величества, дворянство и всякіе владѣльцы недвижимыхъ имѣній, обидимые лишеніемъ имъ подлежащихъ земель, удовольствованы справедливо-стію безъ обиды были, и для того неоднократно въ разсужденіи оныхъ и ради пресѣченія донынѣ въ спорахъ и завладѣніи земель происходящихъ убивствъ и во изысканіи того кровопролитныхъ слѣдствіевъ происхождение попечительно милосердуя, о государственномъ межеваніи всемилостивѣйше упоминать соизволяетъ, требуя вѣдать, какъ скоро оное начнется и чтобъ тѣмъ не медлить. Сколько же извѣстно, всѣ книги, потребныя къ тому межеванію по вотчинной коллегіи не токмо списаны, но прочтены и приготолены по порядку находятся, а время того къ началю удобное приближается: того ради не соизволить ли высокоправительствующій сенатъ сіе дѣло важное, государственное, давъ ему предъ другими преимущество, о сочиненіи инструкціи, въ избраніи межевщиковъ, во установленіи онаго во всѣхъ къ тому потребностяхъ немедленное начало учинить, чтобъ начало того дѣла съ началомъ весны дѣйствомъ произвести; а притомъ не соизволить ли сенатъ, въ разсужденіи постановленія порядка основательнаго и за фундаментъ одну только московскую губернію напередъ размежевать; когда же оное окончается, тогда въ прочихъ всѣхъ губерніяхъ въ одно время начать, для того что по большей части тѣ затрудненія, которыя въ оной, будутъ резолвированы.» Сенатъ приказалъ: какія о томъ межеваніи въ сенатѣ были опредѣленія и писцовые наказы, и сколько въ вотчинной коллегіи писцовыхъ книгъ списано, все это собрать, предложить прав. сенату къ разсмотрѣнію немедленному. 19 февраля, по предложенію того же Шувалова, сенатъ приказалъ: публиковать во всемъ государствѣ, чтобъ всѣ, кто за собою деревни и земли имѣютъ, на эти земли всякія крѣпости заблаговременно приготовляли, особливо тѣ, кто деревни и земли имѣютъ въ московской губерніи, чтобъ при вступленіи опредѣленныхъ къ межевому дѣлу межевщиковъ въ

томъ размежеваніи земель ни малаго препятствія и остановки послѣдовать не могло; а въ вотчинную коллегію послать указъ — имѣть съ писцовыхъ и межевыхъ книгъ копіи во всякой готовности, напередъ одной московской губерніи ⁷⁶.

Для прекращенія дракъ и убійствъ на межахъ представлялось дѣйствительное средство — генеральное межеваніе; но труднѣе было правительству находить скорыя средства противъ другихъ безпорядковъ. 25 мая 1752 года императрица велѣла сенату публиковать, какимъ образомъ она, къ крайнему неудовольствію своему, слышитъ о разореніи и притѣсненіи подданныхъ отъ ябедниковъ, которые, не страшась суда Божія, стараются употреблять всякіе вымыслы противъ правды и тѣмъ затягиваютъ рѣшеніе дѣлъ. Извѣстно ея величеству, что въ такихъ непристойныхъ званію своему поступкахъ упражняется отставной лейбъ-гвардіи прапорщикъ князь Никита Хованскій, которому впрямь себя отъ того удержать и какъ явнымъ, такъ и тайнымъ образомъ ни подъ какимъ видомъ этого не дѣлать и никому по дѣламъ никакого совѣта и наставленія не давать подъ опасеніемъ лишенія движимаго и недвижимаго имѣнія и указаго штрафа; равнымъ образомъ, если кто съ нимъ о какихъ приказныхъ дѣлахъ совѣтовать станетъ явно или тайно, и въ томъ будетъ уличенъ, то какъ у него, князя Никиты, такъ и совѣтовавшихся, движимое и недвижимое имѣніе отписано будетъ ⁷⁷. Этотъ Хованскій 19 лѣтъ не жилъ съ женою, держалъ ее въ крайнемъ притѣсненіи и между тѣмъ давалъ полную волю страстямъ своимъ, 12 лѣтъ не пріобщался; раздраженный публикаціею о своемъ ябедничествѣ, онъ сталъ дѣлать выходки противъ правительства, всѣхъ знатныхъ особъ называлъ однихъ дураками, другихъ пьяницами. «Слава Богу, говорилъ онъ, что въ Москвѣ дворець сгорѣлъ: теперь поѣдетъ государыня въ Петербургъ; изъ Петербурга ее выгнала вода, а изъ Москвы огонь.» Его высѣкли плетью и сослали въ Никольскій Козельскій монастырь, потомъ велѣли жить въ своихъ деревняхъ ⁷⁸.

Отставной коммессаръ, князь Жировой-Засѣкинъ въ юстицколлегіи повинился въ трехкратномъ закладѣ и продажѣ однихъ и тѣхъ же своихъ недвижимыхъ имѣній. Прокуроръ штатсконтодры Андрей Батюшковъ побоями вымучилъ у своей жены крѣпость на приданыя ей деревни, доставшіяся ей на седьмую

часть послѣ перваго мужа Унковского; сенать приговорилъ его, лиша всѣхъ чиновъ, бить кнутомъ; но императрица простила его, приказавъ быть въ отставкѣ. Статскому совѣтнику Полянскому велѣно было ѣхать на слѣдствіе въ вятскую провинцію; онъ укрылся отъ такой дальней, тяжелой поѣздки; тогда положено было запрещеніе на его недвижимое имущество пока не явится. Полянской явился и подалъ просьбу, что пріѣхалъ въ Петербургъ и одержимъ тяжкою болѣзнію, которая пренятствуетъ ѣхать ему въ вятскую провинцію, и потому просить отъ службы и отъ посылки уволить, а деревни изъ-подъ запрещенія освободить. Сенать приказалъ: Полянскаго отпратить въ вятскую провинцію съ провожатымъ солдатомъ, потому что когда онъ въ Петербургъ теперь пріѣхалъ, то и въ Вятку ѣхать можетъ ⁷⁹. Въ домѣ у оберъ-кригсъ-коммиссара Спичинскаго произошла драка, участниками были генераль-майоръ князь Владиміръ Долгорукій и ассессоръ Иванъ Даниловъ. Почти пять лѣтъ тянулось слѣдствіе, наконецъ дѣло рѣшили: Долгорукій, какъ зачинщикъ драки, долженъ былъ заплатить обиженному, секретарю Суровцову, годовое жалованье за безчестье и увѣчье; ассессору Данилову, который хотя не былъ зачинщикомъ драки, но самоуправнымъ отмщеніемъ право свое потерялъ, вмѣнить почти пятилѣтній жестокой арестъ въ наказаніе, опредѣлить къ дѣламъ тѣмъ же чиномъ въ другое мѣсто и удержанное жалованье, по бѣдности, выдать ⁸⁰.

Въ законодательствѣ шло постепенно смягчающее движеніе. Петръ Великій запретилъ употреблять пытку въ малыхъ дѣлахъ; въ 1751 году ее отмѣнили въ корчемныхъ дѣлахъ, при чемъ сенать проговорился и тѣмъ указалъ на необходимость общей отмѣны пытки: «По корчемнымъ дѣламъ не пытать, говорить указъ, для многихъ въ томъ затрудненій и кровопролитія, и чтобы, не стерпя пытокъ, не могли на кого и напрасно говорить, и тѣ бѣ, на кого стануть говорить, и невинные не могли подпасть напрасному истязанію» ⁸¹. Но это разсужденіе одинаково прилагалось ко всѣмъ пыткамъ.

Въ описываемое время правительственнымъ распоряженіемъ обѣ столицы были лишены украшенія, которое дѣлало ихъ похожими на дремучіе лѣса: императрица запретила держать въ Петербургѣ и Москвѣ медвѣдей, «а кто къ оному охотникъ, дер-

жали бѣ въ деревняхъ своихъ, и по ночамъ бы не водили»⁸². Другіе города не были освобождены отъ медвѣдей; нѣкоторые изъ нихъ были заняты другими важнѣйшими интересами. Мы видѣли, что сенатъ для поимки бѣглыхъ гончаровскихъ крестьянъ велѣлъ послать усиленную команду; отправленъ былъ драгунскій подполковникъ Ангеляръ; но и его командѣ крестьяне добровольно не сдались, надобно было брать ихъ приступомъ, при чемъ ранены были слегка одинъ поручикъ и одинъ драгунъ, двое драгуновъ ушибены были камнями, у одного унтеръ-офицера кафтанъ былъ прострѣленъ пулею. Изъ крестьянъ одинъ былъ убитъ на поваль, другой умеръ отъ раны, легкія раны получили шесть человѣкъ, всего было взято 27 человѣкъ, изъ которыхъ послѣ померло и бѣжало пять человѣкъ. Такъ какъ жители Брянска, члены его магистрата оказали явное сочувствіе крестьянамъ, то, разумѣется, они не могли остаться въ сторонѣ при слѣдствіи. Брянскіе купцы подали въ сенатъ челобитную, что подполковникъ Ангеляръ велѣлъ капитану Шловецкому атаковать ихъ дворы и никого не выпускать. Отъ этой атаки, бывшей 5 іюня 1754 года, произошелъ не малый страхъ, отъ котораго женщины и дѣти были при смерти; беременныя женщины разрѣшились преждевременно и отъ страха въ болѣзнь долгое время не говорили. Взятъ былъ брянскаго магистрата ратманъ Сапожковъ, выборный къ таможеннымъ сборамъ Григорій Коростинъ, подъячій, закованы въ тяжелыя кандалы и держались болѣе трехъ недѣль въ великомъ утѣшеніи; а кого дома не было, брали женъ и держали подъ карауломъ въ колодахъ. Кромѣ того подполковникъ команду свою посылалъ по дорогамъ для поимки брянскихъ купцовъ, которыхъ и не требуютъ къ суду; въ надеждѣ на это, прикащикъ Гончарова Зайцевъ, по всеѣмъ дорогамъ около Брянска ставилъ караулы также для поимки брянскихъ купцовъ, которыхъ въ сыскной приказѣ не требуютъ же; въ 30 верстахъ отъ Брянска схватили купца Кузьму Гридина, отняли у него лошадь, деньги, привели къ Гончарову, посадили на цѣпь и мучили, до сихъ поръ неизвѣстно, что съ нимъ случилось; другой брянскій купецъ Анисимъ Бѣляевъ въ домѣ Гончарова убитъ до смерти; да не только купцовъ и гончаровскихъ крестьянъ по дорогамъ хватали, но и малолѣтнихъ дѣтей, которые въ школахъ учатся забирали.

Видя такой страхъ, купцы, оставя дворы, женъ и дѣтей, разбѣжались, все брянское купечество пришло въ разореніе, торговые промыслы и подати едва не все пресѣклись. Послѣ 5 июня спустя дней съ десять, Ангелярь съ капитаномъ и съ командою ходили по всеѣмъ дворамъ, и, разломавъ замки, описывали все пожитки и товары, которыхъ при этомъ распродало не мало ⁸³.

Мы видѣли, что въ дѣлѣ бѣлгородскаго магистрата главный магистратъ восторжествовалъ: враждебный ему президентъ Андреевъ былъ привлеченъ къ дѣлу о фальшивыхъ векселяхъ и взятъ въ особо учрежденную по этому дѣлу комиссію, а на его мѣсто въ магистратѣ назначенъ другой. Но комиссія о фальшивыхъ векселяхъ объявила, что въ векселяхъ, данныхъ Андрееву никакой фальши нѣтъ и при томъ взяты они вовсе не насильственно; самъ челобитчикъ векселей фальшивыми не называетъ, а говоритъ только, что они даны во взятку за исходатайствованіе свидѣтельства о состояніи. Сенатъ обрадовался и приказалъ возстановить Андреева и товарищей его въ прежнихъ чинахъ по магистрату, а вновь выбранныхъ и главнымъ магистратомъ опредѣленныхъ отрѣшнить, ибо по дѣлу комиссіи о фальшивыхъ векселяхъ и за показанными въ челобитѣ бѣлгородскихъ купцовъ резонами Андреева со товарищи безъ слѣдствія отъ магистратскаго правленія отрѣшати не надлежитъ ⁸⁴. Скоро послѣ этого сенатъ имѣлъ удовольствіе наложить штрафъ на оберъ-президента главнаго магистрата Зиновьева: прокуроръ Суворовъ подалъ предложеніе съ прописаніемъ точныхъ указовъ и съ показаніемъ основательныхъ резоновъ; Зиновьевъ отстранилъ это предложеніе опредѣленіемъ, сдѣланнымъ имъ только отъ одного своего имени, толкуя неправильно прописанные у прокурора указы и регламенты; кромѣ того опредѣлилъ самъ собою въ контору главнаго магистрата ратсгера Ольхина безъ общаго со всеѣми присутствующими разсужденія, и утаилъ представленіе въ сенатъ. Прокуроръ донесъ объ этомъ генераль-прокурору, и сенатъ велѣлъ взыскать съ Зиновьева сто рублей ⁸⁵.

Въ Орлѣ возникла ссора между полицмейстеромъ Бакѣевымъ и президентомъ магистрата Уткинымъ, въ слѣдствіе чего пошли безпорядки въ городѣ; жители не стали помогать полиціи: пойманныхъ въ дракахъ разныхъ чиновъ людей, у полицей-

скихъ служителей отбивали и стоящіе при рогаткахъ на караулѣ купцы озарниковъ подѣ караулъ не брали и въ полицію не приводили, опасаясь Ушкина, который запретилъ и соцкимъ помогать полиціи: отсюда въ Орлѣ днемъ и ночью происходили необыкновенные крики и драки ⁸⁶. Въ сѣверныхъ городахъ было покойно. Здѣсь устюжское купечество, обиженное своею провинціальною канцеляріею, искало управы законнымъ путемъ и получила ее. Купцы жаловались сенату, что канцелярія наложила запрещеніе на ихъ деревенскія земли и участки, а они владѣютъ землями старинными родовыми слишкомъ за 200 лѣтъ, и на тѣхъ деревенскихъ земляхъ живутъ изъ черносошныхъ волостей крестьяне половники съ записями по договору, у кого сколько лѣтъ пожелаютъ жить, а не купленные. Сенатъ приказалъ: деревнямъ по прежнему быть за ними неотъемлемымъ и половниковъ содержать, покуда они быть захотятъ, до будущаго впредь разсмотрѣнія ⁸⁷.

Въ Петербургѣ генераль-прокуроръ обратилъ вниманіе сената на злоупотребленія, какія позволяли себѣ иностранцы: иностранные купцы, которые въ петербургское купечество не были записаны и въ разницу торговать не имѣли права, также и другіе разныхъ чиновъ люди, особенно жившіе въ качествѣ домашнихъ учителей и мадамы, обучавшія дѣтей, также камердинеры и кухмистры не только продаютъ товары въ разницу въ домахъ но и по улицамъ для продажи разносятъ. Сенатъ велѣлъ повѣстить хозяевамъ, у которыхъ жили эти иностранцы, чтобъ они заперщали имъ производить такую торговлю, въ противномъ случаѣ сами подвергнутся штрафу ⁸⁸. Изъ противоположнаго конца Россіи, изъ Оренбурга продолжали приходиться хорошія вѣсти. Въ концѣ 1751 года Неплюевъ донесъ, что изъ Оренбурга съ начала года вступило въ Россію золота 13 пуд. 1 фунтъ 15 золотниковъ, серебра 1186 пуд. 22 фун., пошлинъ взято 82949 рублей ⁸⁹.

Говоря о состояніи русскаго купечества въ описываемое время, нельзя умолчать о судьбѣ одной книги, для него назначенной. Коммерцъ-коллегія представила сенату, что она разсматривала переведенную ассессоромъ академіи Волчковымъ книгу подѣ заглавіемъ: *Совершенный купецъ*, и хотя она до коммерціи прилична, токмо къ понятію россійскому купечеству за не-

обыкновеніемъ ихъ къ объявленнымъ въ ней торговымъ обращеніямъ не мало трудная и за тѣмъ къ покупкѣ оной многихъ охотниковъ быть не уповательно, чего для напечатать ее на счетъ оной коллегіи не надежно, ибо и Саваріева лексикона напечатано въ 1747 году 1200 книгъ, на которую печать употреблено 3583 рубля, а продано понинѣ только 112 книгъ на 411 рублей: и для того не соизволить ли прав. сенатъ повелѣть ту книгу сколько потребно напечатать и въ продажу любозытнымъ людямъ употребить отъ академіи наукъ, а за переводъ той книги ассессору Волчкову, который имѣлъ трудъ не малый, награжденіе до 400 рублей изъ казны ея импер. величества учинить надлежитъ. Сенатъ приказалъ напечатать на счетъ коммерцъ-коллегіи 400 экземпляровъ и, оставя изъ нихъ для здѣшней продажи сколько по разсмотрѣнію той коллегіи надлежитъ, остальные все отослать въ главный магистратъ, а ему разослать въ губерніи и провинціальныя магистраты и велѣть раздать купцамъ, взыскавъ съ нихъ деньги по той цѣнѣ, почему они стали безо всякаго лишку, ибо оная книга до собственнаго ихъ купческаго употребленія и пользы принадлежить; Волчкову 400 рублей выдать; съ Саваріевымъ лексикономъ поступить точно также, какъ и съ «Совершеннымъ купцомъ»⁹⁰.

Изъ большихъ городовъ въ описываемое время сильно пострадала отъ пожара Казань: 12 іюля 1752 года сгорѣло въ ней 900 дворовъ, разломано было 38, сгорѣла суконная фабрика Дряблова, два кожевенныхъ завода его же, на адмиралтейскомъ заводѣ сгорѣла кожевня⁹¹. Истребленіе фабрикъ и заводовъ было особенно чувствительно для молодой русской промышленности. Правительство продолжало слѣдовать примѣру Петра Великаго, при первомъ удобномъ случаѣ переводило казенныя фабрики въ частныя руки: такъ отдана была казенная суконная фабрика въ Пугивлѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе московскому купцу Матвѣеву⁹². Въ описываемое время очень заботились о заведеніи шелковичнаго производства; тяготясь зависимоію русскихъ шелковыхъ фабрикъ отъ привоза шелка изъ Персіи, гдѣ, по смерти шаха Надира, происходили смуты, которымъ не предвидилось скорого конца. Астраханскому купцу Бирюкову дали позволеніе заводить и размножать шелковые и бумажныя заводы, строить фабрики для тканья изъ шелку парчей, а изъ хлопчатой

бумаги пестрядей, покупать къ этимъ заводамъ и фабрикамъ людей, муштинъ до ста душъ, а женщинъ сколько понадобится. Бирюковъ представлялъ, что у него близъ Астрахани собственный свой крѣпостной дворъ съ огородомъ, гдѣ насажены виноградныя деревья; въ томъ же огородѣ тутовыхъ 500 деревьевъ, съ которыхъ снимается листу довольное число и тѣмъ листомъ кормятся шелковые черви, дающіе шелку въ достаточномъ количествѣ; Бирюковъ представилъ въ сенатъ и пробу выдѣланнаго имъ шелку⁹³. Генераль-прокуроръ предложилъ сенату въ 1752 году, что въ Россіи шелковыхъ парчей мануфактуры умножаются, а шелковыхъ заводовъ почти ничего нѣтъ, достаютъ шелкъ изъ Персіи, по настоящимъ тамошнимъ обстоятельствамъ, очень дорогою цѣною, тогда какъ въ Россіи тутовыхъ деревьевъ и къ размноженію ихъ мѣсть довольно. Такъ не разсудить ли прав. сенатъ писать къ малороссійскому гетману, чтобъ онъ во всей Малороссіи велѣлъ публиковать, не пожелаетъ ли кто заняться шелководствомъ; тоже публиковать въ слободскихъ полкахъ, и въ Оренбургской и Астраханской губерніяхъ, чтобъ занимались шелководствомъ не требуя указовъ изъ мануфактуръ-коллегіи, но только давали ей знать о существованіи производства, и если такое производство дѣйствительно окажется, то заводчики изъ купечества будутъ уволены отъ службъ и постоя, и шелкъ ихъ до 10 лѣтъ будетъ продаваться безоцилинно. Сенатъ согласился⁹⁴.

Въ концѣ 1752 года въ сенатъ поступила просьба коллежскаго совѣтника, и академіи наукъ профессора Михайла Ломоносова, что онъ желаетъ къ пользѣ и славѣ російской имперіи завести фабрику дѣланія изобрѣтенныхъ имъ разноцвѣтныхъ стеколъ, и изъ нихъ бисеру, проиизокъ, стеклярусу и всякихъ другихъ галантерейныхъ вещей и уборовъ, чего еще понынѣ въ Россіи не дѣлаютъ, но привозятъ изъ-за моря великое количество, цѣною на многія тысячи; а онъ, Ломоносовъ, съ помощію Божіею, можетъ на своей фабрикѣ дѣлать номянутыхъ товаровъ не токмо требуемое здѣсь количество, но и со временемъ такъ размножить, что и за море отпускать оныя можно будетъ, которые и покупать будутъ охотно, ибо вышенисанные товары станутъ здѣсь заморскаго дешевле для того, что принадлежащіе къ сему дѣлу главные матеріалы здѣсь дешевле заморскаго. Каковы изобрѣтенные имъ стеклянные составы, то-

му приложилъ пробы, также и нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣланныхъ вещей, и просилъ учинить вспоможеніе, отвезти въ Конорскомъ уѣздѣ село Ополье или въ другихъ уѣздахъ отъ С.-Петербурга не далѣе полутора сотъ верстъ, гдѣ мужеска пола около 200 душъ имѣлось, съ принадлежащими къ нему деревнями, лѣсами и другими угодьями, и тому лѣсу и крестьянамъ быть при той фабрикѣ вѣчно и никуда ихъ не отлучать, ибо наемными людьми, за новостію, той фабрики въ совершенство привести не можно, и въ обученіи того, какъ новаго дѣла, произойти можетъ не малая трудность и напрасный убытокъ, для того, что наемные работники, хотя тому мастерству и обучатся, но потомъ ихъ власти или помѣщики, для какихъ-нибудь причинъ, при той фабрикѣ быть имъ больше не позволять, то понадобится вновь другихъ обучать, а послѣ и съ тѣми то жъ учинится, отъ чего въ распространеніи фабрики можетъ воспослѣдовать крайняя остановка. На строеніе на оной фабрикѣ сараевъ, на печи, на инструменты и на матеріалы сперва выдать изъ казны денегъ 4000 рублей безъ процентовъ, которые онъ обѣщается выплатить въ пять лѣтъ, и пожаловать ему на сію фабрику привилегію на 30 лѣтъ. Сенатъ согласился, относительно же пожалованія села Ополья рѣшилъ доложить императрицѣ съ ходатайствомъ ⁹⁵.

Еще въ 1745 году, по опредѣленію главнаго магистрата, для возобновленія въ Москвѣ серебрянаго черневаго и финифтянаго дѣла высланы были мастера—черневаго дѣла изъ Устюга Климшинъ, финифтянаго изъ Сольвычегодска Поповъ, и въ томъ же году московскій купецъ Кункинъ просилъ, что желаетъ онъ этому мастерству обучаться и съ присланными мастерами письменно обязался, что ему ихъ въ Москвѣ, пока они его обучать, содержать на своемъ коштѣ и сверхъ того дать имъ награжденіе. Главный магистратъ согласился. Въ 1746 году Кункинъ объявилъ, что онъ черневому мастерству обучился и представилъ сдѣланныя имъ табакерки, которыя оказались добраго мастерства, почему Климшинъ и отпущенъ въ Устюгъ, а Поповъ еще оставленъ для доучиванія Кункина. Теперь въ 1751 году Кункинъ просилъ, чтобъ ему позволено было производить одному вѣдѣліе священныхъ вещей, сосудовъ, крестовъ, окладовъ, ибо другіе серебряники дѣлаютъ эти вещи безобразно. Сенатъ

согласился, чтобъ Кувкинъ одинъ дѣлалъ священныя вещи въ Москвѣ и продавалъ безъ повышенія цѣны, но остальнымъ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастерамъ, которыхъ въ цеху записано было всего шесть человекъ, дѣлать только вещи для домашняго убранства и для частнаго, а не церковнаго употребленія ⁹⁶.

Для исторіи промышленности въ Россіи любопытна исторія одного мастера, обученнаго при Петрѣ Великомъ. Коммиссаръ Шаблыкинъ подалъ просьбу, что въ службу взять онъ въ 1718 году изъ недорослей и опредѣленъ на петербургскую шелковую и коломинковую мануфактуры въ ученики, мастерству этому обучился у иноземныхъ мастеровъ; въ 1723 году пожалованъ мастерамъ и обучилъ многихъ учениковъ, изъ нихъ нѣкоторые мастерами удостоены и опредѣлены въ Москвѣ на частныя фабрики. Когда петербургская фабрика была упразднена, то ученики его и инструменты отданы въ Ярославль купцу Максиму Затрапезному, а ему Шаблыкину изъ той же казенной фабрики нѣкоторая, самая малая часть для его пропитанія дана въ награжденіе: учениковъ два человека, инструментовъ и съ котлами безденежно на 49 рублей, да матеріаловъ съ возвращеніемъ за нихъ въ казну денегъ 35 рублей. Онъ жилъ и работалъ въ Невгородѣ; ученики его въ городѣ и уѣздѣ во многихъ шляхетскихъ и прочихъ домахъ скатерти и салфетки и прочія полотна дѣлають, и это мастерство совершенно вкоренилось и размножается. Въ 1743 году опредѣленъ онъ отъ кабинета къ возобновленной полотняной мануфактурѣ мастеромъ, а въ 1746 сдѣланъ при ней же комиссаромъ, но служить безъ жалованья, на своемъ коштѣ и рангомъ никакимъ не награжденъ, почему просить наградить, а московскихъ шелковыхъ мануфактуръ мастера Ивковъ и Воделовъ награждены рангами поруческими. Сенатъ приказалъ наградить и Шаблыкина рангомъ поруческимъ ⁹⁷.

Относительно промышленности первоначальной графъ Петръ Шуваловъ указывалъ, что, благодаря ему, промыслы морскихъ звѣрей процвѣтають на Бѣломъ морѣ: когда въ 1748 году ему были отданы эти промыслы, то съ нихъ пошлинь взято 1653 рубля, а въ 1750 году заплачено въ казну 5231 рубль. На Ладожскомъ озерѣ тюлений промыселъ былъ отданъ ему же, а въ 1751 году онъ объявилъ сенату, что такъ какъ въ Астрахани

и около нея въ Каспійскомъ морѣ тюленей также много, но съ давнихъ лѣтъ ихъ ловлею не занимаются, то онъ имѣеть намѣреніе и астраханскій тюлений промыселъ взять въ содержаніе, для его усиленія, по 1768 годъ. Сенатъ приказаль отдать ⁹⁸.

Шуваловъ имѣль право гордиться и удачею своихъ плановъ относительно распространенія источниковъ добыванія соли и относительно ея продажи. Въ 1750 году соли въ продажѣ было 6,112,529 пудъ, денегъ въ сборѣ 2 милліона 38 тысячъ 31 рубль, прежней прибыли 700,453 рубля, новой прибыли 510,124 рубля; изъ этой суммы 210,577 рублей соляная контора должна была отослать въ главный комиссаріатъ для замѣны въ подушный сборъ, именно съ каждой души складывалось по трѣ копѣйки. Въ указѣ, данномъ по этому случаю, говорилось, что предполагалось прибыльныхъ денегъ больше; но оказалось, что во многихъ мѣстахъ продавалась подвозная ломаная на степныхъ озерахъ и изъ прочихъ мѣсть, въ подрывъ казенной продажѣ: также во многихъ отдаленныхъ отъ городовъ мѣстахъ казенной соляной продажи не было устроено и цѣловальники обвѣшивали и позволяли себѣ другія воровства; противъ всего этого приняты теперь мѣры и государыня надѣется, что прибыльныхъ денегъ будетъ больше; кто узнаеть о злоупотребленіяхъ, долженъ объявлять, чтобъ положенные въ подушный окладъ люди могли получить наибольшее облегченіе. Въ 1751 году продано было соли больше 78,869 пудами, и въ 1752 году велѣно соляной конторѣ отослать въ главный комиссаріатъ 210,000 рублей, а комиссаріату изъ подушнаго оклада выключить съ каждой души по три копѣйки съ четвертью ⁹⁹.

Увеличеніе источниковъ добыванія соли прекращало затрудненія, которыя терпѣло государство отъ невольной монополіи пермскихъ солеваровъ. Въ 1750 году императрица велѣла прибавить баронамъ Строгоновымъ по три копѣйки на пудъ; въ слѣдующемъ году нашли необходимымъ прибавить имъ на суда еще 600 казенныхъ рабочихъ, сверхъ прежнихъ 2000; но въ томъ же году сенатъ приняль въ соображеніе, что баронамъ Строгоновымъ велѣно вываривать соли и ставить въ Нижній по три милліона пудовъ, а теперь въ тамошніе магазины элтонской соли вывезено болѣе четырехъ милліоновъ пудовъ, отпущено 95,000 пудовъ, да имѣется къ отпуску 300,000 пудовъ; кромѣ того

астраханскаго бузуну въ Нижнемъ болѣе 700,000 пудовъ; поэтому сенатъ приказалъ: для сохраненія лѣсовъ, которые употребляются на выварку пермской соли и строеніе судовъ и чтобъ миновать нарядовъ съ казанской губерніи рабочихъ на суда для сплавки этой соли, на будущій 1752 годъ велѣть Строгановымъ выварить соли и поставить въ Нижній и оттуда въ Верховые города не болѣе двухъ милліоновъ пудовъ, потому что третій милліонъ отнустится элтонской соли ¹⁰⁰. По особеннымъ условіямъ Россіи, разумѣется, и тутъ не обошлось безъ препятствій, ибо новые источники добыванія соли находились на окраинахъ, издавна знаменитыхъ какъ приволье *гуляющихъ* людей, противопоставившихся народонаселенію внутреннихъ областей. Определенный къ смотрѣнію за добываніемъ и вывозомъ соли съ Элтонскаго озера полковникъ Чемадуровъ доносилъ, что на плывущихъ Волгою судахъ отъ воровъ и разбойниковъ чинятся многія грабительства и смертоубійства, а рабочіе, которымъ, по множеству ихъ, можно было обороняться, ни сколько не охраняютъ судовъ и хозяевъ, а другіе даже помогаютъ злодѣямъ. Сенатъ могъ только приказать—обязать рабочихъ, чтобъ помогали, объявивъ указъ съ запискою ¹⁰¹.

Дляпротиводѣйствія злоупотребленіямъ по продажѣ вина учреждена была въ 1751 году особая корчемная контора ¹⁰². Табачный откупъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ существовалъ, отданъ на шесть лѣтъ за 70,000 рублей на годъ ¹⁰³.

До послѣдней ревизіи считалось 5,794,928 душъ податнаго состоянія, а съ нихъ подушныхъ денегъ собиралось 4,687,654 рубля 10 копѣекъ. По послѣдней ревизіи явилось 6,614,529 душъ, и съ нихъ подушныхъ денегъ 5,334,900 рублей 70 копѣекъ. Шуваловъ представилъ сенату, что по его предложенію рѣшено было брать окладъ съ новопрписныхъ съ 1747 года, не дожидаясь окончательно числоваго вывода по ревизіи, и въ четыре года съ прибылыхъ душъ собрано 3,117,289 рублей, и потому просить внести въ докладъ императрицѣ, что такая прибыль сдѣлана по его представленію ¹⁰⁴.

Въ іюлѣ 1751 года на монетныхъ дворахъ, за сложеніемъ, по указамъ сената, имѣвшихся съ 1735 года на штатсконторѣ и прочихъ мѣстахъ долговъ и за внесеніемъ въ кабинетъ Е. И. В. передѣланныхъ червонныхъ и золотыхъ и серебряныхъ ме-

далее и жетоновъ, состояло всего капитала на 1,405,990 рублей, да долговъ на штатсъ-конторѣ 352,463 рубля, на сибирскомъ приказѣ 9502 рубля, на дворцовой канцеляріи 1171 рубль, на сибирской губерніи 41,745 рублей, итого 404,882 рубля; наобороть, монетная канцелярія была должна главному комиссаріату 200,000 рублей. Весною 1752 года сенатъ велѣлъ отпустить съ денежныхъ дворовъ въ штатсъ-контору до 300,000 рублей; монетная канцелярія отвѣчала, что на петербургскомъ монетномъ дворѣ въ наличности 180,473 рубля, а въ Москвѣ только 7118 рублей, но и эти деньги подлежатъ въ отпускъ; сверхъ этихъ наличныхъ монетъ въ Москвѣ въ передѣлахъ серебра до 900 пудъ и передѣлъ производится съ крайнею поспѣшностію, а въ Петербургѣ ефимковъ до 242 пудовъ, только въ скорости передѣлать никакъ нельзя. Сенатъ приказалъ—наличные деньги всѣ отпустить и потомъ отнискать по мѣрѣ передѣлки серебра и ефимковъ, да отпустить деньги, которые въ маѣ мѣсяцѣ должны заплатить питейные откупщики. Въ августѣ та же исторія, опять сенатскимъ указомъ велѣно отпустить по требованію штатсъ-конторы заимообразно съ денежныхъ дворовъ 300,000 рублей; монетная канцелярія представляетъ, что на петербургскомъ монетномъ дворѣ въ наличности только 8313 рублей, а въ Москвѣ 44,560 рублей (въ томъ числѣ русскихъ червонныхъ, которые въ расходъ не употребляются, 3422 рубля, да мѣдныхъ денежекъ и полушекъ 22,410 рублей), а сверхъ тѣхъ наличныхъ хотя въ передѣлѣ серебра [въ Петербургѣ до 375 пудовъ, въ Москвѣ 825 пудовъ, но этого серебра передѣлать въ монеты скоро никакъ нельзя, да и по выходѣ изъ передѣла монетъ, кромѣ другихъ расходовъ, по сенатскимъ указамъ, надобно въ камеръ-контору за ту же штатсъ-контору заплатить 200,000 рублей. Сенатъ приказалъ: наличные деньги и по выходѣ изъ передѣла 300,000 рублей прежде всего отнискать въ штатсъ-контору, а потомъ уже 200,000 въ камеръ-контору ¹⁰⁵.

15 декабря 1752 года изданъ былъ всемилостивѣйшій манифестъ о прощеніи доимокъ подушнаго сбора съ 1724 по 1747 годъ, которыхъ было 2,534,008 рублей, при чемъ правительство объявило о благопріятномъ положеніи государства: «Имперія такъ силою возросла, что лучшаго времени своего состоянія, какое до нынѣ ни было, несравненно превосходить въ умно-

жившемся доходѣ государственномъ и народѣ, изъ котораго состоитъ и комплектуется высокославная наша армія, ибо какъ въ доходахъ, такъ и въ упомянутомъ народѣ едва не пятая часть прежнее состояніе превосходитъ» ¹⁰⁶.

Такъ объявляло правительство о матеріальномъ состояніи Россіи. Въ нравственной жизни русскаго общества 1752-й годъ замѣчателенъ изданіемъ такъ давно ожидаемой Библии. 23 февраля императрица указала публиковать изъ сената во всей имперіи, что начавшаяся исправленіемъ при жизни Петра Великаго Библия нынѣ совсѣмъ уже окончена и напечатана, которую продавать велѣно безъ переплету по пяти рублей, и чтобъ всякій, зная о томъ, болѣе пяти рублей не платилъ, чтобъ перекупщикамъ пересѣчь путь къ повышенію цѣны, ибо книгъ печатается и впередъ будетъ печататься довольное число ¹⁰⁷. Черезъ нѣсколько дней въ петербургскихъ вѣдомостяхъ читалось слѣдующее объявленіе: «При канцеляріи св. прав. синода каждыя недѣли въ пятокъ пополудни продаваться будетъ напечатанная вновь св. писанія Библия, которая начата по природно-благочестивѣйшему усердію, при жизни всесражайшаго ея импер. величества государя родителя и императора Петра Великаго, сведеніемъ и исправленіемъ съ вѣрными греческими книгами и ея импер. величеству отъ св. синода всеподданнѣйше поднесена, духовнымъ и знатнѣйшимъ въ Петербургѣ и находящимся въ рангахъ военнымъ и штатскимъ и купечеству, всякому изъ нихъ каждому купить желающему по пяти рублевъ книгу, токмо для всякаго его самого по одной съ имянною запискою, съ объявленіемъ (ежели бъ кто сталъ требовать болѣе числомъ) того, что къ послѣдованію всѣмъ и всякихъ требующимъ удовольствія имѣеть въ непродолжительномъ времени неоднократно печатаніемъ издано быть оныхъ книгъ не малое число, о чемъ симъ объявляется» ¹⁰⁸.

Самое трудное для синода дѣло окончилось; но у его членовъ по прежнему происходили неудовольствія съ оберомъ-прокуроромъ княземъ Шаховскимъ. Въ мартѣ 1752 года генераль-прокуроръ объявилъ въ сенатѣ, что по опредѣленію послѣдняго въ синодъ послано шесть человекъ юнкеровъ, но ихъ въ синодѣ не принимаютъ и они живутъ праздно. Представленъ былъ рапортъ синодальнаго оберъ-прокурора съ объ-

ясненіемъ причинъ непринятія юнкеровъ: на предложеніе его, Шаховскаго о принятіи юнкеровъ два присутствующіе синодальныя члена объявили, что они безъ присутствія большаго числа членовъ точной резолюціи положить не могутъ, но въ собраніяхъ болѣе двухъ членовъ очень рѣдко бываетъ. Сенатъ положилъ имѣть съ синодомъ конференцію, а юнкеровъ опредѣлить въ другія мѣста ¹⁰⁹. Синодъ въ это время занималъ вопросъ о законности нѣкоторыхъ браковъ. 20 сентября 1752 года Шаховской объявилъ синоду выговоръ императрицы, для чего дѣло о бракѣ поручика Пушкина до сихъ поръ остается безъ рѣшенія. Императрица очень недовольна, что членъ синода, Стефанъ, архіепископъ новгородскій письменными своими разсужденіями присуждаетъ разводъ, и что относительно такихъ браковъ, которые многіе вѣка беспорочно были позволяемы, теперь между членами синода происходятъ споры (отъ чего многимъ не малы оскорбленія и разоренія приключиться могутъ). Ея величество повелѣла объявить, что если преосвященный Стефанъ не согласенъ съ большинствомъ членовъ, то пусть утверждаетъ, приводя основанія не отъ своего разсужденія, но изъ св. писанія, изъ книгъ, принятыхъ православною нашею церковію и вѣроятія достойныхъ, и эти печатныя книги представилъ бы самой ея величеству ¹¹⁰. 7 октября по поводу тѣхъ же дѣлъ происходилъ въ синодѣ слѣдующій разговоръ: оберъ-прокуроръ, обратясь къ Стефану новгородскому, предложилъ ему выслушать поданное мнѣніе преосв. рязанскаго. «Я ѣздилъ ко двору ея импер. величества, отвѣчалъ Стефанъ, ѣздилъ во исполненіе высочайшаго повелѣнія съ приличными къ тѣмъ дѣламъ книгамъ; но представить книги времени не улучилъ.» *Шаховской*. Такимъ разбираніемъ споровъ по книгамъ ея величество утруждать, безъ крайней нужды не слѣдуетъ, развѣ тогда, когда не изобрѣтете уже никакого способа къ соглашенію съ прочими членами; а теперь бы поискать согласія, что ея величеству было бы гораздо угоднѣе, чѣмъ рѣшать несогласія ваши по книгамъ. *Стефанъ*. Пока въ силу высочайшаго повелѣнія не подамъ ея величеству книгъ, ни въ какое разсужденіе по этимъ дѣламъ не вступлю. Тутъ Шаховской обращается къ протоколисту и велитъ записать это объявленіе въ журналъ. «Что это, зачѣмъ записывать! закричалъ Стефанъ: члены не приказываютъ, а одинъ

оберъ-прокуроръ приказываетъ записать въ журналъ.»—«Я, сказалъ Шаховской, приказываю протоколисту исполнять не мои прихоти, но то, что онъ обязанъ дѣлать по регламенту, и протоколистъ при такомъ исполненіи состоитъ не подъ вашимъ, а подъ ея величества повелѣніемъ, а моя должность наблюдать, чтобъ онъ былъ исправенъ.» Стефанъ повторилъ, что протоколисту надобно записывать то, что члены приказываютъ, а ежели такое помѣшательство со стороны оберъ-прокурора происходитъ будетъ, то членамъ незачѣмъ и въ канцелярію ѣздить ¹¹¹.

Мы видѣли заботы синода о томъ, чтобъ духовенство не подвергалось насиліямъ отъ свѣтскихъ людей. Въ описываемое время случилось событіе, которое потребовало всей строгости церковной и гражданской власти. Въ 1751 году въ серпуховскомъ уѣздѣ надворный совѣтникъ князь Иванъ Вяземскій, встрѣтивъ священника, идущаго съ дароносицею для приобщенія больной крестьянки, билъ его конскою плетью, велѣвъ бить и крестьянамъ своимъ; они, избивши его, притащили за волосы въ село Вяземскаго, Пуцино, при чемъ дароносицу оборвали, изломали и Агнецъ утратился; потомъ священника опять начали бить дворовые и крестьяне и самъ Вяземскій. Синодъ приговорилъ: Вяземскаго послать въ вѣчное заточеніе въ дальній монастырь, держать скованнаго на хлѣбѣ и квасѣ, допускать въ церковь на паперть только въ праздничные и воскресные дни, причастить св. таинъ только при смерти; крестьянъ его, бившихъ попа, наказать плетми нещадно; попа за то, что будучи позванъ по утру, засидѣлся въ гостяхъ и пошелъ къ больной только послѣ вечерни, и, имѣя при себѣ дароносицу, дерзнулъ въ полѣ отбирать лошадь свою у крестьянина князя Вяземскаго и тѣмъ положилъ начало такой страшной продерзости,—послать на годъ въ монастырскіе труды ¹¹².

Изъ отдаленной Вятки пришла жалоба на самоуправство особаго рода. Секундъ-майоръ Бестужевъ, будучи въ вятской провинціи при подушномъ сборѣ, представилъ, что архіерейскій домъ и монастыри неправильно завладѣли чернополосными государственными крестьянами; въ свою очередь, архимандритъ Трифонова монастыря Потемкинъ и консисторскій секретарь Головкинъ донесли, что Бестужевъ долговременною неадачею квитанцій въ приѣмъ рекрута и лошадей вынудилъ взятку въ 50

рублей. Наряжено было слѣдствіе. Между тѣмъ 29 іюня въ праздникъ апостоловъ Петра и Павла, въ день имении наследника престола въ Хлыновѣ въ соборѣ было архіерейское служеніе; дяконъ Свирѣповъ говорилъ проповѣдь, и обличая людей, неуважающихъ святыню и санъ духовный, при словахъ: «ты лежишь....., а священникъ у воротъ съ крестомъ стоитъ», указалъ рукою на Бестужева. Послѣ обѣдни на молебнѣ при раздачѣ свѣчь, когда Бестужевъ вмѣстѣ съ другими подошелъ за свѣчею къ епископу Антонію, тотъ не далъ ему свѣчу въ руки, а бросилъ, отвернувшись, и потомъ, обратясь къ нему, и грозя пальцемъ, закричалъ: «ты арлекинъ,» и при этомъ сталъ кривляться, передражнивая, какъ Бестужевъ ходитъ; потомъ велѣлъ было вывести его изъ церкви, но одумался, оставилъ, а велѣлъ принести ящикъ, куда кладутся штрафныя деньги съ разговаривающихъ въ церкви, хотя Бестужевъ не говорилъ ни слова; наконецъ велѣлъ взять у него трость.

Еще далѣе, въ Tobольскѣ началось дѣло между митрополитомъ и Бухарцами съ Татарами. Въ сенатъ явились повѣренные тобольскихъ и тарскихъ Бухарцевъ и служилыхъ и ясачныхъ Татаръ съ жалобою: тобольскій митрополитъ Сильвестръ причиняетъ имъ несносныя обиды: схвачены были Татары и Бухарцы, жены и дѣти и дворовые люди и отданы на митрополичій дворъ, тамъ держали ихъ въ оковахъ, морили голодомъ и этимъ заставляли многихъ креститься и малолѣтнихъ, а митрополитъ вымучиваетъ у нихъ доношенія, что они крестятся по своему желанію. Митрополитъ присылаетъ въ ихъ юрты русскихъ священниковъ, будто для увѣщанія къ принятію христіанской вѣры; но эти священники, ѣздя по юртамъ на ихъ лошадяхъ и коштѣ, только пьянствуютъ и требуютъ съ нихъ подарковъ, а если кто не дастъ, то по возвращеніи митрополиту напрасно наговариваютъ, будто бы они, Татары и Бухарцы поносятъ вѣру христіанскую и священниковъ бранятъ; особенно живущіе между ними новокрещены ложно доносятъ на нихъ митрополиту въ хулѣ на христіанскую вѣру, и по этимъ доносамъ ихъ берутъ въ консисторію, и безъ всякаго слѣдствія, бьютъ смертельными побоями и этимъ заставляютъ подавать доношенія о желаніи креститься, а доносчиковъ отпускаютъ съ наградами, отъ чего они, Татары и Бухарцы пришли въ крайнее разореніе, не смѣ-

ють для купечества и звѣринаго промысла изъ домовъ своихъ отлучиться, чтобъ безъ нихъ митрополитъ женъ и дѣтей ихъ не побралъ и не принудилъ креститься.

Когда митрополиту дали знать объ этой жалобѣ, то онъ отвѣчалъ, что все это неправда и, въ свою очередь, прислалъ списокъ обвиненій: Татары и Бухарцы тайну св. крещенія хулить, говорятъ: «Чортъ ли намъ велитъ креститься и въ вѣру такую идти!» Злохудительныя на христіанство письма на татарскомъ, персидскомъ и арабскомъ языкахъ носятъ на головахъ въ шапкахъ и на груди. Христіанство идолопоклонствомъ называютъ; новокрещенныхъ ругаютъ собаками и демонопоклонниками; склоняютъ ихъ въ свой законъ; одного русскаго человѣка уговаривали принять магометанство, а другихъ русскихъ насильно питьемъ и ѣдою оскверняютъ. Для волшебства носятъ лоскутки отъ савановъ съ мертвыхъ тѣлъ, чтобъ не чувствовать пытки; въ юртахъ своихъ сводятъ христіанъ съ магометанами на беззаконное смѣшеніе. По раззореніи у нихъ мечетей, на основаніи указовъ 743 и 744 годовъ, собираются молиться въ юртахъ. Колотъ иконы и бросаютъ ихъ на землю; съ христіанъ срываютъ кресты, бросаютъ на полъ, плюютъ и топчутъ. Барабинцевъ и немущихъ никакого закона Остяковъ, Вогулчей, Калмыковъ въ свой законъ цѣлыми деревнями превратили» ¹¹³.

На самомъ отдаленномъ краю Сибири шла истребительная расправа съ туземцами, которые не хотѣли признавать русскаго господства. Въ февралѣ 1752 года ночью въ Охоткѣ содержащіеся подъ карауломъ измѣнники Коряки возмутились, перебили часовыхъ и засѣли въ тюрьмѣ. Охоткій командиръ осадилъ тюрьму и сейчасъ же послалъ жителямъ приказъ перевязать Коряковъ, которые у нихъ жили въ работникахъ. На разсвѣтѣ Русскіе приступили къ тюрьмѣ, и начали палить въ нее изъ ружей и пушекъ; Коряки сначала отстрѣливались изъ ружей; но потомъ видя, что не отстрѣлятся, зажгли тюрьму и всѣ погибли. Рабочіе Коряки на другой день распрашиваны и признались, что съ тюремными Коряками были въ согласіи, и хотѣли хозяевъ своихъ въ ту ночь побивать; а потомъ когда бы товарищи ихъ вышли изъ тюрьмы, то они съ ними убили бы командира и всѣхъ Русскихъ, острогъ выжгли, ушли въ свою землицу и не были бы въ русскомъ подданствѣ. Русскіе рѣшили казнить

всѣхъ этихъ Коряковъ смертію, потому что за карауломъ держать было нельзя: ихъ было слишкомъ много, а Русскихъ слишкомъ мало ¹¹⁴.

На югозападной, европейской Украинѣ, въ Малороссіи ждали гетмана Разумовскаго съ его менторомъ Тепловымъ. 3-го марта 1751 года съ большою церемоніею Разумовскій принесъ присягу въ своемъ новомъ званіи и получилъ изъ рукъ императрицы булаву и другіе гетманскіе знаки. Для отправления новаго гетмана въ Малороссію уже было нанято сенатомъ 125 подводъ, за которыя заплачено по 3 рубля за каждую лошадь; но Разумовскій потребовалъ, чтобъ отъ Петербурга до Москвы и отъ Москвы до Малороссіи на каждомъ почтовомъ стану было приготовлено для него по 200 подводъ, и когда гетманская супруга проѣдетъ, тогда съ каждаго стана двѣ трети подводъ распустить, а треть оставить для самого гетмана. Ея величество пожаловала академіи ассессора Теплова за его прилежаніе и труды въ коллежскіе совѣтники; но гетманъ малороссійскій просилъ, чтобъ ему дать онаго Теплова для правленія его домашнихъ гетманскихъ дѣлъ, и ея величество повелѣла Теплову быть при гетманѣ въ Малороссіи всегда въ такомъ званіи, въ какомъ гетманъ заблагоусмотритъ по его чину и получать ему свое довольствіе отъ гетмана ¹¹⁵. Только въ іюнѣ мѣсяцѣ Разумовскій выѣхалъ изъ Москвы въ Малороссію, и объ этомъ отъѣздѣ дано было знать въ Петербургскія вѣдомости: «Іюня 18-го числа его ясновельможность, г. гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ за порожекскихъ, президентъ Академіи Наукъ, подполковникъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и кавалеръ, графъ Кирилла Григор. Разумовскій, въ провожаніи всѣхъ знатнѣйшихъ чиновъ и многого знатнаго дворянства, отправился отсюда въ путь благополучно, при чемъ нѣкоторые провожали его ясновельможность до первой станціи Пахры; а 21-го числа его ясновельможность прибылъ въ Тулу и отъ знатнѣйшихъ тамошняго города благополучнымъ пріѣздомъ поздравленъ и богато трактованъ».

Къ 30 іюня значительнѣйшіе Малороссіяне съѣзжались въ Глуховъ къ пріѣзду гетмана. Компанейскіе полки, Запорожцы, депутация, архимандритъ, протопопъ и нѣсколько священниковъ, генеральный писарь Безбородко и десять бунчуковыхъ товарищей, встрѣтившіе его на дорогѣ, присоединились къ свитѣ. Когда

поѣздъ приблизился къ Глухову, то генеральный есауль съ бунчуковыми и Запорожцы окружили гетмана; полки стояли въ два ряда отъ Сѣвскихъ воротъ до самаго гетманскаго загороднаго двора, отдавая честь Разумовскому при звукахъ музыки и ружейной стрѣльбы, пока не началась палба изъ пушекъ. У городскихъ воротъ гетманъ былъ встрѣченъ генеральною старшиною и генеральный есауль говорилъ рѣчь; въ церкви св. Николая архимандритъ окропилъ его святою водою и сказалъ рѣчь. Изъ церкви отправились все въ гетманскій домъ. Кіевскій архіерей также пріѣхалъ въ Глуховъ познакомиться съ новымъ правителемъ Малороссіи: посѣтилъ его поутру — не могъ видѣть, гетманъ еще опочивалъ; поѣхалъ вечеромъ — не засталъ дома, гетманъ поѣхалъ прогуливаться. Жители Глухова видѣли, какъ преосвященный разѣзжалъ, добываясь понапрасну лицезрѣть сына Разумихи, великими заслугами достигшаго столь важнаго сана.

По крайней мѣрѣ стало весело; Глуховъ сдѣлался маленькимъ Петербургомъ: въ домѣ гетманскомъ играли французскія комедіи, на которыя приглашался знатный людъ. Тепловъ игралъ важную роль: къ нему знатные Малороссіяне считали обязанностію ѣхать поздравлять съ рожденіемъ дочери. Ассессоръ Академіи сблизается съ образованными Малороссіянами, мѣняется съ ними книжками ¹¹⁶.

А на югѣ въ степи разгуливали большими шайками гайдамаки, не давая покоя пограничнымъ польскимъ владѣніямъ, «почти ежедневно, водою и сухимъ путемъ, чинили вездѣ безчисленнѣйшія насильства дерзостнѣйшимъ и безчеловѣчнѣйшимъ образомъ» ¹¹⁷. Но въ то же время явилась попытка дать степи со стороны польской границы военное населеніе другого рода, чѣмъ казаки, попытка, едва не нарушившая добрыя отношенія Россіи къ Австріи и поведшая къ окончательному разрыву между канцлеромъ Бестужевымъ и его братомъ, графомъ Михаиломъ Петровичемъ.

Канцлеръ крѣпко держался на своемъ мѣстѣ, пользовался полною довѣренностію императрицы, по прежнему неуклонно проводилъ свою систему осозиванія европейскихъ державъ, чтобъ связывать руки Пруссіи и Франціи, преимущественно первой. Но онъ постоянно страдалъ безденежьемъ, и въ октябрѣ 1752

года обратился къ императрицѣ съ слѣдующею просьбою: «Все-милостивѣйшая государыня! я такой тягости долговъ подпалъ, что оной прибавить уже невозможно. Кредиту тѣмъ лишаюсь, никакого уже заимодавца, кто бъ меня ссудилъ, не нахожу, и такъ, что при наступающей поѣздѣ въ Москву какъ съ мѣста тронуться, не знаю. Все заложено, что съ пристойностію заложить можно было. Но правда, ежели бъ я не канцлеръ толь великой и справедливо наибольшей въ свѣтѣ монархини былъ, то можетъ быть имѣющимъ отъ руки жъ вашего величества пждивеніемъ могъ бы нѣсколько пробавиться, только себя не поправить. Доходы со всемилостивѣйше данныхъ мнѣ деревень и со окладнымъ жалованьемъ не сочиняютъ полныхъ 12000 рублей; изъ того уже само оказывается, возможно ли мнѣ было тягостныхъ долговъ избѣжать, когда я въ то же время такъ жить старался, какъ канцлеру всероссійской самодержицы долгъ и должность повелѣваетъ. Были мои излишества въ строеніи, но были жъ и такія великія издержки, кои я по должности сдѣлалъ. Таковы суть московскія поѣздки и разныя великія торжества. Не знаю токмо, не можно ли однакожъ и первыхъ въ число сихъ послѣднихъ включить, ибо ежелибъ въ первомъ, т.-е. въ строеніи здѣшняго, а паче нынѣ московскаго дома я могъ нѣсколько убавить, то такимъ же образомъ и въ другомъ поступилъ бы, ежели бъ я паки не канцлеръ вашего императорскаго величества былъ. Вновь почти построя пожалованный мнѣ здѣсь домъ, а все въ долгъ, за который въ 50,000 его на 10 лѣтъ тогда жъ и заложилъ, не могъ паки выкупить потомъ пожалованными сорокъ тысячамъ рублевъ, такъ что и понынѣ въ закладѣ остается, чему и половина сроку минула, ибо тѣми деньгами другія необходимыя нужды исправить и мелкіе немногіе долги заплатить, и тѣмъ свой кредитъ нѣсколько поправить тогда старался. Внутренняго не всякій видитъ; но что сказали бъ послы, министры и другіе иностранные обо мнѣ, да не обо мнѣ, но о канцлерѣ вашего величества, когда бъ я, живши сходно съ возложенною на меня милостию и рангомъ, подъ старость бѣдничалъ, когда другіе, такихъ должностей и ранговъ не имѣющіе, и о которыхъ въ свѣтѣ развѣ по случаю говорено будетъ, отъ часу знатибѣ, огромнѣе и великолѣпнѣе живутъ. Повторяю, можетъ мнѣ въ излишество причтено быть строеніе такъ большаго въ Москвѣ дома? Я самъ

то еще больше чувствую, ибо зачавъ его весь въ долгъ строить, до послѣдней крайности и дошелъ. Но, всемилостивѣйшая государыня, клянусь Всевѣдущимъ, и то не для моего тщеславія или самолюбія. Много было бы сказать и для украшенія города, однакожь то истина, что, скупя разные пустыри, искривившіяся хижины и мерзвившія болота, всѣ въ проспектѣ императорскаго дома стоявшіе, за нужно и должно я находилъ такое строеніе на томъ мѣстѣ поставить, которое, стоя противъ и подлѣ императорскихъ домовъ, не казалось бы близостію своею отнимать ихъ великолѣпіе; а для меня партикулярно, при 60 лѣтахъ старости и по тридцати-трехлѣтней вѣрной и безпорочной и всегда честной службы, оное и совѣмъ не надобно. Я не знаю, удастся ли мнѣ въ мой вѣкъ въ ономъ жить, ибо, не имѣя чѣмъ достроить, онъ теперь такъ и остановился; буде жъ то для остающагося по мнѣ сына, то прямо, хоть и горестно, скажу, что для него и конуры не построилъ бы. Сии обстоятельства, а паче всего поѣздка къ Москвѣ принуждаетъ меня прибѣгнуть къ изобилующему въ щедротахъ престолу вашего величества со всеподаннѣйшимъ прошеніемъ, да соизволите пожаловать мнѣ изъ субсидныхъ денегъ заимообразно 30,000 рублей на десять лѣтъ такъ, чтобъ каждый годъ изъ моего жалованья по 3,000 вычитается, а въ случаѣ престѣченія моей жизни безъ взысканія съ моихъ наслѣдниковъ оставлено было»¹¹⁸.

Отвѣта на просьбу не было, къ радости враговъ канцлера, удвоенной ссорою братьевъ, въ которой они поспѣшили взять сторону графа Михайлы Петровича.

До сихъ поръ союзъ съ Австріею казался самымъ естественнымъ по единству интересовъ; но теперь на горизонтѣ появилось облако, которое могло предвѣщать бурю, указавши въ отношеніяхъ Россіи къ Австріи такую сторону, которая напоминала отношенія Россіи къ Польшѣ и Турціи и которая могла вести къ сильнымъ столкновеніямъ.

12 января 1751 года дана была нота австрійскому послу графу Бернесу, въ которой говорилось, что императрица всероссійская твердо надѣется получить отъ императрицы римской новый и пріятный опытъ ея неопѣненной дружбы. Извѣстно, какимъ утѣшеніемъ отъ римско-католическаго духовенства подвержены трансильванскіе жители, исповѣдующіе греческую вѣру,

какъ принуждаютъ ихъ къ униі съ римскою церковію; не меньше извѣстно, какъ великодушны чувства ея римско-императорскаго величества въ разсужденіи вольности въ вѣрѣ ея подданныхъ и что всякія притѣсненія дѣлаются противъ воли и указовъ ея величества, слѣдовательно надобно приписать эти гоненія измѣнѣ и несправедливой ревности нѣкоторыхъ лицъ изъ римско-католическаго духовенства. Такъ какъ російская императрица въ слѣдствіе единовѣрія съ упомянутыми трансильванскими жителями, не можетъ не употребить всеѣхъ способовъ, какихъ можетъ надѣяться отъ дружбы и правосудія императрицы римской, и не заступиться за безвинно утѣсненныхъ людей, то русское министерство наиприлежнѣйше проситъ его превосходительство, графа Бернеса да соблаговолить своими представленіями исходатайствовать у своего двора свободное отправленіе вѣры трансильванскимъ жителямъ по древнимъ ихъ привилегіямъ. Къ Мих. Петр. Бестужеву-Рюмину посланъ былъ рескриптъ, въ которомъ предписывалось ему подать австрійскому министерству промеморію въ томъ же духѣ: «чтобъ вы въ семъ дѣлѣ то учинили, что пристойнѣе быть можетъ въ пользу единовѣрнаго намъ народа.» Въ отвѣтъ на это, какъ доказательство терпимости, присланъ былъ изъ Вѣны въ Петербургъ указъ Маріи Терезіи о построеніи православной церкви въ Триестѣ; но въ указѣ прямо объявлялось, что эта мѣра необходима для распространенія торговли, о которой такъ заботится императрица, что церковь назначается для Грековъ.

22 мая Мих. Петр. Бестужевъ отправилъ своему двору слѣдующее донесеніе: въ послѣднихъ годахъ прошлаго вѣка, во время войны императора Леопольда съ Турками, по желанію и крайнему домогательству императора, вышло изъ турецкихъ областей въ австрійскія владѣнія съ православнымъ патріархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ съ 60.000 человекъ сербскаго народа, которому даны большія выгоды, подтвержденные всеми преемниками Леопольда, равно какъ и нынѣшнею императрицею. Эти Сербы не только помогли Австріи освободить отъ турецкаго ига многіе венгерскіе и сербскіе города, но потомъ помогли привести въ повиновеніе и самихъ Венгерцевъ, когда тѣ не разъ бунтовали, и въ послѣднюю войну Сербы оказали императрицѣ чрезвычайно важныя заслуги. Но такъ какъ теперь Венгерцы полу-

чили верхъ и при дворѣ больше всѣхъ другихъ подданныхъ имѣютъ вліяніе, то они, отмщая Сербамъ за указанныя выше услуги правительству, сперва стали тѣснить ихъ въ дѣлахъ вѣры съ помощію своихъ духовныхъ, а потомъ стали неусыпно стараться, во 1) чтобъ императрица отдала ихъ въ вѣдѣніе венгерскаго правленія; во 2) чтобъ тѣ изъ нихъ, у кого есть богатя имѣнія, принуждены были вымѣнять ихъ на плохія казенныя; въ 3) чтобъ военные поселенцы изъ Сербовъ сдѣланы были венгерскими подданными. Во всѣхъ этихъ домогательствахъ Венгерцы успѣли, и рѣшено, что тѣ Сербы, которые захотятъ остаться на прежнихъ земляхъ должны стать венгерскими подданными; если же кто не захочетъ, то пусть ѣдетъ въ Сирмію, гдѣ уже и безъ того такъ много народа, что земли не достаетъ и для прежнихъ поселенцевъ. На это рѣшеніе нѣкоторые Сербы отвѣчали, что они ни въ прежнихъ жилищахъ на новыхъ условіяхъ остаться, ни въ Сирмію переселяться не могутъ, но просятъ вспомнить ихъ вѣрныя услуги австрійскому дому и позволить вступить въ службу русской императрицы. На эту просьбу послѣдовало согласіе, въ слѣдствіе чего былъ у меня на дняхъ полковникъ Иванъ Хорватъ съ заявленіемъ, что онъ и полковникъ Черноєвичъ вмѣстѣ съ другими офицерами крайне желаютъ по единовѣрью вступить въ подданство вашего величества и просятъ какъ можно скорѣе этимъ высочайшимъ милосердіемъ ихъ призрѣть и приказатъ отвести имъ земли около Батурина или гдѣ-нибудь на Украинѣ. Хорватъ увѣряетъ, что наберетъ и исподоволь приведетъ въ Россію изъ однихъ православныхъ дѣльный гусарскій полкъ въ 1.000 человекъ, которыхъ всѣхъ полнымъ мундиромъ и лошадьми снабдитъ и въ дорогѣ содержать будетъ на собственномъ иждивеніи и за это проситъ одного — генералъ-майорскаго чина и наслѣдственнаго полковничества въ этомъ полку; кромѣ того Хорватъ обѣщаетъ набрать и пѣхотный полкъ регулярныхъ пандуръ въ двѣ тысячи тоже изъ православныхъ. Отдѣльно отъ Хорвата желаютъ вступить въ русскую службу очень искусные сербскіе офицеры — капитанъ Гаврила Новаковичъ, лейтенанты Петръ Шевичъ, Георгій Новаковичъ и другіе. Такъ какъ мнѣ довольно извѣстно, какъ заботился Петръ Великій о томъ, чтобъ изъ этихъ самыхъ народовъ хотя нѣсколько получить въ свое подданство по ихъ особенной храб-

рости, благочестію, сходству съ нами и величезной преданности къ русскому народу, также потому, что они полезнѣе другихъ могутъ быть въ турецкую войну, потому что всѣ тамошнія мѣста имъ извѣстны и между турецкими подданными множество ихъ единоземцевъ и свойственниковъ; также видя что они теперь сами того желаютъ не изъ корысти какой и притворства, но только изъ ревности къ православной церкви и изъ благоговѣнія къ особѣ вашего величества, видя, что римская императрица рѣшила отпустить ихъ, — видя все это, я не могъ отречься донести объ этомъ вашему императорскому величеству и буду ожидать наставленія, которое необходимо здѣсь получить не позднѣе 22 іюля, ибо къ тому времени они совсѣмъ будутъ готовы и уже чрезъ третьи руки деревни и пожитки продавать начали, и если къ означенному времени желанное ими рѣшеніе не поспѣетъ, то опасно, чтобъ Сербы изъ крайняго отчаянія не передались Туркамъ, которые ни малѣйшаго принужденія въ вѣрѣ не дѣлаютъ.

11 іюля императрица подписала Бестужеву рескриптъ, въ которомъ говорилось: «Когда дѣло до того дошло, что вѣнскій дворъ самопроизвольно лишаетъ себя храбраго сербскаго войска, то намъ слѣдуетъ прилежно стараться, чтобъ его себѣ приобрѣсть; да и для самага вѣнскаго двора несравненно лучше видѣть это войско въ службѣ своей вѣрнѣйшей союзницы, чѣмъ заставить ихъ уйти въ турецкую сторону. Повелѣваемъ вамъ съ тамошнимъ министерствомъ такимъ образомъ изъясниться, что мы, увѣдомясь, что ея величество императрица-королева отпускаетъ Сербовъ и приказала выдавать имъ паспорта, не могли подумать, чтобъ она стала препятствовать нѣкоторому усилению нашихъ легкихъ войскъ, ибо наши интересы такъ общи, что всякую выгоду для одной стороны можно считать равною для другой, и потому мы надѣемся что со стороны вѣнскаго двора не будетъ запрещено Сербамъ вступать въ нашу службу, тѣмъ болѣе, что это войско, гдѣ бъ въ случаѣ нужды его употребить ни случилось, по одинаковости интересовъ, всегда будетъ служить противъ общаго непріятели. Вы сами довольно зная, сколько старанія прилагалъ государь родитель нашъ для привлеченія къ себѣ этихъ народовъ, можете понять, какихъ попеченій и какого искусства требуется отъ васъ въ этомъ

случаѣ, ибо главнымъ образомъ надобно наблюдать и то, чтобъ вънскому двору, какъ первому и натуральнѣйшему изъ нашихъ союзниковъ, отнюдь не подать ни малѣйшаго неудовольствія, ни малѣйшей причины къ жалобамъ и подозрѣнію.»

Марія Терезія охотно согласилась на отпускъ Сербовъ, и Хорватъ отправился въ Россію, увелъ съ собою до 300 человекъ, включая женъ и дѣтей; и послѣ его ухода другіе сербскіе офицеры безирепятственно получали паспорта изъ надворнаго военного совѣта, не смотря на то, что карловскій архіепископъ Павелъ Ненадовичъ просилъ императрицу удержать Сербовъ и не опустошать его епархію. Бестужевъ заявлялъ свое мнѣніе, что изъ Сербовъ должна быть образована пограничная милиція, какую именно они составляли въ австрійскихъ владѣніяхъ, для чего надобно имъ отвести выгодныя мѣста и дать матеріалы на постройки, послѣ чего какъ офицеры, такъ и солдаты должны уже промышлять себѣ мундиръ, лошадей и прочее отъ своего хозяйства. Но такъ какъ Петръ Великій для грузинскихъ выходцевъ не щадилъ ни деревень, ни чиновъ, ни пенсій, то и Сербамъ, по дальности пути, который они должны были пройти на свой счетъ и прежде свое имѣніе продали за безцѣнокъ и должны заводиться всѣмъ вновь, надобно за весь первый годъ выдать полное денежное жалованье, провіантъ и фуражъ сравнительно съ другими гусарскими полками, что должно дѣлаться также и въ военное время, во время же мира сербскій корпусъ не будетъ стоить ничего казнѣ. Въ заключеніе Бестужевъ доносилъ, что самаго ревностнаго помощника себѣ въ сербскомъ дѣлѣ онъ имѣлъ въ секретарѣ Черневѣ, отъ котораго зависитъ успѣхъ и послѣдующихъ переселеній.

Въ октябрѣ 1751 года Сербы прибыли въ Кіевъ, откуда Хорватъ съ нѣсколькими выборными отправился въ Петербургъ. Здѣсь они были приняты очень милостиво, Хорватъ получилъ генераль-майорскій чинъ и 3000 рублей, находившіеся при немъ майоръ, три капитана, два поручика, прапорщикъ, унтеръ-офицеръ, капралъ и четверо рядовыхъ гусаръ получили также 3000 рублей на раздѣлъ.

29 января 1752 года сенатъ приказалъ: артиллеріи генераль-майору Глѣбову дать инструкцію слѣдующаго содержанія: 1) пришедшихъ нынѣ и впредь имѣющихъ приходиться въ подданство

ея и в-ства Сербовъ и прочихъ тамошнихъ народовъ, селить въ заднѣпровскихъ мѣстахъ, а именно, начавъ отъ устья рѣки Каварлыки прямою линією до верховья рѣки Тура, съ верховья Тура на устьѣ Каменки, отъ устья Каменки на верховье Березовки, отъ верховья Березовки по вершинѣ рѣки Амельника и по оной внизъ до самаго устья въ Днѣпръ, уступя отъ польской границы по 20 верстѣ; на этихъ мѣстахъ поселить не свыше двухъ полковъ, одного гусарскаго генераль-майора Хорвата и другого пандурскаго, по четыре тысячи человекъ каждый; если изъ тѣхъ народовъ неслужащіе люди, какъ напр. крестьяне выходить будутъ, то ихъ межъ полками не селить, для нихъ отведены будутъ особливья удобныя мѣста. 2) Поселеніе полковъ называть новой Сербіей, куда никого кромѣ Сербовъ селиться не допускать, а находящееся теперь въ тѣхъ мѣстахъ поселеніе выслать въ прежнія мѣста, потому что поселеніе выведено самовольно безъ указа, а строеніе продать Сербамъ добровольною цѣною. 3) Сдѣлать по просьбѣ Хорвата, чтобъ гусарская рота отъ роты имѣла разстоянія по 8 верстѣ, а пандурская по 6, въ степи же гусарская занимала бы 30 верстѣ, а пандурская 25. 4) Кромѣ того, по представленію же Хорвата, опредѣлить количество земли для пропитанія вдовъ и сиротъ. 5) Земли каждому отводить столько же, сколько опредѣлено ландмилиціи и оставнымъ русскимъ людямъ, а именно, капитанамъ по 100, поручикамъ по 80, подпоручикамъ по 70, прапорщикамъ по 50, рядовымъ отъ 30 до 20 четвертей на каждую семью, и священникамъ и церковнослужителямъ противъ того съ нѣкоторою прибавкою. 6) Духовенство и школы, если имъ потребны будутъ, Сербамъ содержать на своемъ коштѣ. 7) Построить земляную крѣпость, которую назвать крѣпостью св. Елисаветы, а для ея строенія выслать до 2.000 человекъ изъ малороссійскихъ полковъ.

Хорватъ говорилъ, что хотя теперь съ нимъ вышло и немного народа, но въ послѣдствіи число выходцевъ увеличится, если приложено будетъ стараніе къ вызову; представлялъ, что прежде всего надобно исходатайствовать у вѣнскаго двора позволеніе набрать въ австрійскихъ областяхъ отъ 500 до 1000 человекъ; если же нельзя будетъ набирать публично, то хотя бы тайно. Въ слѣдствіе этого представленія Бестужеву послано бы-

ло въ 1752 году повелѣніе представить Маріи Терезіи, «съ наидружественнѣйшихъ терминахъ,» нельзя ли позволить такой на-
боръ. Бестужевъ сдѣлалъ предложеніе, но писалъ, что плохая
надежда на благоприятный отвѣтъ. Карловскій архіепископъ
Пенадовичъ, злобствуя на Россію за неудовлетвореніе его просьбъ
относительно присылки церковныхъ книгъ и учителей, и вида,
что на всѣ представленія русскаго правительства въ пользу
православныхъ жителей Трансильваніи не обращено въ Вѣнѣ
никакого вниманія, не только разсѣлалъ въ народѣ неблагопрі-
ятные слухи о Россіи, но и всячески удерживалъ тѣхъ, кото-
рые хотѣли вступить въ русскую службу. Несмотря на то од-
нако явились въ Вѣну депутаты отъ 2228 фамилій изъ уничто-
жаемыхъ пограничныхъ военныхъ поселеній, съ просьбою или
выдать имъ паспорта въ Россію или оставить ихъ въ прежнемъ
положеніи. Узнавши объ этомъ, архіепископъ тотчасъ отпра-
вилъ въ Вѣну своего экзарха домогаться, чтобъ этихъ людей
въ Россію не отпускать, для чего экзархъ снабженъ былъ боль-
шими деньгами. Эти деньги и особенно то, что архіепископъ со-
вершенно присталъ къ венгерской партіи, доставили ему пол-
ный успѣхъ. Депутатовъ повысили чинами, наградили деньгами
и, давши имъ запечатанное опредѣленіе, сказали, что могутъ
быть довольны и потому пусть ѣдутъ домой, а въ чемъ состо-
яло опредѣленіе, объ этомъ ни полслова. Бестужевъ изъ на-
дежнаго источника узналъ содержаніе опредѣленія: если они не
хотятъ быть крестьянами, то изъ нихъ положено учредить ми-
ліцію въ Банатѣ; мѣсто отводимое имъ самое плохое, болотис-
тое и безплодное; въ мирное время они должны будутъ платить
еще подати, кромѣ крестьянскихъ, офицеры имъ будутъ назна-
чены или Венгерцы или обращенные изъ православія въ католи-
цизмъ; если же кто пожелаетъ въ этомъ корпусѣ быть офице-
рами изъ прямыхъ Сербовъ, тѣ должны присягнуть, что никогда
не вступятъ въ иностранную службу; а чтобъ отнять у Сербовъ
охоту переселяться въ Россію, засадили подъ арестъ знатнаго
и заслуженнаго подполковника Прерадовича, подавшаго просьбу
объ увольненіи въ Россію. Все это дѣлается, писалъ Бестужевъ,
по интригамъ венгерскимъ, чтобъ обратить Сербовъ въ рабство,
сперва сдѣлать крестьянами, потомъ уніатами и наконецъ като-
ликами. Къ арестованному Прерадовичу являлись австрійскіе офи-

церы съ увѣщаніями, чтобъ остался въ австрійской службѣ, за что императрица не только пожалуетъ его въ полковники, но и сдѣласть генераль-инспекторомъ всего славянскаго корпуса; въ противномъ же случаѣ у него съ бесчестіемъ отнять будетъ чинъ. Но Прерадовичъ отвѣчалъ, что онъ разжалованія не заслужилъ и перемѣнить свое намѣреніе переселиться въ Россію ни за что не отложитъ. Его выпустили наконецъ изъ-подъ ареста и дали паспортъ съ Россію, но взявши обязательство не ѣздить ни въ Славонію, ни на границы около Баната изъ опасенія, чтобъ онъ не подговорилъ другихъ переселиться въ Россію.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и Бестужевъ не получалъ никакого отвѣта на свое представленіе. 29 мая онъ писалъ своему двору, что канцлеръ Улефельдъ, вполне преданный Венгерцамъ, употребляетъ всѣ старанія, чтобъ отклонить императрицу отъ благопріятнаго отвѣта. Между тѣмъ пріѣхали въ Вѣну изъ Кіева выѣхавшіе съ Хорватомъ майоръ Николай Чорба, капитанъ Федоръ Черба и поручикъ Мирковичъ, которые подали просьбу Маріи Терезіи объ отпускѣ въ Россію родственниковъ ихъ отцовъ, родныхъ братьевъ, племянниковъ, числомъ около 70 семействъ. Императрица, несмотря на сопротивленіе Улефельда, склонялась уже дать просимое увольненіе, какъ вдругъ изъ Петербурга отъ австрійскаго посланника Претлака пришло извѣстіе, что императрица Елисавета рѣшила совѣмъ оставить сербское дѣло. Объ этомъ объявила Бестужеву сама Марія Терезія въ разговорѣ, сказала и о просьбѣ Чорбы съ товарищами, при чемъ прибавила: «Намъ самимъ люди надобны.» Когда Бестужевъ сказалъ ей, что такъ какъ онъ получилъ подтвердительный указъ стараться объ отпускѣ Сербовъ, слѣдовательно донесеніе Претлака невѣрно, то она удивилась и сказала: «Либо Претлакъ меня обманываетъ, либо у васъ ему иначе сказываютъ,» и не объявила ни отказа, ни позволенія. Послѣ этого немедленно было запрещено выдавать Сербамъ паспорта въ Россію, и въ пограничныхъ мѣстахъ къ Польшѣ и въ Трансильваніи разставлены форпосты; Чорбамъ и Мирковичу дано приказаніе, чтобъ они въ 8 дней выѣхали изъ австрійскихъ владѣній, при чемъ они названы фальшивыми вербовщиками и возмутителями. За отсутствіемъ Улефельда Бестужевъ отправился для объясненій къ вице-канцлеру графу Коллоредо, но полу-

чилъ отъ него одни пустые, уклончивые отвѣты: «Это происшествіе, писалъ Бестужевъ своему двору, здѣсь всѣмъ извѣстно; и всѣ крайне удивляются такому презрительному поступку здѣшняго двора, разсуждая, что сохраненіе австрійскаго дома единственно зависитъ отъ вашего импер. величества. Когда здѣсь четыре и пять лѣтъ тому назадъ были прямые прусскіе шпіоны, то и съ ними въ слѣдствіе трепета предъ прусскимъ королемъ, вовсе не такъ поступлено: имъ только подъ рукою дали знать, что ихъ коммиссія здѣсь обнаружилась и потому не угодно ли имъ поскорѣе выѣхать, а прямо ихъ не выслали, тѣмъ менѣе арестовали. Не могу пременить мое слабое мнѣніе представить, не угодно ли будетъ барону Претлаку рекомендовать, чтобъ съ прїѣзжими въ австрійскія земли русскими подданными поступали такъ, какъ въ Россіи поступаютъ съ австрійскими подданными, ибо ваше величество, своихъ вѣрноподданныхъ защищать и охранять изволите; притомъ требовать, чтобъ указы о непроездѣ русскихъ офицеровъ были отмѣнены, и чтобъ родственники извѣстныхъ сербскихъ офицеровъ были непременно отпущены; впрочемъ же дать здѣшнему двору сильно почувствовать неудовольствіе вашего величества холоднымъ пріемомъ барона Претлака и другими средствами, ибо здѣсь всѣ того мнѣнія, что если въ этомъ дѣлѣ поступится серіозно, то здѣшній дворъ все сдѣлаетъ къ удовольствію вашего величества, потому что дружба Россіи ему необходима. Иначе будетъ очень прискорбно, что попеченіе Петра Великаго объ этихъ народахъ останется безплоднымъ именно въ ту минуту, когда можно было всего удобнѣе получить плоды, будетъ очень прискорбно, что многіе труды останутся напрасными, чему виною будетъ извѣстное обнадеживаніе, данное Претлаку, на которое здѣшній дворъ совершенно полагается, тогда какъ мнѣ повторительно посылаются совершенно другіе указы, что приводитъ меня здѣсь въ напрасную ненависть и огорченіе, ибо здѣшній дворъ думаетъ, что я настаиваю на сербскомъ дѣлѣ самъ собою, а не по указамъ.»

На это донесеніе своего брата канцлеръ Бестужевъ представилъ императрицѣ слѣдующія замѣчанія: 1) вся смута произошла отъ непонятнаго недоразумѣнія: въ рескриптахъ Бестужеву-Рюмину не дано ему никакого поведѣнія помогать о наборѣ

отъ 500 до 1000 человѣкъ, а просто предписано было просить, чтобъ не препятствовали выходить Сербамъ на службу и на поселеніе въ Россію, если они къ тому охоту и свободу имѣть могутъ; такъ и въ экстрактѣ, данномъ здѣсь барону Претлаку, ничего болѣе написано не было. Вѣнскому двору естественно должны были показаться представленія русскаго посла несогласными съ донесеніями барона Претлака, ибо одинъ требуетъ набора отъ 500 до 1000 человѣкъ, а другой пишетъ только о безирепятственномъ выпускѣ тѣхъ, которые могутъ имѣть охоту и свободу выселиться, чего больше здѣсь и не желалось.

2) непонятно, съ чего взялъ Претлакъ писать своему двору, что здѣсь готовы оставить сербское дѣло, ибо ему кромѣ означеннаго экстракта ничего болѣе сообщено не было. 3) дѣло непорядочное, что офицеры, находящіеся въ здѣшней службѣ, безъ вѣдома русскаго правительства, подали императрицѣ Маріи Терезіи челобитную о выпускѣ въ Россію ихъ свойственниковъ; но еще безпорядочнѣе поведеніе графа Улефельда: гораздо приличнѣе было бы объявить дружескимъ образомъ нашему послу, что присутствіе русскихъ офицеровъ въ Вѣнѣ непріятно и, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, терпимо быть не можетъ. Ясно, что графъ Улефельдъ въ этомъ случаѣ увлекся своею горячностію и пристрастіемъ, и безразсудною жестокостію подаетъ поводъ другимъ изъ малаго дѣлать великое и изъ худого злое. Но за такія бездѣлицы оба двора, естественно союзные приводятъ въ малѣйшую холодность есть дѣло людей если не злыхъ, то по крайней мѣрѣ слѣпыхъ; это бы значило изъ-за рубля потерять сто рублей. Безспорно, что вѣнскому двору больше нужды въ дружбѣ ея императ. величества, и что польза этой дружбы на дѣлѣ извѣдана; но не меньше признаться надобно, что и Россіи тѣсное соединеніе съ австрійскимъ домомъ необходимо, король прусскій ничего больше не желаетъ, какъ раздѣленія этихъ дворовъ; французскія въ Константинополь внушенія и интриги были бы тогда дѣйствительнѣйшими; саксонскій дворъ уже давно размѣрлялъ бы свои шаги по прусскому барабану, еслибъ согласно не былъ подкрѣпляемъ двумя императорскими дворами, морскія державы не противились бы такъ французской гордости, еслибъ не полагались твердо на соединеніе обоихъ императорскихъ дворовъ; Швеція не сидѣла бы

такъ тихо, по меньшей мѣрѣ не презирала бы она такъ возобновленіемъ союза съ королемъ прусскимъ, какъ оказалось на нынѣшнемъ сеймѣ; она теперь видитъ, что онъ, какъ прикованный медвѣдь, со всею своею силою и наглостію ей бесполезенъ, слѣдовательно и соединеніе съ нимъ только препятствуетъ другимъ полезнѣйшимъ союзамъ» ¹¹⁹.

Еще весною 1752 года Мих. Бестужевъ, въ письмѣ къ вице-канцлеру Воронцову, жаловался на непріятности въ Вѣнѣ: «Я съ октября мѣсяца посѣщенъ былъ престокою подагрою на обѣ ноги, такъ что два мѣсяца не токмо съ постели встать, ниже ворохнуться могъ; оная подагра потомъ такую мнѣ слабость въ ногахъ причинила, что едва чрезъ избу пройти могу, съ лѣстницы и на лѣстницу съ великимъ трудомъ и чувствованіемъ бродить могу. Такимъ приключеніямъ ни что иное яко печали причиною суть, которыхъ я отъ 1747 году даже до сего времени много имѣлъ; вашему сіятельству все то извѣстно есть, и здѣшнее мое пребываніе много мнѣ вреду и моему здоровью причинило, ибо ни что такъ человѣка не вредитъ, яко печали, а наипаче тѣ люди наиболѣе чувствуютъ, которые вѣрно и ревностно своимъ монархамъ служатъ, честно и безпорочно жизнь свою провождаютъ» ¹²⁰.

Въ другомъ письмѣ къ тому же Воронцову Бестужевъ писалъ: «Ваше сіятельство соизволите въ милостивое разсужденіе принять, что я человѣкъ престарѣлый: родился я въ 1689 году, и тако 63-й годъ мнѣ идетъ; лѣта не малыя, болѣе должно называть престарѣлыя; прежняя моя живность вся пропала, сколько отъ лѣтъ, а вдвое того съ печали; какія мнѣ съ 47 году противности и шиканы дѣланы были и какія мнѣ здѣсь неучливости и уничтоженія во угожденіе извѣстнымъ персонамъ показаны были, не безъ труда есть все то описать» ¹²¹.

Понятно, что Бестужевъ не могъ долѣе оставаться въ Вѣнѣ, и канцлеръ постарался перемѣстить туда изъ Дрездена пріятеля своего Кейзерлинга. Мих. Бестужевъ былъ очень недоволенъ этимъ назначеніемъ и писалъ о Кейзерлингѣ Воронцову: «Онъ есть человѣкъ весьма лѣнливый и комодный, какъ Французы говорятъ *l'enfant gâté*. Когда правительство курляндское было, а онъ былъ фаворитомъ герцога курляндскаго, а послѣ того иные его протежируютъ; на то и надѣется. И то некстати, что онъ,

будучи польскимъ подданнымъ, при польскомъ дворѣ министромъ россійскимъ такое долгое время былъ и два староства получилъ. *C'est un exemple sans exemple*, власно, якобы у насъ людей въ Россіи не было, умягчивая о другихъ его поступкахъ....» Уже выѣхавши изъ Вѣны въ Дрезденъ, Бестужевъ писалъ Воронцову: «о сербскомъ дѣлѣ я ничего не слышу, и ежели съ нашей стороны такъ останется и не восчувствуется вѣнскаго двора странный и безъ всякаго къ нашему двору менажементу поступокъ, то не безъ стыда будетъ; да и сверхъ того сожалительно бы было, ежели бы съ нашей стороны для полученія такого храбраго народа, а наипаче единовѣрнаго упущено было. Я опасенъ, чтобъ посолъ нашъ въ сербскомъ дѣлѣ не сталъ шильничать во угожденіе тамошнему двору, ибо оный дворъ весьма въ семъ дѣлѣ амбарасированъ... Вѣнское министерство за сербское дѣло безмѣрно на меня злобились и всякія на свѣтѣ вымышленія и коварства противъ меня чинить будутъ ¹²²».

Отъ 26 сентября Бестужевъ получилъ отъ своего двора слѣдующій рескриптъ: «Чѣмъ больше мы причину имѣемъ благоразумными поступками, вѣрною и радѣтельною службою вашею, какъ при всѣхъ случаяхъ, такъ и въ сербскомъ дѣлѣ всемилоствѣйше быть довольными: тѣмъ меньше мы отъ васъ скрыть можемъ то крайнее удивленіе, въ которое привелъ насъ сообщенный отъ римско-императорскаго посла барона Претлака протоколъ конференціи, бывшей между вами и вице-канцлеромъ графомъ Коллоредо. Между прочими разговорами по случаю сербскаго дѣла, не вѣдомо съ какой стати вы къ нему отозвались, что «вы, несмотря на то, что во время шести мѣсяцевъ получили отъ насъ два повторительные указа, однакожь сіе дѣло такъ оставили бы, ежели бъ къ вамъ и третій указъ присланъ не былъ; но что вы по тому должны и у противной партіи брата вашего притворяться и себя не обнажать, толь наипаче, ибо весьма ясно усматривается, что оная партія нарочитымъ образомъ поверхность надъ нимъ приобрѣтаетъ, потому что онъ имѣвшимъ у насъ толь великимъ кредитомъ болѣе не пользуется. Мы по извѣстному намъ здравому разсужденію вашему и довольному искусству какъ въ министерскихъ дѣлахъ, такъ и въ прочихъ свѣтскаго обхожденія благопристойныхъ поведеніяхъ хотя никакъ представить себѣ не можемъ, чтобъ вы столько

себя позабыть могли, что говорили вышеозначенныя, неразумныя и не токмо въ министеріальной конференціи, но и въ партикулярныхъ разговорахъ отнюдь непристойныя слова о при творствѣ вашемъ въ такомъ дѣлѣ, о которомъ вы же сами въ разсужденіе обращающейся въ томъ для здѣшнихъ интересовъ не малой пользы первое предложеніе намъ учинили; а паче того о противной партіи, о которой по самодержавству нашему, безъ крайней и жесточайшему наказанію подлежащей дерзости, ниже помыслить, а еще того меньше министру нашему при чужестранномъ дворѣ въ формальной конференціи говорить возможно; однако по важности сего какъ высочайшей чести нашей, такъ и достоинства возложеннаго на васъ посольскаго характера касающагося обстоятельства, повелѣваемъ вамъ, чтобъ вы немедленно чрезъ сего къ вамъ нарочно отправленнаго курьера прислали сюда точное и пространное изъясненіе, подлинно ли, къ какой стати и по какому поводу вы такимъ страшнымъ и вовсе непонятнымъ образомъ къ графу Коллоредо отзывались. Баронъ Претлакъ вручилъ министерству нашему еще другую промеморію, въ которой онъ приносить жалобу какъ на бывшаго при васъ монаха Михайлу Вани, такъ и на васъ: на перваго въ томъ, будто онъ, будучи отъ архимандрита своего посланъ въ Вѣну съ монастырскими деньгами, оныя промоталъ и, несмотря на повторенное приказаніе карловицкаго митрополита, въ монастырь свой не возвратился, но остался у васъ въ домѣ подъ именемъ вашего духовника, и притомъ будто онъ и главнымъ орудіемъ былъ въ подговореніи Сербовъ не токмо къ выходу въ Россію, но и къ бунту; а на васъ жалуется оный посоль въ томъ, что вы такого честь забывшаго и безпутнаго монаха приняли къ себѣ въ духовники, отказавъ принять представленныхъ вамъ отъ митрополита въ оный чинъ трехъ достойныхъ священниковъ.»

Бестужевъ отвѣчалъ изъ Дрездена 25 октября, что все заключающееся въ сообщенномъ отъ Претлака протоколѣ есть наглое вымышленіе: «Я такихъ не разсудительныхъ и здравому разсужденію весьма противныхъ разговоровъ никогда не имѣлъ; да и съ какой стати мнѣ о партіяхъ упоминать, или чей кредитъ умаляется или умножается, ибо сверхъ того ни мало мнѣ о томъ неизвѣстно, понеже во все мое пребываніе въ Вѣнѣ ни

кто ко мнѣ ни о чемъ не писывалъ. Священникъ Михайла Вани почти два года службу Божию у меня въ домѣ отпиралъ: во все то время никто о немъ ко мнѣ не отзывался и ни отъ кого требованъ не былъ; но только за три или за четыре недѣли до моего изъ Вѣны отъѣзда вице-канцлеръ графъ Колоредо такимъ образомъ мнѣ отозвался, что имѣющійся при моей капеллѣ старецъ именемъ Михайла Вани имѣлъ монастырскія деньги, а счету тѣмъ деньгамъ не отдавалъ, чтобъ я его отъ себя отпустилъ, на что я ему отвѣчалъ, что я вскорѣ изъ Вѣны отъѣзжаю и что оный священникъ болѣе мнѣ непотребенъ, а впрочемъ я у него освѣдомлюсь о такихъ монастырскихъ деньгахъ, и пріѣхавъ домой, спрашивалъ у священника, имѣлъ ли онъ какія деньги для нуждъ монастырскихъ, на что онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что деньги у него монастырскія были, и что онъ ихъ для нуждъ монастырскихъ употребилъ и счетъ онымъ въ монастырь послалъ, и мнѣ счетъ тѣмъ деньгамъ подалъ, который, какъ мнѣ помнится, секретарь посольства Черневъ къ графу Колоредо отвозилъ. Будто отъ митрополита представлены мнѣ были трое достойныхъ священниковъ — и это нагло вымыслено, ибо ни одного никогда мнѣ не было представлено. Что же касается жизни этого гонимаго священника, бывшаго при мнѣ, то я долженъ отдать ему справедливость, что онъ человѣкъ честный, трезвый и самой доброй христіанской жизни, а все гоненіе на него поднялось за сербское дѣло, изъ подозрѣнія, что онъ, пользуясь довѣріемъ Сербовъ, научалъ ихъ къ выходу въ Россію.»

Преемникъ Бестужева въ Вѣнѣ графъ Кейзерлингъ успѣшилъ донести императрицѣ, что онъ началъ дѣйствовать умѣренно, остерегаясь нарушить дружбу между двумя дворами, и что умѣренность ведетъ къ большому успѣху дѣла; что графъ Улефельдъ на его дружественныя представленія отвѣчаетъ также дружески; онъ объяснялъ, что между Сербами распространилось странное мнѣніе, будто они вольный народъ, могутъ идти куда хотятъ, въ слѣдствіе чего явилось ослушаніе императорскимъ указамъ; зло сдѣлалось такъ велико, что для воспрепятствованія ему стать всеобщимъ, были принуждены употребить сильныя средства. Арестованные офицеры были освобождены и позволено имъ по окончаніи своихъ дѣлъ ѣхать въ Россію. Такъ было по-

ступлено съ людьми, которые уже прежде вступили въ русскую службу; но Кейзерлингъ просилъ наставленія, какъ ему дѣйствовать относительно тѣхъ Сербовъ, которые вновь просились въ русскую службу безъ позволенія и вѣдома австрійскаго правительства. «Я знаю, писалъ онъ, что для укомплектованія русскихъ гусарскихъ полковъ люди надобны, и что въ прежнія времена такой наборъ иногда позволялся по дружбѣ между обоими дворами; но теперь, въ слѣдствіе потери людей въ послѣднюю войну: здѣшній дворъ старается больше всего увеличить народонаселеніе и привести въ порядокъ финансы, и потому ему не легко отпустить подданныхъ, особенно въ большомъ числѣ.» Кейзерлингъ получилъ отъ австрійскаго министерства записку, въ которой говорилось, что всему пограничному народонаселенію было предоставлено на волю избирать военную или гражданскую службу, и чтобъ дѣло пришло къ успѣшнѣйшему окончанію, многимъ изъ Сербовъ, особенно Хорвату, оказаны большія милости. Онъ съ начала очень содѣйствовалъ новымъ распоряженіямъ и на одного изъ Сербовъ, Севича, доносилъ многія тяжкія преступленія; но какъ скоро онъ получилъ милости отъ правительства, а съ другой стороны увидалъ, что ему не удалось погубить Севича, то немедленно перемѣнилъ образъ дѣйствія и старался возмутить пограничную милицію противъ новаго порядка, а чтобъ сдѣлать это съ меньшею опасностію, то прибѣгъ въ покровительство къ русскому послу графу Бестужеву-Рюмину; къ тому же послу обратился и монахъ Михаилъ Вани, только по другому побужденію, а именно потому, что не могъ отдать отчета своему монастырю въ издержанныхъ суммахъ. Эти два недостойныхъ человѣка были причиною всѣхъ воспослѣдовавшихъ потомъ замѣшательствъ, потому что для прикрытія собственнаго стыда указывали на многія непристойныя дѣла и особенно старались обнести митрополита. Безъ всякаго сомнѣнія императрица-королева имѣла право отказать Хорвату въ просьбѣ о вступленіи въ русское подданство и поступить съ нимъ такъ, какъ онъ заслуживалъ; нельзя требовать, чтобъ подданный отрекся отъ присяги своей природной государынѣ и другихъ приводилъ на то же: единственно изъ уваженія къ русской императрицѣ позволено было Хорвату и многимъ другимъ вступить въ русскую службу. Ея величество тогда никакъ не могла ду-

мать, чтобъ отъ такой великодушной щедрости могло произойти такое соблазнительное злоупотребленіе. Прежде всего паспорта были распространены на нѣсколько сотъ, почти на тысячу человѣкъ. Возможно ли было бы подобное дѣло въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ? но императрица-королева допустила и такое злоупотребленіе, въ надеждѣ, что этимъ все кончится. Надежда была обманута. Хорватъ прислалъ сюда назадъ троихъ офицеровъ, которые съ нимъ [уѣхали, и эти офицеры думали, что пользуясь покровительствомъ русской императрицы, они могутъ и въ чужихъ земляхъ дѣлать все, что захотятъ. Въ такой многочисленной націи, какова иллирійская, не можетъ быть недостатка въ раздорахъ, и легко понять, что нельзя всѣхъ удовлетворить, ибо чѣмъ съ одной стороны производится удовольствіе, тѣмъ самымъ съ другой стороны возбуждается злоба. Еслибъ нѣкоторымъ иностраннымъ министрамъ или офицерамъ позволено было эту злобу питать, тѣхъ, кто ее питаетъ, въ ней укрѣплять и куда-нибудь въ другое мѣсто ихъ переманивать, слѣдовательно склонять къ нарушенію подданнической вѣрности прежней природной государынѣ, то какимъ образомъ внутренняя тишина государствъ и узелъ человѣческаго общества могутъ быть сохранены? Но трое эмиссаровъ Хорвата не удовольствовались одною такою подговоркою, они осмѣлились утруждать императора и императрицу, чтобъ имъ эта подговорка была позволена; но долготерпѣніе имѣетъ конецъ. Недовольный или плохой сынъ правителя, убѣгающій отъ отеческой власти, подданный неповинующійся указамъ своего государя, начальникъ, притѣсняющій подчиненныхъ и другіе, когда дѣла происходили не по ихъ желанію, считали возможнымъ избѣгать неприяностей однимъ объявленіемъ, что уѣдутъ въ Россію. Можно было бы показать множество примѣровъ этому. Зло можно было остановить только средствами, употребленными правительствомъ императрицы-королевы. Но императрицѣ должно было показаться очень страннымъ, что повѣривъ ложнымъ показаніямъ этихъ людей, графъ Бестужевъ-Рюминъ вступился за нихъ такъ ревностно и жестоко. Императрица-королева иллирійскую націю при ея привилегіяхъ рачительнѣйше содержать будетъ; только эти самыя привилегіи обязываютъ и ихъ Райцевъ къ оказыванію вѣрноподаническихъ услугъ. Каждому государю

было бы чувствительно, еслибъ нѣкоторые изъ его подданныхъ обращались къ другому государю или его послу. Здѣсь Райцы признаются хотя не за рабовъ, однако за подданныхъ, которые обязаны ея величеству вѣрностію, послушаніемъ и службою. Императрица-королева вскорѣ по вступленіи въ свое тягостное правленіе усмотрѣла, сколько вреда нанесено безопасности ея областямъ тѣмъ, что многіе жители ихъ вступали въ чужестранныя гражданскія и военныя службы: поэтому много лѣтъ тому назадъ она издала на этотъ счетъ генеральное запрещеніе всѣмъ своимъ подданнымъ безъ различія исповѣдуемой ими религіи. Неописанно-вредныя слѣдствія произошли бы, если бъ Райцы захотѣли быть исключенными изъ такого запрещенія. Въ такомъ случаѣ и другіе государи, какъ напримѣръ король прусскій, прислалъ бы сюда цѣлую толпу эmissаровъ для вербованія въ свою службу своихъ протестантскихъ единовѣрцевъ. Такъ какъ Чорба былъ уличенъ въ подговорѣ подданныхъ императрицы-королевы, то барону Претлаку поручено было помогать въ Петербургѣ, чтобы впредь русскіе подданные, уличенные въ подобномъ дѣлѣ, подвергались бы такому же наказанію, какому подвергнутъ былъ бы австрійскій подданный, еслибъ дерзнулъ склонить хотя одного русскаго подданнаго къ покинутію своего отечества; также исходатайствовать, чтобъ запрещено было всѣмъ находящимся въ свитѣ русскаго посла или министра, поступать въ противность естественнымъ и народнымъ правамъ.

Кейзерлингъ повторялъ, что можетъ только хвалить поведеніе вѣнскаго двора въ сербскомъ дѣлѣ; сама Марія Терезія высказала ему желаніе вѣчнаго сохраненія союза съ Россіею въ такихъ искреннихъ и естественныхъ выраженіяхъ, что едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе относительно соотвѣтствія ея словъ чувствамъ. Поэтому и Кейзерлингъ считалъ своею обязанностію отвращать все то, что могло бы имѣть вредное вліяніе на счастливый союзъ, который такъ соотвѣтствуетъ натуральнымъ интересамъ Россіи. Относительно сербскаго дѣла Кейзерлингъ внушалъ своему двору, что по сравненіи жалобъ сербскихъ офицеровъ съ отвѣтами австрійскаго правительства, оказывается, что если, съ одной стороны, австрійское правительство могло бы поступить лучше и приличнѣе, то, съ другой стороны, и сами офицеры подали поводъ къ такимъ съ ними

поступкамъ, которыхъ при большей осторожности могли бы избѣжать, притомъ—многія показанія ихъ невѣрны. 8-го октября Кейзерлингъ доносилъ, что по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Венгріи задержанные офицеры готовы къ выѣзду въ Россію со всѣми своими людьми, что надобно считать за совершенное окончаніе этого непріятнаго дѣла.

Между тѣмъ 6-го октября въ Петербургѣ баронъ Претлакъ имѣлъ окончательное объясненіе съ канцлеромъ по поводу сербскаго дѣла, при чемъ Бестужевъ очень ловко воспользовался непослѣдовательностію вѣнскаго двора, который сначала позволилъ Сербамъ выселяться въ Россію, а потомъ вдругъ принялъ строгія противъ этого мѣры и сталъ толковать о томъ, что Сербы его подданные и не могутъ оставлять службу своей природной государыни. Претлакъ началъ разговоръ словами, что австрійское правительство должно было опровергнуть принятое въ Россіи мнѣніе, будто Сербы народъ вольный и могутъ переселяться куда хотятъ. Канцлеръ отвѣчалъ, что такого мнѣнія въ Россіи никогда не имѣли, хотя къ принятію его и могли способствовать полученныя изъ Вѣны извѣстія, что даются паспорта къ выѣзду всѣмъ, кто только ихъ ни потребуетъ. Вотъ почему такъ непріятно поразило другое извѣстіе, что вдругъ послѣдовало запрещеніе Сербамъ выѣзжать въ Россію; это извѣстіе поразило тѣмъ болѣе, что въ то же время получено было другое извѣстіе, будто многіе Сербы, не имѣя возможности уходить въ Россію, бѣгутъ въ Турцію. Здѣсь думали, что для вѣнскаго двора выгоднѣе, чтобъ эти люди уходили въ Россію, а не въ Турцію, и что по тѣсному и естественному союзу между двумя дворами почти все равно, здѣсь ли количество легкихъ войскъ нѣсколько увеличится этими выходцами, или останутся они въ австрійскихъ владѣніяхъ. Посоль признался, что дѣйствительно даны были паспорта, только поимянно, а не вообще, и то преимущественно потому, что хотѣли сжить съ рукъ безпокойныхъ людей: частые венгерскіе бунты научили осторожности. Но Претлакъ увѣрялъ, что ни одинъ Сербъ не вышелъ изъ австрійскихъ владѣній въ Турцію, напротивъ множество народа желаетъ перейти къ нимъ изъ турецкаго подданства, только они ихъ не принимаютъ, какъ желая избѣжать всякихъ распрей съ Портою, такъ и не очень полагаясь на постоянство этихъ вы-

ходцевъ. Потомъ Претлакъ распространился о томъ, что сначала дѣло шло объ отпускѣ въ Россію отъ 500 до 1000 человѣкъ Сербовъ; но теперь отпущено до 2000; задержанные офицеры всѣ освобождены, Шевичъ ведетъ въ Россію до 800 человѣкъ, задержанное въ Вѣнѣ семейство подполковника Прерадовича отпущено: надобно было ожидать благодарности за такія снисхожденія его двора, а вмѣсто того онъ получилъ пространную промеморію, наполненную жестокими и чувствительными для двора его выраженіями; поэтому посоль просилъ, нельзя ли взять эту промеморію назадъ, ибо она очень огорчитъ императрицу-королеву. Канцлеръ отвѣчалъ, что промеморія написана соответственно той горячности и неумѣренности, съ какими было поступлено въ Вѣнѣ по сербскому дѣлу; но такъ какъ теперь, по донесеніямъ графа Кейзерлинга, поступки съ австрійской стороны измѣнились и оказывается болѣе дружеской угодливости, то дѣло будетъ оставлено и уже готова другая промеморія, гдѣ будетъ выражена его двору надлежащая признательность.

Но сербское же дѣло повело къ другой неприятной для Претлака и его двора промеморіи. Мы привели выше отвѣтъ графа Мих. Петр. Бестужева-Рюмина относительно словъ его о противной его брату партіи, сказанныхъ будто въ конференціи съ вице-канцлеромъ графомъ Коллоредо. Въ Петербургѣ, благодаря, какъ видно друзьямъ Михайлы Бестужева, людямъ, которымъ было пріятно и выгодно поддерживать его противъ родного брата, въ Петербургѣ успокоились на полномъ отреченіи Бестужева отъ этихъ словъ, и Претлаку вручена была промеморія, въ которой говорилось: «Сколь пріятно было ея императорскому величеству, по основательному ея величества чаянію, изъ оправданія своего посла усмотрѣть его невинность, къ толь вѣщшему служить ея императорскому величеству неудовольствію, что графъ Коллоредо старался добрые сентименты и безпорочный поступокъ г. оберъ-гофмаршала такими къ предосужденію возложеннаго на него характера и собственной его персоны касающимися затѣями опорочить и притомъ и высочайшее ея императорскаго величества достоинство оскорбить тѣмъ, что въ разсужденіи безпредѣльной ея самодержавной власти и мудраго государственнаго, и одна только идея о партіи въ здѣшней имперіи мѣста никакого имѣть не можетъ. Подлинно состояніе министра, особли-

во при союзномъ дворѣ, весьма худое было бы, еслибы вольно было затѣвать на него по собственнымъ видамъ предосудительныя дѣла, о коихъ онъ никогда и не думалъ»¹²³.

Какъ бы то ни было, тѣсный союзъ между Россіею и Австріею не былъ нарушенъ, и къ этому союзу, по прусскимъ отношеніямъ, непремѣнно хотѣли присоединить Саксонію. Находясь еще въ Дрезденѣ, въ 1751 году Кейзерлингъ долженъ былъ склонять саксонское правительство присоединиться къ оборонительному союзу, заключенному между Россіею и Австріею въ 1746 году. Кейзерлингъ доносилъ своему двору, что дѣло встрѣтило препятствія при обсужденіи своемъ въ тайной коллегіи королевскаго совѣта. Здѣсь нѣкоторые члены выразили страхъ предъ прусскимъ королемъ, какъ будто бы находились подъ его ногами; они припоминали угрозы Фридриха II, что онъ въ извѣстномъ случаѣ примется не за Россію, а за ближайшую къ нему ея союзницу, Саксонію; они представляли, что для защиты отъ такого быстрого нападенія силы Саксоніи недостаточны, а помощь союзниковъ очень отдаленна, и прежде чѣмъ она явится, страна уже будетъ разорена. Узнавши о выраженіи такихъ мнѣній въ коллегіи, Кейзерлингъ спросилъ графа Брюля: хотятъ ли въ Саксоніи принять въ основаніе политической системы соѣдство короля прусскаго, его превосходныя силы и его угрозы? если они такъ боязливы, если хотятъ размѣрять свое строеніе только по прусскому масштабу, то сами показываютъ свою покорность, и еслибъ прусскій король узналъ, какой ужасъ онъ здѣсь внушаетъ, то гордость его, разумѣется, усилилась бы еще болѣе. Надобно рѣшить вопросъ—благо и интересъ Саксоніи достаточно ли могутъ быть обезпечены тѣмъ, что она не будетъ находиться ни въ какихъ обязательствахъ съ императорскими дворами и морскими державами. Кто обезпечитъ Саксонію отъ дальнѣйшихъ притѣсненій, если она останется безъ надежды на какую-нибудь помощь? Если они думаютъ обезпечить себя обязательствами съ Франціею и Пруссіею, то опытъ научилъ уже ихъ какъ можно полагаться на эти державы: во время прошлой войны, когда они соединились съ Пруссіею и Франціею противъ Австріи, король прусскій заключилъ миръ, а саксонскія войска должны были заботиться сами о себѣ. Что касается невозможности для Саксоніи получить скорую помощь отъ союз-

никовъ, то не надобно забывать, что теперь дворы соединены гораздо тѣснѣе, чѣмъ были прежде; не должно забывать также, что если Саксонія лежитъ какъ будто подъ ногами прусскаго короля, то и Пруссія находится въ такомъ же положеніи относительно обоихъ императорскихъ дворовъ. Саксонскій домъ связанъ съ французскимъ, саксонская принцесса замужемъ за дофиномъ, выставляють, что Саксонія можетъ надѣяться на ея помощь: но можетъ случиться, что дофинъ умретъ прежде короля; да если онъ и вступитъ на престолъ, то можетъ стать, какъ и прежде бывало, что какой-нибудь кардиналъ или другой фаворитъ станетъ управлять дѣлами, или другая госпожа Помпадуръ сыщется, которая овладѣетъ и сердцемъ королевскимъ и правленіемъ. Въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобъ какая-нибудь королева французская имѣла вліяніе на тамошнее правленіе, и зависть націи всегда находила способъ не допускать королеву до участія въ государственныхъ дѣлахъ. Кромѣ того остается вопросъ: будетъ ли тогда Пруссія имѣть уваженіе къ французскимъ представленіямъ въ пользу Саксоніи? Брюль отвѣчалъ, что онъ теперь и самъ видитъ, что лучше было бы не отдавать дѣла въ тайную коллегію; онъ хотѣлъ этимъ себя прикрыть, чтобъ не могли жаловаться, будто онъ въ такомъ важномъ, до блага всей земли касающемся дѣлѣ никого не допустилъ до участія и все одинъ сдѣлалъ, и еслибъ случилось что-нибудь непріятное, то члены совѣта и стали бы говорить, что они все это предвидѣли и напоминали и надобно было бы поступать по ихъ совѣту. Кейзерлингъ замѣтилъ на это, что тотъ, кто принимаетъ нынѣшнее состояніе дѣлъ за основаніе своихъ рѣшеній, исполняетъ требованія разума, а если смотрѣть на случайности будущихъ событій, то никто себѣ дома не построилъ бы, ибо можетъ стать, что онъ сгоритъ, никто не сталъ бы жить въ домѣ изъ страха, что онъ можетъ обрушиться.

Въ 1752 году Кейзерлинга, назначеннаго въ Вѣну, смѣнилъ въ Дрезденѣ Гроссъ, который вначалѣ мая прислалъ своему двору любопытное донесеніе. Саксонскій посолъ въ Парижѣ, графъ Лосъ далъ знать своему правительству о желаніи французскаго короля, чтобъ одинъ изъ меньшихъ сыновей Августа III получилъ по смерти отца польскую корону. Въ Дрезденѣ приписали это желаніе внушеніямъ прусскаго короля, которому было бы

выгодно, еслибъ въ Польшѣ былъ король слабый собственными средствами, который бы потому зависѣлъ совершенно отъ Пруссіи и Франціи или, по меньшей мѣрѣ, не имѣя собственныхъ владѣній, не могъ бы быть полезенъ Россіи. Наслѣдная принцесса саксонская, державшая мужа совершенно въ своихъ рукахъ, была сильно раздражена донесеніемъ Лоса, ибо всѣми силами старалась доставить и польскую корону своему мужу. Съ этихъ поръ она усугубила свои ласки Гроссу и министрамъ дворовъ, союзныхъ съ Россіею, объявляя, что совершенно полагается въ достиженіи своихъ цѣлей на помощь Россіи и ея союзниковъ, ибо если курфирстъ саксонскій не будетъ вмѣстѣ и королемъ польскимъ, то Саксонія не будетъ въ состояніи ни въ чемъ помогать Россіи, которая чрезъ то лишится значительной доли своего вліянія въ европейскихъ, особенно въ нѣмецкихъ дѣлахъ. Гроссъ узналъ о намѣреніи графа Брюля и нѣкоторыхъ польскихъ магнатовъ доставить наслѣдному принцу и наслѣдство польскаго престола при жизни королевской, внушая Полякамъ, что въ случаѣ кончины королевской этимъ средствомъ они могутъ избѣжать войны и обычнаго разоренія своихъ имѣній. Но такъ какъ король, по конституціи, не можетъ думать при своей жизни о наслѣдникѣ и надобно, чтобъ сама республика предложила объ этомъ королю, то рѣшили хлопотать объ уничтоженіи *liberum veto*. Польскій вице-канцлеръ уже обратился съ этимъ къ Гроссу, внушая, что иначе никакого порядка въ Польшѣ не будетъ. Требуя отъ своего двора инструкцій по этому важному дѣлу, Гроссъ писалъ: «По моему мнѣнію цѣль не можетъ быть достигнута безъ конфедераціи, а на всякую конфедерацію въ Польшѣ можно смотрѣть какъ на междуособную войну, въ которой соеднѣя державы рано или поздно принуждены будутъ принять участіе, и нѣтъ сомнѣнія, что король прусскій приметъ это участіе съ большею охотою, чтобъ подъ видомъ защиты польской вольности достигнуть своихъ старыхъ намѣреній относительно польской Пруссіи и Помераніи».

Въ іюнѣ Гроссъ опять писалъ о томъ же дѣлѣ, опять требуя инструкцій: «Хотя графъ Лосъ доносилъ о желаніи французскаго министерства, чтобъ въ польскіе короли избранъ былъ одинъ изъ младшихъ сыновей Августа III, однако послѣ этого здѣшнее министерство получило извѣстіе, что назначенному сюда

новому французскому послу графу Брюлю предписано составить въ Польшѣ партію въ пользу герцога пармскаго, инфанта донъ Филиппа; съ другой стороны король прусскій злобно внушалъ Франціи, будто вѣнскій дворъ вмѣстѣ съ вашимъ импер. величествомъ намѣренъ возвести на польскій престолъ принца Карла Лотарингскаго. Я узналъ объ этомъ отчасти отъ самого графа Брюля, отчасти отъ австрійскаго посла графа Штернберга; и такъ какъ эти обстоятельства могутъ побуждать благонамѣренныхъ польскихъ магнатовъ тѣмъ скорѣе подумать о такихъ мѣраxъ, которыми можно было бы предупредить замѣшательства въ ихъ отечествѣ, и потому обратиться ко мнѣ для узнанія намѣреній вашего величества: то я считаю необходимымъ возобновить просьбу о наставленіи, какъ отвѣчать польскимъ магнатамъ. Между тѣмъ въ глубочайшемъ секретѣ я увѣдомленъ, что польскіе вельможи для предотвращенія интригъ, разоренія страны и частныхъ имуществъ не знаютъ другого средства, кромѣ избѣжанія междоцарствія предварительнымъ избраніемъ преемника королю въ особѣ наследнаго принца саксонскаго. Для достиженія этой цѣли необходима чрезвычайная осторожность, чтобъ отнюдь прежде времени ничто не разгласилось, ибо въ противномъ случаѣ этому намѣренію будутъ препятствовать Франція, и особенно Пруссія, которая ждетъ случая въ мутной водѣ рыбу ловить и часть польскихъ владѣній себѣ присвоить. Вотъ почему на будущемъ сеймѣ еще ничего объ этомъ открыто не будетъ; только воспользуются королевскимъ пребываніемъ въ Польшѣ, чтобъ согласиться относительно способовъ, которыми надѣются безопасно, безъ конфедераціи и безъ преждения вольнаго голоса (*liberum veto*) получить желаемое. Я знаю, что король англійскій совершенно согласенъ содѣйствовать этому намѣренію.

Извѣстіе, что двое младшихъ сыновей короля, Ксаверій и Карлъ отправляются въ Польшу, сильно опечалило наследную принцессу; она боялась, чтобъ тотъ или другой принцъ не пріобрѣлъ любовь Поляковъ въ предосужденіе ея мужу. Она объявила Гроссу, что надѣется пріобрѣсть расположеніе Поляковъ, если только ея мужу и ей позволено будетъ слѣдовать за королемъ въ Польшу. «Вы мнѣ окажете большую услугу, сказала она Гроссу, если по пріѣздѣ своемъ въ Варшаву, склоните князей Чарторыйскихъ внушить графу Брюлю о необходимости

пріѣзда въ Польшу наслѣднаго принца, ибо безъ такого требованія князей Чарторыйскихъ первый министръ самъ никогда не предложить объ этомъ королю». Ту же просьбу повторила она и въ другой разъ, прибавивъ: «Я этого особенно потому желаю, что наслѣдный принцъ большей части Поляковъ знакомъ только съ худой стороны, т.-е. со стороны слабости ногъ; его присутствіе въ Польшѣ сообщило бы имъ другія понятія о немъ, они увидали бы въ немъ достаточный умъ, доброе сердце, ласковость и совершенное знаніе польскаго языка, котораго нынѣшній король совсѣмъ не имѣеть». Гроссъ спросилъ принцессу, позволить ли она ему испросить высочайшее соизволеніе на обращеніе его къ князьямъ Чарторыйскимъ; она отвѣчала, что премного ее этимъ обяжетъ, ибо она безъ согласія императрицы ни одного шага не сдѣлаетъ.

Въ августѣ Гроссъ переѣхалъ изъ Дрездена въ Варшаву; здѣсь онъ нашелъ большую перемѣну: въ маѣ 1751 года умеръ великій гетманъ коронный Юсифъ Потоцкій, и на его мѣсто назначенъ былъ Янъ Браницкій, который хотя и былъ связанъ родствомъ съ *фамилією*, какъ тогда называли Чарторыйскихъ, однако былъ ревностный консерваторъ, стоялъ за установленныя формы Рѣчи Посполитой, тогда какъ Чарторыйскіе имѣли постоянно въ виду перемѣны, необходимыя въ ихъ глазахъ, для поддержанія Польши. Гроссъ сталъ часто видѣться съ примасомъ, краковскимъ кастеляномъ графомъ Понятовскимъ, съ воеводою русскимъ княземъ Чарторыйскимъ, съ его братомъ канцлеромъ литовскимъ, также съ канцлеромъ короннымъ, и всѣ они увѣряли, что такъ какъ существенный интересъ ихъ отечества требуетъ тѣснаго согласія съ Россією, то они вполне преданы императрицѣ. Но при этомъ князья Чарторыйскіе и графъ Понятовскій дали знать, что всѣ смотрятъ на нихъ, какъ на русскихъ партизановъ, и дѣйствительно многими опытами засвидѣтельствовали они свою склонность къ поспѣшествованію интересамъ императрицы: по этому не можетъ быть имъ не оскорбительно, что до сихъ поръ нѣтъ никакой резолюціи на ихъ просьбы, чтобъ императрица благоволила снабдить ихъ своимъ покровительствомъ и помощію въ случаѣ смутъ, которыя легко могутъ произойти въ вольномъ государствѣ, гдѣ короли прусскій и французскій имѣютъ своихъ партизановъ, имъ Чар-

торыйскимъ враждебныхъ: они не хотятъ ни денегъ, ни пенсій, хотятъ одного, чтобъ императрица къ которому-нибудь изъ князей Чарторыйскихъ прислала письмо, гдѣ было бы изображено, что узнавъ о добромъ и постоянномъ наблюденіи ими истиннаго интереса своего отечества, столь тѣсно связаннаго съ русскимъ интересомъ, императрица заблагоразсудила высказать имъ за это свое удовольствіе, и при томъ обнадежить, что они могутъ вполне положиться на ея благосклонность и покровительство. «Мнѣ кажется, писалъ Гроссъ, что такъ какъ король прусскій своихъ партизановъ часто своими ласковыми письмами удостоиваетъ, а Франція къ ласкамъ и деньги присоединяетъ, то не вижу, для чего бы имъ отказать въ ихъ просьбѣ; ваше величество еще сильнѣе привязали бы ихъ къ себѣ, если бы канцлеру литовскому пожаловали орденъ св. Андрея, а канцлеру коронному пенсію въ нѣсколько тысячъ рублей, потому что онъ, по причинѣ многочисленнаго семейства, не богатъ. Я думаю, что подобными ласками полезно сохранить партію, чтобъ по кончинѣ короля не нужно было, какъ по кончинѣ отца его, создавать новую партію съ убыткомъ многихъ милліоновъ. Всѣ поименованные вельможи говорили мнѣ о необходимости принять мѣры для предупрежденія замѣшательства по смерти королевской; но я вижу, что относительно этихъ мѣръ они сами еще между собою не согласились, только являются склонными къ избранію наслѣднаго принца саксонскаго; но чтобъ его выбрать при жизни королевской, какъ о томъ слышалъ я отъ графа Брюля и другихъ, о томъ до сихъ поръ никто и рта не отворялъ.»

Упомянутые вельможи были нужны и относительно собственно русскихъ интересовъ. Коронный канцлеръ и подканцлеръ вмѣстѣ съ литовскимъ канцлеромъ согласились писать каждый порознь къ уніатскому полоцкому митрополиту въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, чтобъ возвратилъ церкви, отнятыя у православныхъ въ Кржичевскомъ уѣздѣ; въ случаѣ сопротивленія митрополита, обѣщались уговорить старосту кржичевскаго, чтобъ онъ военною рукою способствовалъ возвращенію церкви, по примѣру канцлера литовскаго, который такимъ же образомъ велѣлъ поступить въ своемъ староствѣ. Относительно возвращенія бѣглыхъ, польское министерство не оказывало склонности,

боясь раздражить мелкое шляхетство, на землях котораго бѣглецы преимущественно жили. По мнѣнію Гросса не оставалось другого средства, какъ позволить частнымъ людямъ самимъ вооруженною рукою отыскивать своихъ бѣглецовъ, по примѣру короля прусскаго, который употребляетъ то же средство на силезскихъ границахъ. Вельможи увѣряли, что если сеймъ состоится, то признають императорскій титулъ русской государыни; что же касается до курляндскаго вопроса, то представляли, что плохо будетъ, если по смерти королевской Курляндія останется въ настоящей анархіи, особенно указывали на опасность отъ прусскаго сосѣдства. Графъ Брюль говорилъ, что если императрица не намѣрена возстановить герцога Бирона, то, по крайней мѣрѣ, изволила бы конфидентно дать знать объ этомъ польскому двору и согласиться съ нимъ на счетъ избранія другого герцога. Гроссъ отвѣчалъ по прежнему, что когда обстоятельства потребуютъ и русскій интересъ позволить, императрица сама собою пристойную резолюцію принять не оставитъ. «Предвижу, писалъ Гроссъ, что на сеймѣ будетъ не мало шуму о Биронѣ, тѣмъ болѣе, что французско-прусская партія внушала на сеймикахъ, что идутъ переговоры объ оборонительномъ союзѣ между Россіею и Польшею, почему въ разныхъ мѣстахъ и внесено въ инструкцію депутатамъ не допускать такого трактата. Потоцкіе уже поговариваютъ, что не желаютъ, чтобъ сеймъ состоялся. Пользуясь завистію къ Чарторыйскимъ новаго коронаго гетмана Браицкаго, Потоцкіе постарались привлечь его къ своимъ видамъ, и такъ какъ въ случаѣ замѣшательства онъ человекъ очень нужный и со стороны Франціи и Пруссіи ему уже сдѣланы выгодныя предложенія, то ваше величество можете его при прежнихъ добрыхъ намѣреніяхъ удержать для общей пользы, если благоволите пожаловать ему какой-нибудь знакъ вашей милости, на примѣръ наградить его жену портретомъ, такъ какъ жена покойнаго гетмана Потоцкаго имѣла портретъ.»

Изъ Варшавы Гроссъ поѣхалъ гостить въ Волчимъ, имѣніе литовскаго канцлера князя Чарторыйскаго. Хозяинъ разсказалъ ему, что дѣло объ избраніи наслѣдника при жизни королевской замыслено саксонскими министрами, и чрезъ тайнаго совѣтника посольства Саула и графа Флеминга внушено польскому мини-

стерству и особенно ему, канцлеру литовскому; онъ, поговоривъ съ братомъ, воеводою русскимъ и короннымъ канцлеромъ Малаховскимъ, признали, что дѣйствительно наслѣдный принцъ саксонскій есть лучший кандидатъ для Польши; но прежде всего надобно, чтобъ король и графъ Брюль имъ о томъ сказали, и чтобъ король какъ въ раздачѣ вакантныхъ мѣстъ, такъ и въ другихъ мѣрахъ твердо слѣдовалъ ихъ совѣтамъ, чтобъ въ воеводствахъ могло быть все мало по малу приготовлено, а король старался бы между тѣмъ привлечь къ тѣмъ же видамъ и русскую императрицу, и чтобъ они напередъ были увѣрены, что въ случаѣ нужды не будутъ оставлены Россією.

Изъ Волчима Гроссъ ѣздилъ въ Бѣлостокъ, имѣніе гетмана Браницкаго, и оттуда отправился въ Гродно, гдѣ долженъ былъ происходить сеймъ. Въ Гроднѣ онъ получилъ изъ Петербурга рескриптъ, поставившій его въ очень затруднительное положеніе. «Къ крайнему удивленію увѣдомились мы, говорилось въ рескриптѣ, что шляхетство курляндское на своемъ сеймикѣ большинствомъ голосовъ опредѣлило посылаемому на сеймъ депутату дать инструкціи, чтобъ онъ просилъ короля о доставленіи свободы герцогу Бирону. Оберъ-раты въ этомъ дѣлѣ умѣренно и осторожно поступили, но особенно хлопотали маршалъ земскихъ депутатовъ Гейкиннгъ, нѣкто Медемъ изъ Тительминда да Драхенфельсъ, который имѣетъ въ арендѣ нашъ секвестриванный амтъ Вальгофъ. Вы можете легко разсудить, въ какое удивленіе привело насъ это нечаянное и нашему намѣренію совсѣмъ противное происшествіе, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ большая часть тамошняго шляхетства не только не желала освобожденія Биронова, но и домогательствамъ о томъ противной стороны, т.-е. оберъ-ратской партіи, сопротивляясь, никогда не допускала произведенія ихъ въ дѣйство. И такъ какъ мы, по нашимъ интересамъ, никакъ не можемъ спокойно смотрѣть на порученное теперь курляндскому депутату домогательство объ освобожденіи бывшаго герцога, напротивъ того, какъ прежде, такъ и теперь, желаемъ, чтобъ курляндскія дѣла оставались въ томъ же положеніи, въ какомъ они по сіе время были, то прошеніе къ королю о Бироновомъ освобожденіи допустить не надлежитъ: по этому повелѣваемъ вамъ употребить крайнее стараніе ваше и труды, чтобъ курляндскій депутатъ не прежде до-

пущень былъ на аудіенцію предъ короля, какъ по окончаніи сейма, точно такъ какъ это случилось съ тѣмъ же курляндскимъ депутатомъ Корфомъ.»

— «Не безъ великаго труда въ томъ предупѣть возможно, отвѣчалъ Гроссъ, потому что графъ Брюль и большая часть Поляковъ сильно интересуются освобожденіемъ герцога Бирона или, по крайней мѣрѣ, полученіемъ какого-нибудь рѣшенія вашего величества. Графъ Брюль, въ присутствіи короннаго канцлера и англійскаго уполномоченнаго, говорилъ мнѣ въ сильныхъ выраженіяхъ, что подлинно король прусскій возбуждаетъ Курляндцевъ, чтобъ они вновь обратились къ Польшѣ съ просьбою объ освобожденіи своего герцога, и что если по прежнему просьба ихъ не получить удовлетворенія, то, такъ какъ польское покровительство не приноситъ имъ никакой пользы, они могутъ выбрать въ герцоги брата его, принца Генриха, при чемъ могутъ быть обнадєжены въ сильной защитѣ Пруссіи. Съ другой стороны Франція и Пруссія внушаютъ Полякамъ, что король Августъ намѣренъ сына своего принца Ксаверія назначить герцогомъ курляндскимъ; внушенія эти клонятся къ тому, чтобъ возбудить смуту въ Польшѣ и Курляндіи, чѣмъ прусскій король воспользуется.»—Но какъ скоро Гроссъ объявилъ канцлерамъ коронному и литовскому и графу Брюлю о желаніи императрицы, чтобъ въ курляндскихъ дѣлахъ не произошло никакой перемѣны, и чтобъ курляндскій депутатъ Шёппингъ прежде сейма не получилъ аудіенціи у короля, то всѣ трое безъ отговорки обѣщали свои услуги въ этомъ дѣлѣ. Канцлеръ Малаховскій обѣщаль, что рѣчь Шёппинга будетъ написана въ общихъ выраженіяхъ и будетъ сообщена Гроссу, что депутатская инструкция изъ канцлеровыхъ рукъ не выйдетъ и на счетъ отвѣта на нее канцлеръ напередъ условится съ Гроссомъ. «Но если сеймъ состоится, писалъ Гроссъ, то предвижу, что опять будетъ предложеніе вашему величеству или объ освобожденіи Бирона или объ окончательномъ рѣшеніи курляндскаго дѣла, и предложеніе это, быть можетъ, сдѣлается чрезъ особое посольство, которое отправится съ извѣщеніемъ о признаніи Польшей императорскаго титула русскихъ государей. Какъ я слышу, графъ Брюль хочетъ назначить въ это посольство зятя своего надворнаго маршалка Мнишка. Оберъ-камергеръ графъ Понятовскій, съ другой

стороны, уже заявляя свое желаніе быть назначеннымъ въ это посольство, да бывшийъ три года тому назадъ въ Россіи оберъ-маршалъ графъ Огинскій усиленно просилъ меня, чтобъ по указу вашего величества требовать его назначенія въ послы какъ знакомаго человѣка, на счетъ котораго ваше величество могли бы быть увѣрены, что онъ меньше всѣхъ будетъ настаивать на курляндскомъ дѣлѣ. Графъ Мнишекъ будетъ больше всѣхъ домогаться окончательнаго рѣшенія курляндскаго дѣла; а Понятовскаго, который не богатъ и властолюбивъ, да Огинскаго легче ласками и подарками можно было бы удовлетворить.»

Относительно поведенія своего на сеймѣ, Гроссъ получилъ изъ Петербурга слѣдующія наставленія: 1) держаться партіи князей Чарторыйскихъ, но наблюдать, чтобъ эта партія не предпринимала ничего для нарушенія вольности республики и ея уставовъ; князей Чарторыйскихъ ласкать и ихъ держать, но и другихъ не бросать и не раздражать. Всѣми силами не допускать уничтоженія вольнаго голоса (*liberum veto*). Если сеймъ состоится, то домогаться, чтобъ признаніе императорскаго титула русскихъ государей внесено было въ конституцію. Если будутъ затрудненія относительно слова: всероссійская, то можно предложить, что императрица довольна будетъ и старымъ титуломъ: всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи. Принять съ министрами республики достаточныя мѣры для прекращенія обидъ греко-россійскимъ церквамъ, задержанія бѣглыхъ и другихъ пограничныхъ жалобъ. Если польскіе вельможи стануть отзываться о своемъ желаніи избѣгать замѣшательствъ послѣ смерти королевской, то отвѣчать въ общихъ выраженіяхъ, что они будутъ Россією сильно защищены; что же касается тайнаго намѣренія польскихъ вельможъ совсѣмъ избѣгать междуцарствія избраніемъ напередъ преемника въ особѣ наслѣднаго принца саксонскаго, то это предпріятіе является дѣломъ невозможнымъ, химерическимъ, ибо запрещено пактами конвентами, и едва ли кто осмѣлится сдѣлать подобное предложеніе на сеймѣ.

Сеймъ не состоялся по обычаю, и Гроссъ не могъ добиться никакого рѣшенія ни относительно выдачи бѣглыхъ, ни относительно возвращенія православныхъ церквей и позволенія починать обветшавшія. Гроссъ предлагалъ своему двору, чтобъ греко-русская церковь въ Литвѣ имѣла искуснаго генеральнаго

прокуратора, который защищалъ бы постоянно ея права во всѣхъ судахъ, а безъ этого можно опасаться, что эта церковь мало по малу совсѣмъ исчезнетъ. «Одни представленія министровъ вашего величества, писалъ Гроссъ, какъ бы ни были часты и сильны, желаемый покой вашимъ единовѣрцамъ доставить не могутъ, и теперь, по разорваніи сейма, очень сомнительно, захотятъ ли министры вступить со мною въ конференціи ^{124.}»

Любопытны отношенія русской политики въ Польшѣ къ политикѣ союзнаго двора англійскаго и враждебнаго французскаго: англійскій посланникъ при польско-саксонскомъ дворѣ Уилльямсъ сблизился съ Чарторыйскими и потакалъ ихъ видамъ относительно преобразованій; французскій посланникъ графъ Броли, на оборотъ, хлопоталъ, чтобъ все оставалось по прежнему и сблизился съ гетманомъ Браницкимъ; такимъ образомъ Броли дѣйствовалъ въ видахъ русскаго кабинета, который также прежде всего заботился о сохраненіи существующаго порядка, т. е. беспорядка въ Польшѣ. Что касается непосредственныхъ сношеній Англійи съ Россіею, то король англійскій приступилъ къ договору, заключенному между Россіею и Австріею въ 1746 году, при чемъ Россія приняла даже секретную статью о защитѣ ганноверскихъ владѣній въ томъ случаѣ, еслибъ они подверглись нападенію за приступленіе Георга II къ означенному договору. Русскому правительству, въ его финансовыхъ затрудненіяхъ, сильно хотѣлось, чтобъ морскія державы, Англія и Голландія, опять давали ей субсидію за содержаніе значительнаго корпуса войскъ на лифляндскихъ границахъ для сдержанія Пруссіи. Но когда Чернышевъ началъ говорить объ этомъ герцогу Ньюкестлю, тотъ отвѣчалъ, что послѣдняя война увеличила государственный долгъ Англійи тридцатью милліонами фунтовъ и потому большихъ субсидій она выдавать теперь не въ состояніи, тѣмъ болѣе, что рѣшено выдавать субсидіи саксонскому двору именно по представленіямъ русскаго же двора. Чернышевъ возражалъ, что императрица въ требованіи субсидій имѣетъ въ виду главнымъ образомъ общую пользу, общее дѣло европейскаго равновѣсія, собственно же русскій интересъ находится на второмъ планѣ и только въ связи съ общимъ интересомъ, субсидіи послужили бы только къ нѣкоторому облегченію въ со-

держаніи войска, находящагося постоянно въ готовности выступить за границу и стоящаго именно въ мѣстахъ, гдѣ все дороже, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ имперіи; было бы неестественно, чтобъ сопряженные съ этимъ тягости падали на одну Россію. Не нужно говорить о томъ, что содержаніе такого корпуса необходимо для прекращенія злыхъ намѣреній относительно нарушенія европейскаго равновѣсія; что же касается до увеличенія государственнаго долга Великобританіи, то это явленіе всего лучше доказываетъ необходимость принимать мѣры для предупрежденія дорого стоящей войны; требуемая субсидіи имѣютъ характеръ обезпеченія, и государства должны подражать умнымъ купцамъ, которые для сбереженія своего капитала, отправляемаго на корабляхъ, застраховываютъ его, платя малый процентъ. Но эти представленія не имѣли никакого успѣха ¹²⁵.

Съ юга, изъ Константинополя, приходили извѣстія успокоительныя. По смерти Адриана Неплюева въ Константинополь повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ отправленъ воспитанникъ кадетскаго корпуса секундъ-майоръ Алексѣй Обрѣзковъ, переименованный въ надворные совѣтники; въ докладѣ иностранной коллегіи объ немъ говорилось: «Сей майоръ Обрѣзковъ для того способнымъ къ тому признается, что онъ уже былъ тамъ при здѣшнихъ резидентахъ Вишняковѣ и Неплюевѣ около десяти лѣтъ и въ тамошнихъ поведеніяхъ довольно знаніе имѣетъ.» Въ іюлѣ 1751 года Обрѣзковъ пріѣхалъ въ Константинополь и далъ знать своему двору, что безъ дальнихъ его претензій получилъ отъ Порты такія почести, какихъ не давалось ни одному чловѣку, бывшему въ его характерѣ, не смотря на внушенія французскаго посла Дезальера, который представлялъ Портѣ, какъ Россія ею пренебрегаетъ: прислала только повѣреннаго въ дѣлахъ, и пусть Порта не вѣритъ Обрѣзкову, что скоро пріѣдетъ резидентъ, Россія никого не пришлетъ и Обрѣзкова не сдѣлаетъ резидентомъ, по своей безмѣрной гордости.

Въ началѣ 1752 года Обрѣзковъ получилъ письмо отъ Черногорскаго митрополита Саввы Петровича такого содержанія: «Послѣ прутскаго мира аги подгорическіе держатъ земли церковныя, которыя принадлежали нашему каѳедральному монастырю Петинскому и прочихъ монастырей; аги говорятъ, что султанъ далъ имъ эти земли въ наказаніе Черногорцамъ за ихъ вѣр-

ность къ русскому двору: за любовь Господа Иисуса подвижнись на оборону нашу по общанію великой государыни императрицы Елисаветы Петровны, во всей вселенной православія надзирательницы, нашей милостивѣйшей патронки и защитницы, стань при дворѣ султанскомъ и освободи церквины (церковныя земли), потому что мы никоимъ образомъ безъ нихъ не можемъ жить, и если мы уйдемъ съ Черной горы, то народъ сильно пострадаетъ, какъ овцы неимущія пастыря. И за церкви нашего монастыря Цетинскаго мы даемъ агамъ подгоричьскимъ по 20 золотыхъ червонныхъ. Если прикажете, то мы пришлемъ къ вамъ родственника нашего съ описями захваченныхъ у насъ церковныхъ земель». — «Преосвященный владыко! отвѣчалъ Обрѣзковъ: изъ пріятнѣйшаго письма вашего съ прискорбіемъ я усмотрѣлъ ваши изнуренія, и чѣмъ сильнѣе во мнѣ желаніе оказать вамъ услугу, тѣмъ болѣе соболѣзную, что по нынѣшнимъ обстоятельствамъ ничего не могу сдѣлать въ вашу пользу, ибо изнуреніе вамъ дѣлается въ денежныхъ налогахъ, но всѣмъ и вездѣ тоже достается, и которые пріѣзжали сюда для поправления дѣла, только наибольшій вредъ себѣ получили, чему я многіе примѣры видѣлъ. Итакъ, по истинному усердію моему къ вашему преосвященству и всѣмъ вашимъ однородцамъ, совѣтую удержаться отъ посылки сюда вашего родственника и съ терпѣніемъ стараться удовольствовать изнурителей, ибо что вы въ вашемъ мѣстѣ двадцатью червонными сдѣлать можете, то здѣсь и двумя стами не успѣете. Я васъ покорнѣйше прошу содержать настоящее дѣло втайнѣ, также и посылаемымъ отъ васъ ко мнѣ наказывать, чтобъ никому не открывались: такая осторожность необходима для нашей переписки». Митрополичьего посланнаго Обрѣзковъ устно увѣрилъ, что онъ имѣетъ повелѣніе императрицы стараться объ ихъ пользѣ, только теперь надобно потерпѣть и никого не присылать въ Константинополь. «Это я сдѣлалъ, писалъ Обрѣзковъ, чтобъ ихъ безъ отвѣта не оставить и отказомъ не огорчить, но, сколько можно, держать усердными къ высочайшимъ вашего импер. величества интересамъ».

Греческое духовенство, и особенно митрополитъ Праклійскій, нѣсколько разъ говорили Обрѣзкову, какъ бы полезно было учредить въ Россіи печатаніе греческихъ церковныхъ книгъ, а теперь подали слѣдующую записку: «Кромѣ оскорбленій и напа-

докъ отъ невѣрныхъ, терпимъ всегдашнее гоненіе отъ папистовъ, которые называются единовѣрными христіанами. Вселившаяся издавна въ сердцахъ ихъ ненависть противъ восточной церкви и по нынѣ еще не миновалась, но возобновляется и въ цѣлѣющемъ состояніи пребываетъ. Такъ какъ у насъ нѣтъ другаго оружія кромѣ книгъ отеческихъ и богослужебныхъ, то они злобно испортили эти наши книги, введя въ нихъ свои правила, несообразныя съ нашимъ православнымъ обрядомъ, ибо книги наши печатаются въ ихъ типографіяхъ. Но мы, размысливъ, что Богъ еще не вовсе лишилъ насъ благодати Своей и облегчилъ наше иго богохранимую російскою монархіею, безпорочною въ церковныхъ обрядахъ, правилѣхъ и исповѣданіи, дочерію восточной церкви, усердно просимъ принять трудъ донести всеросійскому двору, дабы ея импер. величество соизволила повелѣть въ какомъ-либо мѣстѣ своей имперіи установить печатаніе нашихъ книгъ».

23 марта Обрѣзковъ имѣлъ конференцію съ великимъ визиремъ. Послѣдній объявилъ, что миролюбивыя чувства султанова величества уже каждому извѣстны; его величество ничего такъ не желаетъ, какъ жить въ доброй дружбѣ съ императрицею всеросійскою; но къ сожалѣнію усматривается, что между запорожскими козаками и татарами день ото дня распри умножаются и козаки татарамъ несносныя наглости и обиды дѣлаютъ вопреки освященныхъ договоровъ; султанъ сильно желаетъ, чтобы изыскано было пристойное средство для прекращенія этихъ распрей, и русской повѣренный въ дѣлахъ приглашается къ этому богоугодному дѣлу. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что императрица питаетъ тѣже самыя чувства, что и султанъ, а онъ, повѣренный въ дѣлахъ, давно уже хлопочетъ о прекращеніи пограничныхъ столкновеній, именно еще въ сентябрѣ прошлаго года подалъ блистательной Портѣ извѣстіе о смертоубійствахъ, плѣненіяхъ и грабежахъ, производимыхъ татарами у запорожскихъ козаковъ; онъ ласкалъ себя надеждою, что обиженные получаютъ удовлетвореніе; но вмѣсто того ему сообщены татарскія претензіи, обсудить которыя самъ онъ не имѣетъ никакихъ средствъ за дальностію мѣстъ, но думаетъ, что лучшимъ средствомъ будетъ, если визирь прикажетъ хану, снесшись съ кievскимъ генераль-губернаторомъ, учредить комиссію для разсмотрѣнія взаимныхъ пре-

тензій и доставленія удовлетворенія, а чтобъ впредь не было никакихъ столкновеній, для этого необходимо съ обѣихъ сторонъ выдавать бѣглыхъ, ибо тогда дурные люди могутъ удерживаться отъ преступленій, зная, что нигдѣ не получатъ безопаснаго убѣжища. Визирь отвѣчалъ, что прежніе бѣглецы, которыхъ можно будетъ переловить, непременно выдадутся, и впредь принимаемы не будутъ, и предложилъ съ своей стороны еще средство: чтобъ татары и козаки изъ границъ въ границы входили только черезъ тѣ рѣчныя переправы, которыя назначатся съ общаго согласія обоихъ государствъ, застава турецкая будетъ противъ заставы русской, и никому нельзя будетъ перейти границу, не имѣя билета отъ офицера, находящагося на заставѣ. Обрѣзковъ возразилъ, что это средство не поведетъ къ желаемой цѣли, потому что границы тянутся почти на триста часовъ пути; на этомъ разстояніи хотя и много рѣкъ, но онѣ не могутъ служить ни малѣйшимъ препятствіемъ татарамъ и козакамъ переходить границу, а между рѣками открытая степь, да и можно ли на такомъ разстояніи поставить столько заставъ, чтобъ можно было усмотрѣть, кто ѣдетъ съ билетомъ, или безъ билета. Визирь сначала былъ сильно пораженъ этимъ замѣчаніемъ; но потомъ началъ утверждать, что не требуется разставить всюду заставы, но въ нѣкоторыхъ неминуемо проѣзжихъ мѣстахъ, купцамъ и другимъ добрымъ людямъ по тропинкамъ ѣздить и эти заставы миновать не для чего, а кто ихъ минетъ, то этимъ самымъ покажетъ, что ѣздитъ для воровства и другихъ шалостей; такихъ всѣхъ забирать подъ караулъ и отсылать къ офицерамъ, и если ихъ накажутъ, то прочіе поудержатся; если же и послѣ того козаки потерпятъ какой вредъ, то Порта обязывается отвѣчать. Обрѣзковъ счелъ минуту благоприятною добиться того, чего давно желало русское правительство, именно имѣть постоянно въ Крыму агента подъ именемъ консула или другимъ какимъ-либо. «Лучшее средство прекратить всѣ распри есть слѣдующее, сказалъ онъ: пусть безвыѣздно живетъ при крымскомъ ханѣ офицеръ отъ кievскаго генераль-губернатора, съ обязанностию защищать русскихъ подданныхъ, находящихся въ Крыму; другой офицеръ будетъ жить въ Сѣчѣ для защиты татаръ отъ запорожскихъ козаковъ; оба эти офицера, имѣя между собою переписку, старались бы прекращать всѣ столкновенія между

татарами и козаками, и, будучи на мѣстѣ, легко могли бы изслѣдовать истину и доставлять удовлетвореніе — одинъ у хана, другой у кошевого и блистательная Порта избавилась бы отъ докучкь.» Но тутъ визирь, и особенно рейсъ-ефенди, начали, въ свою очередь, доказывать, что отъ присутствія русскаго офицера въ Крыму будетъ мало пользы, потому что всѣ безпорядки происходятъ въ степи, и офицеры такъ же мало объ нихъ могутъ знать, какъ ханъ и кievскій генераль-губернаторъ. Явно было, что Порта не прочь принять мѣры для прекращенія столкновеній между запорожцами и татарами; она поспѣшила отстранить столкновеніе съ Россією по поводу Кабарды, предписавши хану немедленно вызвать оттуда своихъ сыновей. Въ Петербургѣ гораздо болѣе тревожились тѣмъ положеніемъ, какое Турція могла принять относительно Персіи, въ которой продолжалась смута, и которая должна была укрощать возстанія Афганцевъ съ одной стороны, Грузинъ съ другой. Въ рескриптѣ Обрѣзкову въ апрѣлѣ 1752 года говорилось: «По персидскимъ дѣламъ трудовъ и издержекъ жалѣтъ вамъ не слѣдуетъ. Въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Порта по своимъ интересамъ и единоврѣю будетъ подъ рукою помогать Афганцамъ и не допускать усиливаться Грузинцевъ, которыхъ она съ Греками не различаетъ. Если мы сами въ персидскія дѣла не вступаемся, то не можемъ не посовѣтовать и Портѣ слѣдовать нашему примѣру; вы должны внушить турецкимъ министрамъ, что Порта должна дать Персіянамъ самимъ уладить свои дѣла, ибо отъ нихъ, по ихъ слабости, турецкимъ границамъ никакой опасности быть не можетъ. Притомъ вы не должны подавать вида, что это насъ очень обезпокоиваетъ, мы только совѣтуемъ Портѣ, а приневолить ее не хотимъ; повторите турецкимъ министрамъ, что мы до сихъ поръ Грузинцамъ помощи не подаемъ, что этотъ народецъ не заслуживаетъ вниманія такой знатной державы, какъ Порта, досадовать на нихъ ей не за что. Эти ваши внушенія должны вызвать со стороны турецкихъ министровъ отвѣтъ, изъ котораго можно будетъ что-нибудь извлечь относительно рѣшенія Порты».

Обрѣзковъ отвѣчалъ, что прежняя горячность, съ какой хотѣли помогать Афганцамъ, прохладилась, и такъ какъ успѣхи Грузинцевъ не такъ велики, то и съ этой стороны подозрѣніе умень-

шилось; народъ сильно ропщетъ, что единовѣрныхъ Афганцевъ оставляютъ безъ помощи, а Грузинцамъ даютъ усиливаться, но султанъ, не смотря на то, изъ принятой системы не выступаетъ. «Я, писалъ Обрѣзковъ, предложу Портѣ совѣты высочайшаго двора, когда достаточную нужду увижу, а безъ достаточной нужды вмѣсто пользы вредъ произойти можетъ, ибо все, что ни будетъ предложено съ нашей стороны, услышать неохотно; Порта не можетъ себѣ представить, чтобъ Грузинцы не получали помощи отъ Россіи, и мои внушенія только утверждаютъ ее въ этомъ предположеніи».

Въ Россіи боялись, чтобъ Турція не приняла участія въ дѣлахъ персидскихъ; со стороны же самой Персіи были совершенно покойны. Заведенный при шахѣ Надирѣ флотъ персидскій, который такъ безпокоилъ дочь Петра Великаго, теперь не существовалъ болѣе. Осенью 1752 года канцлеръ доложилъ императрицѣ о награжденіи морскихъ офицеровъ и служителей, которые въ 1751 году изъ Астрахани были посланы къ персидскимъ берегамъ и тамъ тайно сожгли два корабля, построенные англичаниномъ Элтономъ. Елисавета велѣла повесить каждаго однимъ чиномъ и раздать имъ 3000 рублей.

Между тѣмъ движеніе православнаго народонаселенія въ Россію изъ австрійскихъ областей не могло не отозваться и въ областяхъ турецкихъ.

Въ октябрѣ 1752 года отправленъ былъ Обрѣзкову рескриптъ слѣдующаго содержанія: «Нынѣшнимъ лѣтомъ изъ Молдавіи и пограничныхъ съ нею мѣстъ нѣкоторые Болгары, Греки и Волохи являлись къ генераль-майору Хорвату для освѣдомленія объ устройствѣ новаго поселенія и о подлинности нашей высочайшей милости; одни остались, другіе, освѣдомясь, возвратились для объявленія своимъ соотечественникамъ. Между прочими пріѣзжалъ изъ Молдавіи шляхтичъ Замфирановичъ съ обѣщаніемъ, что скоро переселятся къ намъ изъ православныхъ народовъ, Болгарь, Грековъ и Волоховъ до тысячи семействъ. Надлежало бы за такую ревность не только имъ не отказывать, но принять съ милостію и награжденіемъ: только препятствіемъ служить то, что когда волошскій господарь станетъ жаловаться Портѣ на такой ихъ своевольный переходъ и пріемъ, то не стала бы Порта требовать ихъ возвращенія какъ перебѣжчиковъ, въ

силу 8 параграфа мирнаго договора 1739 года, гдѣ именно условлено возвращать перебѣжчиковъ съ обѣихъ сторонъ. Потому вы должны освѣдомиться у надежныхъ людей, какимъ бы способомъ могло быть исходатайствовано у Порты ихъ увольненіе; не имѣютъ ли изъ тѣхъ народовъ нѣкоторыя такихъ привилегій, по которымъ можно было бы имъ вступать въ чужестранную службу, слѣдовательно выѣзжать изъ отечества? Извѣстно, что не только изъ Волоховъ (которые, надобно думать, Турками не завоеваны, но поддались добровольно и, можетъ быть, на какихъ-нибудь условіяхъ), но и многіе Греки въ иностранной службѣ и для купечества въ разныхъ мѣстахъ находятся и вовсе жить остаются съ семействами: надобно знать, на какомъ основаніи это бываетъ. До сихъ поръ еще не слышно было, чтобъ Порта за такихъ Волоховъ и Грековъ увязывалась и требовала ихъ назадъ. По этому примѣру можно надѣяться, что Порта не станетъ удерживать и требовать назадъ и выходящихъ къ намъ, какъ христіанъ, а не магометанъ; но прежде всего будемъ ожидать вашего разъясненія. Между тѣмъ этихъ выходцевъ принимать въ наши границы не вѣдно; строеніе крѣпостей въ Новой Сербіи нынѣшнимъ лѣтомъ начато не будетъ, Сербы и другіе народы, по малому ихъ выходу, селятся только по границѣ съ Польшею отъ Архангельскаго городка къ рѣкѣ Бугу, также по рѣкамъ Синюхѣ и Висѣ, гдѣ и прежде было малороссійское поселеніе; все это отъ турецкой границы отошло далеко, о чемъ вы можете повторить Портѣ въ случаѣ какихъ-нибудь отзывовъ».

Обрѣзковъ отвѣчалъ 1-го декабря, что если Порта позволяеть своимъ подданнымъ ѣздить за промыслами въ чужія земли и даже оставаться тамъ, то это происходитъ вовсе не на основаніи какихъ-нибудь привилегій, а по обычаю и нерадѣнію, тѣмъ болѣе, что такихъ и не много; и если бы ея подданные стали выходить въ Россію безъ огласки и селиться не такъ близко къ ея границамъ, то едвали бы стала требовать ихъ возвращенія, особенно не желая выдавать магометанъ, отъ времени до времени перебѣгающихъ къ ней изъ русскихъ владѣній. Но не можетъ быть никакого успѣха, если бъ съ русской стороны было сдѣлано предложеніе Портѣ отпустить христіанъ добровольно. Выпускъ народа изъ государствъ дѣлается обыкновенно по двумъ причинамъ, или когда государство переполнено жите-

лями, такъ что земля прокормить не можетъ, или въ случаѣ появленія какой-нибудь ереси, когда выпускомъ или изгнаніемъ еретиковъ хотятъ предупредить опасность для вѣры. Но въ Турціи области пусты, особенно Валахія и Молдавія: въ первой, исключая Бухарестъ, только около 40,000, а во второй, исключая Яссы, только до 25,000 душъ считается. Лучшаго способу не нахожу, какъ чтобы желающіе выселиться выходили въ небольшомъ количествѣ, безъ огласки, непримѣтно, и при поселеніи перемѣшивать ихъ съ другими народами, и мнѣ уже извѣстно, что молдавскій князь, открывъ намѣреніе переселиться, устроилъ заставы по Диѣстру. Впрочемъ для наполненія Новой Сербіи народомъ и чтобъ въ постройкѣ для охраны этой страны крѣпостей убытка не было, не благоугодно ли будетъ вызвать бѣжавшихъ изъ Россіи раскольниковъ, которыми наполнены многія превеликія деревни по польской границѣ и ниже по Диѣстру ¹²⁶.

Мы видѣли, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили въ Петербургѣ за шведскими движеніями, какъ ждали здѣсь опаснаго для русскихъ интересовъ переворота по смерти королевской и готовились препятствовать ему вооруженною силою. Въ описываемое время туча разсѣялась.

Въ началѣ 1751 года Панинъ увѣдомилъ свой дворъ, что медики и на одни сутки не ручаются за жизнь королевскую, и что малолѣтній сынъ кронпринца, Густавъ помолвленъ на дочери датскаго короля. «Не безъ основанія ожидать надобно, писалъ Панинъ, что это новое соединеніе двухъ дворцовъ, которое производится французскою хитростію, просто не кончится однимъ мечтательнымъ младенческимъ сговоромъ, но конечно каждый дворъ будетъ стараться этимъ средствомъ достигнуть своихъ дальнѣйшихъ видовъ. Хотя здравомыслящая часть здѣшняго народа не много себѣ обѣщаетъ выгоды изъ новыхъ обязательствъ съ датскимъ дворомъ, да и вожди господствующей партіи сами знаютъ, какъ мало имъ можно полагаться на этотъ дворъ, однако они стараются увѣрить большинство, что Данія, при всѣхъ случайностяхъ, будетъ дѣйствовать съ Швеціею заодно, чтобъ положить предѣлы усиленію Россіи.

25 марта король умеръ рожею, окончившеюся антоновымъ огнемъ. На другой день сенатъ, собравшись въ комнаты покой-

наго, привѣтствовалъ наследнаго принца королемъ, и графъ Тессинъ прочелъ актъ клятвеннаго обѣщанія, который новый король подписалъ: обѣщаніе состояло въ томъ, чтобъ управлять по установленной формѣ и считать своими непріятелями и измѣнниками отечеству тѣхъ, которые будутъ, подь какимъ-либо видомъ, стараться о возстановленіи самодержавія. Въ то же утро графъ Тессинъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ иностранныхъ министровъ, назначивши Панину время часомъ ранѣе предъ другими. Объявивши о восшествіи на престолъ и присягѣ Адольфа Фридриха, Тессинъ прибавилъ: «Хотя король не приминетъ своей ручной грамотою увѣрить ся императ. величество въ своемъ полномъ признаніи ея высокихъ благодѣяній, однако просить и васъ предварительно удостовѣрить какъ ея величество, такъ и его высочество, своего ближняго родственника въ совершенной своей признательности и преданности, и что не опуститъ ничего, что будетъ содѣйствовать усилению доброй дружбы и тѣснаго согласія между высокими дворами.» Извѣщая объ этомъ разговорѣ, Панинъ прибавляетъ: «основательно можно сказать, что мудрое вашего императорскаго величества въ здѣшнихъ дѣлахъ поведеніе достигло своей цѣли, ибо безъ этого такой точный актъ обнадеживанія при нынѣшнемъ случаѣ не явился бы. Опытъ показалъ, какъ прежде, особенно при окончаніи послѣдняго сейма, при всякихъ дѣлахъ мало заботились о напominаніи правительственной формы и основныхъ правъ: такъ въ установленныхъ тогда кавалерскихъ присягахъ трехъ шведскихъ орденовъ нѣтъ ни одного слова о національной вольности и правахъ; всякій можетъ понять, что настоящій поступокъ вынужденъ внѣшнимъ страхомъ и ни мало не соотвѣтствуетъ принципамъ здѣшняго правительства или, лучше сказать, господствующей партіи.» Панинъ доносилъ, что новый король не имѣетъ ни малѣйшей склонности къ государственнымъ дѣламъ, но все удовольствіе поставляетъ въ солдатскихъ обрядахъ: каждый день пополудни, запершись въ своемъ кабинетѣ съ нѣкоторыми командами и офицерами, забавляется приведеніемъ въ совершенство военной экзерциціи. «Я говорю забавляется, писалъ Панинъ, для того, что тутъ не о распространеніи науки или искусства командующихъ генераловъ, но въ единыхъ мушкетныхъ приемахъ упражняются, въ чемъ уповательно и впредь большая

часть его царствованія обращаться будетъ, такъ что смѣло сказать возможно, что сей государь своею персоною не будетъ страннымъ сосѣдомъ.»

На извѣщеніе о смерти королевской, Панинъ получилъ въ отвѣтъ изъ Петербурга рескриптъ, въ которомъ императрица предписывала ему: «нашимъ именемъ дайте знать, что намъ весьма пріятно было увѣдомиться о томъ, какимъ образомъ его величество король въ началѣ своего государствованія о своей признательности и преданности къ намъ и нашему племяннику предварительныя увѣренія подать изволилъ, и что мы именно повѣлѣли вамъ наисильнѣйшимъ образомъ его величество увѣрить, что мы по толь ближнему свойству, какъ прежде, такъ и нынѣ въ благополучіи его величества и въ настоящемъ возвышеніи его въ королевское достоинство совершенное и истинное участіе имѣемъ и равномѣрно съ своей стороны все то поспѣшествовать охотно желаемъ, еже бы токмо къ распространенію доброй дружбы и тѣснаго согласія обоихъ нашихъ дворовъ служить могло. Впрочемъ собою разумѣется, что вамъ довольное примѣчаніе имѣть надлежитъ на поведеніе и поступки новаго короля и министерства: въ какихъ сентиментахъ они пребудутъ въ разсужденіи нашего, такожъ и другихъ дворовъ, и не возымѣютъ ли тамошнія дѣла инаго виду, ибо король по сіе время короннымъ наслѣдникомъ и подъ руковожденіемъ преданнаго Франціи и Пруссіи министерства будучи, хотя и не имѣлъ къ нашей сторонѣ должной аттенціи и соотвѣтственнаго нашимъ благодѣяніямъ поведенія; но можетъ быть нынѣ, при совершенномъ достиженіи короны, которую онъ нашимъ стараніемъ получилъ, одумается и внутренно побужденъ будетъ къ намъ свое признаніе возымѣть и стараться между обоими дворами наилучшую дружбу и доброе согласіе содержать, отъ чего мы, съ своей стороны, не токмо не удалены, но и весьма бы того желали; яко же для того и вамъ при всякихъ случаяхъ, какъ съ министерствомъ, такъ и при дворѣ королевскомъ, хотя съ потребною осмотрительностію, однакожъ такое обхожденіе имѣть надобно, какъ бы то наидружественнаго двора министру принадлежало и по всякой возможности стараться короля къ нашей сторонѣ приласкать, а когда удобные случаи къ тому подадутся, то какъ самому королю, такъ и министрамъ пристойнымъ обра-

зомъ внушать, что свойство и собственный королевства шведскаго интересъ того требуетъ, чтобъ Швеція съ нами предпочтительно другимъ державамъ въ постоянной дружбѣ и добромъ согласіи пребывала; и что она же всегда болѣе отъ насъ, нежели отъ другихъ сторонъ пользы себѣ ожидать можетъ, а генерально притомъ и сѣверный покой тѣмъ наилучше содержать быть имѣеть.»

Панинъ передалъ эти заявленія графу Тессину, и тотъ чрезъ нѣсколько времени отвѣчалъ, что король слушалъ ихъ съ наибольшаго удовольствія, и что каждый день его царствованія будетъ отмѣченъ новымъ попеченіемъ не только просто отвѣчать чувствамъ императрицы, но истреблять малѣйшіе остатки подозрѣнія на счетъ его чувствъ, подозрѣнія, которое нѣкогда внушено недоброжелательными людьми. Тессинъ увѣрялъ, что они не имѣютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ добрыхъ расположеніяхъ императрицы, что подтверждается и деклараціею Панина и донесеніемъ шведскаго министра въ Петербургъ, который писалъ, что по поводу перемѣнъ въ Швеціи канцлеръ отозвался къ нему очень благосклонно и откровенно. «Король, кончилъ Тессинъ, не преминетъ стараться своимъ поведеніемъ подкрѣплять точность и силу договоровъ между Россіею и Швеціею. Намъ о распространеніи земли своей помышлять нельзя; мы были бы счастливы, если бъ настоящую свою область на столько могли населить людьми, сколько пространство ея требуетъ.»

Въ началѣ іюня страшный, небывалый, трехдневный пожаръ испепелилъ Стокгольмъ. Отчаянный народъ сталъ кричать о зажигателяхъ, при чемъ начало повторяться имя русскаго министра, ибо въ толпѣ не знали о перемѣнѣ отношеній Россіи къ Швеціи и недавно передъ тѣмъ схваченъ былъ Финляндецъ Викманъ, ведшій переписку съ русскимъ посольствомъ о состояніи Финляндіи и о выборѣ въ этой странѣ сеймовыхъ депутатовъ. Панинъ отправился къ Тессину, чтобъ указать на ту крайность, до которой злонамѣренные люди успѣли довести ненависть къ русскому имени, и не время ли уже министерству обратить вниманіе на происходящую отъ того помѣху укрѣпленію дружбы, къ которой показывается теперь столько готовности и стараться о перемѣнѣ направленія въ общественномъ мнѣніи. Тессинъ отвѣчалъ, что онъ совершенно раздѣляетъ мысли Панина и пред-

ложилъ ему, не хочетъ ли онъ, по примѣру французскаго посла, имѣть караулъ при своемъ домѣ. Панинъ отвѣчалъ, что караулъ ему вовсе ненадобенъ, что онъ не имѣтъ причины опасаться народнаго противъ себя возмущенія и отдастъ справедливость народу, который дѣйствительно могъ бы позволить себѣ какой-нибудь дерзкой поступокъ, если принять во вниманіе силу тѣхъ враждебныхъ Россіи внушеній, какія дѣлались людьми, стоящими выше черни. «Меня одно огорчаетъ, продолжалъ Панинъ, что при моемъ личномъ расположеніи къ Швеціи и зная дружбу нашихъ государей, съ нѣкотораго времени нахожусь принужденнымъ видѣть себя министромъ между четырехъ стѣнъ; чѣмъ ближе дѣла приходятъ къ своему естественному состоянію, тѣмъ сильнѣе злые люди стараются марать меня въ обществѣ и привели дѣло къ тому, что каждый Шведъ считаетъ простую учтивость со мною государственнымъ преступленіемъ. Я говорю это не съ тѣмъ, чтобъ жаловаться или требовать какого-нибудь удовлетворенія, но представляю вамъ это частнымъ образомъ, зная вашу благонамѣренность.» Тессинъ отвѣчалъ обѣщаніемъ стараться объ уничтоженіи непріязненныхъ къ Россіи внушеній. Возвратясь послѣ этого разговора домой, Панинъ не успѣлъ еще отобѣдать, какъ по всѣмъ площадямъ столицы раздались звуки трубъ: читали королевскій указъ, чтобъ никто не смѣлъ подъ страхомъ смертной казни, обвинять иностранныхъ министровъ въ зажигательствѣ.

Вслѣдъ затѣмъ Панинъ донесъ о перемѣнѣ положенія шведскихъ партій: сенатъ началъ стремиться къ усиленію своей власти на счетъ королевской; главами этой сенатской партіи были — Гепкенъ, Пальмстерна и графъ Гилленборгъ. Тѣ же, которые не находили своего интереса въ распространеніи сенатской власти, и боялись, что пріобрѣтенныя ими милости отъ двора останутся для нихъ бесполезными, думали объ устройствѣ противоположной партіи; самымъ дѣятельнымъ между такими людьми явился генераль-майоръ графъ Ливенъ: онъ старался королевскимъ именемъ составить партію изъ военныхъ и изъ прежнихъ *колнаковъ* съ цѣлю ограниченія сенатской власти въ пользу короля, особенно относительно назначенія въ чины и должности. Обѣ партіи старались привлечь къ себѣ французскаго посла, потому что обѣ во внѣшней политикѣ держались одинако-

во французской системы. Панинъ писалъ, что по его мнѣнію, онъ долженъ держать себя тихо и уединенно, чтобъ своимъ движеніемъ не помѣшать злой партіи разодраться; онъ писалъ также, что не должно принимать предложенія Англіи подкупомъ доставить на будущемъ сеймѣ ландмаршалство Окергельму, для чего лондонскій дворъ давалъ 1000 гиней: Панинъ утверждалъ, что это поздно и не будутъ имѣть никакого усиѣха, тѣмъ болѣе, что Окергельмъ считается отъявленнымъ врагомъ короля.

Начался сеймъ и вмѣстѣ борьба Гилленберговой—сенатской и Ливеновой—придворной партіи, причемъ французскій посольствъ явно сталъ на сторону первой. Это возбудило къ нему холодность въ королѣ, а королева прямо упрекала его въ желаніи мѣшаться въ домашнія дѣла королевства и противопоставала его поведенію образцовое поведеніе Панина. «Такая смута, писалъ Панинъ, могла бы подать надежду вырвать короля изъ французскихъ рукъ, еслибъ вокругъ его были все добрые люди, и еслибъ тому не препятствовало особенное уваженіе короля, больше же всего королевы, къ Пруссіи.» Въ декабрѣ 1751 года Панинъ далъ знать, что на сеймѣ никакой опасности для настоящей правительственной формы не предвидится, что неоспоримо должно быть признано плодомъ мудраго раченія и твердости императрицы; теперь, по его мнѣнію, интересы Россіи требуютъ только наблюденія надъ принимаемыми при шведскомъ дворѣ мѣрами въ политическихъ дѣлахъ. Изъ этихъ дѣлъ на первомъ планѣ было предложеніе французскаго посла Давранкура, чтобъ Швеція заключила союзъ съ Франціею и Пруссіею для возведенія на польскій престолъ принца Контти. Объ этомъ сказалъ Панину австрійскій резидентъ и подтвердили два его пріятели, одинъ сенаторъ, а другой членъ секретнаго комитета. Изъ ихъ рѣчей Панинъ увѣрился, что Франція и Пруссія домогались въ Стокгольмѣ о новыхъ рѣшительныхъ обязательствахъ противъ Россіи на нѣкоторый случай. Впрочемъ Панинъ успокаивалъ свой дворъ тѣмъ, что королевская партія занята внутренними дѣлами и не намѣрена впутывать свою страну въ трудныя внѣшнія отношенія; король того же мнѣнія, а генераль Унгернъ и другіе придворные фавориты внушаютъ королевѣ, что она прежде всего должна имѣть въ виду пользу своихъ дѣтей и потому не можетъ предпочитать прусскій интересъ шведскому. Панинъ доно-

силъ, что горделивое поведеніе королевы возбуждаетъ всеобщее неудовольствіе, не исключая и главныхъ приверженцевъ ея мужа. Она дошла до того, что начала предписывать имъ, какія рѣчи они должны произносить въ сеймовыхъ собраніяхъ; при всѣхъ оборачивалась спиною къ тѣмъ, о которыхъ узнавала, что говорили противъ желанія королевскаго; также обращалась и съ сенаторскими женами, и нѣкоторые сенаторы поручили ей прямо объявить, что если она будетъ продолжать такіе приемы, то они будутъ принуждены запретить своимъ женамъ ѣздить ко двору. Придворная партія не только не оскорбилась, но была очень довольна этимъ заявленіемъ сенаторовъ; она думала, что это отучитъ королеву отъ самовластныхъ обычаевъ прусскаго двора и приучитъ къ шведской людскости.

Къ Панину пріѣхалъ полковникъ Штакельбергъ и, описавъ плачевное состояніе Швеціи, повелъ рѣчь, что король самъ признается какъ онъ обмануть сенаторами и есть большая надежда вырвать его изъ французскихъ рукъ, что друзья прислали его, Штакельберга, просить Панина, чтобъ тотъ откровенно высказалъ чувство своего двора относительно ихъ короля, свое собственное мнѣніе и подалъ бы нужные совѣты для переменъ политической системы; по ихъ мнѣнію, прежде всего надобно ввести въ сенатъ старыхъ сенаторовъ, но противъ нихъ такъ много голосовъ на сеймѣ и въ секретномъ комитетѣ. Панинъ отвѣчалъ, что чувства императрицы къ королю тѣ же самыя, какія она имѣла при восшествіи своемъ на престолъ, и она съ радостію готова принять его дружбу, если только онъ самъ ее предложитъ. Графъ Тессинъ заставилъ теперь себя благодарить за то, будто бы спасъ націю отъ великой опасности, грозившей со стороны Россіи; но есть ли малѣйшая вѣроятность, что государыня столько уважающая христіанскую кровь, что и преступниковъ смертію не казнить, захотѣла бы проливать кровь вѣрныхъ своихъ подданныхъ и невинныхъ Шведовъ? Императрица всѣми способами старалась открыть глаза націи; но, не получа никакого успѣха, все свое вниманіе обратила на одно, на сохраненіе шведской вольности и существующей правительственной формы. Императрица никогда не ожидала нарушенія этой формы отъ самого короля, но ей извѣстны злые замыслы и продажныя души людей, въ рукахъ которыхъ король до сихъ поръ

находился. Теперь эти люди, не получивъ возможности поирать вольность и права государственныхъ чиновъ, стараются, по крайней мѣрѣ, присвоить себѣ преимущества королевскія. Императрица никогда не переставала смотрѣть съ сожалѣніемъ, что родственникъ ей государь находится въ рукахъ собственныхъ злодѣевъ и злодѣевъ Швеции, тѣмъ болѣе, что у нея нѣтъ другой фамиліи, кромѣ голштинскаго дома. «Что же касается моего мнѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ, сказалъ Панинъ, то, признаюсь, не вижу ничего такого, чтобы клонилось не только къ перемѣнѣ, даже къ ослабленію настоящей системы. Между вами первый человекъ—генераль Унгернъ, который показываетъ себя ревнителемъ правъ королевскихъ; но онъ при всякомъ случаѣ разномыслія старается склонить стороны въ пользу принциповъ французской партіи.»—«Мы сами, отвѣчалъ Штакельбергъ, вполне признаемъ эту робость и медленность генерала Унгерна, тѣмъ не менѣе могу увѣрить честію и совѣстію, что онъ человекъ благонамѣренный, и теперь, чувствуя себя оскорбленнымъ и побѣжденнымъ, сильно желаетъ перемѣнить систему. Сходно съ своимъ кроткимъ характеромъ, онъ старался устроить дѣла спокойно и тѣмъ легче вырвать короля изъ рукъ французской партіи; онъ долженъ былъ поступать тѣмъ осторожнѣе, что въ нашей теперь королевской партіи много людей преданныхъ французскимъ принципамъ, и король къ этимъ людямъ питаетъ еще нѣкоторое довѣріе. Я долженъ открыть вамъ въ крайнемъ секретѣ, что имѣю порученіе именно отъ генерала Унгерна спросить васъ, можете ли вы, безъ потери времени, помочь намъ въ нашемъ добромъ начинаніи. Мы намѣрены на сихъ дняхъ отправить четверыхъ надежныхъ людей въ провинціи, чтобы послѣ праздниковъ привезти на сеймъ благонамѣренныхъ людей, которые должны дать большинство въ нашу пользу; всѣмъ извѣстно, что посоль французскій уже давно даетъ деньги и обѣщаетъ дать еще больше, чтобы закупивъ большинство, поскорѣе окончить сеймъ и предоставить всю власть преданному Франціи сенату. Я со стыдомъ и горестію долженъ признаться, что въ испорченномъ и развращенномъ отечествѣ моемъ даже и души покупаются, поэтому и въ нашемъ предпріятіи только этимъ способомъ можно достигнуть большинства голосовъ. Съ королемъ намъ нужно обходиться чрезвычайно деликатно: злодѣи Тессинъ

какъ хищникъ овладѣлъ имъ съ самаго начала и все время упражнялъ его въ сержантской должности, въ изученіи подробностей солдатской службы, такъ что этотъ государь, кромѣ полка гвардіи ничего не видавъ своими глазами, такъ мало могъ изслѣдовать сущность дѣлъ.» Панинъ отвѣчалъ, что онъ сочтетъ себя счастливымъ, если будетъ въ состояніи содѣйствовать ихъ добродушію, но для этого ему необходимо видѣться съ генераломъ Унгерномъ. Штакельбергъ замѣтилъ, что велика опасность, чтобъ господствующая партія не окончила сейма, прежде нежели съ другой стороны примутся надлежащія мѣры. На это Панинъ сказалъ, что еслибъ съ такою серіозностію принялись за дѣло сначала сейма, и короля къ тому же склонили, то можетъ быть теперь дѣло доведено было бы до конца. Впрочемъ нельзя слишкомъ бояться короткости времени, ибо когда двѣ коронованныя главы станутъ дѣйствовать искренно и единодушно, то могутъ господствовать и надъ самимъ временемъ и въ случаѣ нужды созвать и другой сеймъ.

На третій день поутру Штакельбергъ явился опять къ Панину съ извѣстіемъ, что они никакъ не могли уговорить Унгерна повидаться съ русскимъ министромъ: онъ съ ужасомъ представляетъ себѣ гибельныя слѣдствія этого свиданія, если противная партія объ немъ узнаетъ, ибо каждый членъ секретнаго комитета даетъ присягу не видаться съ иностранными министрами. Впрочемъ Штакельбергъ увѣрялъ, что Унгернъ твердъ въ своемъ предпріятіи и въ доказательство показалъ собственноручную его записку, заключающую пункты, которые должны быть предложены Панину: 1) о вспоможеніи деньгами для посылки по провинціямъ, 2) чтобъ безъ потери времени русскимъ полкамъ велѣно было придвинуться къ шведскимъ границамъ; 3) издать въ Швеціи декларацію, что это движеніе направлено не противъ двора и народа, но противъ предосудительнаго союза Швеціи съ Франціею и Даніею. Унгернъ, по словамъ Штакельберга, увѣрялъ честію, что если посылкою по провинціямъ составится большинство голосовъ и въ тоже время придвинутся русскія войска, то надъ пятью сенаторами—Тессинномъ, Гепкенномъ, Пальмстерномъ, Эренрейсомъ и Вреде наряжена будетъ коммисія, и вдругъ переимѣнать систему.» Такія дѣла, возразилъ Панинъ, въ одинъ день не дѣлаются. Правда, я не вижу для

нихъ физической невозможности; но гдѣ же основанія и побудительныя причины, которыми можно было бы склонить русскій дворъ издать означенную декларацію? Данія въ союзѣ съ російскою имперіею, и дворъ императорскій не имѣеть никакого понятія, въ чемъ состоитъ здѣшній союзъ съ Франціею и Даніею, гдѣ его предосудительность русскимъ интересамъ. Правда, ея величество предпочитаетъ шведскую дружбу датской; но важность дѣла требуетъ особыхъ переговоровъ, я же во все пребываніе мое здѣсь съ генераломъ Унгерномъ кромѣ погоды ни о чемъ не разговаривалъ и хотя бы однажды имѣлъ честь слышать отъ его величества о желаніи возстановить тѣсную дружбу и согласіе между Россіею и Швеціею.»

Въ началѣ 1752 года произошло сильное столкновеніе между королемъ и сенатомъ: сенатъ большинствомъ голосовъ не утвердилъ офицеровъ, назначенныхъ королемъ, а король не утвердилъ офицеровъ, избранныхъ сенатомъ. Королевская партія все болѣе и болѣе чувствовала необходимость сблизиться съ Россіею; чувствовалъ это и самъ король, и Панинъ замѣчалъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находился Адольфъ Фридрихъ всякій разъ, какъ съ нимъ встрѣчался: онъ почти всегда краснѣлъ, глядя на него. Наконецъ въ апрѣлѣ король назначилъ Панину секретную аудіенцію: «Не какъ король, но какъ частный человѣкъ и пріятель вашъ, прошу увѣрить ея императорское величество въ моей совершенной преданности. Мнѣ давно хотѣлось повидаться съ вами; но вы сами знаете, какъ здѣсь примѣчаютъ всѣ мои движенія и мнѣ нельзя было этого сдѣлать, не возбудивъ подозрѣнія въ другихъ державахъ. Велѣдствіе довѣренности, какую питаю къ вамъ, не могу не припомнить о дѣлѣ несчастнаго Гольмера. Быть можетъ, при дворѣ императрицы думаютъ, что Гольмеръ, во время пребыванія своего при мнѣ, старался въ пользу французскаго интереса; но увѣрю васъ, что ничего подобнаго я въ его поведеніи не примѣтилъ. Я бы принялъ какъ новое благодѣяніе со стороны ея императорскаго величества, еслибы Гольмеръ былъ освобожденъ.» — «Я говорю, отвѣчалъ Панинъ, съ такимъ государемъ, который истину, правосудіе и честь предпочитаетъ всему, и я бы не оправдалъ довѣрія вашего величества, еслибы осмѣлился скрыть что-нибудь. Вотъ почему я заявляю предъ вашимъ величествомъ свое оскорбле-

ніе, что вы голмерово дѣло поставили новою пробою отноше- ній ея императорскаго величества, тогда какъ эти отношенія обо- значались не въ частныхъ дѣлахъ, а въ поступкахъ, касаю- щихся благополучія и пользы всего шведскаго народа. Вашему величеству извѣстно, что императрица не изволитъ вмѣшиваться въ голштинскія дѣла, и въ моей инструкціи предписано ни подъ какимъ видомъ до нихъ не касаться, чтобъ нисколько не стѣс- нять его императорское высочество въ законномъ управленіи оте- ческимъ наслѣдіемъ.» — «Я объ этомъ дѣлѣ говорилъ съ вами приватно», прервалъ его король, и, повторивъ увѣренія своей преданности къ императрицѣ, сказалъ: «Я знаю людей, которые всегда старались отвратить меня отъ дружбы къ ея величеству, и хлопотали, чтобъ я французскій интересъ предпочиталъ мо- ему собственному; но будьте увѣрены, что они меня не прове- дутъ. Впередъ я хочу имѣть съ вами дѣло непосредственно; но хотя я желалъ бы постоянно разговаривать съ вами такимъ об- разомъ какъ теперь, однако многія вамъ извѣстныя причины не позволяютъ мнѣ этого дѣлать часто, и потому прошу имѣть до- вѣріе къ сенатору Левенгелму, посредствомъ котораго я буду всегда въ состояніи съ вами изъясняться откровеннѣе, чѣмъ чрезъ министерство, а между тѣмъ время отъ времени и здѣсь въ ка- бинетѣ могу съ вами видѣться.»

Панинъ счелъ своею обязанностію представить императрицѣ свое мнѣніе по поводу этого разговора: «Такіе отзывы и заяв- ленія его величества могли бы убѣдить, что онъ уже совершен- но вступилъ на истинный путь, еслибъ мнѣ не было навѣрное извѣстно, какъ онъ еще мало изволитъ помышлять о своихъ су- щественныхъ выгодахъ; онъ только ищетъ, такъ сказать, свое- воля въ мелкихъ дѣлахъ, какъ-то въ раздачѣ нижнихъ чиновъ и должностей и тому подобномъ, гдѣ бы сенатъ ему не преко- словилъ. По моему мнѣнію, его величеству надобно еще боль- шія досады претерпѣть отъ сенаторовъ, чтобъ перемѣнить сущ- ность своихъ чувствъ. Ваше императорское величество сами усмотрѣть изволите, какъ онъ самъ себя открылъ приплетеніемъ голмерова дѣла; онъ думалъ, что простого выраженія склонно- сти съ его стороны достаточно для исходатайствованія всего того, что къ его выгодѣ служить можетъ; а еслибъ эта попытка ему удалась, то онъ сталъ бы считать позволенными себѣ всѣ

прихоти, не чувствуя нужды заслуживать знаки расположенія своимъ поведеніемъ».

Осенью Панинъ доносилъ: «Король ото всѣхъ дѣлъ отсталъ, и, уединясь въ Дротнингсгольмѣ съ малымъ числомъ придворныхъ, руководится болѣе страстнымъ упрямствомъ, нежели пристойностію и здравымъ разсужденіемъ; а противная партія этимъ пользуется къ его предосужденію и по провинціямъ указываетъ на его своеобычіе и упрямство, чтобъ публика поставляла свое спасеніе въ ней одной. Было бы гораздо приличнѣе и надежнѣе, еслибъ его величество внимательнѣе занялся дѣлами и противныя общей пользѣ сенатскія разсужденія обличалъ своими письменными голосами, которые потомъ предъ государственными чинами послужили бы важными обвиненіями противъ сенаторовъ. А теперь сенатъ свободно можетъ внушать: посмотрите, какъ король недоволенъ, что долженъ править государствомъ по совѣту сената, и предпочитаетъ совѣмъ покинуть дѣла, чѣмъ вести ихъ съ сенаторскаго согласія. Правда, для правильнаго и послѣдовательнаго веденія дѣлъ необходимъ хорошей и твердый планъ, а около короля нѣтъ людей, которые бы помогли ему въ составленіи и въ приведеніи въ исполненіе такого плана. Старые люди уже такъ знатны чинами и должностями, что не могутъ надѣяться болѣе никакихъ выгодъ отъ короля, а тѣ, которые въ малыхъ чинахъ и ждутъ своего счастья отъ короля, стараются ему угождать, льстить его страстнымъ желаніямъ и боются подавать полезные совѣты; да такихъ совѣтовъ отъ нихъ и требовать нельзя, потому что они люди молодые, неимѣющие достаточнаго свѣдѣнія въ дѣлахъ и не могутъ что-либо отъ себя представлять ни королю, ни королевѣ, которая еще своенравнѣе, чѣмъ мужъ, и думаетъ въ своемъ страшномъ гнѣвѣ на сенатъ, что такимъ королевскимъ удаленіемъ отъ дѣлъ не только сенатъ, но и всѣ дѣла чувствительно наказываются. Королева не можетъ преодолѣть своей ненависти къ французскому посланнику и его женѣ и какъ ни старается прикрыть ея вынужденными привѣтствіями, однако глаза часто измѣняются.»

Съ перемѣною въ шведскихъ отношеніяхъ со времени восшествія на престолъ Адольфа Фридриха измѣнялись и отношенія датскія. 25-го мая 1751 года датскому министру въ Петербургѣ графу Линару была сообщена нота, что до сихъ поръ всѣ ста-

ранія и представленія съ русской стороны при шведскомъ дворѣ имѣли единственною цѣлю сохраненіе тишины на сѣверѣ; новый король издалъ обнадеживаніе на счетъ сохраненія существующей правительственной формы, и потому императрица спѣшитъ сообщить датскому двору въ союзнической откровенности, что она этимъ обнадеживаніемъ и дальнѣйшими изъясненіями съ шведской стороны вполне довольна и успокоена. Линарь хлопоталъ, чтобъ окончены были какимъ-нибудь соглашеніемъ споры между его королемъ и наслѣдникомъ русскаго престола по шлезвигъ-голштинскому вопросу, и просилъ для этого посредничества императрицы. Въ іюлѣ сообщена была ему промеморія, что императрица съ совершенною благодарностію признаетъ союзническую надежду, которую датскій король полагаетъ на ея посредничество; она съ немалымъ удовольствіемъ желала бъ видѣть окончаніе переговоровъ о голштинскомъ дѣлѣ; но великій князь призналъ нужнымъ отложить это дѣло до другого времени, и потому императрица можетъ только обнадежить короля датскаго, что голштинскія распри ни теперь, ни въ будущемъ не будутъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на дружественныя отношенія ея величества къ Даніи и ни сколько ихъ не измѣнять. Легко понять, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ отвѣтъ въ Копенгагенѣ: датскіе министры говорили австрійскому посланнику графу Розенбергу, что изъ неясности отвѣта можно вывести то заключеніе, что великій князь старается протянуть дѣло до того времени, когда вступить на русскій престолъ и получить средства подкрѣпить свои претензіи оружіемъ. Печальныя слѣдствія такого положенія для спокойствія Сѣвера, да и великой части Европы можно предусматривать и потому король датскій почти принужденъ помышлять о системѣ, посредствомъ которой могъ бы привести себя въ безопасность отъ такой страшной грозы. Король увѣренъ, что императрица, какъ миролюбивая и о благѣ своихъ подданныхъ пекущаяся государыня ничего болѣе не желаетъ, какъ чтобъ этотъ камень преткновенія поскорѣе былъ отстраненъ и разорительная для обоихъ государствъ война была предупреждена; но здѣсь извѣстно, что великій князь нѣкоторыми людьми утверждается въ личномъ нерасположеніи къ датскому королю и потому остается нечувствителенъ ко всѣмъ предложеніямъ, сдѣланнымъ съ здѣшной стороны. Не малое уча-

стіе принимаетъ здѣсь прусскій король, который ничего такъ не желаетъ, какъ чтобъ русскій и датскій интересы были всегда раздѣлены и чтобъ оставалась причина къ будущимъ ссорамъ между обоими дворами ¹²⁷.

Заявленія о томъ, что императрица вполне довольна деклараціею новаго шведскаго короля, были вручены одинаково министрамъ всѣхъ дворовъ, находившимся въ Петербургѣ, и по этому случаю австрійскій посоль, въ письмѣ къ канцлеру Бестужеву, выразился, что обнадеживаніе, данное Адольфомъ Фридрихомъ, надобно приписать только твердымъ и мудрымъ распоряженіямъ императрицы всероссійской, и Марія Терезія велѣла ему поздравить Елисавету съ этимъ происшествіемъ, доставляющимъ безсмертную славу послѣдней.

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1753-й годъ.

Отъѣздъ Елисаветы въ Москву и положеніе этой столицы.—Пожаръ въ Головинскомъ дворцѣ.—Постройка новаго дворца.—Заговоръ Батурина.—Крестьянскія волненія.—Осторожность относительно пытки.—Распоряженія по поводу отмены смертной казни.—Мѣры противъ проволокки дѣлъ.—Финансовыя мѣры.—Учрежденіе банка для дворянства.—Уничтоженіе внутреннихъ таможенъ.—Заботы о шелковомъ производствѣ.—Дѣла на украинахъ.—Сближеніе канцлера Бестужева съ великою княгинею.—Назначеніе новаго канцлера въ Вѣнѣ, графа Кауница, и отзывъ о немъ Кейзерлинга.—Затруднительное положеніе русскаго министра Гросса въ Дрезденѣ въ слѣдствіе ссоры польско-саксонскаго правительства съ князьями Чарторыйскими.—Дѣятельность Гросса по дѣлу о православныхъ въ Польшѣ.—Переговоры по поводу наследства польскаго престола.—Переговоры относительно Пруссіи.—Отношенія шведскія отходить на второй планъ.—Начало переговоровъ съ Англіею о субсидіяхъ.—Дѣла турецкія.

Проходилъ трехлѣтній срокъ, и въ концѣ 1752 года Елисавета начала собираться въ Москву. На этотъ разъ она хотѣла посѣщать и старый кремль, почему лѣтомъ 1752 года въ немъ назначены были передѣлки и новыя постройки: архитекторы опредѣлили сломать палатки, которыя были придѣланы къ столовой палатѣ и въ которыхъ сидѣли секретари и приказные служители сенатской конторы. Но слѣдствіемъ этой сломки и вывода сенатской конторы былъ цѣлый рядъ перемѣщеній: подъ канцелярію сената велѣно было взять верхніе покои вотчинной коллегіи и конторы главнаго комиссаріата, а нижнія подъ комиссаріатскою конторою и подъ юстицъ-коллегіею палаты взять подъ сенатскій архивъ съ печатною конторою и типографіею;

вотчинную коллегію перевести въ нижніе департаменты бергъ и мануфактуръ-коллегіи; а комиссаріатскую контору помѣстить въ тѣхъ покояхъ, гдѣ былъ судный приказъ, судный приказъ вывести туда, гдѣ былъ сыскной приказъ, а послѣдній съ колодниками перевести на житный дворъ, у Калужскихъ воротъ; въ Кремлѣ острогъ и казармы въ сыскомъ приказѣ немедленно сломать и построить ихъ на калужскомъ житномъ дворѣ и впередъ въ находящихся въ Москвѣ, въ Кремлѣ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и конторахъ колодниковъ отнюдь не держать, отсылать ихъ въ новый острогъ на калужскомъ житномъ дворѣ или держать въ другихъ пристойныхъ мѣстахъ кромѣ кремля; ямскую контору перевести въ Охотный рядъ, въ палаты, гдѣ была полицмейстерская канцелярія, и вмѣстѣ съ ямскою конторою тамъ же умѣстить раскольническую контору и школу, въ которой обучаются архитектуріи ученики; а въ тѣ покои, гдѣ была ямская контора, перевести разрядный архивъ; находящихся при сенатѣ офицеровъ геодезіи и геодезистовъ, также и школу, въ которой обучаются коллегіи юнкеры, перевести въ палаты подъ ивановскою колокольнею, гдѣ былъ глобусъ.

Но прежде всего нужно было очистить кремль; подлѣ Успенскаго и Благовѣщенскаго соборовъ, предъ грановитую палатою и у краснаго крыльца были накладки груды кирпича и другихъ припасовъ, но кромѣ того щебню, разбитыхъ колоколовъ и всякаго сора было такое множество, что съ большимъ трудомъ можно было проходить. Сенатъ предписалъ своей конторѣ распорядиться немедленно уборкою всего этого: «исполнить самымъ дѣломъ, а не черезъ переписку,» иначе контора будетъ отвѣчать ¹²⁸.

Несмотря на свой печальный видъ, медленность съ какою оправлялась послѣ пожаровъ, Москва, по центральности своего положенія, выгоднаго въ промышленномъ и торговомъ отношеніи, привлекала къ себѣ много людей, которымъ нужно было запасть и предметами роскоши, и хорошими и дешевыми съѣстными припасами, и полѣчиться у хорошаго медика и купить книжекъ въ академической лавкѣ. Пудъ печенаго ржаного хлѣба стоилъ въ Москвѣ 26 копѣекъ, пшеничнаго 64; пудъ масла коровья 2 рубля 14 копѣекъ, постнаго 19 копѣекъ ведро; пудъ говядины 12 копѣекъ; сажень дровъ березовыхъ трехъаршинныхъ

1 рубль 60 копѣекъ; пудъ оловяной посуды 12 рублей. Люди, которые не могли имѣть крѣпостныхъ служителей платили работницѣ въ годъ по 3 рубля. Лучшее иностранное вино получалось въ погребѣ Маменторфа; въ это время вмѣсто венгерскаго вина начало входить въ моду шампанское, котораго бутылка стоила въ Москвѣ 1,30 к. Фунтъ чаю стоилъ 2 рубля; пудъ сахару 7,50 к.; кожа 5 рублей; пудъ осетровъ 1 рубль; пудъ бѣлуги 80 к.; пудъ икры 2,80 к.; пудъ меду 1 рубль 20 к.; воску 8,50 к.; пудъ ветчины 50 к. Извѣстный докторъ Монси бралъ по 15 червонныхъ за лѣченіе серьезныхъ болѣзней ¹²⁹.

18 сентября 1752 года императрица изволила указать, что намѣрена въ будущемъ декабрѣ отправиться въ Москву, куда должны слѣдовать синодъ, сенатъ, коллегіи иностранная, военная, штатсъ-контора, главная полицмейстерская канцелярія, дворцовая, монетная, ямская, придворная и конюшенная конторы и другія мѣста, которыя въ 1748 году бѣжали изъ Петербурга въ Москву. 16 декабря Елисавета выѣхала въ Москву, куда пріѣхала 19 числа. Въ Петербургѣ главноуправляющимъ остался сенаторъ адмиралъ князь Мих. Мих. Голицынъ.

Къ головинскому двору (т.-е. дому, ибо слово: дворець тогда еще не употреблялось), гдѣ, по обычаю, помѣстилась императрица въ Москвѣ, придѣланъ былъ осенью деревянный флигель для великаго князя и великой княгини. Флигель этотъ, состоявшій изъ 12 большихъ комнатъ, оказался чрезвычайно сыръ и неудобенъ, напримѣръ, въ уборной комнатѣ великой княгини были помѣщены ея придворныя дѣвицы и дамы съ ихъ прислугою, всего 17 человекъ, у которыхъ былъ одинъ выходъ черезъ спальню великой княгини. Императрица, пришедши къ великой княгинѣ и увидя, что двери ея спальни безпрестанно то открываются, то затворяются, служа единственнымъ выходомъ для 17 человекъ, велѣла сдѣлать въ ихъ комнатѣ дверь изъ окна съ лѣстницей на улицу, и бѣдныя дамы должны были за всякою бездѣлицею путешествовать по улицѣ. Отъ тѣсноты въ соседней комнатѣ и спальня великой княгини была наполнена насѣкомыми разнаго рода, которыя не давали спать ¹³⁰.

Съ возстановленіемъ кремлевскаго дворца было много хлопотъ; архитекторы князь Ухтомскій и Евлашевъ подали планы этого дворца при своихъ мнѣніяхъ, что нѣкоторые покои, ко-

торые находятся за золотой рѣшеткой, также площадки и подъ ними погребѣ такъ обветшали и большею частію обвалились, что и для осмотра въ тѣ мѣста войти нельзя, надобно ихъ разобрать до самыхъ нижнихъ фундаментовъ, и на мѣсто разобраннаго строенія никакому уже не быть для предохраненія другихъ покоевъ, потому что строеніемъ такъ затѣснено, что въ нижніе покои и воздухъ проходить не можетъ. Оберъ-архитекторъ Растрелли, осмотрѣвъ дворець, согласился съ мнѣніемъ кн. Ухтомскаго и Евлашева.

Въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ запрещено было строить деревянныя зданія и существующія велѣно сломать; но надобно было позаботиться о матеріалѣ для каменныхъ зданій. Генераль-прокуроръ предложилъ сенату отдать кирпичныя заводы въ вѣдомство московской губернской канцеляріи, которая должна неослабно смотрѣть, чтобъ кирпича производили все больше и больше, и чтобъ дѣлали и обжигали его прочно, особенно же, чтобъ заводчики не возвышали цѣны. Въ слѣдъ за этимъ предложеніемъ архитекторъ кн. Ухтомскій донесъ, что лѣтомъ велѣно производить разныя казенныя строенія, въ нѣмецкой слободѣ отстраивать для сенатской канцеляріи Лестоковъ домъ, въ кремлѣ сенатское помѣщеніе, соборъ Николая Гостунскаго, Никитскій монастырь, для чего надобно кирпича 900,000; на кирпичныхъ заводахъ, что подъ Донскимъ монастыремъ на лицѣ жженаго кирпича до милліона; необожженнаго болѣе четырехъ милліоновъ; но завѣдывающій дворцовымъ строеніемъ генераль-майоръ Давыдовъ запретилъ трогать этотъ кирпичъ, какъ предназначенный на дворцовое строеніе и къ заводамъ приставленъ караулъ. Ухтомскій просилъ на означенныя казенныя строенія взять кирпичъ отъ разобранныхъ стѣнъ Бѣлаго города. Сенатъ согласился.

Но прежде всего надобно было пообчистить древнюю столицу, въ которую, благодаря долговременному пребыванію двора, поѣхали представители иностранныхъ державъ. Генераль-прокуроръ объявилъ въ сенатѣ, что самъ видѣлъ онъ въ Китаѣ-городѣ близъ триумфальныхъ синодальныхъ воротъ на Никольской улицѣ пустыя каменные лавки иконнаго ряда, наполненныя счищеннымъ съ улицы навозомъ и грязью, отъ чего распространяется дурной запахъ. Сенатъ приказалъ очистить лав-

ки. Затѣмъ тотъ же генераль-прокуроръ объявилъ, что въ кремлѣ, на Ивановской площади и при коллегіяхъ, также около Ивановской колокольни страшная нечистота и грязь; послали указы съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, чтобъ грязь была очищена немедленно и впередъ не заводилась. Сама императрица приказала: триумфальныя синодальныя ворота на Никольской улицѣ разобрать, а украшеніями ихъ убрать Воскресенскія ворота, особенно сдѣлать пристойное украшеніе около того мѣста, гдѣ стоитъ образъ Богоматери (Иверскія); около Ивана Великаго сажень до 20 сдѣлать плитную площадь и украсить приличными рѣшетками, чтобъ внутрь могли ходить только пѣшіе; деревянное строеніе около церкви Казанскія Богородицы (на Никольской) отобрать; примѣчать такія мѣста, гдѣ скрываются воры и тому подобныя люди, очистить ихъ и сдѣлать ворота съ запорами; кабакъ, который стоитъ у каменнаго моста (на рву) къ Никольскимъ въ Кремлѣ воротамъ немедленно снять и поставить въ другомъ мѣстѣ.

Синодальныя триумфальныя ворота, т.-е. построенныя синодомъ ко дню коронаціи, велѣно сломать; но красныя триумфальныя ворота, сгорѣвшіе въ пожаръ 1748 году велѣно возобновить въ прежнемъ видѣ и на прежнемъ мѣстѣ архитектору кн. Ухтомскому, для чего штатсъ-контора должна была отпустить 16,000 рублей. Гдѣ по улицамъ было старое каменное и деревянное строеніе и, за уступкою заборовъ во дворъ, выдалось на улицу, велѣно сломать, а вмѣсто старыхъ, построенныхъ къ улицамъ заборовъ сдѣлать хорошія рѣшетки. Находящіеся противъ иконнаго ряда къ Спасскому монастырю каменныя лавки и ступени, которыми улица такъ стѣснена, что двумъ каретамъ едва проѣхать можно, велѣно сломать, а вмѣсто того сдѣлать каменную стѣнку на счетъ синодаланой экономической канцеляріи. Велѣно сломать у Пречистенскихъ воротъ каменныя лавки, которыя всѣ обветшали и набросана въ нихъ всякая нечистота и мерзость; по большимъ улицамъ въ лавкахъ наружно запрещено торговать гробами и прочею неприличностію, а пусть держать это внутри лавокъ.

Нижегородскій крестьянинъ, часовой мастеръ Семенъ Ивановъ подалъ прошеніе, что часы на Спасской башнѣ ходятъ очень неисправно; онъ можетъ ихъ исправить, если его опредѣлятъ

къ этимъ часамъ часовымъ мастеромъ, и обязывается всякія починки дѣлать изъ одного годового жалованья, почему прежнимъ мастерамъ давалось отъ губернской канцеляріи. Губернская канцелярія донесла, что за неимѣніемъ часового мастера держится часовщикомъ мастеровой оружейной палаты мѣднаго дѣла Паникадилщикова, который за неспособностію и пьянствомъ былъ и отрѣшенъ отъ этой должности, но, за смертію часового мастера, по необходимости опять опредѣленъ, а жалованья получаетъ по тридцати рублей въ годъ. Сенатъ приказалъ отдать часы Семену Иванову до будущаго усмотрѣнія.

Велѣли засыпать колодези на большихъ улицахъ и вмѣсто нихъ вырыть на дворахъ; сломать лубье; запрещено крыть дома соломой. Печальное состояніе знаменитаго Покровскаго собора (Василія Блаженнаго) заставило императрицу дать указъ Синоду: такъ какъ въ Покровскомъ соборѣ усмотрѣна крайняя нечистота, иконостасы и св. иконы всѣ обветшали и съ иконъ лики святыхъ послыняли, а можно думать, и въ прочихъ церквахъ такое же несмотрѣніе, то пусть св. синодъ пошлетъ всюду указы наблюдать въ церквахъ чистоту, поновлять иконостасы и св. иконы ¹³¹.

Но въ то время, какъ старались очищать и украшать Москву, 1-го ноября огонь истребилъ обширный Головинскій дворецъ, единственное зданіе, способное для императорскаго помѣщенія, хотя мы видѣли, какъ удобно помѣщались въ немъ великій князь и великая княгиня. Зданіе, несмотря на свою обширность, было деревянное, и въ три часа его какъ не было. Императрица переехала въ Покровскій дворецъ; великій князь и великая княгиня были помѣщены въ одномъ изъ большихъ домовъ Нѣмецкой слободы: этотъ большой по тогдашнему домъ состоялъ изъ девяти комнатъ, по которымъ вѣтеръ гулялъ свободно вслѣдствіе того, что рамы и двери на половину сгнили, между половицами были щели отъ трехъ до четырехъ пальцевъ, клопы и тараканы царствовали повсюду ¹³².

Рѣшено было немедленно же приступить къ построению новаго дворца на мѣстѣ сгорѣвшаго. Строевіе было поручено генераль-прокурору Трубецкому и сенатору Петру Ив. Шувалову; сенатъ распорядился, чтобъ высланы были въ Москву какъ можно скорѣе, на ямскихъ и уѣздныхъ подводахъ изъ Ярославля 300 плот-

никовъ, 70 каменщиковъ, 30 печниковъ; изъ Галича 200 плотниковъ, съ выборомъ самыхъ лучшихъ мастеровъ; всѣ частныя плотничныя работы въ Москвѣ запрещены; плотники получали при дворцовомъ строеніи 25 копѣекъ, а лучшіе 30 на день; столяры 30 копѣекъ, а лучшіе до 40, деньги выдавались понедѣльно безъ задержки, о чемъ и было опубликовано. Для возки лѣсныхъ припасовъ велѣно собрать съ Московскаго уѣзда подводы — со ста душъ по лошади съ роспусками и по человѣку съ топорами. Черезъ нѣсколько дней нашли, что можно удовольствоваться находящимися на лицо въ Москвѣ плотниками, и послали указы въ Ярославль и другіе города, что если плотники не высланы, то не высылать, а каменщиковъ и печниковъ выслать; выслать также штукатуровъ изъ Ярославля и Костромы, по 50 человѣкъ изъ каждаго города; во Владимірѣ велѣно заготовить доски сосновыл, вялыя и сухія ¹³³.

Пребываніе императрицы въ Москвѣ ознаменовано было еще другою неприятностію. Лѣтомъ великій князь Петръ Федоровичъ очень часто былъ на охотѣ. Однажды въ разговорѣ егеря сказали ему, что въ Бутырскомъ полку есть подпоручикъ Іоасафъ Батуринъ, который чрезвычайно преданъ его императорскому высочеству и говорить, что весь полкъ отличается тою же преданностію. Великому князю было очень пріятно это извѣстіе и онъ сталъ разспрашивать у егерей подробности о Бутырскомъ полку. Въ другой разъ егеря объявили великому князю, что Батуринъ проситъ позволенія представиться ему на охотѣ. Сначала великій князь колебался, но потомъ согласился, и однажды, когда великій князь на охотѣ въ лѣсу отѣхалъ отъ свиты, является передъ нимъ Батуринъ, бросается на колѣна и клянется, что признаетъ его одного своимъ государемъ и готовъ исполнить все что его высочество ему прикажетъ. Испуганный этими словами, великій князь прищпорилъ лошадь и скрылся изъ виду Батурина. Но черезъ нѣсколько времени тѣ же егеря испугали его извѣстіемъ, что Батуринъ схваченъ и находится въ тайной канцеляріи ¹³⁴.

Еще въ 1749 году въ военной коллегіи подъ арестомъ содержался *праздношатающійся* подпоручикъ ширванскаго пѣхотнаго полка Іоасафъ Батуринъ ¹³⁵. Этотъ праздношатающійся подпоручикъ, игрокъ, обремененный долгами, вздумалъ выйти изъ

своего затруднительнаго положенія государственнымъ переворотомъ, низверженіемъ съ престола Елисаветы и возведеніемъ на ея мѣсто великаго князя Петра Федоровича. Любопытно, что въ это самое время начали распускаться обвиненія противъ Алексѣя Григ. Разумовскаго съ цѣлю выставить великаго князя Петра жертвою злобнаго фаворита, и такимъ образомъ возбудить къ нему состраданіе въ народѣ. Разглашали, что Разумовскій составилъ команду изъ своихъ Малороссіянъ, которые губили Русскихъ; вывезъ изъ дворца старинныя вещи прежнихъ царей и отослалъ къ матери, которая отослала ихъ въ подарокъ въ Польшу; великаго князя Петра шесть разъ приводилъ къ смерти; держитъ при себѣ волшебниковъ Малороссіянъ (потому что у нихъ въ Малой Россіи много волшебниковъ), которые остудили наслѣдника съ императрицею. Начальники новой скопческой ереси также, съ своей точки зрѣнія, вооружались противъ Разумовскаго; сильныя выходки противъ него дѣлалъ въ своихъ писаніяхъ кюменегорскаго полка прапорщикъ Иванъ Поповъ, толковавшій, что великій князь Петръ возлюбилъ послѣдователей стараго благочестія, при немъ не будетъ войны; у Петра будетъ сынъ, также Петръ, воинъ сильный, который будетъ царствовать въ Мосохѣ, т.-е. въ Москвѣ и будетъ называться князь Розгимосохъ; жена у него будетъ Елена, рожденная въ селѣ близъ моря-океана, въ сѣверной странѣ, изъ простаго народа; потомства у этого Петра не будетъ, потому что Елена не будетъ съ нимъ жить по брачному обычаю и скоро умретъ; а Петръ другой жены себѣ не возьметъ, станетъ ходить по заповѣдямъ Господнимъ; Петръ будетъ и въ Иерусалимѣ, но умретъ въ Россіи. При Елисаветѣ малое число избранныхъ гонимо будетъ едва не въ конецъ. Еслибъ первый царевичъ (Алексѣй Петровичъ) не былъ убитъ, то благочестіе господствовало бы до конца свѣта.

Подобно прапорщику Попову, и подпоручикъ Батуриный счелъ нужнымъ для своихъ цѣлей вооружиться противъ Разумовскаго. Онъ подговорилъ прапорщика Ржевскаго, вахмистра Урнежевскаго, подпоручика Тыртова, гренадеровъ Худышкина и Кетова, двухъ пикеровъ дворцовой псовой охоты и суконщика Кенжина; уговаривалъ пикеровъ доложить великому князю, что можетъ онъ, Батуриный, подговорить къ бунту всѣхъ фабричныхъ,

также находящійся въ Москвѣ преображенскій батальонъ и лейбъ-компанцевъ. «Только бы его высочество далъ намъ знатную сумму денегъ, говорилъ Батуринъ, то заарестуемъ весь дворець, и Алексѣя Разумовскаго гдѣ ни найдемъ съ его единомышленниками, всѣхъ въ мелкія части изрубимъ за то, что отъ Разумовскаго долго коронаціи нѣтъ его высочеству; а государыню до тѣхъ поръ изъ дворца не выпустимъ, пока великій князь коронованъ не будетъ. И если на эту коронацію не согласятся архіереи, то мы принудимъ ихъ силою, вытащимъ, гдѣ бы они ни были, стануть противиться, то я самъ архіерею голову отрублю; а если бунтомъ нейти, то его высочеству коронаціи никогда не бывать, потому что Алексѣй Григорьевичъ не допускаетъ; поэтому я соберу хотя небольшое число людей, наряжу ихъ въ маски, и поймавъ Разумовскаго на охотѣ, изрубимъ, или другимъ способомъ смерти его искать будемъ. У меня уже собрано людей тысячь тридцать, да и еще наготовѣ тысячь съ двадцать; будутъ намъ помогать и большіе люди, графъ Бестужевъ, генералъ Апраксинъ».

Суконщику Кенжину Батуринъ внушалъ, чтобъ тотъ подговаривалъ всѣхъ фабричныхъ къ бунту, шелъ съ ними во дворець, захватилъ государыню со всѣмъ дворомъ, и графа Разумовскаго убилъ; при этомъ Батуринъ обнадеживалъ Кенжина выдачею суконщикамъ заработанныхъ денегъ и награжденіемъ, говорилъ, что онъ посланъ великимъ княземъ къ одному купцу взять 5,000 рублей денегъ и роздать фабричнымъ. Тыртову Батуринъ говорилъ, что у него фабричныхъ съ тридцать тысячъ, съ ними нагрянетъ ночью на дворець, государыню и весь дворъ заарестуетъ, Разумовскаго публично убьетъ: «Есть у меня именной указъ великаго князя убить Разумовскаго». Гренадерамъ Худышкину и Кетову Батуринъ говорилъ: «вотъ мы хотимъ короновать его императорское высочество, будьте къ тому склонны и объявите своей братьи гренадерамъ: которые будутъ къ тому склонны, тѣхъ его высочество пожалуетъ капитанскими рангами и будутъ на капитанскомъ жалованьѣ, какъ теперь лейбъ-компанія». Батуринъ, Урнежевскій, Тыртовъ и гренадеры прикладывались къ образу, клянясь, что если кто-нибудь изъ нихъ куда попадетъ, то не скажетъ ничего о заговорѣ.

Но прежде всего нужны были деньги, и Батуринъ съ Урнежев-

скимъ отправились къ купцу Ефиму Лукину; Батурина назвался оберъ-кабинетъ-курьеромъ и объявилъ, что присланъ отъ великаго князя съ приказомъ взять у него, Лукина денегъ 5000 рублей. Лукинъ отвѣчалъ, что недавно пріѣхалъ изъ Петербурга, великаго князя не видалъ, а не выдавъ его, денегъ не дастъ. Тогда Батурина написалъ къ великому князю записку латинскими буквами, гдѣ открывалъ о своемъ намѣреніи, хвалясь, что у него готово 50,000 людей. Суконщикъ Кенжинъ уже началъ подговаривать своихъ къ бунту, что, по его словамъ, было сдѣлать легко, потому что всѣ суконщики да и другіе фабричные были обижены своими хозяевами, которые не выплачивали имъ задѣльныхъ денегъ.

На докладъ о дѣлѣ Батурина резолюція императрицы не послѣдовало. Худышкинъ и Кетовъ посланы были въ крѣпостную работу въ Рогервикъ; Тыртовъ и Кенжинъ въ Сибирь на вѣчное житье; а Батурина вѣчно содержать въ Шлюссельбургѣ ¹³⁶.

Между крестьянами продолжались волненія и въ этомъ году. Московскаго уѣзда села Павловскаго крестьяне донесли на управителя Ивана и прикащика Алексѣя Матинскихъ, что они изъза взятокъ запустили доимку и отобрали сборщиковы книги. Назначенная по этому дѣлу комиссія донесла, что крестьяне жаловались напрасно, въ излишнихъ сборахъ виноваты ихъ выборные старосты и сборщики; Матинскіе виноваты только въ томъ, что взяли себѣ въ почесть 160 рублей. Сенатская контора на этомъ основаніи рѣшила: съ крестьянъ доимку взыскать, да и съ Матинскихъ взять 160 рублей въ счетъ этой доимки; но когда былъ посланъ въ Павловское указъ объ этомъ, то изъ крестьянъ челоуѣкъ до 300, выслушавъ указъ, отреклись повиноваться и объявили, что у нихъ всѣ деньги на Матинскихъ, и не 160 рублей, а близъ 3000, что судомъ они недовольны и пойдутъ всѣ поголовно въ сенатъ, а деревни Чесноковой крестьянинъ Еремѣевъ называлъ поручика, объявлявшаго указъ, разорителемъ, за что поручикъ посадилъ его подъ караулъ и на другой день, при собраніи всей волости, хотѣлъ наказать батогами; но крестьяне не выдали Еремѣева, бранили поручика и команду, солдатъ всѣхъ по рукамъ разобрали и многихъ перебили; управителя и прикащика всячески ругали и хотѣли вытащить изъ сѣней и бить, также и земскому отъ вотчинныхъ дѣлъ

отказали. Сенатская контора послала съ указомъ своего солдата; но крестьяне не допустили священниковъ росписаться въ приемъ указа, съ двора отъ прикащика согнали и закричали единогласно: «мы по этому указу денегъ платить не станемъ до тѣхъ поръ, какъ дождемся изъ Петербурга посланныхъ отъ всей волости просителей.» Сенатъ велѣлъ старостѣ и крестьянъ, главныхъ виновниковъ непослушанія, забрать въ Москву, изслѣдовать, и тѣхъ, кто явятся заводчиками, бить кнутомъ, а прочихъ высѣчь плетью нещадно. Оказалось по слѣдствію достойными кнута 17 человекъ выборныхъ старостѣ и крестьянъ; для наказанія плетью остальныхъ отправлена была команда во 100 человекъ, чтобъ не произошло «вящихъ какихъ противностей.»

Сенатъ лишилъ всѣхъ чиновъ съ неопредѣленіемъ впредь ни къ какимъ должностямъ воеводу, уличеннаго въ поноровкѣ возмущившимся крестьянамъ: крестьяне села Сороколѣтова, приписные къ заводу тульского купца Лугинина возмущились, и чтобъ быть безопасными со стороны мѣстныхъ властей, послали бѣлевскому воеводѣ Жедринскому 5 рублей денегъ; но скоро отъ воеводы пріѣхалъ къ нимъ деньщикъ съ такими рѣчами: «Если дадите еще 6 рублей, то не опасайтесь.» Крестьяне дали 6 рублей воеводѣ, да деньщику 2 рубля. Послѣ того староста ихъ съ другимъ крестьяниномъ, пріѣхавши въ Бѣлевъ, были у воеводы, объявили ему, что не слушаются Лугинина, на работу къ нему нейдутъ, и дали воеводѣ 2 рубля да 2 четверти овса, и онъ велѣлъ имъ подать доношеніе, а подъ караулъ не взялъ, хотя уже отъ Лугинина была подана просьба. Когда крестьяне уже прогнали посланную противъ нихъ команду, староста ихъ былъ у воеводы по дѣлу о выборѣ уѣздныхъ соцкихъ и пятидесяцкихъ, принесъ денегъ рубль да барана: воевода и тутъ не задержалъ его.

Наказывая воеводу, который мирволилъ бунтовавшимъ крестьянамъ, сенатъ въ то же время объявлялъ, что онъ знаетъ о притѣсненіяхъ, которыя дѣлаются крестьянамъ и грозилъ наказаніемъ притѣснителямъ: «Понеже сенату извѣстно учинилось, что въ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ, при дачѣ крестьянамъ покормежныхъ печатныхъ паспортовъ, чинится великая волокита и берутъ взятки, того ради приказали подтвердить наикрѣпчайшими указами, чтобъ впредь ни-

малой волокиты, приметокъ и задержекъ чинено не было подь опасеніемъ не малаго истязанія и штрафа. Понеже сенату не безызвѣстно, что при взятѣ съ крестьянъ подушныхъ денегъ опредѣленные къ тѣмъ сборамъ чинить великія волокиты и берутъ взятки, то приказали подтвердить наикрѣпчайшими указами, чтобъ не дерзали такъ поступать.»

Дѣйствуя въ духѣ времени, въ духѣ царствованія, сенатъ при слѣдствіяхъ о крестьянскихъ возмущеніяхъ соблюдалъ осторожность относительно пытокъ. Подполковникъ Лялинъ, находившійся въ Брянскѣ у слѣдствія надъ бѣглыми крестьянами Гончарова, писалъ, что виновные крестьяне и прикосновенные къ дѣлу посадскіе и прочіе чины, зная, что по указу сената, розыска дѣлать не велѣно, правды не говорятъ и только время продолжаютъ; Лялинъ спрашивалъ, какъ съ такими поступать, пытать ихъ или пристрачивать батогами? Сенатъ отвѣчалъ: кто именно по доказательствамъ въ противностяхъ оказались подлежащими пыткѣ и по какимъ подлиннымъ обстоятельствамъ и правильнымъ резонамъ, о томъ сдѣлавъ экстрактъ, показавъ о каждомъ человѣкѣ порознь съ выписками приличныхъ указовъ и съ приложеніемъ собственнаго мнѣнія, прислать въ сенатъ на разсмотрѣніе, ибо безъ того точнаго рѣшенія положить нельзя ¹³⁷.

Любопытенъ также докладъ сената императрицѣ по поводу знаменитаго указа 1744 года. «По этому указу, пишетъ сенатъ всѣ натуральной и политической смерти экзекуціи остановлены и повелѣно о такихъ осужденіяхъ докладывать вашему им. величеству. О такихъ колодникахъ присланы въ сенатъ экстракты: объ осужденныхъ на натуральную смерть за смертныя убійства о 110 человѣкахъ; за воровства, разбои и прочія вины о 169 человѣкахъ, да объ осужденныхъ же за разныя вины съ вырѣзаніемъ ноздрей на каторгу вѣчно о 151 человѣкѣ, итого о 430 человѣкахъ. Да по присланнымъ же въ сенатъ отъ прокуроровъ и изъ нѣкоторыхъ командъ и отъ ревизоровъ рапортамъ (кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ прокуроровъ не опредѣлено, и провинцій, и приписныхъ городовъ и нѣкоторыхъ же воинскихъ командъ) показано содержащихся колодниковъ 3579 человѣкъ, о которыхъ дѣла слѣдствіемъ и розысками еще не окончены, изъ которыхъ сенатъ уповаетъ и осужденнымъ на натуральную и политическую смерть и съ вырѣзываніемъ ноздрей вѣчно на

каторгу быть не малому числу, да и всегда оные быть могутъ, которые всѣ собственному вашему импер. величества разсмотрѣнію подлежать будутъ. А понеже ваше имп. величество и кромѣ онаго какъ иностранными, такъ и внутренними о распорядкахъ государственныхъ и прочихъ дѣлами высочайшею своею персоною довольно утруждены; къ тому жъ ежели и о вышеписанныхъ колодникахъ, а именно о каждомъ вашему импер. величеству отъ сената докладывать, то никакъ время къ тому доставать не будетъ, и колодники часъ отъ часу будутъ умножаться. и между тѣмъ чинить утѣчки и караульныхъ приводить къ пыткамъ и наказаніямъ, что уже дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по дѣламъ и оказалось; вѣдая же сенатъ совершенно высочайшее соизволеніе, чтобъ и за смертныя преступленія натуральною смертію никого не казнить: того ради всеподданнѣйше сенатъ просить, не соизволитъ ли ваше импер. величество высочайшій свой указъ единожды пожаловать, какое вышеозначеннымъ колодникамъ наказаніе чинить. Притомъ же сенатъ приемлетъ смѣлость и то донести, ежели ваше импер. величество соизволите указать за смертныя убійства такое наказаніе чинить, какъ въ указѣ за убійство и грабежъ шведскихъ подданныхъ учинить повелѣно, а именно, отсѣчь по правой рукѣ, и вырѣзавъ ноздри, ссылатъ въ вѣчную работу, но такіе безрукіе ни къ какимъ уже работамъ дѣйствительны быть не могутъ, но токмо туне получать себѣ будутъ пропитаніе. Того ради не соизволитъ ли ваше импер. величество повелѣть подлежащихъ къ натуральной смертной казни, чиня жестокое наказаніе кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, поставить на ябу В, а на щекахъ на одной О, а на другой Р, и заклепавъ въ ножные кандалы, въ которыхъ быть имъ до смерти ихъ, посылать въ вѣчную тяжелую и всегдашнюю работу, а рукъ у нихъ не сѣчь, дабы они способѣ въ работу употребляемы быть могли.» На докладъ послѣдовала такая резолюція: «Быть по сему; токмо женамъ и дѣтямъ осужденныхъ въ вѣчную работу или въ ссылку и въ заточеніе, по силѣ указа отца нашего 1720 года августа 16 дня, давать свободу, кто изъ нихъ похочетъ жить въ своихъ приданныхъ деревняхъ; буде же изъ таковыхъ женъ пожелаетъ которая идти за мужъ, таковымъ, съ соизволенія синода, давать

свободу, а для прочитанія ихъ и дѣтей ихъ давать изъ недвижимаго и движимаго мужей ихъ имѣнїя указную часть ^{138.}»

Число арестантовъ усиливалось также проволочкою слѣдственныхъ комиссій въ слѣдствіе того, что обвиняемые подавали безпрестанно подозрѣнїя на лицъ, назначенныхъ къ присутствію въ комиссіяхъ именно съ цѣлю протянуть слѣдствіе въ безконечность. Петръ Ив. Шуваловъ, поставивъ это на видъ сенату, предложилъ навести справку, сколько со вступленія на престолъ Елисаветы учреждено слѣдственныхъ комиссій и сколько изъ нихъ приведено къ окончанію; въ тѣхъ, которыя продолжаются, сколько по подозрѣнію, поданному отъ обвиняемыхъ перемѣнено слѣдователей; причина продолжительности комиссій откроется, окажется, что злодѣи вымышленными доносами не допускаютъ ихъ до окончанія; а когда откроется причина, то можно будетъ ее пресѣчь, этимъ число ложныхъ доносителей уменьшится, а невинные будутъ свободны отъ напраснаго мучительства и разоренія. Сенатъ согласился.

По донесенію прокурора, въ судномъ приказѣ теченіе дѣлъ остановилось за несогласіемъ присутствующихъ. Сенатъ поручилъ юстицъ-коллегіи наблюдать надъ суднымъ приказомъ, чтобъ теченіе дѣлъ въ немъ не останавливалось. Сенатъ долженъ былъ вооружиться противъ преступленія, уже предусмотрѣннаго уложеніемъ и послѣдующими указами, повелѣвавшими, чтобъ истцу и отвѣтчику передъ судьями искать и отвѣчать вѣжливо, смиренно, не шумно, никого не злословить, не укорять какимъ бы то ни было касающимся чести оклеветаніемъ. Но теперь въ челобитной, поданной въ юстицъ-конторѣ, мичманъ Никита Пушкинъ назвалъ противника своего комиссара Крекшина извѣстнымъ воромъ и проклятымъ матерью сыномъ, а Крекшинъ Пушкина въ своей челобитной назвалъ воромъ и смертоубійцею, чего оба доказать не могли. Сенатъ приказалъ посадить обоихъ на мѣсяць въ тюрьму и публиковать во всенародное извѣстіе, чтобъ другіе не смѣли того же дѣлать ^{139.}

Проволочка дѣлъ была невыгодна и въ финансовомъ отношеніи, замедляла сборъ пошлинъ. Петръ Ив. Шуваловъ въ то же за сѣданіе, когда жаловался на проволочку слѣдственныхъ комиссій, представилъ, что въ судебныхъ мѣстахъ полагаются съ исковъ пошлины, но всѣ ли они взысканы или не взысканы и

нѣтъ ли въ томъ какого упущенія—о томъ неизвѣстно: такъ не угодно ли будетъ изъ всѣхъ находящихся въ Москвѣ судебныхъ мѣстъ собрать вѣдомости, сколько положено взыскать пошлинь и сколько ихъ взыскано, и которыя остались не взысканными, то зачѣмъ? Сенатъ, разумѣется, согласился.

Мы видѣли, какъ чрезъ отысканіе новаго источника добыванія соли уничтожено было затрудненіе относительно добыванія и доставки пермской соли. Теперь нашли возможнымъ старорусскіе соляные заводы, на которые въ Новгородской губерніи дровъ готовилось по 120,000 сажень, а соли вываривалось до 216813 пудовъ въ годъ, для избѣжанія траты лѣсовъ, вовсе уничтожить, а Петербургъ, Кронштадтъ, Шлюссельбургъ, Новгородъ, Ладогу, Луки Великія, Торопецъ, Псковъ, Тихвинъ, Порховъ довольствоваться одною пермскою солью, которая уже не шла въ другія мѣста, довольствуемая элтонскою солью. Но надобно было постоянно бороться съ препятствіями въ доставкѣ элтонской соли по общимъ условіямъ русской народной жизни и по мѣстнымъ условіямъ восточной украины. Соляные подрядчики подали жалобу: наемные на соляныя суда рабочіе, взявъ у нихъ напередъ задатки и не вступя въ работу, а другіе, оставя въ пути суда съ казенною солью и покинувъ свои паспорта, убѣгають. Рабочіе выдумали такой способъ: договариваются они съ подрядчиками на все лѣто рублей за десять и больше, и въ то число по тамошнему обыкновенію непременно берутъ напередъ въ задатокъ половину, а другая половина представляется имъ на пищу, порукъ же по себѣ никакихъ не имѣють кромѣ того, что отдають хозяевамъ печатные свои паспорта, а потомъ увидали они, что имъ по окончаніи лѣта и по поднятіи тяжелой работы изъ остальной половины въ дома свои уже принести нельзя столько, сколько напередъ задатку берутъ, и разсудили, что лучше сначала, ничего не работавъ, возвращаться домой съ пятью рублями, чѣмъ пропустя лѣто съ малою прибылью; печатные же паспорта оставить у хозяевъ имъ никакого страха нѣтъ, ибо когда возвращаются домой никто у нихъ не спрашиваетъ, гдѣ они были и паспорта свои гдѣ оставили. Иные изъ нихъ пошли въ воровство, разбиваютъ суда и отнимають у работниковъ паспорта, у одного человѣка паспорта по два и по три, съ которыми вторично и третично въ работы нанима-

ются для получения нѣсколько разъ задатка; подрядчикамъ отъ этого разоренье, и соляному промыслу остановка, ибо рабочіе уже не по 5 и 10, а по 70 человекъ съ одного судна бѣгаютъ. Сенатъ приказалъ ловить бѣглыхъ, бить плетями и опредѣлять на суда къ зарабатыванію подрядной платы; но легко ли было исполнить это приказаніе?

Не дѣйствительнѣе было распоряженіе сената и по жалобѣ соляного элтонскаго комиссарства, которое доносило: лѣтомъ вольные поставщики соли съ элтонскаго озера въ саратовскіе и дмитровскіе магазины подвергались грабительству отъ кочующихъ по луговой сторонѣ калмыковъ, которые отгоняли у нихъ лошадей, воловъ и дѣлали другія наглые озарничества, и опасно, чтобъ этими грабительствами не отвратить охотниковъ отъ вывозки соли. Писали къ находящемуся у калмыцкихъ дѣлъ полковнику Спицыну, а тотъ отвѣчаетъ, что за непоказаніемъ, чьихъ именно улусовъ пограбившіе калмыки взыскать не безсумнительно и для того бы впредь развѣдавъ писать обстоятельно, какого подлинно владѣльца калмыки разбойничали. Но такой отвѣтъ Спицына никакой пользы принести не можетъ, ибо въ случаѣ воровства узнать никакъ нельзя, какому зайсангу принадлежатъ воры, калмыковъ по луговой сторонѣ кочуетъ множество; они русскимъ людямъ, которыхъ грабятъ, о себѣ не скажутъ, а грабленнымъ, будучи отъ нихъ въ смертномъ страхѣ, о именахъ ихъ и о владѣльцахъ по рожамъ ихъ узнавать невозможно. Да хотя бы отъ калмыковъ и грабительствъ не было, то не слѣдуетъ имъ кочевать вблизи той дороги, которою за солью ѣздить, потому что въ соляномъ сборѣ бываетъ множество воловъ и лошадей, которымъ надобенъ полевой кормъ, и отъ калмыцкаго кочевья и потравъ русскіе люди, ѣздящіе за солью, терпятъ большую нужду. Сенатъ приказалъ написать намѣстнику калмыцкаго ханства, чтобъ грабительствъ не было и пограбленное было возвращено; о томъ же, допускать ли калмыковъ до кочевья, рѣшить въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Съ другимъ казеннымъ товаромъ, виномъ было не мало заботъ по причинѣ корчемства. Ассессоръ Надѣвинъ донесъ, что по извѣстіямъ о находящихся близъ города Карачева винокуренныхъ частныхъ заводахъ ѣздилъ онъ для искорененія корчемства съ командою, состоявшею изъ 12 человекъ гусаръ; но при осмотрѣ

винокуренныхъ заводовъ напало на него человекъ болѣе 100 съ винокуренымъ заводчикомъ Морякинымъ и одного гусара убили; Надѣинъ сталъ отстрѣливаться, но толпа все увеличивалась подходившими изъ лѣсу людьми; на помощь къ разбойникамъ прѣхалъ и карачевской таможни выборный ларечный Бочаровъ съ цѣловальниками, человекъ болѣе 30; съ крайнею нуждою Надѣинъ ушелъ въ Карачевъ и немедленно потребовалъ отъ воеводы прибавочной команды, но тотъ не далъ.

Не смотря на затрудненія при продажѣ соли, въ 1753 году отчислено было прибыльныхъ денегъ въ пользу положенныхъ въ подушный окладъ 326,000 рублей, въ слѣдствіе чего съ каждой души велѣно было собирать пятью копѣйками менѣе. Къ концу года на монетныхъ дворахъ въ Москвѣ и Петербургѣ было золота и серебра 1,597,161 рубль 84 коп.

Мы видѣли, что въ 1733 году императрица Анна велѣла монетной конторѣ давать займы деньги всякаго чина людямъ за 8 процентовъ въ годъ съ залогомъ въ золотѣ или серебрѣ. Послѣ нѣкоторыя другія учрежденія начали дѣлать тоже для увеличенія своихъ доходовъ; но какъ видно эти ссуды были незначительны и не ослабляли того зла, на которое жаловалась императрица Анна, заимодавцы продолжали давать деньги за такіе проценты, какихъ во всемъ свѣтѣ не платили, и неудивительно, ибо страховая премія, въ слѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія правосудія, не могла очень понизиться съ 1733 года, да и количество капиталовъ не могло очень увеличиться. 7 мая 1753 года императрица Елисавета велѣла сенату, для уменьшенія во всемъ государствѣ процентныхъ денегъ, учредить государственный банкъ изъ казенной суммы для дворянства, принявъ всѣ предосторожности, чтобъ деньги могли быть надежны къ возвращенію. Такъ какъ сенату было извѣстно, что деньги отдаются въ проценты изъ адмиралтейской коллегіи, изъ главнаго комиссаріата, изъ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи и изъ монетной канцеляріи, то онъ прежде всего велѣлъ этимъ мѣстамъ подать вѣдомости — по скольку въ годъ отдается денегъ изъ казны займы, изъ какихъ именно доходовъ, по какимъ указамъ, по скольку берется въ годъ процентовъ, какимъ чинамъ раздаются деньги и что берется въ закладъ.

Въ описываемомъ году сенатъ разрѣшилъ любопытный рас-

ходъ: выдано было 3000 ефимковъ ревельскому почтмейстеру Гофману, который билъ челомъ, что дѣдъ его Фирштентъ разорился, давая въ займы деньги содержавшемуся въ Ревелѣ въ плѣну фельдмаршалу герцогу фонъ Кроа, проигравшему нарвскую битву. Сенатъ потребовалъ справокъ у иностранной коллегіи, которая представила переводы съ писемъ фонъ Кроа къ Петру Великому, Меншикову и другимъ; между прочимъ въ одномъ письмѣ говорилось: «о случаѣ подъ Нарвою герцогъ не вѣдалъ, пока подъ самымъ окопомъ были (Шведы); Шереметевъ никакой вѣдомости не принесъ какъ что чинится; а какъ Шведы пришли, то ушелъ онъ съ своею конницею и не пришелъ до боя: что жъ могъ герцогъ вѣще чинить, когда всѣ солдаты поушли»¹⁴⁰.

Сдѣланъ былъ другаго рода расходъ: выдано было 30,000 р. графу Петру Ив. Шувалову за изысканіе способа къ умноженію кабацкихъ и соляныхъ доходовъ. Неутомимый сенаторъ не успокоивался. Въ засѣданіи 16 марта онъ говорилъ своимъ товарищамъ, что еще 7 сентября прошлаго года подалъ въ сенатъ письменное предложеніе о пошлинахъ, собираемыхъ съ продажнаго крестьянами хлѣба и другого ихъ издѣлья, о собираніи съ нихъ мостовщины и о прочемъ, при чемъ показано, какія крестьянство терпитъ отъ того обиды; предлагалось все это обдумать и сдѣлать другое положеніе, чтобъ крестьянство могло получить облегченіе и освободиться отъ обидъ, для чего и вѣдомости собраны. Такъ не соизволить ли прав. сенатъ теперь приступить къ разсужденію, чтобъ уничтожить всѣ внутренніе сборы въ таможенныхъ и канцеляріяхъ, усиливъ портовые и пограничные таможенные сборы, отъ чего произойдутъ такіа полезныя слѣдствія: чрезъ уничтоженіе множества сборовъ народъ освободится отъ излишняго отягощенія и задержекъ; во всѣ внутреннія таможи и къ канцелярскимъ сборамъ опредѣляется большое число купцовъ, которые во время бытности у сборовъ не имѣютъ возможности заниматься своею торговлею; благодаря этимъ сборамъ происходятъ во всѣхъ мѣстахъ продолжительные счеты, отъ чего многіе люди несутъ крайніе убытки и разоренія, начинаются слѣдствія и многіе держатся подъ каруломъ. Сенатъ приказалъ сдѣлать краткую вѣдомость о сборахъ. 23 іюля Шуваловъ объявилъ, что онъ на время уволенъ императрицею отъ присутствія въ сенатѣ для излѣченія болѣзни и

хочетъ употребить это время на пересмотръ извѣстій о таможенныхъ доходахъ, и потому просилъ, если какія извѣстія присланы въ сенатъ, то отправить ихъ къ нему. Сенатъ согласился ¹⁴¹.

18 августа Шуваловъ сообщилъ сенату результаты своей работы надъ таможенными извѣстіями. Разнаго званія внутреннихъ сборовъ по пятилѣтней сложности 903537 рублей, изъ таможенъ пограничныхъ привозится и вывозится товаровъ на 8911981 рубль; если сумму 903537 рублей разложимъ на означенный товаръ, то придется на рубль положить по 10 коп. $\frac{1}{8}$ съ дробями; если съ привозныхъ и отвозныхъ товаровъ брать по 13 копѣекъ съ рубля, то придетъ сверхъ желаемой суммы 255020 рублей. «Черезъ сей способъ, писалъ Шуваловъ, неописанное зло и бѣдство, которое происходитъ крестьянству и купечеству такъ и многимъ, конецъ свой возьметъ, ибо ежели себѣ токмо представимъ приметки и грабежъ, который отъ сборщиковъ бываетъ въ разныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, то довольно увѣряетъ тѣхъ бѣдствъ и зла пресѣченіе, не токмо неповинныхъ, кои съ правдою страдаютъ, но и самыхъ злодѣевъ, склонныхъ и привычныхъ къ тому, отъ погибли ихъ за неимѣніемъ случая произвестъ зла по склонности его избавляеть, развѣ на другое какое зло обращеніе имѣть будетъ то погибнетъ. Сколько жъ освободятся всѣ мѣста отъ умноженныхъ бумагъ, слѣдствіевъ безконечныхъ, а судьи, хотя иногда иные и не съ умыслу, отъ непорядочныхъ приговоровъ, а тѣмъ отъ штрафовъ и наказанія освободятся жъ и самому сенату великое число умаленія дѣлъ послѣдуетъ, которое весьма нужно. Главная государственная сила состоитъ въ народѣ, положенномъ въ подушный окладъ. Въ такомъ случаѣ уже самая необходимость оный народъ на планъ разсужденія (возводить?) ибо представить и прилежно разсмотрѣть (должно) дабы чрезъ что-либо не пришелъ въ крайнюю слабость; отъ чего и нынѣшнее его состояніе рушиться можетъ: когда же сей народъ облегченъ будетъ въ разныхъ его обстоятельствахъ, а особливо отнять бы тѣ случаи, которые отъ сборщиковъ безчеловѣчными поступками при сборахъ съ крайнимъ отягощеніемъ и разореніемъ бывають, то оиъ дѣйствительно много въ сильнѣйшее состояніе придетъ, что жъ (чѣмъ) болѣе въ состояніи будетъ, то неоспоримо су-

губая сила во время надобности готова. Примѣры: надлежить взять пошлинѣ полушка или деньга, а цѣловальники берутъ вмѣсто полушки деньгу, а за деньгу три полушки или копѣйку, да и въ дробяхъ расчислить не можно, а буде давать не станутъ, то снимають шапки и отбирають рукавицы и опояски. Крестьянинъ везетъ на продажу отъ Троицы въ Москву возъ дровъ, за который возьметъ 15 или 20 копѣекъ, и изъ того числа заплатитъ въ Москвѣ пошлины, въ оба конца мостовья, да себя съ лошадыю будетъ содержать, и затѣмъ едва ли привезетъ домой половину, а въ зимнее время будетъ платить еще пролубное ¹⁴².

Выслушавши это предложеніе, сенатъ приказалъ: подать ея импер. величеству докладъ съ представленіемъ, что сенатъ то его г. сенатора представленіе во всемъ за наименѣе полезнѣйшее признаваетъ и трудъ сего государственнаго дѣла безъ похвалы оставить не можетъ, и для того бы оное начать собирать января съ 1-го числа 1754 года и о томъ заблаговременно публиковать ¹⁴³. 18 декабря императрица утвердила докладъ сената объ уничтоженіи внутреннихъ таможенныхъ и всѣхъ семнадцати мелочныхъ сборовъ; товары должны были оплачиваться въ однихъ портовыхъ и пограничныхъ таможахъ по 13 копѣекъ съ рубля вмѣсто прежнихъ 5 копѣекъ ¹⁴⁴. Такъ произошло одно изъ важнѣйшихъ явленій въ русской жизни. Русская земля была давно собрана, но внутреннія таможи разрывали ее на множество отдѣльныхъ странъ; уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ Елисаветою заканчивалось дѣло, начатое Иваномъ Калитой.

Въ то время какъ Петръ Ив. Шуваловъ проводилъ въ сенатѣ дѣло объ уничтоженіи внутреннихъ таможенъ, генераль-прокуроръ князь Трубецкой хлопоталъ о поддержаніи и усиленіи шелковыхъ фабрикъ. По его предложенію сенатъ запретилъ пропускать изъ Астрахани шелкъ за границу, потому что русскія шелковыя фабрики терпятъ въ немъ недостатокъ. Мануфактуръ-коллегія представила, что разными купцами привезено шелку въ Москву 1306 пудъ, а отъ шелковыхъ фабрикантовъ объявлено, что имъ въ годъ шелку сырцу надобно 1387 пудъ, а теперь у нихъ на лицо 338 пудъ: поэтому привозимый астраханскими мѣщанами и персидскими Армянами шелкъ, сколько по

подпискамъ фабрикантовъ нужно, купить весь, часть денегъ заплатить, собравши съ фабрикантовъ, остальное выдать изъ казны, ибо фабриканты всего шелку за готовые деньги купить не могутъ, послѣ чего фабрикантамъ брать шелкъ изъ казны, сколько кому и когда потребно будетъ за готовые деньги, а не въ долгъ. Сенатъ согласился. Потомъ мануфактуръ-коллегія донесла сенату, что на шелковыхъ фабрикахъ въ рисовальныхъ и красильныхъ мастерахъ не малая нужда, ибо имѣющіеся рисовальщики сочиняютъ рисунки только съ вывозныхъ изъ-за моря образцовъ, а сами безъ образца рисунка сочинить не могутъ: не приказано ли будетъ мануфактуры дѣйствительными мастерами удовольствоваться, отъ чего государству была бы слава, а фабрикантамъ польза, выбравши изъ находящихся въ школахъ учениковъ четыре человека способныхъ къ рисованію, послать ихъ для изученія рисовальнаго и красильнаго мастерства въ иностранныя государства на казенный счетъ. Послѣдній пунктъ не понравился сенату; онъ приказалъ: мануфактуръ-коллегіи призвать фабрикантовъ и объявить, чтобъ они выписывали мастеровъ изъ иностранныхъ государствъ сами на свой счетъ ¹⁴⁵.

Шелковыя фабрики нуждались въ иностранныхъ рисовальщикахъ и красильщикахъ; но были фабрики, которыя доставляли вещи, неизвѣстныя въ Европѣ. Петербургскія вѣдомости печатали извѣстія изъ Москвы, что троицкихъ мѣдныхъ заводовъ содержатель и фабрикантъ Алексѣй Турчаниновъ представленъ былъ императрицѣ съ произведеніями этихъ заводовъ, металлическими сосудами и разными вещами голубого, пурпуроваго, малиноваго, зеленоватаго и померанцеваго цвѣтовъ, которыхъ въ Европѣ донинѣ не видано. Ея величество за такіе усердные въ пользу отечества труды и достохвальное искусство пожаловала Турчанинова въ титулярные совѣтники. Въ то же время вошли въ моду фарфоровыя табакерки въ формѣ запечатаннаго пакета съ адресомъ. Бергъ-мейстеръ Виноградовъ объявилъ въ вѣдомостяхъ всеѣмъ знатнымъ особамъ, а особливо придворнымъ обоюго пола, которые желаютъ имѣть такія табакерки, присылать въ Петербургъ къ совѣтнику монетной канцеляріи Шлаттеру формуляры, какую кто хочетъ подпись и на какомъ языкѣ; цѣна за табакерку съ надписью, кромѣ обдѣлки 20 рублей.

На восточной украинѣ, въ новой оренбургской губерніи, бога-

той рудами, опредѣлено казенныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ не заводить, а стараться, чтобъ эти заводы размножались одними частными людьми ¹⁴⁶. Устроитель этого края, Неплюевъ, послѣ донесеній о сильномъ ходѣ торговли въ Оренбургѣ, долженъ былъ прислать жалобу, что этой торговлѣ начинаетъ грозить опасность, и именно отъ русскихъ купцовъ, которые, по его словамъ, по своему легкомыслію приводятъ торгъ въ упадокъ, обманывая азіатцевъ товарами; Неплюевъ просилъ сенатъ, чтобъ купцы не давали торговать своимъ имениемъ пахотнымъ Татарамъ, крестьянамъ и подлому купечеству и подложно не называли ихъ своими прикащиками. Неплюевъ дѣятельно очищалъ ввѣренную ему область и отъ другого рода лихихъ людей: онъ послалъ команду по Иргизу и другимъ рѣчкамъ по самарской степи; посланные переловили воровъ, разбойниковъ, раскольниковъ и другихъ *причинныхъ* людей 484 человека мужескаго и женскаго пола, пристанища были всѣ разорены и сожжены; сопротивленія при поимкѣ ни отъ кого не было показано ¹⁴⁷.

На Дону со временъ Петра Великаго было спокойно. Старый атаманъ Данила Ефремовъ, опираясь на милость правительства, управлялъ самовластно войскомъ, хотя его управленіе и не всѣмъ въ войскѣ нравилось, что видно изъ доноса, поданнаго на него старшиною Серебряковымъ. Войско донское, писалъ Серебряковъ, пришло въ наибѣднѣйшее состояніе и крайнее разореніе отъ наглаго нападенія, неутолимаго лакомства и нестерпимаго насилія атамана Данилы Ефремова. Посылаемые отъ него старшины и прочіе его люди вверхъ по Дону, Донцу, Медвѣдицѣ, Хопру, Бузулуку и во всѣхъ станицахъ дѣлаютъ великія притѣсенія, станичныхъ атамановъ и козаковъ немилосердно бьютъ по напрасну и берутъ большія деньги, которыя дѣлятъ съ атаманомъ, отъ чего почти всѣ станицы сильно задолжали, бѣдные козаки принуждены юрты свои, сѣнокосы и прочія угодья заложить у старшинъ съ большими процентами и горько всѣ плачутъ, не имѣя ни откуда защиты. Старшины не только имѣніе, но и законныхъ женъ у бѣдныхъ козаковъ отнимаютъ. Жалованья государева присылается на все войско донское ежегодно по 7000 рублей, да хлѣба по 7000 четвертей; изъ этой присылки атаманъ раздаетъ по малому количеству хлѣ-

ба и то на половину войска, а 56 станицамъ ни денежнаго, ни хлѣбнаго жалованья не производитъ. Рыбныя ловли атаманъ у козаковъ отнялъ и отдаетъ отъ себя на откупъ за большія деньги; лавки, гдѣ съѣстные припасы продаются, у всѣхъ отнялъ, и продаетъ припасы какою цѣною захочетъ. Отъ его злобы двое старшинъ Котлюбанцевъ и Фальчинскій съ Дону бѣжали не вѣдомо куда. Атаманъ отдаетъ кабаки откупщикамъ. Сынъ его Степанъ Ефремовъ, наказной атаманъ, атамана Терскаго въ тюрьмѣ уморилъ, и отъ этого страха восемь человекъ козаковъ на Кубань ушли; да онъ же Степанъ съ женою развелся безо всякой вины и женился на другой, а первая его жена пропала. Почти во всѣхъ станицахъ бѣглыхъ бурлаковъ умножилось до нѣсколькихъ тысячъ и атаманъ даетъ имъ паспорта. Ежегодно въ верховыхъ станицахъ козаки заготавливаютъ множество лѣса и водою сплавляютъ до Черкаска подъ предлогомъ, что тотъ лѣсъ надобенъ на городовое строеніе; но атаманъ употребляетъ его на свои постройки. Атаманъ войсковыхъ старшинъ въ тюрьму и на цѣли сажаетъ и моритъ безвинно и старшинство отнимаетъ, а другихъ сынъ его бьетъ смертельно. Атаманъ и сынъ его постовъ не содержатъ и надъ постыцими явно ругаются¹⁴⁸.

Данила Ефремовъ за старостію отказался отъ атаманства; императрица уволила его, но на его мѣсто назначила сына его Степана. «А также, сказано въ указѣ, Данила Ефремовъ, самъ желая ея импер. величеству услугу показывать, представилъ себя въ случаяхъ бываемыхъ по донскому пограничному мѣсту противъ непріятеля войскомъ донскимъ командовать и во всякихъ нужныхъ приключеніяхъ распоряженія чинить и для того ея импер. величество, видя его въ воинскихъ и пограничныхъ дѣлахъ искусство, которому долженъ онъ и сына своего Степана обучать, пожаловала его Данилу Ефремова, за многія его и вѣрныя службы, чиномъ армейскаго генераль-майора, подъ котораго командою, доколѣ онъ живъ, долженъ быть сынъ его войсковою атаманъ Степанъ Ефремовъ со всѣмъ войскомъ донскимъ и въ нужныхъ дѣлахъ по его ордерамъ и наставленіямъ поступать и о всемъ имъ обще обстоятельно доносить военной коллегіи. Данилу Ефремову давать жалованье по чину генераль-майорскому съ раціонами и деньщиками изъ воинской суммы, а для отправленія секретныхъ дѣлъ дать ему писаря и адъютанта,

такъ жь сто человекѣ козаковъ изъ Донскихъ, кого онъ самъ выбереть ¹⁴⁹»

Войсковою донскою атаманъ подчинился генераль-майору. Иная честь была гетману малороссійскому. Разумовскій воспользовался пребываніемъ двора въ Москвѣ и уѣхалъ туда, надолго бросивъ скучную Малороссію. Генеральная старшина потянулася за нимъ; онъ представилъ ее императрицѣ и Малороссіяне были трактованы у публичнаго стола: старшина сидѣла между генераль-майорами, полковники ниже бригадировъ, бунчуковые между подполковниками ¹⁵⁰. Кромѣ этой чести трудно сказать, что выигрывала Малороссія отъ возстановленія гетманства.

Странная форма гетманскаго управленія была уже анахронизмомъ; тѣснѣйшее сближеніе Малой Россіи съ Великою готовилось, какъ увидимъ, уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ. Это знаменитое событіе было на первомъ планѣ въ концѣ 1753 и въ началѣ 1754 года. Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ было напечатано изъ Москвы отъ 27 декабря: «Отъ просвѣщенной ея импер. величества прозорливости не утаилось, что существительный ея прибытокъ состоитъ въ прибыткѣ всѣхъ ея подданныхъ. По сему премудрому разсмотрѣнію всемилостивѣйше соизволила ея импер. величество пользы подвластнаго къ счастію своему ей народа такіе великіе короны своей доходы посвятить, которые во всѣ времена, да и во всѣхъ, не исключая ни одного, государствахъ, какъ справедливыми, такъ и весьма важными почитаются. Однимъ словомъ сказать, ея импер. величество изволила всякіе внутреннихъ пошлинъ сборы отставить и всѣ внутреннія таможи уничтожить, такъ что внутренно вся толь обширная сія имперія вольнымъ портомъ сдѣлана. Возбужденная чрезъ то въ народѣ радость такъ велика и примѣтна была, что сенатъ обойтись не могъ всенижайшее свое и должное за толикія благодѣянія благодареніе ея импер. величеству засвидѣтельствовать. Почему въ навечеріе праздника Рождества Спасителя нашего, по окончаніи въ придворной церкви божіей службы, канцлеръ, какъ старшій сенаторъ, обще со всѣми другими, именемъ сената и всего обрадованнаго и одолженнаго народа, оное ея импер. величеству всеподданнѣйше и приносили, на которое ея импер. величество всемилостивѣйше соизволила сама въ отвѣтъ сказать, что ея величеству всегда ко особливою ра-

дости и удовольствію служить возможность пользу своихъ подданныхъ, хотя бѣ то и съ собственнымъ ея убыткомъ было, поспѣшествовать.

23 января 1754 года купцы благодарили императрицу за уничтоженіе внутреннихъ таможенъ; они явились подѣ предводительствомъ магистратскаго оберъ-президента Зиповьева и поднесли Елисаветѣ алмазь въ 56 кратъ, цѣною въ 53,000 рублей, 10.000 червонныхъ, да рублевою монетою 50,000 рублей.

Канцлеръ Бестужевъ въ челѣ сената благодарилъ императрицу за уничтоженіе внутреннихъ таможенъ. Можно догадываться, съ какими чувствами благодарилъ онъ за приведеніе въ исполненіе проекта врага своего, графа Петра Шувалова, проекта, благодарѣтельности котораго оспаривать было нельзя. Страхъ предѣ усиливающимся враждебнымъ вліяніемъ Шуваловыхъ заставилъ Бестужева съ восторгомъ пойти на встрѣчу къ великой княгинѣ Екатериѣ Алексѣевнѣ; будучи также не въ ладахъ съ Шуваловыми и Воронцовыми, она сдѣлала первый шагъ къ сближенію съ канцлеромъ, который съ самаго пріѣзда ея въ Россію до сихъ поръ былъ въ ея глазахъ заклятымъ врагомъ ея и ея родныхъ; вражда немедленно же превратилась въ самыя пріязненныя отношенія, при чемъ Бестужевъ съ самаго начала сталъ оказывать великой княгинѣ услуги совѣтомъ и дѣломъ ¹⁵¹.

Эти новыя отношенія не измѣняли нисколько политической системы канцлера, которая по прежнему состояла въ томъ, чтобъ не допускать опаснаго соеѣда, прусскаго короля, усиливать-ся, и окружая его цѣпью союзовъ, быть на готовѣ при первомъ благоприятномъ случаѣ, «сократить его силы», какъ тогда выражались.

Отъ 15-го марта Кейзерлингъ изъ Вѣны донесъ своему двору о конференціи, которая у него была съ придворнымъ и государственнымъ канцлеромъ графомъ Улефельдомъ, имперскимъ вице-канцлеромъ графомъ Коллоредо и государственнымъ секретаремъ Бартенштейномъ. Изъясненія австрійскихъ министровъ состояли въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Уже нѣсколько лѣтъ извѣстно въ Вѣнѣ о видахъ Франціи относительно возведенія на польскій престолъ принца Конти, что и было сообщаемо отсюда отъ времени до времени союзнымъ дворамъ. 2) Представлены интриги,

которыя были производимы и еще производятся французскими министрами въ Польшѣ—Дезисаромъ, Брольи, Кастерою; также какія мѣры были приняты съ французской, прусской и шведской стороны для разорванія послѣдняго сейма. 3) Упомянуто было объ участіи короля прусскаго во французскихъ видахъ относительно польской короны, о тѣсномъ его обязательствѣ съ Франціею; объ опасности, которою грозитъ городу Данцигу прусское сосѣдство. 4) Открыто, что коронный маршалъ Бѣлинскій, палатинъ Равскій Яблоновскій и госпожа Казановская, происходящая изъ фамиліи Потоцкихъ, служатъ главными орудіями французскаго двора; что корреспонденція съ Константинополемъ производится посредствомъ господарши молдавской; что Брольи хвастаетъ составленіемъ большой партіи изъ мелкаго шляхетства; что о намѣреніи Конти и въ самой Франціи извѣстно очень немногимъ изъ министерства, въ Константинополѣ никому, а въ Польшѣ главнѣйшимъ приверженцамъ; что Франція раздаетъ въ Польшѣ большія денежные суммы: палатинъ Равскій одинъ получилъ 100,000 ливровъ. 5) Изъ всего этого вытекаетъ необходимость для обоихъ императорскихъ дворовъ и союзниковъ ихъ постановить мѣры для охраненія безопасности каждаго, чтобъ первое обнаруженіе враждебныхъ замысловъ нашло готовое сопротивленіе.

Донося объ этихъ представленіяхъ вѣнскаго двора, Кейзерлингъ настаивалъ, съ своей стороны, на опасности, которая будетъ грозить Россіи, если Франціи удастся сдѣлать своего принца польскимъ королемъ, не говоря уже о ея союзникахъ, изъ которыхъ одинъ вздыхаетъ о возвращеніи потерянныхъ владѣній (Швеція), а другой помышляетъ о новыхъ завоеваніяхъ (Пруссія), и каждый имѣетъ свою роль въ планѣ о коронѣ польской. Въ апрѣлѣ Кейзерлингъ далъ знать о важной перемѣнѣ въ личномъ составѣ министерства императрицы-королевы: вмѣсто графа Улефельда Марія Терезія назначила канцлеромъ графа Кауница Ритберга, причемъ Кейзерлингъ писалъ: «Сколько я изъ прежняго моего знакомства съ графомъ Кауницомъ могъ его узнать, могу съ похвалою отнести о его благонамѣренности, благоприличіи и правдивости; поэтому надѣюсь, что перемѣна принесетъ здѣшнимъ дѣламъ болѣе пользы, чѣмъ ущерба, а дру-

гіе, знающіе Кауница лучше меня, думаютъ такимъ же образомъ» ¹⁵².

Иначе отозвался изъ Дрездена Гроссъ о тамошней перемѣнѣ; отъ 1-го марта онъ сообщалъ своему двору о размолвкѣ Брюля съ Чарторыйскими въ такихъ выраженіяхъ: «Жаль, что графъ Брюль отмѣнилъ прежнюю довѣренность къ князьямъ Чарторыйскимъ, которые всегда подавали двору благонамѣренные совѣты; причина та, что канцлеръ литовскій отрекся приложить печать къ королевской привилегіи объ уступкѣ какого-то староства, признавая эту привилегію противозаконною; первый министръ самъ мнѣ говорилъ объ этомъ съ сильнымъ раздраженіемъ противъ канцлера, и я съ надежной стороны увѣдомленъ, что онъ намѣренъ теперь опираться главнымъ образомъ на зятя своего графа Мнишка, на короннаго крайчаго, на гетмановъ короннаго и литовскаго и на другихъ завистникахъ дома Чарторыйскихъ; но такъ какъ эти князья и друзья ихъ имѣютъ гораздо болѣе кредита въ народѣ и превосходятъ своихъ соперниковъ благоразуміемъ, то болѣе желательно, чѣмъ уповательно, чтобъ эта перемѣна королю и дому саксонскому была полезна». Перемѣна, не полезная королю и дому саксонскому, ставила и русскій кабинетъ въ затруднительное положеніе: съ одной стороны, въ общихъ видахъ русской политики, надобно было поддерживать дружбу съ королемъ, втягивать его въ тѣснѣйшій союзъ, а для этого надобно было ласкать могущественнаго Брюля; съ другой стороны нельзя было отстраниться отъ Чарторыйскихъ, которые признавались главами русской партіи и были очень нужны для русскихъ интересовъ въ Польшѣ. Эти интересы были прежніе.

Гроссъ долженъ былъ подать самому королю представленіе, что жалобы исповѣдующихъ греко-россійскую вѣру въ Литвѣ день ото дня умножаются, а представленія королевскаго министерства не производятъ никакого дѣйствія: епископъ самогичкій завладѣлъ Зелецкимъ монастыремъ, выставивъ причину, что монахи не старались объ исправномъ содержаніи монастыря, хотя всемъ было извѣстно, что тотъ же епископъ никогда не позволялъ никакихъ починокъ въ монастырѣ; униатскій митрополитъ, живущій въ Полоцкѣ, отнялъ у Русскихъ въ Кричевѣ три церкви и монастырь Соломерецкій; епископъ виленскій не позволяетъ строить и чинить Заблудовскую, Борисовскую и про-

ція церкви, также Тупичевскій монастырь въ Мстиславлѣ; по наущенію духовенства, литовскій великій маршалъ, будучи старостою въ Борисовѣ, послалъ приказъ своему управляющему, чтобъ тотъ тяжкими денежными налогами и тѣлесными наказаніями принуждалъ русскихъ жителей къ принятію униі, съ угрозою, что ослушники будутъ выгнаны изъ города. Въ отвѣтъ на это представленіе графъ Брюль и польскій подканцлеръ объявили Гроссу, что король приказалъ изготавить рескриптъ къ канцлеру литовскому, гдѣ строго будетъ приказано оставить Русскихъ въ покоѣ относительно церквей и привилегій по силѣ договоровъ и ни подъ какимъ предлогомъ не пренятствовать имъ почивать свои церкви; рескриптъ будетъ за королевскою подписью. Потомъ подканцлеръ коронный далъ знать Гроссу о показаніи литовскаго маршала Огинскаго, что Борисоглѣбская церковь взята въ унию по добровольному согласію всѣхъ русскихъ обывателей и самого священника: поэтому король рѣшилъ, для открытія истины составить комиссію, въ которой долженъ быть знатный членъ и изъ греко-русскаго духовенства, напиримѣръ архіерей бѣлорусскій. По мнѣнію Гросса, эта комиссія могла быть полезна: католики не носмѣютъ такъ часто принуждать православныхъ къ униі, подъ тѣмъ предлогомъ, что послѣдніе сами того хотятъ. Но бѣлорусскій архіерей былъ противнаго мнѣнія; онъ утверждалъ, что отъ комиссіи никакого добра не будетъ, и требовалъ, чтобъ она была оставлена. «Поэтому я вамѣренъ, писалъ Гроссъ, на время не отзываться болѣе о комиссіи, уповаю, что ваше величество благоволите меня наставить, если найдете нужнымъ, чтобъ я другимъ образомъ поступилъ, хотя истинно жаль, что обиженнымъ вашимъ единовѣрцамъ въ Польшѣ такъ долго въ претерпѣваемыхъ утѣсеніяхъ по причинѣ ограниченной королевской власти и шиканства ихъ соперниковъ невозможно доставить облегченія. Изъ представленныхъ Поляками оправданій съ сожалѣніемъ усмотрѣть можно, что приступленіе къ униі церковью самымъ непостояннымъ въ своей вѣрѣ попомъ приписать должно. Почему необходимо при оставшихся въ Польшѣ и Литвѣ греко-русскихъ церквахъ опредѣлять священниковъ искусныхъ, смиренныхъ и въ благочестіи твердыхъ, иначе надобно опасаться, что мало-по-малу реко-русская религія тамъ совсѣмъ искоренится».

Изъ Москвы Гроссъ получилъ отвѣтъ, что старанія его въ пользу единовѣрныхъ людей всемилостивѣйше апробуются, и что назначеніе комиссіи очень пріятно императрицѣ, особенно если она будетъ поручена безпристрастнымъ людямъ, иначе, по извѣстной у римскаго духовенства ревности къ истребленію греко-россійской вѣры, а у шляхетства злобной ненависти, православные едва ли получаютъ какую-нибудь пользу отъ этой комиссіи. Гроссу предписывалось приложить еще ревностное стараніе въ пользу единовѣрныхъ, при чемъ доставлено ему слѣдующее сообщеніе св. Синода въ иностранную коллегію: бѣлорусскій епископъ Иеронимъ далъ знать Синоду, что въ его епархіи гоненія на православіе производятся въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что православныхъ церквей остается уже немного; ни погорѣлыхъ, ни обветшалыхъ строить и чинить не позволяютъ; свѣтскіе владѣльцы въ своихъ имѣніяхъ не даютъ ставленникамъ грамотъ на посвященіе къ церквямъ; въ самой экономіи могилевской королевскимъ универсаломъ запрещено ихъ посвящать для скорѣйшаго истребленія православной вѣры; въ Борисовѣ староста Огинскій построилъ на свой счетъ униатскую церковь и замковые солдаты побоями гонятъ въ нее православныхъ; виленскій епископъ по всей Бѣлой Руси выдалъ запрещенія нигдѣ новыхъ православныхъ церквей не строить и обветшавшихъ не чинить.

Между тѣмъ по просьбѣ англійскаго посланника Уильямса, была между нимъ и графомъ Брюлемъ конференція, въ присутствіи Гросса. Уильямсъ открылъ конференцію объявленіемъ, что королю его со стороны саксонскаго двора внушено, чтобъ онъ постарался о доставленіи польскаго престола наслѣдному принцу саксонскому: онъ, Уильямсъ долженъ поставить слѣдующіе относящіеся къ дѣлу вопросы: 1) для возведенія на престолъ наслѣднаго принца дожидаться ли кончины королевской, или попытаться при жизни его величества на счетъ назначенія старшаго сына его наслѣдникомъ? 2) какія до сихъ поръ сдѣланы по этому вопросу домогательства у обоихъ императорскихъ дворовъ и какія получены отъ нихъ отвѣты? 3) можно ли безъ явнаго ниспроверженія польской конституціи приступить къ назначенію наслѣдника? 4) какими способами можно

достигнуть этой цѣли, и какимъ образомъ отдалить всѣ препятствія внутреннія и внѣшнія?

Графъ Брюль отвѣчалъ, что относительно расположенія императорскихъ дворовъ слегка освѣдомлялись и получены отвѣты, что они съ удовольствіемъ видѣли бы польскій престолъ въ саксонскомъ домѣ. Присутствовавшій въ конференціи графъ Мнишекъ прибавилъ, что въ слѣдствіе крайней зависти между польскими фамиліями нельзя надѣяться доставить корону кому-нибудь изъ Поляковъ, и по исключеніи французско-пруссскихъ креатуръ, остается одинъ наслѣдный принцъ саксонскій, который могъ бы быть пріятель и современемъ полезенъ королевскимъ союзникамъ. Брюль продолжалъ, что безъ сомнѣнія гораздо легче успѣть въ избраніи наслѣднаго принца при жизни королевской, чѣмъ по смерти: если король умретъ прежде назначенія преемника, то война неизбежна и война жестокая, потому что вредные виды прусскаго короля, согласные съ французскими, явны, а сила его болѣе прежняго грозна Польшѣ, ибо онъ, владѣя Силезіею, пріобрѣлъ средства съ разныхъ сторонъ утѣснять республику и отрѣзать отъ нея саксонское войско. Если же при жизни королевской назначенъ будетъ преемникъ, то сомнительно, будетъ ли война: теперь всѣ европейскія державы живутъ въ мирѣ, нарушить который каждая опасается. Франція еще утомлена и истощена послѣднею войною, флота еще не возстановила, и странно, еслибы она явно стала сопротивляться назначенію родного брата своей дофины; при жизни настоящаго султана турецкаго также нельзя опасаться движенія со стороны Порты, слѣдовательно чѣмъ скорѣе принимать мѣры къ назначенію преемника польской короны, тѣмъ лучше. Правда, по пактамъ конвентамъ королю не позволено предлагать себѣ преемника; но республика, которая постановила законъ, можетъ его и уничтожить, для спасенія отечества, которое при наступающемъ междоцарствіи подверглась бы разоренію, и, быть можетъ, было бы и подѣлено между чужими державами.

Гроссъ замѣтилъ на это, что въ конституціи 1631 года объявленъ измѣнникомъ тотъ, кто при жизни короля предложитъ ему преемника: такъ найдется ли кто изъ членовъ республики, который бы посмѣлъ начать рѣчь о преемникѣ. Брюль отвѣ-

чалъ, что лучше всего, еслибы министры союзныхъ державъ на сеймѣ испросили себѣ публичную аудіенцію и отъ имени своихъ государей присовѣтовали назначить преемника. Надобно, чтобы прежде всего дворы русскій, вѣнскій и великобританскій въ глубочайшей тайнѣ согласились относительно необходимыхъ мѣръ, которыя должны состоять въ томъ, чтобъ прежде собранія сейма русская императрица собрала на лифляндскихъ границахъ 60,000 войска, да подлѣ Кіева 40,000; то же бы сдѣлала императрица-королева на границахъ силезскихъ, а король англійскій приготовилъ эскадру, чтобъ препятствовать, въ случаѣ нужды, французскимъ и шведскимъ транспортамъ. При этихъ мѣрахъ король польскій внутри королевства чрезъ своихъ приверженцевъ будетъ ободрять благонамѣренныхъ людей, и стараться, чтобъ только такіе были избраны на сеймикахъ въ депутаты на сеймъ, разрывая сеймики, на которыхъ можно было бы опасаться противнаго. При открытіи сейма король главнымъ образомъ будетъ домогаться, чтобъ въ маршалы былъ избранъ человекъ надежный и притомъ пріятный своимъ землякамъ. Главное дѣло маршала будетъ состоять въ томъ, что если дѣло нельзя будетъ провести единогласіемъ, то онъ долженъ обыкновенный сеймъ перемѣнить въ сеймъ конфедераціи при королѣ, называемый циркамаестатомъ: такъ какъ на этомъ сеймѣ рѣшеніе происходитъ по большинству голосовъ, то избраніе преемника королю можетъ совершиться въ одинъ день. Дѣло будетъ сдѣлано прежде, чѣмъ короли французскій и прусскій о немъ узнаютъ; если же они задумаютъ составить реконфедерацію, то союзникамъ надобно уговориться, какія мѣры принять къ ея ослабленію.

Гроссъ не ждалъ добра отъ движеній графа Мнишка, зятя Брюлева, который, мимо Чарторыйскихъ, старался составить новую придворную партію, включая въ нее и Потоцкихъ. «Потоцкіе часто его обманываютъ, писалъ Гроссъ; такимъ образомъ онъ прежнихъ друзей королевскихъ теряетъ или заставляетъ пребывать во вредномъ бездѣйствіи, а новыхъ надежныхъ друзей въ такихъ людяхъ, которые издавна привыкли королевской волѣ сопротивляться и поступать по французскимъ внушеніямъ, не найдетъ. Мнишекъ непремѣнно хочетъ быть главою партіи и притѣснять тѣхъ, которые не вступаютъ въ его виды».

Я самъ былъ свидѣтелемъ, что когда недавно великій подскарбій литовскій, графъ Флеммингъ находился здѣсь въ Дрезденѣ и графъ Мнишекъ прямо предложилъ ему отстать отъ Чарторыйскихъ, и когда Флеммингъ не согласился, то послѣ этого его стали принимать при дворѣ съ явною холодностію. Поэтому я опасуюсь, что если поведеніе Брюля и Мнишка не переменится по возвращеніи короля въ Варшаву, то князья Чарторыйскіе съ своими друзьями, чтобъ показать двору силу свою въ королевствѣ, если не явно, то подъ рукою стануть сопротивляться двору; я долженъ засвидѣтельствовать, что князья Чарторыйскіе и преданные имъ вельможи люди самые умные и относительно европейской системы самые доброжелательные, да сверхъ того самые богатые въ Польшѣ, тогда какъ приставшіе къ графу Мнишку гетманы коронный и литовскій, да подканцлеръ и крайчіи коронные, подобно самому Мнишку, люди средняго ума, а воеводы смоленскій и бѣльскій съ крайчимъ короннымъ издавна преданы Франціи и Пруссіи.»

Въ началѣ ноября Гроссъ получилъ отъ своего двора рескриптъ, въ которомъ говорилось, что Кейзерлингу въ Вѣну послано приказаніе вытребовать отъ тамошняго двора тайное обязательство такого рода: если прусскій король нападетъ на Саксонію или Ганноверъ, то Австрія вмѣстѣ съ Россіею немедленно же подають помощь подвергшейся нападенію странѣ; Гроссъ долженъ вытребовать такое же тайное обязательство у дрезденскаго двора, что въ случаѣ нападенія прусскаго короля на Ганноверъ, Саксонія будетъ дѣйствовать противъ Пруссіи вмѣстѣ съ Россіею и Австріею. Когда Гроссъ слѣлалъ это предложеніе графу Брюлю, тотъ отвѣчалъ, что хотя нельзя довольно восхвалять императрицу за попеченіе объ общемъ интересѣ союзниковъ: однако у Саксоніи съ Пруссіею только что заключена конвенція относительно прежнихъ споровъ и потому нельзя ожидать со стороны прусскаго короля скорого нападенія; также пока англійскій парламентъ не понудитъ своего короля употребить мѣры противъ прусскаго короля за удержаніе англійскихъ капиталовъ на Силезію, нельзя ожидать нападенія Фридриха II на Ганноверъ. Это нападеніе сомнительно и потому, что Франція страдаетъ недостаткомъ денегъ, несогласіемъ министровъ и опасною ссорю духовенства съ парламентами, слѣдовательно не въ

состоявнн начать войну, а безъ ея помощи не вѣроятно, чтобъ король прусскій отважился нарушить миръ. Притомъ изъ рескриптовъ императрицы къ Кейзерлингу и къ нему, Гроссу не видно, обязался ли король англійскій, какъ курфирстъ Ганноверскій помогать Саксоніи въ случаѣ нападенія на нее; саксонскому двору надобно объ этомъ знать, прежде чѣмъ давать обязательство съ своей стороны; кромѣ того надобно знать, какой отвѣтъ получится отъ вѣнскаго двора. Еслибы генеральный оборонительный союзъ между обоими императорскими дворами, Великобританіею, Голландіею, Ганноверомъ и Саксоніею былъ заключенъ, по которому эти дворы, для сохраненія общей тишины, обязались бы дѣйствовать всеми своими силами противъ нарушителя ея кто бы онъ ни былъ, то въ частныхъ тайныхъ обязательствахъ нужды бы не было. Дрезденскій дворъ просилъ императрицу всемилостивѣйше принять въ уваженіе, что еслибъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда у Саксоніи съ Пруссіею конвенція, когда между Ганноверомъ и Саксоніею никакихъ обязательствъ нѣтъ, прусскій король провѣдалъ бы какимъ-нибудь образомъ (а онъ хвастаетъ, что ему извѣстны самыя тайныя происшествія при русскомъ дворѣ) о данномъ здѣшнимъ дворомъ обязательствѣ въ пользу Ганновера, то это подало бы ему случай немедленно напасть на Саксонію, нищую деньгами, войскомъ и крѣпостями и разорить ее въ конецъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже разъ объявилъ, что въ случаѣ началія войны его интересъ требуетъ прежде всего привести Саксонію въ бездѣйствіе.

«Но въ такомъ случаѣ, возразилъ Гроссъ, въ силу тѣхъ самыхъ обязательствъ, о которыхъ идетъ рѣчь, Саксонія будетъ защищена обоими императорскими дворами и большей для себя безопасности никогда ожидать не можетъ; да и никакъ нельзя опасаться, чтобъ прусскій король узналъ какъ-нибудь тайну соглашения». Не смотря однако на эти возраженія, Брюль остался при своемъ; впрочемъ Гроссъ писалъ своему двору, что если вѣнскій и ганноверскій дворы согласятся дать эти обязательства, то и саксонскій легче будетъ уговаривать.¹⁵³

Отношенія шведскія видимо отходили на второй планъ. Панинъ писалъ изъ Стокгольма, что продолжительное пребываніе въ увеселительномъ дворцѣ Ульрихсдалѣ еще болѣе благоприят-

ствуесть удаленію королевскому отъ дѣль, а королева, видя, что ея нѣжность и красота наводятъ уныніе, упражняется изо всѣхъ силъ въ выдумываніи разныхъ забавъ, чтобъ хотя ими сохранить сердце и довѣріе короля. Такъ какъ слабость здоровья не позволяетъ ей участвовать въ охотѣ и другихъ забавахъ короля, сопровождать его всюду, то она теперь пристрастилась къ музыкѣ, которой прежде терпѣть не могла, и во дворцѣ съ утра до вечера концерты: королева играетъ на *клавцимбалахъ*, а король на скрипачномъ басѣ. Хотя графъ Тессинъ и не можетъ участвовать въ придворныхъ концертахъ, однако правленіе остается въ рукахъ господствующей партіи, и король, чувствуя свою беспомощность, скрывая внутреннее неудовольствіе, преклоняется предъ сенаторами, преданными Франціи. Кромѣ того лучшіе приверженцы короля разѣхались по своимъ мѣстамъ, и около него никого нѣтъ, кромѣ скомороховъ и лукавыхъ друзей: среди нихъ майоръ Ливень, руководствуемый своею сестрою, упражняется въ одномъ, чтобъ сдѣлать свои услуги драгоценными французскому послу и его шайкѣ. Панинъ долженъ былъ признаться, что пока вліяніе королевы велико: она ласкала патриотовъ, надѣясь съ ихъ помощію усилить власть королевскую; но съ другой стороны внушала королю, что это люди неспособные, и не могутъ идти въ сравненіе съ сенаторами французской партіи, чрезвычайно искусными въ политическихъ дѣлахъ, отъ чего король остается во всегдашнемъ недоумѣніи и потому слабости и, сколько возможно, удаляется отъ государственныхъ дѣлъ, что впрочемъ соотвѣтствуетъ и его природѣ, ибо ни въ какомъ великомъ предпріятіи не можетъ найти себѣ столько удовольствія, какъ въ ничтожныхъ солдатскихъ подробностяхъ; когда онъ пріѣзжаетъ въ Стокгольмъ для присутствія въ сенатѣ, то, остановясь въ своихъ покояхъ, употребляетъ много времени на разсматриваніе солдатскихъ мелочей своей роты, и потомъ, зашедши въ сенатъ на полчаса, съ поспѣшностію возвращается къ супругѣ.

Въ іюнѣ Панинъ писалъ: «Члены придворной партіи стараются склонить короля къ перемѣнѣ системы, чему начальнымъ основаніемъ поставляютъ возобновленіе добрыхъ отношеній съ Англіею, они употребляютъ всѣ способы, чтобъ король сдѣлалъ объ этомъ предложеніе въ сенатѣ; король много разъ имъ это

объщаль, но природная вялость не допустила исполнить обещаніе, а между сенаторами придворная партія не имѣетъ никого, кто бы могъ подать поводъ къ королевскому предложенію. Сенаторъ Левенгельмъ хотя согласенъ съ придворною партією, но, будучи связанъ съ нею однимъ честолюбіемъ, не захочетъ сдѣлать себя предметомъ ненависти версальскаго двора. Я, сколько приличіе могло позволить, старался подкрѣплять этого сенатора въ пользу благонамѣренныхъ друзей; но теперь прозорливость заставляетъ отъ этого отдаляться, ибо тому другой годъ, какъ я не получаю никакого наставленія о намѣреніяхъ вашего величества, а дѣла послѣ послѣдняго сейма конечно со всѣмъ иной видъ получили; ихъ *молодое существо* требуетъ, чтобъ съ ними поступали съ крайнею осторожностію какъ съ нѣжными дѣтьми». На это онъ получилъ рескриптъ: «Мы на благоразуміе ваше совершенную надежду полагаемъ, что вы, при столь многочисленныхъ разныхъ въ Швеціи партіяхъ ваше поведеніе такъ устройте, что оно характеру вашему и вашей особѣ честь, и нашимъ интересамъ пользу приносить будетъ. Вамъ и безъ того уже довольно извѣстно, что наши намѣренія главнымъ образомъ въ томъ состоятъ, чтобъ между обоими дворами возстановить со-сѣдственную дружбу и доброе согласіе, и ничего противнаго тому, по возможности, не допускать, и стараться содержать миръ какъ собственно съ шведскимъ дворомъ, такъ и вообще на всемъ Сѣверѣ, къ чему вы давно уже наставленія отъ насъ получили, которыя остаются неотмѣнными: поэтому вы не можете опасаться быть въ чемъ-нибудь обвиненнымъ, если будете поступать согласно съ нашими намѣреніями; на всякій же случай посылать вамъ заблаговременно наставленія нельзя. Желательно было бы, чтобъ въ сенатѣ былъ хотя одинъ членъ, который бы подкрѣплялъ короля и его партію и дѣйствовалъ противъ французской системы, да чтобъ при королѣ безотлучно находился человекъ, который бы внушалъ ему основательнѣйшія мысли; но способы для достиженія этого отсюда вамъ предписаны быть не могутъ. Въ дальнѣйшее вамъ наставленіе можно написать одно, чтобъ вы, не раздражая ни той, ни другой партіи, зорко смотрѣли на всѣ ихъ интриги и происки и предостерегали наши интересы, которые состоятъ въ соблюденіи тишины

на Сѣверѣ и въ неизмѣнности шведской правительственной формы».

Панинъ указалъ на Левенгельма, какъ на человѣка, способнаго играть означенную роль въ сенатѣ, и на генерала Дюринга какъ на человѣка, который долженъ постоянно внушать королю добрыя намѣренія; но такъ какъ оба они должны дѣйствовать согласно съ русскими интересами, то необходимо обоимъ имъ давать пенсіи, именно первому въ 1000 червонныхъ, а графу Дюрингу въ полторы тысячи рублей ¹⁵⁴.

Возстановленіе добрыхъ отношеній Швеціи къ Англіи принималось въ Россіи какъ дѣло въ высшей степени желанное, ибо дворы русскій и англійскій сближались все тѣснѣе и тѣснѣе, что входило, какъ извѣстно, въ основаніе политики русскаго канцлера. Отъ 20 іюля графъ Чернышевъ писалъ изъ Лондона: «Въ обыкновенную мою въ прошлую среду бытность у герцога Ньюкэстля, какъ только онъ меня увидѣлъ, то спросилъ: имѣю ли я какое повелѣніе отъ своего двора, и когда я ему отвѣчалъ, что нѣтъ, то онъ передразнилъ меня: «нѣтъ, всегда нѣтъ, очень жаль! и нашъ посланникъ, полковникъ Гюидикенсъ почти тоже *нѣтъ* къ намъ сюда по послѣдней почтѣ пишетъ; съ нѣкотораго времени всѣ письма его такъ между собою сходны, какъ будто скопированы одно съ другого». Я, продолжалъ Чернышевъ, не былъ въ состояніи ничего на это отвѣтить, и такъ какъ другой матеріи для разговора не было, то вся конференція наша этимъ и кончилась, продолжаясь не болѣе двухъ минутъ. Такъ какъ съ нѣкотораго времени всѣ свиданія мои съ этимъ министромъ не были продолжительнѣе, то это меня не удивило; но я боюсь поврежденія интересовъ вашего величества въ томъ отношеніи, что самъ герцогъ высказалъ мнѣ свое мнѣніе, будто я не пользуюсь довѣріемъ своего двора, ибо давно уже не представляю ему никакихъ сообщеній не только относительно новыхъ предложеній лондонскаго двора о содержаніи русскаго войска на лифляндскихъ границахъ, но и о другихъ предметахъ». Предложеніе о содержаніи русскаго войска на лифляндскихъ границахъ и о движеніи его въ прусскія владѣнія въ случаѣ нападенія Фридриха II на Ганноверъ было сдѣлано Гюидикенсомъ 27 апрѣля; посланникъ изъявлялъ надежду, что императрица дастъ требуемую помощь, тѣмъ болѣе, что и Вѣнскій дворъ согласенъ дать

ее. 7 мая канцлеръ читалъ императрицѣ по этому поводу свое *слабѣйшее* мнѣніе: «Пропшествоіе дѣлѣ къ гремящей повсюду ея императорскаго величества слава показало, колико прямое соблюденіе европейскаго равновѣсія и тишины отъ ея повелѣній зависѣло, ибо пока ея величество такъ сказать нѣсколько индифферентнымъ окомъ на раздиравшія Европу замѣшательства взирать изволила, всѣ видѣли, что военное пламя лишь больше разгоралось и натуральные ея импер. величества союзники до послѣдней крайности приходили. Франція гордилась даже и выслушать какія-либо предложенія, кромѣ тѣхъ, кои она другимъ повелительно налагать хотѣла. Король прусскій тѣмъ же самымъ временемъ вышелъ изъ предѣловъ своей мѣры, и, отхватя богатую и обширную Шлезію, но богатая еще не меньше разореніемъ и пограбленіемъ Саксоніи, всѣмъ и наисильнѣйшимъ своимъ сосѣдямъ тягостенъ и опасенъ сдѣлался. Шведы, хоть немощны, однакожъ наполнялись замыслами, а особливо о восстановленіи самодержавства. Напротивъ же того сколь скоро соизволила ея импер. величество въ европейскія дѣла съ большею силою вступить, поставив сперва за субсидіи (которыхъ въ два года безъ мала милліонъ рублей чистыми деньгами въ казну ея императ. величества получено, кромѣ тѣхъ, что помощный корпусъ ходилъ) знатный обсерваціонный корпусъ войскъ, и больше отправа потомъ и дѣйствительно другой на помощь морскимъ державамъ: тотъ часъ все состояніе европейскихъ дѣлъ весьма другой видъ получило. Король прусскій не учинилъ уже такого жъ въ Богемію впаденія, какимъ онъ въ 1743 году Францію изъ лабиринта вывелъ, и принца Карла изъ Эльзаса назадъ чрезъ Рейнъ перейти принудилъ. Франція, лишаясь чрезъ то дѣйствительной помощи сего сильнѣйшаго и подлинно нужнаго ей помощника, а паче увидя поспѣшающей противъ ея морскимъ державамъ на помощь корпусъ войскъ ея императ. величества, гораздо умѣреннѣйшими свои запросы сдѣлала. И такъ помянутый корпусъ не ходилъ больше, какъ только чтобъ славу оружія ея импер. величества по всей Европѣ разнести, ласкательный титулъ европейской миротворительницы монархинѣ своей, возвращаясь назадъ, въ даръ посвятить, и знатныя суммы денегъ какъ съ собою привезть, такъ и здѣсь отсутствіемъ своимъ въ казнѣ ея императ. величества сберечь. Все сіе призна-

ваетъ уже цѣлый свѣтъ, и особливо нынѣ не признавать не можетъ, когда дальнѣйшее дѣль происшествіе подтвердило, что единственно мудрымъ ея императ. величества резолюціямъ приписывать надобно и дарованную на время Европѣ тишину, и покой, въ которомъ король прусскій самъ остался и своихъ сосѣдей оставилъ. Самыми настоящими дѣлами оное доказывать не трудно, но коротко и ясно сказать можно: что какъ только начали въ прошломъ году изъ стоявшихъ въ Лифляндіи войскъ убавку дѣлать, король прусскій тотчасъ поднялся Саксонцевъ даже нападеніемъ угроживать; а какъ еще минушею зимою помянутая войскъ убавка и знатнѣйшею учинена, то ни мало затѣмъ не мѣшкая, завелъ онъ настоящую съ Великобританіею распрю, угроживая притомъ атакваніемъ Ганновера. Что онъ и дѣйствительно на сіе поступить готовъ и въ состояніи, оное само собою доказывается прежнимъ и настоящимъ его поведеніемъ, предпримчивымъ, отважнымъ и властолюбивымъ нравомъ, содержаніемъ во всегдашней къ походу готовности войскъ его, да и самую почти надобностію упражнять ихъ въ военныхъ трудахъ и подвигахъ, будучи число ихъ такъ велико, что превосходить нужное къ собственной его безопасности.

«Излишне бы толковать, коль вредительно интересамъ ея императ. величества усиленіе короля прусскаго. Всему свѣту знакомая исторія то показываетъ: дѣдъ и отецъ его, не имѣвши толикихъ силъ, по близости къ Россіи, не гордиться и ссориться, но союза съ нею искать принуждены были, слѣдовательно и симъ союзомъ силы россійскія прирастали, по меньшей мѣрѣ съ той стороны опасаться нечего было. Напротивъ уже того какая великая разность! Сей самый союзникъ, или, по меньшей мѣрѣ, для Россіи индифферентный, или же, лучше сказать, отъ нея зависѣвшій дворъ, сдѣлался ей такимъ сосѣдомъ, который всѣхъ опаснѣе и толь больше, что, соединясь неразрывными и непремѣняемыми интересами съ Франціею, его всегдашнимъ и натуральнымъ Россіи непріателемъ почитать должно. Лѣзляи подумать, чтобъ онъ отъ Франціи отсталъ, когда ни та безъ него, ни онъ безъ нея устоять и себя сохранить не могутъ. Безъ Франціи давно уже отняли бъ у него Шлезію назадъ; а и безъ него, при переходѣ принца Карла за Рейнъ, думать надобно, что

въ Агенѣ заключенный миръ иногда внутри Франціи заключенъ былъ бы.

«Однимъ словомъ, чѣмъ сильнѣе онъ, тѣмъ нужнѣе Франціи, тѣмъ больше союзъ его съ нею твердъ и тѣмъ болѣе Россіи онъ вредителенъ и опасенъ. Да такимъ быть онъ желаетъ и ищетъ, правда и дѣйствительно такимъ уже есть; но чтобъ еще больше быть, то нѣтъ лучшаго пути и способу, какъ разореніе Ганновера. Область ему весьма сручная и смежная, съ его стороны открытая и никакихъ крѣпостей неимущая, а напротивъ того собою, а еще больше хранимымъ тамо великимъ короля аглинскаго сокровищемъ такъ богатая, что ежели онъ находящіяся въ Ганноверѣ со сто милліоновъ наличныхъ денегъ схватить, то можно ему будетъ тѣми одними деньгами двадцать лѣтъ самую сильную войну производить. Куда бъ онъ тогда оружіе свое ни обратилъ, оно равно и всегда интересамъ ея импер. величества вредительно и опасно, а толь больше, когда дальновидные его съ Франціею замыслы уже довольно извѣстны. Проекты ихъ открыты и со всѣхъ сторонъ подтверждаются, чтобъ принца Контія на польской престолъ возвести. Королю прусскому сіе дѣлать надобно; но станетъ ли онъ даромъ, не выговоря взаимныхъ себѣ выгодностей? Курляндія его брату, нечаятельно, чтобъ довольнымъ награжденіемъ показалась, и такъ конечно и польская Пруссія ему жъ предопредѣляется. Каковъ онъ тогда Россіи сосѣдъ будетъ, оно всякому судить оставляется; но къ сохраненію себя при сихъ авантажахъ не надобно ли ему искать ближняго и достаточнаго союзника? Франція у него есть; но хороша она для вѣнскаго двора; а отъ Россіи конечно нужна имъ обоимъ, а ему больше, Швеція. Въ союзѣ съ ними она и находится, а къ Россіи по временамъ, то явнымъ, то внутреннимъ, а всегда постояннымъ и злобнымъ непріателемъ есть. По сему непремѣняемому правилу, что всегда стараться надобно не токмо о сохраненіи, но и о усиленіи своего союзника, дабы онъ не въ тягость, но полезенъ былъ, не стануть ли они стараться, Швеціи потерянные и Россіи уступленные провинціи доставить? Ручаться въ томъ никто не можетъ, только бы конъюнктуры имъ хотя мало способными къ тому показались. Когда жъ имъ лучшихъ и ждать, буде не тогда, какъ разоря Ганноверъ, король прусскій тамошнимъ сокровищемъ набо-

гатится! Вся Европа видѣла, что онъ ни шлезскіе великіе доходы, ни съ Саксоніи содранные миллионы въ кладъ не клалъ, но восьмьюдесятью тысячами войска свои умножилъ, которыя одними шлезскими доходами, сколько извѣстно, содержатся.

«Что интересы и слава ея импер. величества неотмѣнно требуютъ скорою помощію спасать и защищать такого союзника, который ей толь натураленъ и надобенъ какъ король англійскій, оное само собою понятно, а особливо, что подаваемая ему помощь всемѣрно столько жъ для Ганновера важна, сколько для самой Россіи нынѣ и для переду выгодна, когда токмо оная съ надлежащею поспѣшностію дана и негоціація до своего совершенства съ крайнимъ секретомъ производима будетъ. Почти ручаться можно, что сколь скоро заключаемая о семъ конвенція ратификуется и отправленіемъ указовъ о собраніи войскъ въ лагерь на лифляндскихъ границахъ и о приготовленіи къ походу галеръ извѣстною сдѣлается, то конечно тотчасъ король прусскій замыслы свои отставитъ и Ганноверъ также въ покоѣ пребудетъ, какъ наконецъ въ послѣднюю войну Богемія и со всѣмъ войскомъ обнаженная отъ него однакожъ въ покоѣ оставлена была, когда войска ея импер. величества на тѣхъ же лифляндскихъ границахъ собраны находились. Такъ не славно ли будетъ для ея импер. величества, что однимъ движеніемъ ея войскъ разрушаются всѣ противныхъ дворовъ замыслы и сохраняются ея союзники; меньше ли притомъ полезно, когда за сіе одно Англія пропорціональнныя субсидіи платить станетъ? Пускай бы и дѣйствительно до того дошло, что король прусскій Ганноверъ атакуетъ и войскамъ ея импер. величества по силѣ заключенной о томъ конвенціи въ Пруссіи диверсію сдѣлать надобно будетъ, не усматривается и въ томъ отнюдь никакого несходства. Усерднымъ и ревнительнымъ генераламъ желанный доставится случай къ оказанію и своего искусства и храбрости; офицерство, которое и въ послѣдній походъ другъ предъ другомъ наперерывъ идти искало, радоваться жъ будетъ случаю показать свои заслуги. Солдатство употребится въ благородныхъ званію его пристойныхъ упражненійхъ, въ которыхъ они всѣ никогда довольно эксерцированы быть не могутъ.»

Императрица, выслушавъ предложеніе Гюндикенса и министерское мнѣніе, приказала: 1) такъ какъ въ вѣнскій дворъ имѣеть не

меньше интереса въ защищеніи Ганновера, какъ и здѣшній, и хотя англійскій министръ предъявляетъ объ обнадеживаніи со стороны вѣнскаго двора, однако для лучшей надежности освѣдомиться въ конференціи съ барономъ Претлакомъ и англійскимъ министромъ, какимъ образомъ въ этомъ дѣлѣ вѣнскій дворъ хочетъ помогать англійскому двору. 2) Такъ какъ выставленное на лифляндскихъ границахъ войско можетъ быть употреблено на диверсію въ Пруссію, а на его мѣсто должно быть выставлено другое войско, то спросить у англійскаго посланника, что его дворъ заплатитъ за это новое войско. 3) Потребовать внесенія въ договоръ, что если Пруссія, злобась на Россію за помощь Ганноверу, нападетъ на нее, то Англія обязывается, во все время войны платить Россіи по милліону голландскихъ ефимковъ ежегодно, и если въ то же время Швеція нападетъ на Россію, то Англія на помощь послѣдней высылаетъ свой флотъ; если же нападетъ одна Швеція, то Англія помогаетъ Россіи кораблями или деньгами.

Началась пересылка проектовъ и контръ-проектовъ конвенціи ¹⁵⁵.

Въ Петербургѣ происходили конференціи между русскимъ канцлеромъ и представителями Австріи и Англии по поводу Пруссіи; на другомъ концѣ Европы, въ Константинополѣ происходили совѣщанія представителей Россіи, Австріи и Англии по поводу интригъ французскихъ. Французскій посланникъ предложилъ Портѣ, чтобъ она во 1) договорилась съ Франціею о мѣрахъ для защиты польской вольности, и во 2) возобновила союзъ съ прусскимъ королемъ; при этомъ Французъ выставилъ на видъ опасность, какая грозитъ Портѣ отъ новыхъ сербскихъ поселеній за Днѣпромъ. Послѣднее указаніе привело Обрѣзкова въ большую тревогу; но онъ былъ успокоенъ отвѣтомъ Порты, что она заботится о польской вольности и, по нѣкоторымъ причинамъ, должна отложить заключеніе союза съ Пруссіею ¹⁵⁶.

ГЛАВА IV.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1754 годъ.

Мѣры для составленія Уложенія.—Учрежденіе купеческаго банка.—Постановленіе о выдачѣ бѣдлыхъ.—Уничтоженіе внутреннихъ сборовъ въ Малороссіи.—Коммиссія объ Уложеніи.—Положеніе суднаго приказа.—Помѣщичьи усабицы.—Столеновеніе церковныхъ крестьянъ съ причтомъ.—Непріятная переписка между синодомъ и сенатомъ, между сенатомъ и адмиралтейскою коллегіею.—Положеніе новоучрежденнаго купеческаго банка.—Продажа соли.—Мѣры относительно повивальныхъ бабокъ.—Обширный проектъ Петра Ив. Шувалова о сохраненіи народа.—Рожденіе великаго князя Павла Петровича.—Письмо канцлера Бестужева къ брату, Михайлу Петровичу.—Послѣдній не перестаетъ сердиться на брата.—Дѣло о переселеніи Черногорцевъ въ Россію.—Затруднительные переговоры съ Польшею по дѣлу о выдачѣ бѣдлыхъ, по курляндскимъ дѣламъ и по дѣлу Чарторыйскихъ.—Продолженіе переговоровъ съ Англіею о субсидномъ трактатѣ.— Столкновеніе съ Турціею по поводу строенія крѣпости св. Елисаветы.

Елисавета пребыла въ Москвѣ и первые четыре мѣсяца съ половиною 1754 года, и только 19 мая возвратилась въ Петербургъ. Но удобства зимняго пути заставили императрицу еще 3 января объявить, что сама она отправится въ Петербургъ въ маѣ мѣсяцѣ, а всѣ канцеляріи пусть отправляются послѣднимъ зимнимъ путемъ, также и изъ членовъ ихъ, кто пожелаетъ ¹⁵⁷. Послѣднимъ распоряженіемъ относительно Москвы было приказаніе снести построенный близъ Красныхъ воротъ комедіальный нѣмецкій домъ ¹⁵⁸.

Если пребываніе въ Москвѣ 1753 года ознаменовано было знаменитымъ указомъ объ отмѣнѣ внутреннихъ таможенъ, то и

пробываніе 1754 года было ознаменовано также важными распоряженіями. Уже нѣсколько лѣтъ императрица не присутствовала въ сенатѣ; но тутъ два раза постѣтила его. 11 марта собрались въ сенатъ президенты коллегій, канцелярій и приказовъ, вице-президенты, главные судьи и члены и подали мнѣнія о происходящихъ въ судахъ спорахъ о запискѣ спорныхъ рѣчей въ особыя тетради и о взятіи экстрактовъ изъ нерѣшенныхъ дѣлъ въ юстицъ-коллегію. Въ десятомъ часу въ сенатъ вошла императрица и эти мнѣнія слушаны были въ ея присутствіи. Во время слушанія этихъ мнѣній разсуждали: когда по суднымъ дѣламъ челобитчику или отвѣтчику доидеть до объявленія крѣпостей, то изъ нихъ нѣкоторые, особенно ябедники, чтобъ дѣло протянуть и къ рѣшенію недопустить, показываютъ, будто крѣпостей при нихъ нѣтъ, будто съ этими крѣпостями люди ихъ посланы для сыску бѣглыхъ крестьянъ въ Астрахань и другіе дальніе города; а иные объявляютъ, будто крѣпости у нихъ и вовсе пропали или люди, бѣжавъ, покрали; другіе же сказываютъ, что во время пожаровъ сгорѣли.

Императрица, разсуждая съ немалымъ сожалѣніемъ о своихъ подданныхъ, что иные, при всей справедливости ихъ дѣла, чрезъ разные коварные и ябедническіе вымыслы, должнаго себѣ удовлетворенія и скорого въ дѣлахъ своихъ рѣшенія получить не могутъ, а между тѣмъ есть и такіе, которые продолжаютъ время необъявленіемъ крѣпостей, — полагала, чтобъ всякого чина люди хранили крѣпости, какъ самыя нужныя бумаги, и въ случаѣ пропажъ и утратъ въ пожарное время брали выписи изъ присутственныхъ мѣстъ и впредь никакой отговорки не представляли.

Главный судья суднаго приказа Юшковъ упомянулъ, что бѣглыхъ крестьянъ велѣно отдавать по Уложенію, по писцовымъ и переписнымъ книгамъ 135, 136, 134 и 135 годовъ, а эти книги были составлены задолго до Уложенія, и теперь не только дѣтей и внучатъ, но и правнучатъ этихъ бѣглыхъ, но и дальше лѣтъ за сто и болѣе ищутъ, и одинъ помѣщикъ по своимъ, а другой по своимъ деревнямъ имена подбираютъ, и приводные, изъ страха, не зная кому достанутся, говорятъ такъ, какъ приводцамъ надобно, и кто сначала приведетъ, того и сказываются, а когда того же бѣглаго приведетъ другой соперникъ, то станетъ называться его крестьянникомъ, и въ перемѣнныхъ рѣчахъ

доходить до пытки и кровопролитія; а если бы самого мѣтца или отвѣтчика спросить подъ присягою, подлинно ли это ихъ прадѣдовъ или дѣдовъ люди и крестьяне, то присягнуть бы не посмѣли.

Это замѣчаніе подало поводъ къ разсужденію, что сомнительно, чтобъ приведенные изъ бѣговъ, какъ подлые люди, могли помнить свою родословную, да и послѣ означенныхъ годовъ были новыя переписи, и потому надобно опредѣлить, по какимъ позднѣйшимъ переписямъ отдавать бѣглыхъ для избѣжанія затрудненій и пытокъ отъ разнорѣчій. При этомъ императрица прибавила, что не только подлые люди, но и знатные, оставшіеся послѣ отцовъ и матерей въ малолѣтствѣ, безъ справки не могутъ указать свою восходящую линію.

Тутъ сенаторъ графъ Петръ Ив. Шуваловъ обратился къ императрицѣ съ такими словами: «Для совершеннаго пресѣченія продолжительности судовъ нѣтъ другого способа, кромѣ указаннаго уже вашимъ императ. величествомъ, когда вы изволили подтвердить указы родителей своихъ и ихъ преемниковъ, а которые съ настоящимъ временемъ не сходны, то повелѣли разобрать сенату. Хотя мы разборомъ этихъ указовъ и занимаемся; но нельзя надѣяться, чтобъ мы удовлетворили желанію вашего импер. величества, если будемъ слѣдовать принятому порядку, ибо никто изъ насъ не посмѣетъ сказать, чтобъ онъ всякаго департамента дѣла зналъ въ такой же тонкости, какъ знаютъ ихъ служащіе въ тѣхъ мѣстахъ, которые въ совершенствѣ знаютъ излишки и недостатки въ указахъ, затрудняющіе ихъ при рѣшеніи дѣлъ. И потому каждое мѣсто должно разбирать указы, относящіеся къ подвѣдомственнымъ ему дѣламъ, и пока этого не будетъ, нельзя ожидать окончанія Уложенія, надъ которымъ велѣлъ работать Петръ Великій, для котораго при императрицѣ Аннѣ было собрано дворянство, но распущено, ибо не принесло никакой пользы. Ваше величество, съ начала своего государствованія, тому уже 12 лѣтъ, какъ изволили приказать намъ заняться этимъ дѣломъ; но, по несчастію нашему, мы не сподобились исполнить желаніе вашего величества: у насъ нѣтъ законовъ, которые бы всѣмъ, безъ излишку и недостатковъ, ясны и понятны были, и вѣрноподанные рабы ваши не могутъ пользоваться этимъ благополучіемъ.»

Выслушавъ это мнѣніе и выразивъ не малое сожалѣніе о своихъ вѣрноподанныхъ, которые страдаютъ отъ разныхъ ябедническихъ вымысловъ, императрица изъявила такое свое намѣреніе, что преимущественно предъ прочими дѣлами надобно сочинить ясные законы и тому положить немедленно начало. Потомъ разсуждала, что нравы и обычаи измѣняются съ теченіемъ времени, почему необходима и перемѣна въ законахъ; наконецъ замѣтила, что нѣтъ человѣка, который бы въ подробности зналъ всѣ указы, относящіеся ко всѣмъ департаментамъ и потому могъ бы отворатить всѣ излишки и дополнить все недостающее, развѣ бы имѣлъ ангельскія способности.

Съ этими словами императрица встала и вышла изъ собранія, въ первомъ часу пополудни. Послѣ нея сенатъ опредѣлилъ приступить къ сочиненію ясныхъ и понятныхъ законовъ ¹⁵⁹.

Еще 23 февраля сенаторъ графъ Петръ Шуваловъ предложилъ сенату: при петербургскомъ портѣ нынѣ курсъ на російскія деньги состоитъ высокій и чрезвычайные проценты давать должны для того, что во обращеніи въ Петербургѣ денегъ имѣется недовольное число и російскіе купцы наличныхъ денегъ мало жь имѣютъ, отъ чего и коммерція можетъ въ унадокъ придти и въ платежъ внутреннихъ пошлинъ по 13 копѣекъ съ рубля будетъ недостатокъ; а на монетныхъ дворахъ капиталъ состоитъ въ не малой суммѣ безъ всякого плода: того ради для одного купчества банкъ до полмилліона, и на первый случай хотя до 200,000 рублей опредѣлить и отдавать торгующимъ въ Петербургѣ купцамъ изъ процентовъ не менѣ мѣсяца и не болѣе полугода. Въ мартѣ сенатъ посвятилъ шесть засѣданій сужденію по поводу именного указа объ учрежденіи для дворянства государственнаго банка и предложенія Шувалова объ учрежденіи для купчества банка. Рѣшено подать императрицѣ докладъ объ учрежденіи дворянскаго банка изъ денегъ, собираемыхъ съ вина, въ 750,000 рублей, а для купчества изъ капитальныхъ денегъ, находящихся на монетныхъ дворахъ, въ 500,000 рублей: изъ перваго давать только русскимъ дворянамъ, а иностраннымъ такимъ, которые обязались быть въ вѣчномъ подданствѣ Россіи *фазалами* (вассалами), и владѣютъ въ Великой Россіи недвижимыми имѣніями; изъ втораго однимъ русскимъ купцамъ, торгующимъ при петербургскомъ портѣ.

Въ маѣ, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, сенатъ опредѣлилъ, чтобъ бѣглыхъ отдавать по сказкамъ съ 1719 года; рассмотрѣлъ межевую инструкцію, и рѣшено быть при сенатѣ главной межевой канцелярїи, въ которой присутствовать генераль-лейтенанту Фермору, дѣйств. стат. совѣтнику Петру Квашнину-Самарину и сенатскому оберъ-секретарю Александру Глѣбову. 12 мая императрица въ другой разъ присутствовала въ сенатѣ и апробовала сенатское рѣшеніе о выдачѣ бѣглыхъ, межевую инструкцію, учрежденіе обоихъ государственныхъ банковъ. Въ томъ же за сѣданіи Елисавета подписала указъ, служившій сильнымъ противоядіемъ возстановленію гетманства въ Малороссіи: соответственно уничтоженію внутреннихъ таможенъ въ Великой Россіи уничтожены внутренніе таможенные сборы, или такъ-называемыя *индукта* и *секта* въ Малороссіи «для уравнинія свободностію малороссійскаго, равно подданнаго жъ ея импер. величества народа». Такъ достойно, хотя и безсознательно, былъ отпразднованъ столѣтній юбилей присоединенія Малой Россіи къ Великой въ 1654 году¹⁶⁰.

По возвращеніи въ Петербургъ занялись возбужденнымъ въ Москвѣ вопросомъ объ Уложеніи. Сенатъ приказали: для лучшаго и скорѣйшаго рассмотрѣнія Уложенія и указовъ, по которымъ бы сумнительства пресѣчены, недостатки дополнены и излишки исключены были, учредить при сенатѣ комиссію и въ оной засѣдать генераль-майору и генераль-рекетмейстеру Дивову, юстиць-коллегии статскому дѣйствительному совѣтнику Эмме, стат. совѣтнику Безобразову, стат. совѣтнику Юшкову, коллежскому-ассессору Ляпунову, Десьянсъ-академіи профессору Штрубе и магистратскому бургомистру Вихляеву; имѣть имъ разсужденіе о подлежащихъ дѣлахъ до юстиць и вотчиной коллегіи, до суднаго и сыскаго приказовъ и до порядочнаго произвожденія въ судахъ магистратскихъ, и ежели изъ того что касаться будетъ къ духовенству, тогда къ общему положенію требовать отъ синода духовныхъ персонъ, прочимъ же коллегіямъ и канцелярїямъ имѣть разсужденіе по тѣмъ однимъ дѣламъ, которыя до тѣхъ касаются, изыскивая, отчего по обстоятельствамъ нынѣшняго времени въ теченіи оныхъ происходитъ продолженіе, и обо всемъ томъ съ яснымъ описаніемъ довольныхъ резоновъ сочинить на всякую матерію одинъ указъ. Генераль-майору Степану

Салтыкову да полковникамъ, князю Григорію Мещерскому и Степану Языкову имѣть разсужденіе какъ по дѣламъ, касающимся военной коллегіи, такъ о козакахъ, калмыкахъ и о всѣхъ легкихъ войскахъ; о дѣлахъ же прочихъ коллегій и канцелярій сочинить о разныхъ матеріяхъ пункты: по провіантской канцеляріи полковнику Лукѣ Волкову, по комиссаріату тайному совѣтнику Кисловскому, по кадетскому корпусу полковнику Алексѣю Мельгунову, по артиллеріи подполковнику Корнилію Бороздину, по инженерной канцеляріи подполковнику Ельчанинову, по ревизіонъ-коллегіи коллежскому совѣтнику Ивану Горчакову, по камеръ-коллегіи вице-президенту Козьмину, по статсъ-конторѣ коллеж. совѣтнику князю Егору Амилахорову, по корчемной канцеляріи коллеж. совѣтнику Алексѣю Ѳедорову, по соляной главной конторѣ коллеж. совѣтнику Алексѣю Сергѣеву, по вальдмейстерской статскому совѣтнику Макару Баракову, по канцеляріи отъ строеній коллеж. совѣтнику Дмитрію Лобкову, по мастерской и оружейной палатѣ коллеж. совѣтнику Алексѣю Аргамакову, по камеръ-коллегіи коллеж. совѣтнику Сергѣю Меженинову, по бергъ-коллегіи коллеж. совѣтнику Никифору Клеопину, по мануфактуръ-коллегіи вице-президенту Геннингеру, по монетной канцеляріи стат. совѣтнику Василью Неронову, по конторѣ потѣшной коллеж. ассессору Дмитрію Ладыгину, по полиціи коллеж. совѣтнику Ивану Козлову, по ямской канцеляріи коллеж. совѣтнику Льву Василевскому, по конфискаціи коллеж. совѣтнику Ѳедору Нашокину, по академіи наукъ коллежскому ассессору Тауберту, по медицинской канцеляріи профессору Шрейберу, по тайной канцеляріи оберъ-секретарю Хрущову, по раскольнической конторѣ коллеж. совѣтнику Алексѣю Яковлеву. Когда въ сенатъ будетъ поданъ планъ упомянутой комиссіи, то во всѣ коллегіи и канцеляріи послать съ него для вѣдома точныя копіи, дабы уже по тѣмъ матеріямъ назначенныя по разнымъ коллегіямъ и канцеляріямъ персоны не имѣли нужды болѣе трактовать, а сочиняли бь о такихъ дѣлахъ, о которыхъ въ упомянутомъ планѣ не будетъ предписано. Губернскимъ канцеляріямъ сочинять пункты по однѣмъ такимъ матеріямъ, которыя по состоянію тѣхъ губерній къ пользѣ общенародной быть могутъ ¹⁶¹.

Медленность въ судебныхъ дѣлахъ возбуждала всеобщія и громкія жалобы, и вотъ судебный приказъ подаетъ въ сенатъ доне-

сеніе: изъ неоконченныхъ судовъ сего января 14 имѣлось въ одинъ день сроковъ по 40 дѣламъ, а въ приказѣ судебная палата длиною 8, а шириною 4 аршина, и 14 числа для записки въ оную палату вмѣстилось съ крайнею тѣсною только 7 судовъ, а прежде записывалось въ одно время вдругъ судовъ по 20, сколько когда приказныхъ служителей случится; во время записки этихъ семи судовъ что истецъ и отвѣтчикъ въ судѣ говорятъ—всѣхъ ихъ рѣчей судьямъ точно слышать не возможно, во время же тѣхъ судовъ записки между судящимися происходятъ споры, которые при той же запискѣ собраніемъ разбираются; за малымъ числомъ секретарей и приказныхъ служителей бываетъ у каждаго новытчика въ одинъ срочный день судовъ отъ трехъ до семи и болѣе, изъ которыхъ новытчики записываютъ по одному суду; теперь въ приказѣ у дѣлъ секретарей четверо, а три человѣка въ юстицъ-коллегіи подъ слѣдствіемъ; всего приказныхъ 31 человѣкъ, въ томъ числѣ старые и дряхлые и къ дѣламъ неспособные; всѣ секретари и приказные служители безъ жалованья ¹⁶².

Недостатку въ приказныхъ служителяхъ въ нѣкоторой степени помогло уничтоженіе внутреннихъ таможенъ: приказные, употреблявшіеся здѣсь немедленно были распределены по другимъ мѣстамъ; но помочь другому злу, назначить всѣмъ чиновникамъ жалованье было трудно по тогдашнему состоянію финансовъ. Нашли необходимымъ положить жалованье приказнымъ сыскаго приказа «чтобъ они могли содержать себя безъ всякихъ пристрастій» ¹⁶³. А дѣлъ въ сысканомъ приказѣ не могло уменьшиться. Пришли извѣстія, что въ смоленскомъ уѣздѣ появились воры и разбойники отъ 50 до 100 человѣкъ; въ арзамаскомъ, алаторскомъ и инсарскомъ уѣздахъ въ разныхъ мѣстахъ происходятъ разбои и смертныя убійства, такъ что едва ли когда тамъ такъ много разбоевъ было. Крестьянскія и помѣщичьи междусобія продолжались: когда крестьяне адмирала кн. Голицына подмосковной вотчины села Яковлевскаго (Пехорка тожъ) косили сѣно, то вотчины генеральши Стрѣшневой села Соколова дворовый человѣкъ Алексѣевъ, да деревни Леоновой староста Спиридоновъ, собравшись съ дворовыми людьми и крестьянами, человѣкъ до 70, съ ружьемъ, дубьемъ и палашами, напали на голицынскихъ крестьянъ и, захвата 12

человѣкъ, привезли въ Соколово и посадили въ погреба. Въ карачевскомъ уѣздѣ люди и крестьяне поручика Сафонова выѣхали косить сѣно, какъ напали на нихъ трое помѣщиковъ Львовыхъ, одинъ совѣтникъ, другой ассессоръ, третій корнетъ, да прикащики двоихъ другихъ Львовыхъ съ людьми и крестьянами, человѣкъ до 600, помѣщики и прикащики верхами, а крестьяне пѣшкомъ, напали тайно изъ лѣсу и начали бить и рѣзать, убито было 11 человѣкъ, смертельно ранено 43, безъ вѣсти пропало два человѣка. Львовы, выступая въ походъ, взяли съ собою двоихъ священниковъ и, отошедши съ версту отъ своего села Глыбочекъ, остановились подъ сосною рощею у колодца, отслужили молебень съ водосвятиемъ, помѣщики и люди ихъ приложились къ образу, и Львовы начали увѣщавать своихъ, чтобъ стояли крѣпко противъ враговъ, «имѣли неуступную драку», не выдавая другъ друга, а кто не устоитъ, того самимъ колоть до смерти. Послѣ всего этого помѣщики выбрали лучшихъ крестьянъ и, напоивъ ихъ виномъ, повели въ атаку. Сафоновъ подалъ просьбу на Львовыхъ въ сѣвскую канцелярію, потому что въ Карачевъ чрезъ львовскія деревни проѣхать ему было нельзя, да и карачевскій воевода со Львовыми въ свойствѣ. Тогда синодальный оберъ-прокуроръ Аванасій Львовъ, котораго прикащикъ участвовалъ въ побоищѣ, подалъ просьбу въ сенатъ, что Сафоновъ поступилъ неправильно, затѣявъ дѣло въ чужой канцеляріи, стакнувшись съ сѣвскимъ воеводою. Но сенатъ не обратилъ вниманія на эту просьбу и велѣлъ оканчивать дѣло въ сѣвской канцеляріи.

Крестьяне суздальскаго уѣзда подали жалобу, что многіе помѣщики ѣздятъ въ чужія дачи со псовою охотою и мнутъ хлѣбъ, а когда они крестьяне станутъ запрещать имъ это, то ихъ бьютъ. Съ другой стороны, нижегородскій помѣщикъ генераль-майоръ Каменскій подалъ просьбу, что въ нижегородской губернской канцеляріи при платежѣ крестьянами его подушныхъ и канцелярскихъ сборовъ, судьи, секретари и приказные служители берутъ съ нихъ сверхъ настоящихъ окладныхъ податей великія взятки, которыя превосходятъ суммою настоящіе платежи, и прислалъ этимъ взяткамъ расходныя записки старость своихъ¹⁶⁴.

Синодъ жаловался, что крестьяне муромскаго собора оказы-

вають духовенству собора «озарническія продерзости, грабятъ его хлѣбъ, завладѣвають рыбными ловлями и покосами.» Выборные крестьяне этихъ соборныхъ вотчинъ, съ своей стороны, подали въ сенатъ просьбу, что по грамотамъ крестьяне работать на соборное духовенство не обязаны, обязаны только давать по пяти рублей съ выти, что и платили бездомочно; но недавно протопопъ отнялъ у нихъ отъ каждаго двора по десятинѣ и принудилъ пахать; отъ этого и отъ другихъ насильствъ 22 семьи разбѣжались, а новый протопопъ Павелъ Ивановъ, сынъ стараго, притѣснялъ ихъ больше отцовскаго, отнялъ еще земли по три загона на тягло и эти сѣнные покосы отдалъ въ наемъ по 70 рублей въ годъ, отдалъ также въ наемъ рыбныя ловли, отнялъ у крестьянъ мельницу, и они должны на своей мельницѣ молоть хлѣбъ платя деньги. Протопопъ отъ всѣхъ этихъ статей получаетъ въ годъ по 335 рублей; а ихъ привелъ въ конечное разореніе, еще 15 семей разбѣжались, за которыхъ подушныя деньги платять оставшіеся крестьяне; очередныхъ въ рекруты не отдаетъ, а у прочихъ крестьяхъ дѣтей ловить и отцовъ и матерей забираетъ и бьетъ своими руками, а иныхъ и кнутьями, чтобъ они дѣтей своихъ поставили и отдаетъ въ рекруты за одного по два и беретъ въ складку отъ другихъ помѣщиковъ немалыя деньги. Крестьяне жаловались преосвященному еще въ 1739 году; тотъ назначилъ слѣдователя, духовныхъ дѣлъ старосту, попа Федора Бокова, но поипъ, по свойству съ протопопомъ, слѣдствія не произвелъ. Въ 1740 году жаловались въ синодъ; но какъ только протопопъ узналъ объ этомъ, то, по согласію съ воеводою и подъячимъ, подаль въ канцелярію прошеніе, что крестьяне ему ослушны, въ слѣдствіе чего забрали ихъ человѣкъ 40 и били плетьюми, приговаривая, чтобъ на протопопа ни гдѣ не просили. Подали вторичную жалобу въ синодъ, и опять ничего не сдѣлано; а протопопъ беретъ ихъ сыновей, женить насильно на купленныхъ своихъ женкахъ и держать у себя какъ купленныхъ холопей; а подушныя платять за нихъ крестьяне, многихъ крестьянокъ мучить въ домѣ своемъ тяжкою работою, требуя взятокъ; а священникъ Василій Степановъ беретъ изъ деревень дѣвокъ и женокъ молодыхъ и держать у себя по мѣсяцу, забывъ страхъ Божій, имѣя законную жену.

Синодъ еще въ 1733 году освободился отъ своего оберъ-прокурора князя Якова Шаховскаго, который былъ сдѣланъ генераль-кригсъ-коммиссаромъ на мѣсто Степана Фодоровича Апраксина. Мѣсто Шаховскаго въ синодѣ занялъ Аванасій Львовъ, который такъ неловко вмѣшался въ дѣло своихъ родственниковъ и своего прикащика противъ Сафонова. Въ описываемомъ году синодъ получилъ изъ сената очень неприятную для него бумагу. Сенатъ потребовалъ вѣдомостей: 1) сколько въ каждомъ монастырѣ положено быть монаховъ и сколько на нихъ опредѣлено порцій? 2) Сколько изъ этого наличнаго числа монаховъ убыло и притомъ сколько ихъ порцій осталось? 3) Нынѣ на тѣхъ порціяхъ отставныхъ штабъ-оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ сколько содержится? Синодъ отвѣчалъ, что вѣдомостей прислать не можетъ, ибо положеніе о монахахъ, составленное въ преждебывшемъ монастырскомъ приказѣ (если только такое положеніе было) вмѣстѣ съ прочими дѣлами бывшей коллегіи экономіи сгорѣло въ московскій пожаръ 1737 года. За этимъ слѣдовала длинная жалоба на недостатокъ въ содержаніи монастырей; если и бываютъ остатки отъ доходовъ, то не всегда и не во всѣхъ монастыряхъ, истрачиваются въ другіе года въ случаѣ нужды, за хлѣбнымъ недородомъ: «и тако за онымъ винословіемъ тѣхъ остатковъ дѣйствительно и утвердительно чтобъ всегда могли быть въ своемъ совершенно достаточномъ и единственномъ состояніи почитать отнюдь не должно и невозможно,» говорилось въ отвѣтѣ синода. Но сенатъ, не тронувшись этимъ винословіемъ, приказалъ: написать въ синодъ вѣдѣніе, что въ 1744 году, 13 апрѣля, въ общей конференціи синода съ сенатомъ, при слушаніи выписки о опредѣленіи отставныхъ военныхъ для пропитанія въ монастыри, члены синода сообщили, что изъ нѣкоторыхъ епархій и монастырей къ сочиненію штатовъ вѣдомости присланы, а съ остальныхъ взыскиваются, и разсуждалось о томъ, чтобъ въ св. синодѣ сочинить штаты о доходахъ денежныхъ, хлѣбныхъ и всякихъ во всѣхъ епархіяхъ и монастыряхъ и росписать, сколько въ какой епархіи и монастырѣ надлежитъ содержать духовныхъ, штабъ-оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ; при томъ же надобно надѣяться, что и о положеніи прежде бывшаго монастырскаго приказа въ канцеляріи синодальнаго экономическаго правленія извѣстіе есть, ибо

почему какихъ доходовъ въ ту канцелярію ежегодно собирать должно и сколько нужно оставлять въ домахъ архіерейскихъ и монастыряхъ, для этого въ канцеляріи находятся окладныя книги, изъ которыхъ можно составить вѣдомости безъ дальняго затрудненія въ перепискѣ и продолженія времени, что и благоволятъ св. синодъ учинить въ непродолжительномъ времени¹⁶⁵.

Адмиралтейская коллегія также получила неприятный отвѣтъ отъ сената. Эта коллегія считала 700,000 рублей въ недосылкѣ съ 740 по 752 годъ изъ 1,200,000 рублей, положенныхъ на нее изъ таможенныхъ, кабацкихъ и канцелярскихъ сборовъ, и потребовала выдачи этихъ 700,000. Сенатъ приказалъ отказать, потому что въ 752 году положено изъ отпускаемой на адмиралтейство суммы строить кронштадтскій каналъ, доки и прочее, но вмѣсто того съ 743 года понынѣ изъ другихъ государственныхъ доходовъ на это строеніе въ отпуску 1,243,738 рублей, чѣмъ недосылка и замѣняется.

Новое финансовое учрежденіе, купеческій банкъ обратился къ сенату за разрѣшеніемъ встрѣченнаго имъ затрудненія, которое грозило разрушить его въ самомъ началѣ: ему велѣно было брать въ годъ по шести процентовъ съ рубля; купецъ, требующій денегъ, долженъ объявить подъ закладъ привезенный имъ къ петербургскому порту товаръ для удостовѣренія, что его больше четвертою долею противъ требуемой имъ суммы; когда онъ объявитъ о мѣстѣ, гдѣ лежатъ товары, то коммерць-коллегія должна освидѣтельствовать и, для лучшей вѣрности, другіе купцы должны засвидѣтельствовать съ рукоприкладствомъ, что товары эти подлинно принадлежать купцу, требующему денегъ изъ банка. Когда все это будетъ сдѣлано, то банкъ выдаетъ деньги съ выключеніемъ четвертой доли и беретъ вексель съ самого купца или, въ его отсутствіе, съ прикащика, который объявитъ кредитное письмо хозяина, шесть процентовъ со всей заемной суммы вычитается впередъ. О выдачѣ денегъ дается знать коммерць-коллегіи и тамождѣ, которыя должны наблюдать срокъ платежа въ банкъ, и когда онъ наступитъ, взыскивать съ купца заемныя деньги, а безъ того не отпускать товаровъ.—До августа мѣсяца никто изъ купцовъ не явился съ требованіемъ денегъ изъ банка; тогда президентъ коммерць-коллегіи Евреиновъ, которому порученъ былъ также и банкъ, желая узнать причину,

призвалъ въ коммерцъ-коллегію нѣкоторыхъ купцовъ и они ему объявили, что сомнѣваются брать деньги съ отдачею подъ закладъ товаровъ, чтобъ въ торгующихъ съ ними иностранныхъ купцахъ не возбудить подозрѣнія на счетъ ихъ кредита, да и въ полугодичный срокъ платежомъ денегъ исправиться они не могутъ; купцы просили, чтобъ давали имъ деньги изъ банка безъ взятія въ закладъ товаровъ, а брать бы съ нихъ въ исправномъ платежѣ надежныхъ порукъ съ срокомъ на годъ, и продолжать срокъ на другой и третій годъ съ перепискою векселей и съ перепорученіемъ. Сенатъ призналъ требованія купцовъ справедливыми и позволилъ отдавать деньги на годичный срокъ, не болѣе однако, и наблюдать, чтобъ деньги отдавались въ надежныя руки, въ чемъ полагался на президента Евреинова. Въ концѣ года контора купеческаго банка объявила, что въ число опредѣленныхъ для банка 300,000 рублей съ монетнаго двора отпущено 200,000, изъ которыхъ въ раздѣлъ 193,273 рублей и осталось на лицо 6,723 рублей, да *интересныхъ*, за употребленіемъ по той конторѣ въ расходъ, 10,067 рублей 88 копѣекъ съ половиною ¹⁶⁶.

Изъ другихъ финансовыхъ вопросовъ по прежнему часто занималъ вниманіе сената вопросъ о соли. Въ началѣ года очевидно обнаружались слѣдствія соперничества элтонской соли съ вермекою: бароны Строгановы, архимандритъ Пыскорскаго монастыря и другіе соликамскіе промышленники объявили, что наряжаемыхъ отъ казны на ихъ суда работниковъ болѣе не надобно. Мы видѣли, что провозъ элтонской соли встрѣчалъ препятствія въ грабительствахъ калмыковъ и сенатъ отнесся съ этимъ дѣломъ къ иностранной коллегіи. Послѣдняя теперь отвѣчала, что калмыцкое воровство происходитъ отъ застарѣлаго ихъ въ томъ обыкновенія, котораго, по обширности степей, пресѣчь невозможно; а соляные поставщики сами виноваты, зачѣмъ ѣздятъ безо всякой предосторожности въ малолюдствѣ, какъ будто ѣдутъ между русскими деревнями, а не въ пустыхъ степяхъ. Сенатъ приказалъ: солянымъ поставщикамъ на Элтонское озеро ѣздить большими компаніями и въ случаѣ нужды, при нападеніи калмыковъ, поступать съ ними какъ съ непріятелями, но отнюдь ихъ не задирать, и для того посылать съ такими партіями по офицеру съ пристойною командою. Нашлись еще Кал-

мыки другого рода: получена была жалоба, что отъ находящих-ся близъ Саратова командъ для сыска воровъ солянымъ поставщикамъ, прикащикамъ и работникамъ почти проходу нѣтъ, привязываются ко всякому судну, берутъ къ себѣ прикащиковъ и рабочихъ, обираютъ и бьютъ, раздираютъ у рабочихъ печатные паспорта; прапорщикъ Сомовъ, въ безмѣрномъ пьянствѣ, собравъ команду и зарядя ружья, завелъ съ рабочими людьми бой и одного человѣка убилъ. Канцеляристъ солянаго правленія Абызовъ, при выдачѣ поставщикамъ за провозъ соли съ Элтонскаго озера денегъ, значительную часть ихъ удерживалъ у себя; по дорогѣ починилъ колодцы своимъ коштомъ и собиралъ съ соляныхъ поставщиковъ за водопой съ каждой пары воловъ по 10, и лошадей по 5 копѣекъ, да и срубы на эти колодцы въ степь заставилъ возить тѣхъ же соляныхъ поставщиковъ Малороссіянъ; скупилъ соль подъ чужими именами; бѣжалъ изъ-подъ караула, когда началось слѣдствіе и пойманъ въ Москвѣ. Ассесоръ Киселевъ не только не сдерживалъ Абызова, но и самъ притѣснялъ поставщиковъ, торговалъ хлѣбомъ и лошадьми безпошлинно.

Петръ Ив. Шуваловъ и тутъ, для устраниенія неудобствъ провоза соли, подалъ проектъ, нельзя ли отъ Элтонскаго озера до города Дмитріевска на Волгѣ по прямой линіи провести трубы, которыми росоль текъ бы до Дмитріевска, и тамъ въ бассейнахъ садился въ соль: этимъ избѣжали бы расхода за провозъ соли отъ озера до Дмитріевска по 3½ копѣйки за пудъ. Сенатъ приказалъ послать инженера освидѣтельствовать на мѣсто, возможно ли это. Тотъ же Шуваловъ сдѣлалъ предложеніе о дѣлѣ болѣе нужномъ и болѣе удобоисполнимомъ: извѣстно, говорилось въ предложеніи, въ какомъ холодномъ климатѣ находятся главныя мѣста державы ея императорскаго величества и какъ по этому необходимо заботиться о лѣсахъ; мѣста же, лежація въ болѣе тепломъ климатѣ, по большей части безлѣсныя, степныя, гдѣ кой-что и было, и то уже выведено: поэтому надобно постановить, въ какомъ размѣрѣ въ дачахъ оставлять земли подъ лѣса, чтобъ не остаться безъ лѣсу; надобно позаботиться и о вальдмейстерской инструкціи, потому что многія мѣста измѣнились: гдѣ были лѣса, тутъ почти ничего нѣтъ, и притомъ установить порядокъ относительно рубки, сѣчки и сѣянія лѣсовъ¹⁶⁷.

Медицинская канцелярія чрезъ своего президента лейбъ-медика Кондоиди представила проектъ о сохраненіи народа: надобно всёхъ находящихся въ Москвѣ и Петербургѣ повивальныхъ бабокъ освидѣтельствовать въ ихъ искусствѣ докторамъ, лѣкарямъ и присяжнымъ бабкамъ, и которыя окажутся достойны, тѣмъ давать отъ медицинской канцеляріи указы и публиковать о нихъ для всенароднаго извѣстія, привести ихъ къ присягѣ и называться имъ присяжными бабками; число ихъ должно простираться въ Москвѣ до 15, а въ Петербургѣ до 10, и затѣмъ если будутъ лишнія, опредѣлять по одной бабкѣ въ каждый губернской городъ, а когда губернскіе города будутъ удовольствованы, то опредѣлять въ каждый провинціальный городъ, дабы со временемъ ими все государство удовольствовать. Для всякихъ же потребностей надобно въ Москвѣ и Петербургѣ содержать по двѣ бабки на казенномъ жалованьѣ. Каждой присяжной бабкѣ имѣть по двѣ ученицы; но въ Москвѣ и Петербургѣ надобно учредить по одной школѣ, къ которой опредѣлить по одному доктору и по одному лѣкарю на казенномъ жалованьѣ; этимъ докторамъ называться «профессорами бабичьяго дѣла», а лѣкарямъ акушерками. Пожары продолжали истреблять не только строенія, но и людей: 27 іюля въ Калугѣ былъ пожаръ, сгорѣло обывательскихъ 1191 дворъ и ряды, при чемъ погибло до 65 человекъ, потому что на 15 саженьхъ стояло по три и по четыре двора на жилыхъ подклѣткахъ, улицы были не шире четырехъ, а переулки двухъ сажень ¹⁶⁸.

Для сохраненія людей Петръ Ив. Шуваловъ подалъ обширный проектъ. Имперія, говорилось въ его предложеніи сенату, находится предъ прежнимъ временемъ въ благополучномъ состояніи, но существуетъ вредъ въ разсужденіи главной силы государственной. Вредъ происходитъ во 1) отъ выбыванія народа за границу; 2) отъ небреженія большого числа солдатскихъ дѣтей, которые, не будучи опредѣлены въ службу, безъ всякаго присмотра скитаются и пропадаютъ; 3) отъ сбора въ зачетъ съ обывателей провіанта и фуража подъ квитанцію; 4) отъ притѣсненій и обидъ, претерпѣваемыхъ поселянами отъ проходящихъ полковъ и тому подобныхъ приметокъ, грабительствъ и разореній; 5) отъ голода при неурожаѣ и дешевизны хлѣба при урожаѣ; 6) отъ неспособныхъ правителей въ губерніяхъ, про-

винціяхъ и городахъ и отъ оскудѣнія чрезъ то правосудія. Средства предотвратить вредъ предложены слѣдующія: 1) учрежденіе надежныхъ форпостовъ; 2) сохраненіе народа, положеннаго въ подушный окладъ, отъ рекрутскихъ наборовъ; 3) порядочное снабженіе арміи провіантомъ и фуражомъ и прекращеніе вредныхъ подрядовъ; 4) охраненіе поселянъ отъ грабительствъ и притѣсненій; 5) полезное государству свободное познание мнѣнія общества; экономія въ случаѣ недорода хлѣба и вспоможеніе поселянамъ во время большаго урожая возвышеніемъ цѣны на хлѣбъ безъ принужденія кого-либо къ покупкѣ и безъ ущерба казеннаго интереса; 6) приготовленіе людей къ управленію губерніями, провинціями и городами, а чрезъ то приготовленіе людей къ главному правительству безъ принужденія ихъ къ тому.

Средства эти подробнѣе объяснялись такимъ образомъ:

1) По государственной границѣ вмѣсто смоленской шляхты и рославскаго шквадрона, также малороссійскихъ козаковъ и гарнизонныхъ солдатъ, которыми до сихъ поръ форпосты содержатся, на каждомъ форпостѣ должно быть не менѣе пяти человѣкъ драгунъ при одномъ капралѣ или унтеръ-офицерѣ, смѣняя ихъ по недѣлн, чтобъ каждому драгуну во всю его бытность на форпостахъ болѣе недѣли на одномъ изъ нихъ не быть, но постоянно переводить ихъ изъ одной дистанціи въ другую, по той причинѣ, что драгунъ или унтеръ-офицеръ, стоя долговременно или безсмѣнно, познакомится съ обывателями близъ лежащихъ деревень, и по знакомству изъ выгодъ станетъ пропускать за границу бѣглыхъ или кунцовъ съ неявленными товарами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что безъ вожаковъ (которые обыкновенно бываютъ изъ живущихъ близъ границы людей) ни одинъ купецъ не отважится свои товары воровски провозить, не уговоря къ тому прежде форпостныхъ содержателей посредствомъ близъ живущихъ людей; такъ и бѣглый безъ провожатаго одинъ за границу не пойдетъ.

2) Исполнить повелѣніе императрицы Екатерины I-й—селить полки слободами при городахъ, которые прилегли къ границамъ, и гдѣ хлѣбъ дешевле и лѣсу достаточно, и разсужденіе имѣть, какимъ порядкомъ въ этихъ слободахъ содержать и обучать малолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей и до какихъ лѣтъ.

3) Учредить троякаго рода магазины: первые для удовольство-

ванія полковъ; другіе капитальныя для балансу въ цѣнѣ на хлѣбъ внутри государства; третьи при портахъ, дабы всегда при случаѣ всякой надобности, особенно если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недородъ будетъ, имѣть надежный ресурсъ отъ запасныхъ магазиновъ и содержать цѣну хлѣба въ равновѣсіи, ибо извѣстно, въ какомъ изобиліи во многихъ мѣстахъ русскаго государства родится хлѣбъ и какою дешевою цѣною бѣдные земледѣльцы должны его продавать для уплаты государственныхъ податей, такъ что сами едва нужное пропитаніе имѣютъ; когда жъ хотя одинъ годъ случится недородъ, то, не имѣя запаснаго хлѣба, несносную нужду терпятъ.

4) Во всякой губерніи надлежитъ быть генераль-губерніи-коммиссару, при немъ въ помощь по два оберъ-коммиссара, въ провинціяхъ по одному провинціаль-коммиссару, въ каждомъ же приписномъ городѣ по одному уѣздному коммиссару. Генераль-и оберъ-коммиссаровъ опредѣляетъ сенатъ, провинціальныхъ и уѣздныхъ коммиссаровъ выбираетъ мѣстное дворянство. Генераль-коммиссары должны стараться какъ можно скорѣе построить назначенныя магазины изъ прибыльныхъ отъ винной продажи доходовъ и въ нихъ заготовить опредѣленное число провіанта и фуража. При движеніи войска военная коллегія даетъ знать объ этомъ генераль-коммиссару той губерніи, въ которую имѣютъ вступить полки; генераль-коммиссаръ пересылаетъ маршруты провинціальнымъ и уѣзднымъ коммиссарамъ; провинціаль-коммиссары смотрятъ, чтобъ мосты и переправы были въ удовлетворительномъ состояніи, и какъ скоро полкъ къ границамъ прибудетъ, то провинціаль-коммиссаръ встрѣчаетъ его и провожаетъ безотлучно во все время движенія по провинціи, стараясь, чтобъ полки немедленно изъ магазиновъ довольствованы были провіантомъ и фуражемъ, также получали бы квартиры, при чемъ смотрѣть, чтобъ обывателямъ не было никакихъ обидъ отъ солдатъ, и особенно отъ командировъ; если же будетъ обида, то коммиссаръ немедленно увѣдомляетъ объ этомъ главнаго командира и требуетъ, чтобъ въ тотъ же день дано было удовлетвореніе, для того при выходѣ на границу каждаго уѣзда провинціаль-коммиссаръ, провожающій полки, беретъ отъ военныхъ командировъ, и командиры отъ коммиссара квитанціи въ чистой раздѣлкѣ и что нѣтъ никакихъ обидъ; эти квитанціи

командиры отсылаютъ своему генералитету, а провинціаль-коммиссары къ генераль-коммиссару. Провинціаль-коммиссары накрѣпко смотрятъ, чтобъ обывателямъ отъ переписчиковъ, ревизоровъ, межевщиковъ, отказчиковъ, сборщиковъ подушныхъ денегъ, сыщиковъ, вальдмейстеровъ, губернаторовъ, воеводъ и подъячихъ ни малѣйшихъ обидъ, особенно взятокъ не было; если же будутъ обиды, а отъ комиссаровъ защиты не будетъ, то послѣдніе лишатся движимаго и недвижимаго имѣнія. Коммиссары смотрятъ, чтобъ за подводы и работниковъ, какіе по указамъ употреблены будутъ, если добровольно нанять будетъ нельзя, платилось деньгами, а именно въ лѣтнее время мужику съ лошадыю по 20 копѣекъ, а безъ лошади по 10, въ зимнее съ лошадыю по 15, а безъ лошади по 6 на день; комиссары смотрятъ, чтобъ отъ соцкихъ и десяцкихъ никакихъ неуравнительствъ и не въ очередь посылокъ одному передъ другимъ, также и обидъ отнюдь не было. Коммиссары во всѣхъ мѣстахъ вѣдомства своего должны заботиться, чтобъ подданные при всѣхъ случаяхъ страху божию и добродѣтели, а особливо правдѣ и подданнической вѣрности наставлены были, также, чтобъ они и дѣтей своихъ въ помянутыхъ добрыхъ порядкахъ воспитывали и, сколько возможно, чтенію и письму обучали, никого до плутовства, кражи, обмановъ, богохульства и прочихъ богопротивныхъ дѣлъ не допускали, дабы чрезъ то все погрѣшности искоренить, Христіанство же и добродѣтели произведены и вмѣсто клятвы Божіей благословеніе надъ всероссійскимъ государствомъ воспослѣдовало. Коммиссары должны наблюдать, чтобъ по всемъ безгласнымъ дѣламъ надлежащее производство и исполненіе было безъ упущенія времени, въ противномъ случаѣ должны писать немедленно въ сенатъ. Полки недостаточно упражняются въ военномъ искусствѣ преимущественно отъ частыхъ посылокъ для земскихъ дѣлъ въ разныя мѣста, отъ употребленія на караулы, особенно отъ посылокъ каждое лѣто на казенные луга для сѣнокоса, посылокъ изъ дальнихъ мѣстъ: комиссары обязаны пресѣчь это, отдавая луга обывателямъ изъ трети или половины, или нанимая работниковъ. Генераль-коммиссаръ съ оберъ-коммиссарами попеременно всякій годъ по крайней мѣрѣ два раза должны объѣхать и осмотрѣть всю губернію, въ какомъ состояніи находятся магазины и имѣтъ ли кому изъ поселянъ обиды;

провинціаль комиссары должны смотрѣть, чтобъ всѣ дороги, мосты, гати и перевозки находились въ добромъ состояніи. Если между помѣщиками и крестьянами въ деревенскихъ обихахъ и ссорахъ произойдутъ словесныя или письменныя жалобы комиссарамъ, то послѣдніе должны немедленно удовлетворить обиженнаго, особенно во время ихъ объѣзда губерній, въ искахъ не свыше 30 рублей; объ уголовныхъ же дѣлахъ, какъ скоро узнаютъ, немедленно отсылаютъ для разсмотрѣнія и рѣшенія въ губерніи, провинціальныя и воеводскія канцеляріи, и смотрятъ, чтобъ такія дѣла рѣшены были безотлагательно.

При сенатѣ быть конторѣ для государственной экономіи, которой обязанность не только стараться о приращеніи всякихъ государственныхъ доходовъ, но о пользѣ народа и его прибыткахъ. Въ эту контору позволить подавать всякаго званія людямъ проекты о внутреннихъ государственныхъ пользахъ, которые она разсматриваетъ, и найдя дѣйствительную пользу, докладываетъ сенату съ приложеніемъ своего мнѣнія. Ей же имѣть въ своемъ вѣдѣніи всю государственную неокладную денежную казну и изъ нея содержать хлѣбныя магазины капитальныя, переводя изъ нихъ въ портовые для заморскаго отпуску при С.-Петербургѣ, Ригѣ и Архангельскѣ такимъ образомъ: до наступленія новаго года за нѣсколько мѣсяцевъ собрать вѣрныя вѣдомости со всего государства объ урожаѣ въ каждомъ мѣстѣ и умолотѣ хлѣба и о торговыхъ цѣнахъ, и расположить на каждый уѣздъ хлѣбородныхъ мѣсть, гдѣ магазины будутъ, кромѣ отдаленныхъ губерній, смотря по урожаю, умолоту и продажѣ, такую цѣну, которая бъ могла крестьянству съ пользою быть и многотрудную крестьянскую работу наградить и могли бы они безъ тягости подати оплатить. По установленной такимъ образомъ цѣнѣ цѣлый годъ производить покупку хлѣба въ магазины, и если покупаться будетъ больше положеннаго числа, то чтобъ хлѣбъ не залеживался, отправлять его къ портовымъ магазинамъ.

Изъ повседневныхъ обстоятельствъ видимъ, какое множество отъ нѣкоторыхъ губернаторовъ и воеводъ происходитъ притѣсненій бѣднымъ поселянамъ и безгласнымъ помѣщикамъ; нѣкоторые дѣлаютъ это изъ корыстолюбія, а другіе по совершенному недостатку, за неимѣніемъ жалованья, будучи отлучены отъ

своихъ деревень. Для пресѣченія этого надобно губернаторамъ и воеводамъ и всѣмъ канцелярскимъ служителямъ опредѣлить достаточное жалованье и быть губернаторамъ и воеводамъ безсѣбно кромѣ случая преступленія закона. Въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ дѣла производятся всѣхъ департаментовъ, изъ чего можно правильно заключить, что губерніи суть училища для юношей, упражняющихся въ російской юриспруденціи, слѣдовательно надлежитъ учредить въ каждой губерніи изъ дворянства юнкеровъ, которые отъ самыхъ нижнихъ чиновъ обращаясь всегда при своихъ должностяхъ порядкомъ могли достигнуть до высшихъ степеней, смотря по ихъ поведенію и способностямъ; этимъ способомъ умножится число способныхъ судей и правителей. Установить, чтобъ въ губерніяхъ на губернаторскія мѣста производить изъ вице-губернаторовъ, на вице-губернаторскія изъ губернаторскихъ товарищей, на мѣсто послѣднихъ изъ губернскихъ совѣтниковъ по старшинству и достоинству и такъ далѣе по порядку до воеводъ и до самыхъ нижнихъ чиновъ, въ секретари не изъ губернскихъ юнкеровъ никого не производить. При такомъ порядкѣ всякую акциденцію (взятки), подъ какимъ-либо предлогомъ ни была, вконецъ пресѣчь должно, и виновнаго, какъ вреднаго человѣка общему спокойствію искоренить, наказавъ лишеніемъ имуществва и чиновъ ¹⁶⁹.

Проектъ былъ поданъ въ сенатъ во время великихъ торжествъ въ Петербургѣ: 20 сентбяря великая княгиня Екатерина Алексѣевна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, Павломъ Петровичемъ, окрещеннымъ 25 сентбяря. Петербургскія вѣдомости извѣщали, что императрица подарила на крестинахъ великому князю Петру Ѳедоровичу 100,000 рублей, великой княгинѣ 100,000 рублей, да брилліантовый уборъ на шею и серьги. Въ тѣхъ же вѣдомостяхъ читали описаніе великолѣпнаго фейерверка, сожженнаго по этому случаю: Россія была представлена на колѣнахъ предъ жертвенникомъ съ надписью внизу: «Единого еще желаю». Потомъ явилось съ высоты на легкомъ облакѣ великимъ сіяніемъ окруженное Божіе Провидѣніе съ поворожденнымъ принцемъ на пурпуровой бархатной подушкѣ, съ надписью: «Тако исполнилось твое желаніе». Надпись, обращенная къ Елисаветѣ, гласила:

И такъ ужъ Божія десница увѣнчала,
Богиня, все, чего толь долго ты желала.

Особенные послы спѣшили къ дружественнымъ дворамъ съ извѣщеніемъ о рожденіи великаго князя; посланники, постоянно тамъ пребывавшіе по прежнему вели дипломатическую борьбу съ Пруссіею и Франціею, подготавливая союзы на случай войны; тогда какъ знаменитый канцлеръ настаивалъ внутри, чтобъ Россія была готова къ войнѣ, ибо Фридрихъ II всегда готовъ къ ней. Бестужевъ въ 1754 году получилъ наконецъ денежное вспоможеніе, о которомъ тщетно просилъ въ прошедшемъ году, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ сдѣлать шагъ къ примиренію съ братомъ, который жилъ въ Дрезденѣ безъ всякаго порученія. 21 марта онъ отправилъ брату письмо: «Увѣренъ о принимаемомъ вами во всемъ до меня касающемся участіи, не медлю я вамъ донести, что ея импер. величеству всемплоствѣйше угодно было мнѣ 50,000 рублей на уплату моихъ долговъ пожаловать. Я хотя отнюдь никакой въ себѣ не чувствую отмыны, ни въ должной брату любви и горячести, ниже въ совершенномъ къ вамъ почитаніи: но мнѣ крайне прискорбно видѣть, когда бъ только наружно казалось, якобы мы въ несогласіи; а къ крайнему моему сожалѣнію я однакожь сію наружность не только самъ часто примѣтитъ принужденъ былъ, но есть еще и такіе безстыдные люди, кои у меня самого навѣдываются, правда ли, что между нами есть великая ссора. Мой такимъ людямъ отвѣтъ всегда одинъ, что отъ кого бы они о томъ ни слышали, всегда надобно, чтобъ тотъ человѣкъ былъ безсовѣстный лжець, или же такой, который можетъ быть несогласія между нами желаетъ. Да конечно я въ томъ и не ошибаюсь, ибо подлинно симъ злостнымъ слухамъ не отъ кого происходитъ, какъ отъ нашихъ доброхотовъ, которые можетъ быть хоть не равно намъ кажутся, однакожь всегда надежно ради бы были, какъ одного, такъ другаго буде можно въ ложкѣ воды утопить. Что такіе люди равно намъ обоимъ ненавистники, оное могу я сказать съ надежнымъ основаніемъ и по долговременному искусству (опыту), а что оныя неравно намъ можетъ быть кажутся, то заключаю я одними только гаданіями; ибо я ихъ стараніямъ и подаваемой отъ васъ имъ вѣрѣ приписывать долженствую оказуемую отъ васъ мнѣ малую довѣренность, когда вы ко мнѣ какъ бра-

ту такъ сказать ни съ чѣмъ и ни о чемъ не адресуетесь, умалчивая даже отвѣтомъ на собственные мои оферты (предложенія) вамъ моихъ услугъ, и когда съ другой стороны посторонніе вашими письмами и комиссіями почти отягощены. Мнѣ прискорбно примѣчать ваше стараніе меня во всемъ обходить. Не завидую я и тѣмъ комиссіямъ, кои вы другимъ поручали разныя отъ васъ партикулярно присланныя вещи ея импер. величеству подносить; но я также не понимаю, для чего въ томъ брата вашего, хотя бъ онъ только камеръ-юнкеромъ, а не канцлеромъ былъ, обходить. А прискорбиѣе при томъ мнѣ сіе, что такіа дѣла, будучи публичными, въ цѣлой публикѣ и пустыя потому разсужденія причиняють, кои какъ бы неосновательны ни были, никогда однакожъ въ похвалу намъ ни одному ни другому быть не могутъ. Дивятся люди, когда и однофамильцы, будучи въ великомъ числѣ, межъ собою несогласны; такъ что жъ о насъ скажутъ по такимъ наружностямъ, когда насъ только двое, оба родные братья, въ совершенной старости и почти только одни во всей фамиліи, не имѣя ни деревенскихъ тяжбъ, ниже какихъ раздѣловъ, однакожъ въ ссорѣ быть кажемся? Мнѣ видится, что истинные наши обоихъ друзья искренно о томъ сожалѣють, а напротивъ того другіе тому радуются, а особливо тѣ, кои конечно въ томъ свой счетъ находятъ, да и старанія свои къ тому прилагали. Отпустите мнѣ, *mon tres cher frere*, буде я симъ простосердечнымъ письмомъ вамъ согрубляю, хотя я сего въ намѣреніи отнюдь не имѣю ^{170.}»

Но *très cher frere* никакъ не хотѣлъ признать простосердечія въ отношеніяхъ къ себѣ канцлера, что особенно видно изъ письма его не къ брату, а къ заклятому врагу его Воронцову: «Ваши и мои непріатели не желаютъ меня ни въ отечествѣ видѣть, ни чтобъ я здѣсь (въ Саксоніи) опредѣленъ былъ, хотятъ меня отбоарить въ Англію, и для того выдумали, якобъ король англійскій намѣренъ къ намъ посла послать, а имянно господина Вильямса, о котораго персонѣ описаніе къ вамъ уже послано было (Гроссомъ), которое совѣмъ съ правдою не сходно, понеже онъ мужикъ трусъ, болтунъ и лгунъ, много говоритъ, а слушать нечего,—дабы токмо чрезъ то имѣть оказію представить, что уже третій посоль отъ англійскаго двора къ намъ посылается,—учтивость и атенція требуютъ, чтобъ отъ насъ посоль

въ Англію посланъ былъ, и такимъ бы образомъ меня отъ отечества и отсюда для того отдалить старались и стараются, чтобъ Функа у насъ, а Гросса здѣсь удержать. Вотъ, милостивый государь, вся вамъ интрига экспликована, ибо у короля англійскаго ниже на мысли было посла къ намъ посылать, но еще тако-го брудьона, каковъ есть Виліямъ. Все сіе отъ коварныхъ людей нарочно для вышелоказанныхъ резоновъ вымышлено. Какъ не стыдно подобныя лжи писать! Сіи люди ни на славу, ни государственнй интересъ не смотрятъ, но единственно о своемъ интересѣ и консерваціи думаютъ и попеченіе имѣютъ. Да и сожалительно есть, что и отъ вѣнскаго двора толь скоро отозванъ былъ по причинѣ ложныхъ представленій, кои въ моемъ отзывѣ учинены были: ежелибъ я тамо еще на годъ или на два оставленъ былъ, не малыя бъ услуги въ сербскомъ дѣлѣ оказать могъ. Сіятельнѣйшій графъ! Ежели вашими сильными стараніями ея импер. величество ради моей дряхлости и старости при польскомъ дворѣ меня опредѣлить всемилостивѣйше склонится, то я подлинно васъ увѣряю, что такимъ опредѣленіемъ не токмо вашъ собственный интересъ въ томъ будетъ, но и вашего сіятельства кредитъ при тѣхъ дворахъ прославится; а другихъ слабость и безсиліе окажутся, мнѣ же въ особливое удовольствіе, а непріятелямъ моимъ въ восчувствованіе будетъ ¹⁷¹.»—Но слабость *дружбъ*, т. е. канцлера не оказалась на этотъ разъ: брату его не удалось замѣнить Гросса при польско-саксонскомъ дворѣ.

Сербское дѣло было причиною отозванія Бестужева изъ Вѣны: понятно, какъ преемникъ его Кейзерлингъ долженъ былъ бояться этого дѣла. Въ началѣ года Кейзерлингъ получилъ рескриптъ, въ которомъ ему повелѣвалось снова поднять тяжелое дѣло: сербскій выходецъ, генераль-майоръ Шевичъ писалъ, что жены, дѣти и прочіе близкіе родственники многихъ Сербовъ, вступившихъ въ русскую службу и находящихся подъ его начальствомъ, безъ всякой причины задержаны въ австрійскихъ владѣніяхъ и онъ, Шевичъ отправляетъ двоихъ своихъ офицеровъ для вывода означенныхъ людей. Императрица требовала отъ Кейзерлинга, чтобъ онъ помогъ этимъ офицерамъ въ благополучномъ окончаніи этого дѣла. Кромѣ того Шевичъ отправлялъ секундъ-майора Петровича въ Черногорію для принятія въ русскую службу тѣхъ изъ тамошнихъ и окрестныхъ жителей, которые желаютъ

переселиться въ Россію. Кейзерлингъ долженъ былъ вытребовать имъ свободный проѣздъ чрезъ австрійскія владѣнія. На свои представленія по этому предмету Кейзерлингъ получилъ отъ австрійскаго министерства такой отвѣтъ: «императрица-королева не мало сожалѣетъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта на предложеніе г. посла: послѣ тяжкой и долговременной войны она видитъ сильный недостатокъ въ народонаселеніи своего государства, особенно когда дѣло идетъ не объ одномъ населеніи земель, но и о защитѣ границъ, и потому она никакъ не можетъ позволить выѣздъ иллирійцамъ, поменованнымъ въ спискѣ посла, кромѣ женъ и безбрачныхъ дѣтей тѣхъ иллирійцевъ, которые переселились въ Россію.» Относительно Черногорцевъ отвѣчали, что имъ свободный проѣздъ чрезъ австрійскія владѣнія будетъ дозволенъ, но выразили сомнѣніе, свободны ли эти народы: «Императрица-королева не можетъ скрыть сомнѣнія, что народы эти, по большей части, окружены Турками и когда будутъ проходить въ Венгрію и далѣе въ Россію, не миновать имъ турецкихъ владѣній, а, по вѣроятному извѣстію, они признаютъ верховную власть султана платежемъ нѣкоторой подати, слѣдовательно преимущества совершенно вольныхъ людей потеряли. Но если такъ, то отъ просвѣщеннаго проищанія императрицы российской укрыться не можетъ, какъ легко выѣздъ этихъ народовъ можетъ повести къ столкновенію съ Портою, что подастъ желанный случай дворамъ, старающимся поднять Порту противъ императорскихъ дворовъ, къ исполненію своихъ злыхъ намереній, тогда какъ общая польза требуетъ, чтобъ оба императорскіе двора тщательно сохраняли миръ съ Турками.»

На донесеніе объ этомъ сомнѣніи Кейзерлингъ получилъ респондъ: «Хотя Черногорцы многими другими народами, находящимися подъ турецкимъ владычествомъ, окружены, однако сами они, по надежнымъ извѣстіямъ, вольные люди, которые не только не признаютъ верховной власти Порты и не платятъ ей дани, но находятся въ постоянной борьбѣ съ Турками для своей защиты. Хотя въ договорѣ между Портою и Венеціею Черногорцы и уступлены Портѣ, но договоръ остается безо всякой силы, потому что вольнаго народа нельзя уступать безъ его согласія.»

Но этимъ дѣло не кончилось. Черногорскій архіепископъ Ва-

сильй Петровичъ прїѣзжалъ въ Петербургъ и представлялъ, что онъ будетъ уговаривать вступить въ русскую службу своихъ Черногорцевъ, которые находятся въ венеціанской службѣ, если только будетъ имъ свободный проѣздъ чрезъ австрійскія владѣнія и посланъ будетъ въ Триестъ вѣрный человекъ для ихъ прїема. Императрица поручила Кейзерлингу устроить все это дѣло, переговоривши съ архіепископомъ, который будетъ возвращаться домой чрезъ Вѣну. Кейзерлингъ отвѣчалъ, что архіепископъ не говорилъ ему объ этомъ ни слова, чего бы не могло быть, еслибъ онъ дѣйствительно хотѣлъ озаботиться переводомъ Черногорцевъ изъ венеціанской службы въ русскую, и что для двоихъ или трохъ Черногорцевъ не стоитъ тратиться, посылать нарочнаго въ Триестъ.

Важнѣе было содержаніе сношеній между русскимъ канцлеромъ и австрійскимъ посломъ графомъ Эстергази. Мы видѣли, какъ Россія заботилась о томъ, чтобъ окружить прусскаго короля цѣпью союзовъ для сокращенія его силъ при первомъ удобномъ случаѣ. Австрійскій дворъ отвѣчалъ на русскія предложенія не совсѣмъ удовлетворительно, а именно Марія Терезія изъявила готовность въ случаѣ нападенія прусскаго короля на саксонскія или ганноверскія земли помочь подвергшимся нападенію державамъ силами, соотвѣтствующими обстоятельствамъ времени и достаточными для прекращенія замѣшательства въ самомъ ихъ началѣ. 23 марта Бестужевъ передалъ Эстергази промеморію, въ которой говорилось, что императрица, обнадеживъ своею помощію посланника великобританскаго въ случаѣ нападенія прусскаго короля на ганноверскія владѣнія, уже приказала ввести въ Лифляндію и держать тамъ на готовѣ къ походу 60,000 регулярнаго войска, сверхъ козаковъ и другихъ легкихъ войскъ. Императрица не сомнѣвается, что императрица-королева также соблаговолитъ, для общаго дѣла, объявить, что если Россія подвергнется нападенію отъ прусскаго короля или отъ кого бы то ни было, по злобѣ за помощь, обещанную ею курфирсту ганноверскому, то со стороны вѣнскаго двора это нападеніе будетъ признано за случай союза по договору 1746 года и немедленно исполнятся всѣ обязательства, въ этомъ договорѣ постановленныя. Хотя движеніе русскихъ войскъ въ Лифляндію можетъ удержать прусскаго короля отъ завоевательныхъ

замысловъ: однако еще было бы надежнѣе, ели стороны императрица-королева приказала собрать пусъ войскъ къ силезскимъ границамъ.

4 июля Эстергази передалъ Бестужеву отвѣтную въ которой Марія Терезія объявляла, что признаеть за, если Россія подвергнется нападению откуда бы было за помощь, обѣщанную королю англійскому, какъ курфюрсту ганноверскому; что же касается до корпуса войскъ на силезскихъ границахъ, то императрица-королева обязана содержать его по четвертому секретному артикулу договора 1746 года и эта обязанность ею исполнена ¹⁷².

Гроссъ, несмотря на дурные отзывы объ немъ графа Михайлы Бестужева, а слѣдовательно и Воронцова съ товарищи, оставался русскимъ министромъ въ Дрезденѣ, гдѣ его положеніе становилось все затруднительнѣе въ слѣдствіе все болѣе и болѣе разгоравшейся вражды между главами русской партіи, Чарторыйскими и придворною партіею Брюля и Мишка. Въ огонь было подлито масла знаменитымъ дѣломъ объ Острожской ординаціи. Послѣдній изъ знаменитой фамиліи князей Острожскихъ Янушъ въ 1609 году изъ обширныхъ своихъ владѣній на Украинѣ, Волыни и въ Подоліи устроилъ ординацію, которую, не имѣя сыновей, передалъ дочери своей, княгинѣ Заславской, въ случаѣ же угаснутія и этой фамиліи изъ ординаціи должно было образоваться мальтійское командорство. Такъ какъ ординація должна была выставять отрядъ изъ 600 вооруженныхъ людей для охраны республики отъ Турокъ и Татаръ, то республика была заинтересована въ поддержаніи ея благосостоянія и нераздѣльности. Въ описываемое время владѣль ординаціею Янушъ Сангушко, проехавшій отъ князей Заславскихъ по женской линіи. Этотъ Сангушко былъ страшный мотъ, нажилъ множество долговъ, и чтобъ избавиться отъ кредиторовъ, рѣшился на сдѣлку съ нѣкоторыми сильными фамиліями, именно подѣлилъ ординацію между ними съ условіемъ, чтобъ они заплатили его долги и дали ему часть ординаціи въ пожизненное владѣніе. Актъ раздѣла былъ совершенъ, и однимъ изъ участниковъ подѣла оказался воевода русскій, князь Августъ Чарторыйскій. Это незаконное дѣло возбудило сильное волненіе въ Польшѣ, особенно на Волыни, въ Подоліи и Галиціи; коронный гетманъ Браицкій

здумалъ беззаконіе поправить беззаконіемъ же, вооруженною рукою занялъ крѣпость ординаціи Дубно; получившіе участки по акту раздѣла готовились защищать ихъ также вооруженною силою.

При такихъ-то обстоятельствахъ долженъ былъ собраться сеймъ въ Гродно, куда приготавлился ѣхать и русскій посланникъ.

Въ одномъ письмѣ своемъ къ литовскому канцлеру Чарторыйскому Гроссъ упоминалъ объ особенномъ благоволеніи императрицы къ нему и ко всему его дому. Чарторыйскій отвѣчалъ: «На повтореніе вашего обнадеживанія въ особенной милости императрицы ко мнѣ и фамиліи моей, я повторяю свое прошеніе доставить мнѣ дѣйствительные знаки этой милости и положительное письменное удостовѣреніе въ покровительствѣ, которое мнѣ будетъ оказано въ случаѣ нужды, чтобъ мнѣ можно было надежнѣе на него полагаться, чѣмъ на словесныя обѣщанія, ибо я уже испыталъ въ послѣднюю бытность при здѣшнемъ дворѣ графа Бестужева-Рюмина, что обнадеживанія русскихъ министровъ могутъ быть измѣнчивы.» По поводу этого отвѣта Гроссъ писалъ: «Ваше величество изъ этихъ рѣчей можете примѣтить, что канцлеръ не перестаетъ ожидать присылки андреевскаго ордена. Съ другой стороны коронный канцлеръ графъ Малаховскій какъ самъ, такъ и чрезъ фаворита своего, совѣтника Алоэ спрашивалъ у меня, не пришло ли изъ Россіи рѣшеніе о наградѣ ему, о которой подана ему мною надежда. При нынѣшней въ Польшѣ смутѣ, для поддержанія которой Франція и Пруссія денегъ не щадятъ, было бы очень нужно дать канцлеру хотя среднюю сумму для притягиванія къ русскимъ интересамъ польскихъ шляхтичей, ибо неоспоримо, что ежегодною раздачею небольшого числа денегъ ваше величество могли бы лучше подкрѣпить свою партію, нежели употребленіемъ милліоновъ при нуждѣ. Опасаюсь, что если отъѣду въ Польшу съ пустыми руками и не удовольствовавъ Малаховскаго и Чарторыйскаго, то при наступающемъ сеймѣ не буду имѣть успѣха въ порученныхъ мнѣ дѣлахъ.»

Малаховскій передавалъ Гроссу, что Мишкекъ тайно далъ поводъ къ спору и замѣшательству по поводу острожской ординаціи, чтобъ въ мутной водѣ рыбу ловить и тѣмъ подкрѣпить

свою партію; но, говорилъ Малаховскій, онъ ошибся въ своихъ расчетахъ, ибо не только онъ самъ, Малаховскій, въ этомъ дѣлѣ искренно соединился съ князьями Чарторыйскими и прима-сомъ, но и Потоцкіе и другіе съ ними же согласны, такъ что теперь партія Мнишка состоитъ только изъ обоихъ гетмановъ, воеводы Бѣльскаго и нѣкоторыхъ ему подобныхъ враговъ общаго спокойствія, поэтому можно ее ослабить, если императрица, для подкрѣпленія своей партіи, опредѣлитъ небольшую годичную сумму, посредствомъ которой можно было бы господствовать на сеймикахъ и уничтожить всѣ франко-прусскія интриги.

28 апрѣля Гроссъ подалъ Брюлю промеморію, въ которой заключалось предложеніе—если курфюршество ганноверское подвергнется нападенію прусскаго короля, то польскій король дѣйствовалъ бы сообща съ обоими императорскими дворами и далъ надлежащую помощь. Брюль обѣщаль письменный отвѣтъ, а на словахъ сказалъ, что король его желаетъ болѣе всего самого тѣснаго соединенія съ высочайшими союзниками, потому что гордое поведеніе прусскаго короля становится невыносимо для саксонскаго государя: такъ недавно Фридрихъ II потребовалъ пошлины за проѣздъ чрезъ Силезію. Между тѣмъ приближалось время отправляться на сеймъ въ Варшаву, и Гроссъ собирался туда съ удовольствіемъ, потому что получилъ наконецъ отъ своего двора извѣстіе, что примасу Комаровскому назначено по 5000 рублей ежегодной пенсіи, коронному канцлеру Малаховскому по 7000 да на раздачу шляхтѣ 3000, литовскому канцлеру князю Чарторыйскому андреевскій орденъ, коронному подканцлеру графу Воджицкому мѣхъ соболій въ 2000 рублей; а наканунѣ отъѣзда Гросса изъ Дрездена онъ получилъ отъ 10 іюня письменный отвѣтъ королевскій на свою промеморію о соглашеніи на счетъ прусскаго короля; въ отвѣтѣ говорилось, что Августъ III съ совершеннѣйшею благодарностію принимаетъ великодушную заботу императрицы о безопасности своихъ союзниковъ. Императрица можетъ надѣяться на совершеннѣйшую взаимную королевскую дружбу, преданность и полную взаимность касательно новыхъ предложеній, сколько силы Саксоніи могутъ это дозволить. Что же касается ганноверскаго двора, то его величество король ничего больше не требуетъ, какъ и съ нимъ быть въ оборонительныхъ обязательствахъ, отъ чего

однако этотъ дворъ уклонился, отказавшись возобновить трактатъ 1741 года; несмотря на то, его величество и теперь склоненъ помянутыи обязательства возобновить и поступать съ ганноверскимъ дворомъ съ совершенною взаимностію. Посылая этотъ отвѣтъ въ Петербургъ, Гроссъ писалъ: «Ваше величество изволите примѣтить, что отвѣтъ составленъ съ величайшею осторожностію и графъ Брюль не скрылъ отъ меня, что принуждены были держаться такихъ общихъ выраженій изъ опасенія, чтобъ этотъ актъ какимъ-нибудь образомъ не попался въ руки прусскому королю.»

14 іюня въ Варшавѣ Гроссъ имѣлъ аудіенцію у короля для поднесенія андреевскаго ордена, назначеннаго Чарторыйскому. При этомъ случаѣ Гроссъ произнесъ рѣчь, что императрица жадуесть орденъ литовскому канцлеру за его постоянное доброе расположеніе и преданность общимъ обоимъ дворамъ интересамъ, не сумѣваясь, что и его величество король будетъ этимъ доволенъ; императрица увѣрена, что какъ онъ самъ канцлеръ, такъ весь его домъ и друзья твердо пребудутъ въ прежнихъ своихъ добрыхъ чувствахъ для пользы общей, а съ другой стороны императрица увѣрена, что его королевское величество будетъ продолжать къ нимъ свое высокое покровительство, какъ издавна искреннимъ, вѣрнымъ и благоразумнымъ слугамъ своимъ, которыхъ ревностное радѣніе объ общемъ благѣ хорошо извѣстно. Король отвѣчалъ: «Съ радостію возложу орденъ на канцлера; что же касается до продолженія къ нему моей милости, то оно будетъ зависѣть отъ его поведенія.»

«Я такимъ образомъ къ его величеству изъяснился наиболѣе потому, писалъ Гроссъ, что со стороны графа Брюля оказывается явное нерасположеніе къ князьямъ Чарторыйскимъ и ихъ сторонникамъ; зять его графъ Мнишекъ показываетъ себя во всемъ покровителемъ противной партіи. Мои представленія у графа Брюля въ пользу Чарторыйскаго не имѣли надлежащаго дѣйствія, онъ попрекаетъ литовскаго канцлера въ непослушаніи королевскимъ указамъ.»

15 іюля Гроссъ въ домѣ короннаго канцлера имѣлъ съ польскими министрами конференцію во 1) относительно выдачи русскихъ бѣглыхъ, 2) относительно пограничныхъ судовъ по столкновеніямъ между русскими и польскими подданными; 3) отно-

сительно обидь, претериваемыхъ православными; 4) относительно назначенія комиссаровъ для опредѣленія границъ. Поляки признали единогласно справедливость требованій императрицы относительно выдачи бѣглыхъ, толковали, какъ всѣ Поляки должны чувствовать, что ихъ благосостояннe зависить отъ согласія съ Россiею, но выразили надежду, что императрица благоволитъ уважить состояннe республики, которое не позволяетъ ни королю, ни министерству поступать какъ поступають въ самодержавномъ государствѣ, что въ настоящемъ случаѣ они не знаютъ никакого способа согласнаго съ здѣшними конституціями, какъ бы понудить шляхтичей къ выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ. Можно выдать воровъ и другихъ злодѣевъ, также дезертеровъ; но нельзя выдать простыхъ крестьянъ и раскольниковъ, ибо въ такомъ случаѣ должно опасаться общаго бунта какъ отъ своевольной шляхты, такъ и отъ самихъ бѣглецовъ, тѣмъ болѣе (прибавилъ канцлеръ Чарторыйскій), что шляхта хорошо помнитъ, какъ въ 1708 году, когда Карлъ XII пошелъ въ Украйну, Петръ Великій всѣхъ жителей польскихъ пограничныхъ областей отправилъ въ Россiю, откуда, несмотря на частыя требованія, возвращены не были; если Россiя не могла возвратить отвезенныхъ польскихъ подданныхъ, когда въ ней все зависить отъ воли государя, тѣмъ менѣе можно ожидать этого отъ республики и республики испорченной, гдѣ законное исполненнe часто отъ воли каждаго шляхтича зависить. Когда Гроссъ говорилъ, что можно поручить выдачу бѣглыхъ пограничнымъ судамъ, то ему отвѣчали, что по уставамъ это дѣло пограничнымъ судамъ не подвѣдомственно, шляхтичи отговорятся, что оно подлежитъ сеймовому рѣшенію; что, съ другой стороны, поднятнe этого дѣла отняло бы кредитъ у нихъ, министровъ, и передъ сеймомъ подало бы поводъ къ шуму и сильной ненависти противъ Россiи, и потому, какъ имъ, канцлерамъ, кажется, главное состоитъ въ заботѣ, чтобъ на будущее время предотвратить бѣгство крестьянъ. Съ этою цѣлю они составятъ въ сильныхъ выраженіяхъ рескриптъ королевскій, чтобъ впредь никто не смѣлъ принимать бѣглыхъ русскихъ; если сеймъ не состоится, то сенатусконсильумъ утвердитъ рескриптъ; если же сеймъ состоится, то будутъ стараться, чтобъ постановленнe о непринятіи бѣглыхъ было внесено въ сеймовую конституцію. Канцлеръ литовскій говорилъ,

что отъ самой императрицы зависить, чтобъ впредь бѣглыхъ за рубежъ не было, да и прежніе возвратились: пусть только обнадежить раскольниковъ манифестомъ, что имъ впредь никакого утѣшенія въ Россіи не будетъ, объявить амнистію для всѣхъ, кто пожелаетъ возвратиться, опредѣлить жестокия казни противъ упорныхъ, когда они будутъ схвачены, общаетъ возвратившимся на нѣсколько лѣтъ свободу отъ податей и построеніе слободъ для жительства, прикажетъ пограничнымъ командамъ и форпостамъ никого не пропускать безъ паспорта, ибо недавно выданный имъ, Чарторыйскимъ, Кузьминъ возвратился изъ Кіева въ Гомель и объявляетъ себя свободнымъ, а покойный генералъ Леонтьевъ четыре года тому назадъ самъ къ нему писалъ, чтобъ нѣкоторому русскому купцу позволилъ поселиться въ Гомель, форпосты же часто за малые подарки пропускаютъ. По донесенію полковника Панова, отправленнаго въ Польшу для сыску бѣглыхъ, ихъ тамъ было до милліона. Поляки соглашались выдавать ему бѣглыхъ солдатъ, уголовныхъ преступниковъ и дворовыхъ людей, но никакъ не крестьянъ, толкуя, что крестьянинъ не есть дезертеръ. Пановъ возражалъ, что дезертеръ слово не русское и не польское, а нѣмецкое, по-русски значить бѣглець всякій; дворовые люди у всѣхъ помѣщиковъ берутся изъ крестьянъ, а другіе отпускаются въ крестьяне; кромѣ того многіе изъ русскихъ бѣглецовъ уголовные преступники: у него самого Панова ушло 50 человекъ, одинъ изъ нихъ утопилъ жену, другой у роднаго брата жену увелъ, третій человекъ убилъ, другіе сожгли домъ покойнаго отца его Панова; но эти возраженія не принимались Поляками. Въ Гроднѣ отдали ему шестерыхъ бѣглыхъ солдатъ, обобравши ихъ до рубашки. Пановъ подалъ объявленіе, что въ Бѣлостокѣ и другихъ мѣстахъ и въ самой Варшавѣ болѣе 200 бѣглыхъ солдатъ: обѣщали отдать и не отдали. Интересъ самыхъ вельможъ требовалъ, чтобъ не отдавать русскихъ бѣглыхъ: за Чарторыйскимъ въ одномъ староствѣ Гомельскомъ жило нѣсколько тысячъ бѣглыхъ, Въ Вильнѣ Пановъ нашелъ 50 человекъ бѣглыхъ солдатъ, и когда потребовалъ отъ тамошняго подвоеводы ихъ выдачи, показывая приказъ канцлера литовскаго князя Чарторыйскаго, то подвоевода сказалъ: «Это только наша польская политика.» Польская Лифляндія почти вся населена была русскими бѣглецами,

преимущественно раскольниками. Когда Пановъ туда пріѣхалъ, то всѣ деревни опустѣли, жители бросились въ лѣса. Начальные люди пошлютъ ихъ ловить, приведутъ человѣкъ 20, и отдадутъ одного или двоихъ, оставя у себя ихъ родственниковъ, чтобъ они возвратились, а кто доносилъ Панову о бѣглыхъ, тѣхъ начальные люди били постромками. У ксендза Аскирки было 40 деревень, населенныхъ русскими бѣглецами, и ксендзъ объявилъ, что онъ на предписанія польскихъ министровъ и смотрѣть не хочетъ, и пока не возвратятъ ему забранныхъ русскими полками въ послѣднюю революцію 100,000 талеровъ, да убѣжавшихъ въ Россію 90 душъ, до тѣхъ поръ ни одного Русскаго не отдастъ, при чемъ грозилъ дурно поступить съ Пановымъ.

Относительно пограничныхъ судовъ канцлеры обѣщали составить проектъ для внесенія въ сеймовую конституцію или, по крайней мѣрѣ, для утвержденія въ сенатусконсиліумѣ. Представленія Гросса о гоненіяхъ, претерпѣваемыхъ православными, канцлеры признали справедливыми, складывая всю вину на упрямство епископа виленскаго, которому они столько разъ писали, чтобъ унялся, а теперь еще нанншуть; если же онъ по прежнему будетъ утверждаться на непозволениі строить и поправлять православныя церкви, то они намѣрены позвать его на судъ къ папскому нунцію и даже къ самому папѣ, и увѣрены, что на этомъ судѣ онъ проиграетъ дѣло; если сеймъ состоится, то постараются внести въ сеймовую конституцію постановленія о правахъ православныхъ, возвращеніе же вдругъ всѣхъ церквей и монастырей, взятыхъ по заключеніи вѣчнаго мира, зависить не отъ нихъ: о каждой церкви должно быть изслѣдовано предъ комиссіею, по какой причинѣ эта церковь попала къ униатамъ. «Теперь передъ моимъ судомъ, сказалъ Чарторыйскій Гроссу, пять процессовъ виленскаго православнаго монастыря о взятыхъ у него разныхъ монастыряхъ и церквахъ; вы увидите, что я окажу всякую желаемую справедливость единовѣрцамъ ея императорскаго величества; они впредь не будутъ жаловаться и на недостатокъ адвокатовъ, потому что, согласно съ уставами, я буду приказывать такому или такому защищать ихъ дѣла предъ судомъ; но я требую, чтобъ они, будучи польскими подданными, прежде обращались съ своими жалобами ко мнѣ, своему естественному судѣ, а не обращались бы сейчасъ же

къ императрицѣ или вашимъ министрамъ, которые должны заступаться за нихъ только въ томъ случаѣ, когда въ Польшѣ и Литвѣ имъ не окажутъ справедливости.»

Но къ этимъ затруднительнымъ дѣламъ присоединялось еще дѣло курляндское. Графъ Брюль увѣрялъ Гросса, что прусскій король имѣетъ на своей сторонѣ большинство курляндскаго дворянства и недавно представилъ Франціи проектъ, въ которомъ предлагаетъ, что въ случаѣ если удастся подвинуть Порту противъ Россіи, въ то же время надобно дѣйствовать противъ последней со стороны Курляндіи безъ подаіія повода союзникамъ Россіи вступаться за нее, и именно курляндское дворянство, оставленное польскимъ королемъ безъ покровительства, обратится къ нему съ просьбою о помощи противъ Россіи, такъ долго удерживающей въ неволѣ Бирона; Фридрихъ II потребуетъ освобожденія Бирона и такъ какъ Россія, по всѣмъ вѣроятностямъ, откажется исполнить это требованіе, то она явится зачинщицею войны и союзники ея не будутъ имѣть права помогать ей. Брюль пѣлъ старую пѣсню, что рѣшеніемъ курляндскаго дѣла всѣ прусскіе происки вдругъ уничтожились бы и много зла было бы предупреждено; по крайней мѣрѣ на многочисленныя промеморіи польскаго правительства на счетъ рѣшенія курляндскаго дѣла пусть дастся отвѣтъ, составленный хотя въ общихъ выраженіяхъ, напримѣръ, что Россія, по важнымъ причинамъ, должна была до сихъ поръ промедлить отвѣтомъ, но что окончательное рѣшеніе объявлено будетъ. Во всякомъ случаѣ Брюль обѣщаль по возможности оттянуть аудіенцію у короля курляндскому депутату Гейкингу, избранному для представленія жалобъ курляндскаго дворянства. Канцлеръ Малаховскій и князь Чарторыйскій также обѣщали Гроссу стараться, чтобъ аудіенція Гейкинга была отложена до окончанія сейма, но при этомъ Чарторыйскій не скривъ, что всякій шумъ объ этомъ предупредить нельзя, ибо въ инструкціяхъ, данныхъ своимъ посламъ разными польскими и литовскими повѣтами внесенъ пунктъ—настоять у короля, чтобъ онъ исходатайствовалъ рѣшеніе въ пользу герцога Бирона, да и сенаторамъ запретить нельзя, чтобъ они не упоминали объ этомъ въ своихъ рѣчахъ; только до сеймоваго рѣшенія дѣло не дой-

детъ, потому что, по всеѣмъ вѣроятностямъ, тѣмъ или другимъ способомъ, сеймъ будетъ разорванъ.

Англійскій полномочный министръ Уильямъ объявлялъ Гроссу, что его король имѣетъ въ Польшѣ одинъ интересъ—способствовать видамъ российской императрицы, и прибавилъ, что король его признаетъ невозможнымъ стараться о томъ, чтобъ наслѣдный саксонскій принцъ при жизни отца былъ назначенъ и наслѣдникомъ польскаго престола, особенно теперь, когда дворъ въ дѣлѣ острожской ординаціи старыхъ своихъ приверженцевъ, которыхъ преимущественно употреблялъ для приведенія въ дѣйствіе проекта о преемствѣ престола, оставилъ и началъ держаться членовъ французской партіи. Гроссъ отвѣчалъ, что императрица одного мнѣнія съ королемъ, и въ самомъ дѣлѣ, принимая во вниманіе настоящія обстоятельства, отношенія французскія, прусскія и турецкія, иначе и думать объ этомъ дѣлѣ нельзя.

Не имѣя надежды, чтобъ сеймъ состоялся, Гроссъ началъ хлопотать, нельзя ли въ сенатусконсиліумѣ провести дѣло о признаніи Польшею императорскаго титула русской государыни. Канцлеръ и князь Чарторыйскій на его предложеніе отвѣчали, что дѣло возможное, еслибъ они напередъ были увѣрены въ значительномъ большинствѣ голосовъ въ сенатѣ и особенно въ чистосердечной помощи двора и партіи графа Мнишка, ибо въ противномъ случаѣ они бы только понапрасну компрометировали императрицу и подали поводъ врагамъ своимъ уменьшить кредитъ ихъ у шляхетства: враги ихъ стали бы толковать, что они, въ угожденіе чужой державѣ, рѣшили дѣло, принадлежащее сейму. Когда же Гроссъ предложилъ объ этомъ Брюлю и Мнишку, тѣ высказали недовѣріе къ князьямъ Чарторыйскимъ и пріятелямъ ихъ, прибавивъ, что изъ опасенія французско-прусскихъ интригъ не надобно преждевременно разглашать о намѣреніи внести вопросъ о титулѣ на рѣшеніе сенатусконсиліума, а когда сеймъ разорвется, тогда должно совѣтоваться съ благонамѣренными сенаторами о возможности удовлетворить желанію императрицы и о способахъ къ тому. Упоминовеніе о французско-прусскихъ интригахъ дало Гроссу возможность сказать Брюлю: «какъ жаль, что съ нѣкотораго времени члены французской партіи льстятъ себя покровительствомъ самого двора и прилагаются всякія старанія къ уменьшенію значенія магнатовъ, издавна преданныхъ

королю и императрицѣ; дурныя слѣдствія этого оказываются явно въ дѣлѣ острожской ординаціи, во внушеніяхъ Франціи при Портѣ, которая наполнила Польшу эмиссарами въ предосужденіе чести королевской. Король не долженъ оставлять старыхъ общихъ пріятелей своихъ и Россіи, какъ людей испытанной честности и благонамѣренности, не долженъ позволять, чтобъ они были приведены въ безсиліе, но долженъ содержать ихъ въ прежней довѣренности, чтобъ въ случаѣ нужды пользоваться ихъ кредитомъ для общихъ интересовъ и сохраненія тишины въ Польшѣ; впрочемъ императрица, давая этотъ добрый совѣтъ по союзнической дружбѣ съ королемъ, отнюдь не совѣтуетъ королю презирать всѣхъ другихъ магнатовъ, напротивъ, надобно стараться всѣхъ вельможъ, не обращая вниманія кто они—Чарторыйскіе или Потоцкіе, приводить въ согласіе для единодушнаго содѣйствія общимъ интересамъ. Графъ Брюль вмѣсто прямого отвѣта, сдѣлавъ печальный видъ и распространился въ жалобахъ противъ князей Чарторыйскихъ, противъ ихъ недовѣрчивости къ нему, Брюлю и его затию Мишску; говорилъ, что Чарторыйскіе и канцлеръ Малаховскій сами повредили своему кредиту у духовенства поведеніемъ своимъ въ этомъ несчастномъ дѣлѣ острожской ординаціи. Потомъ Брюль спросилъ: «чѣмъ дворъ при настоящихъ обстоятельствахъ подкрѣпляетъ французскую партію?» Гроссъ отвѣчалъ: «тѣмъ, что поддерживается гетманъ - коронный, который поступаетъ по совѣтамъ главнаго французскаго сторонника воеводы бѣльскаго.» — «Никто, возразилъ Брюль, такъ жестоко не попрекалъ за это коронному гетману, какъ я; вы сами видите, что король оказываетъ явно свое неудовольствіе воеводамъ бѣльскому и брацлавскому, генералу Мокрановскому, Хоецкому и подобнымъ людямъ, изъ которыхъ однихъ и состоитъ теперь французская партія.»

Когда Гроссъ говорилъ Мишску о соглашеніи съ старинными приверженцами императрицы и короля, то Мишкекъ отвѣчалъ, что не хочетъ быть въ зависимости ни отъ кого, кромѣ короля и своего тестя. Гроссъ писалъ своему двору, что въ партіи графа Мишска нѣтъ ни одного умнаго человѣка изъ знатныхъ, а главные его совѣтники коадьюторъ кievскіе Солтыкъ и братья Збоинскіе неоднократно заявили свое корыстолюбіе и двоедушіе, и хотя въ слѣдствіе спора по острожскому дѣлу партія Мишска

и гетмана усилилась предьявленіемъ видовъ, угодныхъ шляхетству, однако партія князей Чарторыйскихъ не очень ослабѣла, чему доказательствомъ служить, что половина пословъ повѣтовыхъ или депутатовъ сеймовыхъ принадлежитъ къ ихъ партіи, и если Чарторыйскіе потеряли нѣкоторыхъ изъ знати, то приобрѣли другихъ, какъ-то фамилію Любомирскихъ, и когда острожское дѣло такъ или иначе прекратится, то настоящія отношенія между польскими вельможами могутъ снова измѣниться; да и какъ бы то ни было, хотя бы всѣ вакантныя мѣста раздавались по одному представленію графа Мнишка, котораго кредитъ будетъ великъ во все время министерства тестя его, однако партія князей Чарторыйскихъ никогда не придетъ въ презрѣніе, потому что по признанію самихъ враговъ ихъ канцлеръ литовскій въ Литвѣ человекъ всемогущій, а его братъ въ каждомъ воеводствѣ королевства имѣетъ маестности, съ которыхъ получаетъ до 120,000 червонныхъ годового дохода, слѣдовательно всегда большую часть шляхетства будетъ имѣть на своей сторонѣ. «Я думалъ, писалъ Гроссъ, что ваше импер. величество главнымъ образомъ имѣете въ виду польское междуцарствіе, когда примасъ играетъ главную роль; извѣстно сколько въ прошлое междуцарствіе надѣлалъ вреда примасъ Потоцкій, дѣйствовавшій противъ видовъ Россіи; настоящей же примасъ Комаровскій мнѣ недавно подтвердилъ прежнее свое обѣщаніе, что никогда не возложитъ короны на кандидата, непріятнаго вашему величеству.» Гроссъ писалъ также, что еслибы онъ съ своими представленіями противъ партіи Мнишка обратился прямо къ королю, то это было бы бесполезно и опасно: бесполезно потому, что король во всемъ привыкъ слѣдовать совѣтамъ графа Брюля; опасно же потому, что этимъ онъ навлекъ бы на себя ненависть перваго министра, что вредно отозвалось бы на отношеніяхъ между двумя дворами.

Сеймъ начался 19 сентября и находился въ бездѣйствіи, потому что въ первыхъ шести засѣданіяхъ не позволяли приступить къ выборамъ маршала, что по уставу должно было сдѣлаться въ первый день. Депутаты, преданные Чарторыйскимъ, настаивали, чтобъ прежде выборовъ маршала рѣшено было дѣло острожской ординаціи. Брюль королевскимъ именемъ обѣщаль Чарторыйскимъ, что если они позволятъ на избраніе маршала,

то ниодно дѣло не будетъ пущено прежде, чѣмъ состоится рѣшеніе на счетъ острожской ординаціи. Но Чарторыйскіе не полагались на обнадеживанія Брюля, потому что недавно были обмануты: король обѣщалъ, что при трибуналахъ не будетъ войска и никого изъ людей, не принадлежащихъ къ трибуналу, и нарушилъ свое обѣщаніе.

Въ это время пріѣхалъ въ Гродно курляндскій адвокатъ Цигенгорнъ. Гроссъ предупредилъ Брюля, что этотъ Цигенгорнъ главный виновникъ того, что на курляндскомъ сеймикѣ въ одну ночь дѣла измѣнились явно ко вреду Россіи. Несмотря на это предостереженіе, король пожаловалъ Цигенгорна въ надворные совѣтники. Это заставило Гросса выразить императрицѣ подозрѣніе, что самъ польскій дворъ желаетъ возобновленія курляндскаго дѣла, хотя и не въ пользу Бирона, но только для того, чтобъ императрица высказалась, что не можетъ ни Бирона, ни фамилію его возстановить на курляндскомъ престолѣ, а польско-саксонскій дворъ воспользуется такимъ объявленіемъ, чтобъ доставить Курляндію своему принцу. Подозрѣніе подтверждалось словами графа Мнишка Гроссу, что если императрица не желаетъ возстановленія Бирона, то лучше объ этомъ объявить и соглашаться съ королемъ о другомъ пріятномъ для обоихъ дворовъ кандидатѣ; что королю естественно было бы всего пріятнѣе, еслибы императрица согласилась видѣть герцогомъ курляндскимъ одного изъ его сыновей; привести въ исполненіе это намѣреніе всего легче, потому что Поляки согласятся изъ уваженія къ королевскому дому, а въ Курляндіи множество шляхты этого желаетъ. Гроссъ отвѣчалъ, что не можетъ ничего сказать на это, не имѣя инструкцій, особенно, когда императрица при нынѣшнихъ обстоятельствахъ признаетъ нужнымъ оставить дѣло въ совершенномъ молчаніи; притомъ религія будетъ служить препятствіемъ, ибо саксонскіе принцы католики, а герцогъ курляндскій долженъ быть лютераниномъ. Мнишекъ возразилъ, что тутъ нѣтъ никакого затрудненія, ибо въ курляндской конституціи о религіи герцога ничего не опредѣлено. Гроссъ замѣтилъ на это, что еслибъ и такъ, то король прусскій не замедлитъ объявить, что отъ назначенія католика герцогомъ религія страны находится въ опасности и вмѣшается въ дѣло, при чемъ нѣко-

торые Курляндцы къ нему непременно пристануть. Мнишекъ не нашелся, что возразить на это.

Вторая недѣля сейма прошла точно такъ, какъ и первая: ежедневно въ посольской избѣ было собраніе; ежедневно старый маршалъ пытался приступить къ выбору новаго, и ежедневно со стороны преданныхъ Чарторыйскимъ депутатовъ не было на то позволенія, пока не будетъ рѣшена острожская тяжба. Брюль обвинялъ Чарторыйскихъ въ обманѣ, въ нарушеніи давнаго слова, Чарторыйскіе обвиняли въ томъ же короля, жаловались, что король, въ союзѣ съ гетманами, позволяетъ себѣ насилія, говорили, что если они позволяютъ выборъ сеймоваго маршала до окончанія острожскаго дѣла, то враги ихъ обратятъ сеймъ въ конфедерацію и постановятъ все, что имъ угодно на ихъ пагубу. Брюль два раза обращался къ Гроссу съ просьбою уговорить Чарторыйскихъ, чтобъ не сопротивлялись выбору маршала, угрожая въ противномъ случаѣ совершенною немилостію королевскою; но ни Чарторыйскіе, ни Малаховскій ни о чемъ не хотѣли слышать и ждали успѣха отъ одной своей твердости.

Въ слѣдствіе этой твердости сеймъ кончился ничѣмъ; но въ то же время Мнишекъ подаль королю просьбу, подписанную нѣкоторыми сенаторами о назначеніи казенной администраціи надъ острожскими имѣніями; король согласился и это произвело сильное раздраженіе, начали толковать о стремленіи короля къ самодержавію. Гроссъ представлялъ такое положеніе дѣлъ крайне опаснымъ и деликатнымъ, ибо съ одной стороны Россія никакъ не можетъ позволить перемѣны въ польской правительственной формѣ, а съ другой, по европейскимъ отношеніямъ, должно сохранять дружбу короля. Обратившись снова къ своимъ, русскимъ дѣламъ, именно къ выдачѣ всѣхъ бѣглыхъ, Гроссъ встрѣтилъ неодолимое сопротивленіе въ своемъ главномъ пріятелѣ, литовскомъ канцлерѣ, князѣ Чарторыйскомъ, который объявилъ, что ни за что не возьмется проводить это дѣло, ибо оно можетъ лишить его всего кредита у шляхты; до сихъ поръ, противодействуя внушеніямъ франко-прусскаго партіи, онъ внушалъ шляхтѣ, что необходимо держаться Россіи, которая одна въ состояніи оказать помощь республикѣ, а если онъ теперь станетъ проводить дѣло о выдачѣ бѣглыхъ, то эти внушенія вдругъ потеряютъ всякую силу. Когда Гроссъ сказалъ, что шляхта еще бо-

лѣе будетъ раздражена, если императрица силою велитъ забрать всѣхъ своихъ бѣглыхъ въ Польшѣ и Литвѣ, то Чарторыйскій отвѣчалъ съ сердцемъ, что отъ великодушія императрицы не опасается такого поступка, но все же онъ лучше согласится на это, чѣмъ самому проводить такое дѣло, и скорѣе откажется отъ канцлерскаго чина и гомельскаго староства, лежащаго на русскихъ границахъ, чѣмъ внесетъ въ универсалъ требованіе выдачи бѣглыхъ, и еслибъ самъ король согласился выдать такой универсалъ, то онъ, канцлеръ, не приложитъ къ нему печати. А между тѣмъ разсужденіе о незаконности учрежденія казенной администраціи надъ острожскими имѣніями, поданное королю самимъ примасомъ, было публично сожжено какъ пасквиль; типографія, гдѣ оно печаталось, была заперта; изъ боязни королевскаго гнѣва ни въ одномъ судѣ, вопреки обычаю, не приняты протеста князя Сангушки противъ администраціи, и посоль французскій Брюль хвастался, что онъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ успѣлъ въ пораженіи русской партіи. Чарторыйскіе въ сильномъ безпокойствѣ обращались къ Гроссу съ вопросомъ, что думаютъ въ Петербургѣ о послѣднихъ польскихъ событіяхъ, прибавляя, что насильственные поступки новой придворной партіи, соединенной съ французскою, явно клонятся къ установленію мало по малу самодержавія, что русскимъ интересамъ также противно, какъ и самимъ имъ. Гроссъ отвѣчалъ, что обо всемъ увѣдомилъ императрицу, но еще не получалъ никакихъ наставленій.

По возвращеніи въ Дрезденъ Гроссъ доносилъ, что графъ Брюль жаловался на англійскаго министра Уильямса, который, оставшись въ Варшавѣ, ободрялъ князей Чарторыйскихъ. Брюль при этомъ не иначе называлъ Чарторыйскихъ какъ непріятелями короля, тогда какъ о Потоцкихъ отзывался съ удовольствіемъ, говоря, что посоль французскій уже попрекалъ ихъ преданностію двору ¹⁷³.

Мы видѣли, что въ прошломъ году начались переговоры между Россіею и Англіею на счетъ субсидій для содержанія русскаго войска на границахъ. Дѣло затянулось отъ того, что русскій дворъ, по мнѣнію англійскаго, просилъ слишкомъ много денегъ. 21 марта 1754 года данъ былъ Гюндикенсу русскій контръ-проектъ, который англійскимъ министромъ принять былъ только на

доношеніе: требуемая сумма 200,000 фунтовъ показалаь ему чрезмѣрною. Канцлеръ подалъ императрицѣ новую записку: «Теперь отъ монаршаго соизволенія зависѣть будетъ рѣшеніе, надобно или нѣтъ сію негоціацію продолжать и совершить и тѣмъ конечно короля англійскаго яко союзника въ безопасность привести и для переду полезнымъ себѣ сохранить, или же напротиву того, уничтожая сію негоціацію, неминуемо короля прусскаго и безъ того уже гордостію и жадностію къ большому еще усиленію дышущаго въ большую знатность и силу допустить. Правда, что какъ первыя аглинскаго двора генеральныя предложенія весьма податливыми казались, такъ и теперь когда къ прямому дѣлу пришло, уже крайне скупы стали, правда жъ напротиву того, что и здѣшніе запросы весьма велики были. Какъ теперь первая опасность нѣсколько миновалась, а наступающею зимою обстоятельства еще много перемѣнятся могутъ, наипаче же, что войска, по собственному ея импер. величества благоизобрѣтенію, и, правда сказать, для опасности отъ собиравныхъ тогда около Кенихсберха прусскихъ войскъ, уже дѣйствительно въ Лифляндію заведены, да и содержаніе оныхъ тамо, какъ и новое искусство (опытъ) показало, и безъ того необходимо нужно: то видится и здѣшнія кондиціи нѣсколько облегчить надобно, дабы во первыхъ, ежели и ни до какого съ королемъ прусскимъ прямаго дѣла недойдетъ, то однакожъ походъ и собраніе здѣшнихъ войскъ въ Лифляндіи не даромъ да и содержаніе оныхъ тамо не въ убытокъ, но съ пользою было, ибо ежели разсудить, что и безъ всякихъ выгодностей, однакожъ собственная безопасность, наипаче же соблюденіе пріобрѣтеннаго донинѣ въ Европѣ у всѣхъ дворовъ почтенія и знатности необходимо требуютъ великую часть армей въ Лифляндіи содержать, то собою окажется, что всякія субсидіи, какія бы отъ Англій за сіе содержаніе только войскъ на границахъ получены ни были, чистою уже прибылью почитать надлежитъ. А второе и наглавнѣйшее въ томъ состоитъ, что ежели теперь, полагаясь на нужду, въ каковой король аглинской быть видится въ здѣшнихъ первыхъ запросахъ непоколебимо стоять, то легко статься можетъ, что и король аглинской, тщетно полагаясь иногда, что король прусской одними угрозами удовольствуется и его не атакуеть, на здѣшнія кондиціи склониться заупрямится,

а какъ сіе никогда долго тайно быть не можетъ, то уже болѣе того имовѣрно, что король прусской, пользуясь снѣмъ расположеніемъ, какъ то ему и обыкновенно, вдругъ на Ганноверъ нападетъ и разграбленіемъ хранимаго въ немъ безчисленнаго такъ сказать сокровища обогатится и еще болѣе силенъ и потому опасенъ будетъ. Тогда ужъ поздно было бъ и аглинскому королю въ страстной его скупости раскаяваться и щедрымъ быть, ибо потерявъ такъ сказать все, не о чемъ и заботиться будетъ; да безвременна жъ была бъ тогда и здѣшняя, хотя бъ уже и вдвое посылаемая помощь, ибо королю прусскому, всегда ко всему готовому, предовольно одной кампаніи всѣ ганноверскія ему отверстыя и крѣпостей неимущія области овладѣть и разорить. Да еще на посылку тогда помощи и поступить едва ль можно было бъ: вопервыхъ, время уже не допуститъ о какихъ-либо предварительныхъ кондиціяхъ соглашаться, да хотя бъ что въ скорости и сдѣлано было, трудно уже въ исполненіи полагаться. Второе, здѣшнія войска, не ожидавъ скоропостижнаго походу, не будутъ въ состояніи въ оный тотчасъ вступитъ, за неимѣніемъ довольныхъ къ тому запасныхъ магазиновъ. Третье же и главнѣйшее, король прусской, видя здѣшнюю атаку, съ королемъ аглинскимъ тотчасъ примирится и, оставя ему Ганноверъ, всѣ силы свои противъ здѣшнихъ обратитъ и толь отважнѣе на то поступитъ, что уже ганноверскіе милліоны добрымъ сукурсомъ при себѣ имѣть будетъ»¹⁷⁴.

Дѣла въ Швеціи въ началѣ года приняли болѣе тревожный характеръ. Панинъ писалъ, что версальскій дворъ, не усматривая успѣха предложеннаго имъ при датскомъ дворѣ четверного союза, поднялъ сильное движеніе въ Стокгольмѣ: французскій посланникъ маркизь Давранкуръ, открывъ переговоры и возобновленіе субсиднаго трактата, предложилъ тройной союзъ между Франціею, Швеціею и Пруссіею, причемъ домогался о посылкѣ корпуса войскъ въ Финляндію. «Я долженъ, писалъ Панинъ, отдать справедливость содѣйствию мнѣ благонамѣренныхъ королевскихъ приверженцевъ, но въ успѣхъ ихъ плохая надежда; вся власть у стороны противной, кромѣ того, въ сенатѣ будутъ бояться обвиненія, что если откажутъ Франціи въ возобновленіи союза, то шведскій дворъ останется безъ системы, оттолкнувши всѣхъ

союзниковъ. По годъ проходилъ и тревога оказывалась ложною» ¹⁷⁵.

Съ противоположной стороны, изъ Константинополя Обрѣзковъ доносилъ, что французскій посоль алчно желаетъ заставить Порту принять участіе въ польскихъ дѣлахъ и заключить союзы съ Пруссіею и Швеціею для сдержанія Россіи; посоль внушалъ миролюбивому султану, что отъ этого никакого безпокойства Турціи не будетъ, что она сдѣлаетъ то же самое, что дѣлаетъ Россія, составляя союзъ между Австріею, Саксоніею, Англіею. Не имѣя успѣха въ своихъ внушеніяхъ, посоль подалъ ноту, въ которой объявлялъ, что многіе польскіе вельможи, доброжелательные Франціи и Портѣ, обратились къ нему съ вопросомъ, что намѣрена сдѣлать Порта при движеніи приверженцевъ Россіи, набирающихъ войска съ цѣлію установить наследственное правленіе; эти польскіе вельможи будто бы просили его, посла уговорить Порту, чтобъ прислала къ нимъ довѣреннаго и благоразумнаго человѣка, который бы самъ на мѣстѣ удостовѣрился въ опасныхъ видахъ Россіи. Этою нотою посоль принуждалъ Порту къ отвѣту, что было понято ея министрами и произвело раздраженіе между ними. «Надобно собакъ кость бросить», рѣшили они и написали отвѣтъ: «блестательная Порта сообщеніемъ французскаго посла довольна, содержаніе его ноты изрядно выразумѣла и въ свое время дастъ ему знать о своемъ намѣреніи».

Большее впечатлѣніе производили на Порту извѣстія о населеніи Новой Сербіи и построеніи тамъ крѣпости св. Елисаветы. Когда Обрѣзковъ далъ знать, что императрица приказала строить крѣпость при верховьѣ рѣчки Ингула, близъ устья впадающей въ нее рѣчки Туры, и что это мѣсто находится около тридцати часовъ пути отъ турецкой границы, то рейсъ-ефенди съ жаромъ сказалъ: «Это дѣло совершенно противно договору и конечно должно нарушить дружбу; если съ русской стороны на границахъ крѣпости строить начинаютъ, то и Порта, съ своей стороны, тоже сдѣлаетъ». Обрѣзковъ послалъ ему карту для удостовѣренія, что крѣпость строится внутри російской имперіи, а не на границахъ, при чемъ велѣлъ сказать, что ближе ея къ границамъ есть уже укрѣпленіе Архангельское, слѣдовательно нарушенія договора здѣсь нѣтъ никакого, и если Порта намѣрена въ зем-

ляхъ своихъ строить крѣпость, кромѣ означенныхъ въ договорѣ мѣстѣ, то имѣеть на то полное право и русскій дворъ никогда этого права оспаривать не будетъ, ибо каждый государь воленъ въ своихъ государствахъ дѣлать то, что заблагоразсудитъ; сообщено было Портѣ о строеніи крѣпости только по сосѣдственной дружбѣ, а не въ смыслѣ испрашиванія позволенія на внутреннія распоряженія государства, ибо русскій дворъ какъ самъ не любитъ мѣшаться въ чужія дѣла, такъ не терпитъ и въ своихъ дѣлахъ указчиковъ, слѣдовательно дѣло не нуждается ни въ какихъ дальнѣйшихъ изъясненіяхъ и отвѣтахъ со стороны Порты.

Самъ султанъ принялъ извѣстіе о построеніи крѣпости съ большимъ неудовольствіемъ и велѣлъ разсмотрѣть дѣло какъ можно внимательнѣе, нѣтъ ли нарушенія договора. Визирь собралъ совѣтъ и призвалъ какого то Магметъ-ефенди, извѣстнаго своими географическими познаніями; долго разсматривали карту и рѣшили, что крѣпость строится въ противность договору, а потомъ прочли рѣшительное объявленіе Обрѣзкова, что дѣло кончено, что онъ никакихъ возраженій не приметъ, и не знали, что дѣлать. Наконецъ придумали средство: обратиться за объясненіемъ къ министрамъ союзныхъ съ Россією дворовъ, англійскому и австрійскому.

Пенклеръ и Портеръ, по совѣщаніи съ Обрѣзковымъ, отвѣчали, что по ихъ мнѣнію мирный трактатъ не отнимаетъ права у обѣихъ сторонъ строить крѣпости въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ Азова, и эта постройка не можетъ нарушить дружбы, потому что дѣло взаимное, Порты съ своей стороны тоже можетъ сдѣлать когда заблагоразсудитъ. Рейсъ-ефенди не былъ доволенъ этимъ отвѣтомъ, говорилъ, что Пенклеръ и Портеръ или не поняли отзыва Порты или понять не хотѣли, что построеніемъ крѣпости необходимо нарушается договоръ и правила въ отношеніяхъ между государями: во время мира вдругъ начинаютъ строить крѣпость въ недалекомъ разстояніи отъ границы. Порты просила Пенклера и Портера, чтобъ они склонили свои дворы уговорить петербургскій дворъ отложить постройку крѣпости, потому что это сильно раздражаетъ Порты. Когда Портеръ сообщилъ объ этомъ Обрѣзкову, тотъ отвѣчалъ, что если вѣнскій и лондонскій дворы исполняютъ желаніе Порты, обратятся съ своими представленіями къ петербургскому двору и не получатъ

успѣха, то Порты еще болѣе раздражится и станетъ упрекать вѣнскій и лондонскій дворы, что не усердно старались. Но Пенклеръ и Портеръ не остановились этимъ и рѣшили подробно сообщить своимъ дворамъ все дѣло. При этомъ Пенклеръ внушалъ Обрѣзкову, что сомнительно, имѣетъ ли Россія право строить крѣпость; Обрѣзковъ сильно его оспаривалъ, указывая, что Турки построили крѣпость Харабатъ, которая къ запорожской Сѣчи ближе, чѣмъ крѣпость св. Елисаветы къ Очакову. Оба министра, и австрійскій и англійскій, были сильно опечалены этимъ дѣломъ, и желали дружелюбнаго его окончанія: они боялись, чтобъ Порты въ своемъ раздраженіи на Россію, не уступила домогательствамъ французскаго посла. Переводчикъ Порты говорилъ переводчику русскаго посольства, что новая крѣпость—это чирей на здоровомъ тѣлѣ, что отъ него антоновъ огонь можетъ прикинуться; стоитъ ли для прикрытія десяти козаковъ раздражать имперію, которая всегда старалась о сохраненіи мира. Турки только и желаютъ войны, и сдерживаются единственно искусствомъ правительственныхъ лицъ, а теперь какъ ихъ сдержать, особенно могущественное духовное сословіе? На это Обрѣзковъ велѣлъ замѣтить переводчику Порты, что правило русскаго двора—другихъ не страшать и самому никакихъ угрозъ не бояться. Извѣстно, что Россія содержитъ наготовѣ многочисленное войско, однако никому не внушаетъ, что не можетъ его сдерживать.

Между тѣмъ у министровъ Порты происходили частые совѣты и наконецъ рѣшили: не относиться прямо къ русскому двору въ надеждѣ, что онъ тронется донесеніями Обрѣзкова и оставить постройку крѣпости. По словамъ Обрѣзкова виновникомъ всего безпокойства былъ рейсъ-ефенди; другіе, видя его ярость, говорить не смѣли, а иные нарочно молчали, чтобъ ввести его въ погибель, и хотя всѣмъ вообще построеніе крѣпости непріятно, однако большая часть думаетъ, что оно не противно трактату, а только дружбѣ. Войны, по миролюбію султана, бояться не должно, но непременно произойдетъ большая холодность, а можетъ быть Порты склонится на домогательство французскаго посла. Послѣднее можетъ повести къ войнѣ, при чемъ союзники могутъ отказать въ помощи, выставивъ Россію виновницею войны. По этому Обрѣзковъ совѣто-

валь оставить начатыя работы надъ крѣпостію, а для соблюденія достоинства заявить Портѣ, что постройка крѣпости оставляется не потому, что признана противною трактату, но единственно изъ дружбы къ султану, и чтобъ онъ пересталъ ссылаться на трактатъ; Обрѣзковъ совѣтоваль сдѣлать это заявленіе какъ можно скорѣе, чтобъ отнять у Австріи и Англии возможность хвастаться своимъ посредничествомъ.

Но въ Петербургѣ не считали возможнымъ остановить постройки крѣпости, и Обрѣзковъ долженъ былъ сообщить Портѣ объ увѣренности его двора, что его не будутъ болѣе беспокоить такимъ невозможнымъ дѣломъ, какъ остановка крѣпостного строенія. Когда Обрѣзковъ сообщилъ Пенклеру и Портеру о содержаніи ноты, которую ему предписано подать Портѣ, то они пришли въ сильное безпокойство и стали упрашивать Обрѣзкова, чтобъ помедлилъ подачею ноты. Особенно горячился англійскій посолъ, который обнадежилъ Порту, что усерднымъ стараніемъ его короля и римской императрицы это дѣло кончится къ удовольствію Порты. Обрѣзковъ имѣлъ слабость склониться на желаніе союзныхъ министровъ и отложить подачу ноты, и когда Порта начала спрашивать, какое же наконецъ принято въ Петербургѣ рѣшеніе, то онъ вмѣстѣ съ союзными министрами, отвѣчалъ, что окончательнаго рѣшенія еще не принято. На донесеніе Обрѣзкова объ этомъ, вице-канцлеръ Воронцовъ замѣтилъ: «Мнѣ мнится, что весьма напрасно себя допустилъ уговорить союзнымъ министрамъ, чтобъ присланный отсюда отвѣтъ Портѣ сообщить поумедлить, понеже чрезъ собственное медленіе себѣ больше *амбара* (затрудненія) причинилъ, а турецкому дожиданію отвѣта вящую нетерпѣливость умножить, къ тому же изъ депеши ясно усмотрѣть могъ, что здѣшній отвѣтъ есть точный и никакой другой отъѣны ожидать не должно бѣ, слѣдовательно подачею снаго медлить не надлежало, дабы единожды навсегда отъ нескладнаго турецкаго требованія, чтобъ крѣпость не строить, отдѣлаться.»

По объявленіи Портера, рейсъ-ефенди говорилъ англійскому переводчику именемъ султанскимъ, что если Порта получитъ изъ Петербурга рѣшительный отказъ, то не колеблясь пристанетъ къ противной сторонѣ, отъ чего можно опасаться и войны. На донесеніе объ этомъ Обрѣзкова, Воронцовъ замѣтилъ: «По

моему мнѣнію, ежели бѣ сіи господа союзные министры, признавъ справедливость нашу о построеніи крѣпости, съ большею твердостію въ пользу нашу на представленія турецкія отвѣтствовали, а не съ такою опасностію (близкостію) и менажированіемъ требованія ея принимали, то конечно бы (какъ и послѣдуетъ), горячность и угрозы турецкія давно бѣ въ ничто обратились. Слабѣйше мнится, что сіе дѣло однимъ или другимъ образомъ лучше между собою самимъ, безъ постороннихъ посредниковъ прекратить, а иначе скоро конца не дожждаться. Обрѣзковъ писалъ, что крѣпость св. Елисаветы рано или поздно можетъ быть главною причиною разрыва съ Портою, ибо Турки считаютъ ее также важною, какъ и Бѣлградъ, когда онъ находился въ австрійскихъ рукахъ, и спрашивалъ, польза отъ нея перевѣситъ ли этотъ вредъ. На это Воронцовъ замѣтилъ: «Человѣкъ въ мысляхъ своихъ, а еще болѣе въ гаданіяхъ весьма ошибиться способенъ; напротивъ мнѣнія г. Обрѣзкова думаю, что построеніе крѣпости св. Елисаветы будетъ для переды великимъ авантажемъ Россіи и Турковъ въ уздѣ содержать».

Воронцовъ былъ совершенно правъ: дѣло было вздуто рейс-ефенди и боязливостію Пенклера, Портера и Обрѣзкова. Когда оно было спокойно представлено султану, тотъ далъ такое рѣшеніе: такъ какъ строеніе крѣпости производится въ русской землѣ и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ турецкихъ границъ, то если дружественнымъ образомъ отклонить его нельзя, отстать отъ всякихъ требованій. Это рѣшеніе было послѣднимъ въ жизни султана Махмуда: 2 декабря 1754 года онъ умеръ, и на престолъ вступилъ братъ его Османъ. ¹⁷⁶

ГЛАВА V.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1755-й годъ.

Слушаніе статей новаго Уложенія.—Межевое дѣло.—Самоуправства.—Новый генераль-крюгъ-коммиссаръ князь Шаховской.—Башкирскій бунтъ и его утушеніе.—Продолженіе неприятныхъ сношеній съ польско-саксонскимъ правительствомъ по дѣлу князей Чарторыйскихъ, и отозванію саксонскаго посланника Функа изъ Петербурга.—Дѣло о конвенціи съ Англією.—Реляція Панина о состояніи дѣлъ въ Швеціи и письмо къ нему князя Вестушева.—Уступка требованіямъ Турціи относительно строенія крѣпости св. Елисаветы.

Главнымъ занятіемъ сената въ продолженіе 1755 года было слушаніе статей новаго Уложенія. 11 апрѣля начали слушать Уложеніе и выслушано первой части одиннадцать главъ и докладъ комиссіи о соединеніи нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій съ другими, а именно, вмѣсто ревизіонъ-коллегіи положено быть при сенатѣ и сенатской канторѣ счетнымъ экспедиціямъ; вмѣсто мануфактуръ-коллегіи экспедиція при главномъ магистратѣ; штатсъ-кантору соединить съ камеръ-коллегією; дѣла раскольничьей канторы и сборъ денегъ съ раскольниковъ поручить камеръ-коллегіи; дѣла Сибирскаго приказа распределить по другимъ мѣстамъ. 12 іюля приказали доложить императрицѣ, что новаго Уложенія сочинены двѣ части, судная и криминальная съ ихъ процессами, съ изъясненіемъ, на какомъ основаніи каждая глава и пунктъ сочинены; эти двѣ части сенатомъ, а нѣкоторыя главы сообща съ синодомъ, одобрены и подносятся для высочайшей конфирмаціи ¹⁷⁷.

Разсмотрѣніе обширнаго шуваловскаго проекта, поданнаго въ прошломъ году, сенать въ нѣкоторыхъ частяхъ соединилъ съ дѣломъ новаго Уложения: о форпостахъ велѣлъ разсмотрѣть комиссіи, учрежденной при военной коллегіи, а военной коллегіи разсмотрѣвъ мнѣніе комиссіи, подать съ своимъ мнѣніемъ въ сенать; о смоленской шляхтѣ учредить въ Смоленскѣ особую комиссію; о построеніи солдатскихъ слободъ разсуждать комиссіи при военной коллегіи; о магазинахъ разсмотрѣть въ особой комиссіи; о земскихъ комиссарахъ разсмотрѣть въ комиссіи объ Уложеніи; о конторѣ государственной экономіи разсмотрѣть въ особой комиссіи; о губернаторахъ и воеводахъ въ комиссіи объ Уложеніи ¹⁷⁸. Шуваловъ, назначенный государственнымъ межевщикомъ, снѣшилъ исполненіемъ ввѣреннаго ему дѣла и предложилъ, чтобъ велѣно было производить межеванье во всѣ праздничные и воскресные дни, кромѣ высокопраздничныхъ, по окончаніи литургіи. Сенать согласился и назначилъ праздничными днями для межевщиковъ слѣдующіе шесть, съ весны до октября: Пасху, 21 апрѣля (рожденіе великой княгини), 25 апрѣля (коронація), 29 іюня (имянины наследника и его сына), 5 сентября (имянины императрицы), 20 сентября (рожденіе великаго князя Павла Петровича). По представленію того же Шувалова, флотскій капитанъ Безобразовъ опредѣленъ опекуномъ при межеваніи: когда кто-нибудь изъ землевладѣльцевъ потерпитъ несправедливость отъ межевщиковъ при размежеваніи, и въ межевой канцеляріи скорого удовлетворенія не получитъ, то жалуется опекуну, который ведетъ дѣло въ губернской межевой канцеляріи, если же послѣдняя замедлитъ, то переноситъ дѣло въ главную межевую канцелярію. Наконецъ Шуваловъ предложилъ не дѣлать астролябій для межеванія при академіи наукъ въ Петербургѣ, а выписывать ихъ изъ Англій, потому что сдѣланныя при академіи становятся почти вдвое дороже противъ англійскихъ ¹⁷⁹.

Комиссіи и сенать работали надъ новымъ уложеніемъ. Между тѣмъ случаи самоуправства повторялись, и иногда въ страшныхъ размѣрахъ. Придворная заготовщица Авдотья Кирова, пріѣхавшая изъ Архангельска, гдѣ покупала разные припасы и лебяжій пухъ для императрицы, подала въ кабинетъ жалобу, что дорогою въ двухъ мѣстахъ подверглась она великимъ озор-

ничествамъ: въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Власовѣ крестьяне помѣщика Спасителява, собравшись многолюдствомъ, били кольями провожавшихъ ее солдатъ, за то что они требовали подводъ; Олонецкаго уѣзда въ вытегрскомъ погостѣ крестьяне, по многимъ требованіямъ, дали только три подводы, а остальныхъ четырехъ не дали, и собравшись съ кольями, хотѣли бить; увидавъ это, Кирова уѣхала съ солдатами на трехъ лошадахъ, а припасы всѣ и пухъ на четырехъ возахъ остались въ погостѣ. Но сенатъ зналъ, что подобныя явленія вызываются со стороны самихъ бѣдующихъ, онъ зналъ, какъ въ Петербургѣ разныхъ чиновъ люди, нанимая для ѣзды въ городѣ и около города лежащихъ мѣстахъ ямщиковъ и разночинцевъ съ лошадьми, ѣздить такъ скоро, что лошади падаютъ, а если извозчикъ скоро не поѣдетъ, то ѣздокъ самъ и люди его немилостиво бьютъ извозчика, и по другимъ дорогамъ берутъ подводы лишнія противъ написаннаго въ подорожныхъ. Сенатъ своимъ указомъ запретилъ все это; но насколько сенатскій указъ подѣйствовалъ—это другое дѣло. Иверскій монастырь жаловался на ямщиковъ Зимнегорскаго яма, которые въ числѣ трехъ сотъ напали на монастырскихъ крестьянъ, убили до смерти шесть чело-вѣкъ, да ранили 44. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ помѣщица Побѣдинская, собравшись съ людьми своими, изрубила двоихъ гренадеръ лейбъ-компаніи, Фрязина и Леонтьева. На слѣдствіи Побѣдинская показала, что Фрязинъ сильно обижалъ ее и ея крестьянъ, была у нея съ нимъ ссора и жалоба въ пошехонскую канцелярію; 10 мая Фрязинъ и Леонтьевъ пришли на поле сельца ея Сырнева, гдѣ люди ея боронили землю, и стали одного изъ боронившихъ немилостиво бить, другой бросился бѣжать въ сельцо и сказалъ ей объ этомъ. Тогда она съ людьми и крестьянами прибѣжала къ Фрязину и Леонтьеву, которые выстрѣлили по ней изъ двухъ ружей и одинъ изъ людей ихъ ударилъ ее по лѣвой рукѣ; ея люди и крестьяне вступились за нее и начали драться, а она пошла домой. Но люди ея на пыткѣ показали, что она кричала: «Бейте, бейте до смерти! я въ отвѣтъ», и сама была уже лежачаго Леонтьева кулаками. Побѣдинскую сослали на вѣки въ дальній монастырь, людей нака-зали кнутомъ и сослали въ Нерчинскъ на вѣчную работу ¹⁸⁰.

Это дѣло было рѣшено съ изумительною скоростію—въ семь

мѣсяцевъ! тогда какъ другія тянулись по 15 лѣтъ. Только въ 1755 году рѣшено было дѣло юрьевского канцеляриста Коковинскаго, который вмѣстѣ съ воеводою Тименевымъ въ 1739 году замучилъ на пыткѣ крестьянина, и спустя полгода написать расирость и пыточные рѣчи, въ которыя внесъ разныя воровства, чего крестьянинъ на себя не показывалъ; воеводу за старостію и дряхлостію не пытали, и онъ во время слѣдствія умеръ; канцеляриста сослали въ Сибирь на вѣчную работу. Въ 1755 году кончилось тянувшееся съ 1746 года дѣло вдовы экипажъ-мейстера Зотова, которая обвинялась въ томъ, что родивши мертвую дочь, объявила, что родила сына, котораго принесли ей отъ матроской жены; Зотова наконецъ повинилась въ застѣнкѣ, послѣ того какъ при ней попытали какую-то уголовную преступницу; въ слѣдствіе того мальчику, котораго она называла сыномъ своимъ и которому уже былъ тринадцатый годъ, запрещено называться Конономъ Зотовымъ, велѣно называться ему Александромъ Александровымъ по крестному отцу Нарышкину и опредѣлили его на шпалерную фабрику. Саму Зотову сенатъ приговорилъ къ плетямъ и ссылке ¹⁸¹.

Относительно финансовъ сенатъ успокоился на принятыхъ мѣрахъ, слѣдя внимательно за продажею соли и вина. Въ 1754 году продано было соли 6,789,633 пуда, 31 фунтъ; изъ собранной прибыли, за исключеніемъ милліона, отослано въ комиссаріатъ въ зачетъ подушнаго оклада на 1755 годъ 304,802 рубля 47 копѣекъ. Винная продажа дала въ 1754 году 1,272,284 рубля ¹⁸².

Сенатъ пріобрѣлъ хорошаго эконома въ новомъ генералъ-кригсъ-коммиссарѣ князѣ Шаховскомъ, хотя иногда не очень удобнаго для нѣкоторыхъ. Онъ нашелъ въ своей инструкціи: «генералу кригсъ-коммиссару надлежитъ быть доброму эконому и пользу своего государя крѣпко хранить; военнымъ чинамъ жалованье по ихъ окладамъ производить за дѣйствительную службу, а въ отлучкахъ и излишнихъ прогулкахъ находящимся онаго не производить»,—и рѣшился исполнять инструкцію буквально, въ слѣдствіе чего вступилъ какъ съ военною коллегіею, такъ и съ высокимъ генералитетомъ въ великіе споры и несогласія. Графъ Петръ Ив. Шуваловъ сообщилъ ему изустное повелѣніе императрицы, что одинъ офицеръ для нуждъ его уво-

лень на годъ, а жалованье ему производить за все то время по его чину. Шаховской отвѣчалъ, что онъ, по своей инструкціи, исполнить этого не можетъ безъ точнаго указа за собственно-ручнымъ ея величества подписаніемъ. Этотъ отвѣтъ возбудилъ негодованіе всего высокаго генералитета. Однажды передъ конференціею при дворѣ генералы окружили Шаховского съ разными пенями, что отказывается имъ въ ихъ требованіяхъ относительно денегъ, а нѣкоторые съ насмѣшкою говорили ему: «теперь твоя должность не такая, какую ты имѣлъ въ синодѣ и время нетерпящаго исполненія требуетъ и не можетъ всегда произведена быть по письменнымъ указамъ; а ежели и во время военныхъ дѣйствій такъ все по точнымъ узаконеніямъ и указамъ производить и исполнять будешь, тогда великія остановки и невозвратимыя со временемъ утраты приключать будешь.»— «Конечно не иначе, отвѣчалъ Шаховской, и чтобъ вы заблаговременно о томъ знали и соизволили бѣ исходатайствовать мнѣ отъ ея величества такіе указы, дабы я во всякое время по всѣмъ вашимъ письменнымъ и словеснымъ требованіямъ исполнялъ, въ чемъ со тщаніемъ и повиноваться буду; буде же такихъ указовъ не будетъ, тобъ не жаловались на меня и на мои въ томъ упорства, и безъ того не токмо по собственнымъ вашихъ разсудковъ требованіямъ, но ниже по словеснымъ, объявляемымъ чрезъ другихъ именованнымъ указамъ, излишняго сверхъ узаконенныхъ порядковъ исполнять не буду; а ежели вамъ удивительно такое въ томъ мое упрямство, такъ я такимъ быть отъ ея величества наученъ чрезъ многія дѣла въ бытность мою въ синодѣ.»

Шаховской не говоритъ въ своихъ запискахъ, чѣмъ кончилось его столкновение съ графомъ Петромъ Шуваловымъ по поводу невыдачи жалованья находившемуся въ отпуску офицеру. Военная коллегія жаловалась сенату на комиссаріатъ: по силѣ именного указа, объявленнаго ей графомъ Петромъ Ив. Шуваловымъ, лейбъ-кирасирскаго полка ротмистру графу Вальдштейну дозволено жить въ Москвѣ для женитьбы съ удержаніемъ жалованья и раціоновъ; ротмистръ этотъ теперь въ Петербургѣ, и поэтому комиссаріатъ послалъ въ свою контору указъ, если Вальдштейнъ безъ исправленія должности живетъ въ Петербургѣ, то жалованья ему давать не слѣдуетъ. Военная коллегія ве-

дѣла дать жалованье, потому что Вальдштейнъ находится въ Петербургѣ по соизволенію императрицы и бываетъ всегда видимъ въ ея присутствіи, только еще не женился, ожидая о женьитьбѣ высочайшаго повелѣнія. Сенатъ согласился съ военною коллегіею ¹⁸³.

Шаховской чистосердечно рассказываетъ объ искушеніи, которому онъ подвергся, искушеніи взять большую взятку. Исходилъ срокъ контракта съ англійскимъ консуломъ и купцомъ Вульфомъ о поставкѣ на войско суконъ. Шаховской былъ того мнѣнія, что контракта возобновлять не нужно, можно довольствоваться все войско сукнами съ русскихъ фабрикъ. Тогда Вульфъ обратился къ двоимъ пріятелямъ Шаховского, которые пріѣхали къ нему съ предложеніемъ со стороны Вульфа серебрянаго сервиза или вмѣсто него 25,000 рублей, при чемъ пріятели объявили, что каждому изъ нихъ, въ случаѣ успѣха ихъ ходатайства, обѣщано по 5000 рублей; отъ Шаховского за 25,000 рублей ничего не требовалось, кромѣ молчанія, Вульфъ бралъ на себя заставить другихъ говорить въ свою пользу. «Повѣрите, благосклонный читатель, пишетъ Шаховской, что я, превозмогши оставить всѣ титулы и дѣла, теперь въ старости болѣе о приближеніи смерти помышляя, происходившее со мною по самой истинѣ описывать тщусь. И тако объявляю вамъ, что симъ моихъ добрыхъ пріятелей увѣдомленіемъ наипаче потому, что я тогда такихъ доходовъ къ содержанію съ домашними не имѣлъ, нѣсколько былъ тронуть; а мои пріятели, то примѣтя по глазамъ моимъ, въ тотъ же мигъ не оставили прилежно штурмовать мою крѣпость начувствительнѣйшими выраженіями, исчисля моихъ непріятелей, а его (Вульфа) сильныхъ покровителей, и что я чрезъ то себѣ не статую, какъ описываютъ о римскихъ патріотахъ, но еще больше злодѣевъ получу, а онъ конечно чрезъ придворныя дороги, съ немалымъ мнѣ поврежденіемъ, о томъ свои происки въ дѣйство произвести можетъ.— Мысли о 25,000 рубляхъ, тогда въ недостаткахъ находящагося и имѣющаго тогда дочь невѣсту, для коей за недостатками ничего въ приданое приготовлено не было, сдѣлали въ духѣ моемъ колебаніе. Я отвѣтствовалъ онымъ моимъ пріятелямъ, что я имѣю нужду теперь ѣхать со двора и чтобъ они пріѣхали на другой день ко мнѣ обѣдать, тогда рѣшительный имъ отвѣтъ

скажу. Оныя, соблазняющія и склоняющія къ согласію съ большимъ числомъ такъ поступающихъ людей, мысли весь тотъ день меня колебали. Но напоследокъ, собравъ въ противоборствіе слабостей и въ подкрѣпленіе въ мысли моей примѣры прежде бывшихъ въ свѣтѣ патріотовъ, кои, предпочитая истинную добродѣтель всему, не токмо убожество, но и многія бѣдствія терпѣливо сносили и жизнь свою справедливости въ жертву посвящали, участвовалъ я, помощію Всевиद्याщаго, изъ мыслей моихъ бродящія лакомства прогнать и твердое положилъ себѣ правило, чтобъ тѣмъ не опорочить мои до того къ справедливости устремленія.» На другой день Шаховской попросилъ пріятелей своихъ сказать Вульфу, что онъ «справедливость, славу монархини и пользу отечества ни за какую цѣну продавать не намѣренъ.» Шаховскому удалось довести дѣло до свѣдѣнія императрицы, которая, выразившись прямо въ пользу мнѣнія генерала кригсъ-коммиссара, заставила этимъ молчать покровителей Вульфа ¹⁸⁴.

Всѣ распоряженія относительно войска получили особенную важность, потому что въ воздухѣ пахло войной, несмотря на видимое спокойствіе. Сѣтъ союзовъ, которою государства старались окружить себя, производила то, что гдѣ бы ни упала искра, пламя обхватывало всю Европу. Въ это время, когда въ Петербургѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за движеніями въ Европѣ, готовясь принять въ нихъ дѣятельное участіе, вдругъ приходитъ извѣстіе съ востока о возстаніи Башкирцевъ. Причина возстанія была религіозная, ревнители магометанства не могли переносить подчиненія христіанскому правительству. Виновникомъ возстанія было магометанское духовное лицо Батырша; почти всѣ другія духовныя лица дѣйствовали съ нимъ заодно, и возстаніе вспыхнуло повсюду почти въ одинъ часъ. Неплюевъ, какъ нарочно, сильно занемогъ въ это время; несмотря однако на болѣзнь, онъ сдѣлалъ нужныя распоряженія: разослалъ приказы въ крѣпости по линіи, чтобъ были готовы къ защитѣ и, по возможности, дѣлали поиски надъ бунтовщиками; велѣлъ немедленно выслать съ Яика тысячу козаковъ; двинулъ внутрь страны три полка, находившіеся подъ его командою съ приказаніемъ не щадить ни людей, ни жилищъ для внушенія страха и уничтоженія зла въ самомъ началѣ; написалъ,

чтобъ присланы были четыре полка, находившіеся въ Казанской губерніи. Такъ какъ Башкирцы ждали помощи отъ Киргизовъ, то Неплюевъ написалъ намѣстнику калмыцкаго ханства Дундуку, чтобъ прислалъ тысячу Калмыковъ вслѣдствіе усиливающихся киргизскихъ дерзостей, ибо Калмыки питали страшную ненависть къ Киргизамъ; написалъ къ донскому атаману, чтобъ прислалъ тысячу своихъ козаковъ; около тысячи оренбургскихъ козаковъ и 500 ставропольскихъ крещеныхъ Калмыковъ отправилъ въ тѣ мѣста по линіи, гдѣ предвидѣлаеь опасность отъ киргизскихъ нападений; къ Киргизамъ отправилъ на татарскомъ языкѣ листы отъ имени жившаго въ Оренбургѣ знатнаго магометанскаго лица, пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ: здѣсь говорилось, что хотя онъ и радуется подвигу своихъ единовѣрцевъ, но такъ какъ Башкирцы народъ вѣроломный и непостоянный, то опасно, чтобъ Киргизы, оказавши имъ помощь, не сдѣлались первою ихъ жертвою. Между Башкирцами разбросаны были также листы отъ имени того же оренбургскаго духовнаго лица съ увѣщаніемъ прекратить бунтъ; въ грамотахъ отъ своего имени Неплюевъ обѣщалъ тысячу рублей тому, кто поймаетъ и приведетъ Батыршу, и 500 рублей за поимку десяти лучшихъ его учениковъ.

Но прежде чѣмъ войска правительства двинулись въ указанныхъ имъ направленіяхъ, Башкирцы побили много Русскихъ, при чемъ отличались страшною свирѣпостію, рѣзали въ куски тѣло несчастнаго, попавшагося имъ въ руки. Сильное сопротивленіе бунтовщикамъ оказали Тентери и Мещеряки; когда же пришли русскіе полки, то бунтовщики принуждены были перебираться за Яикъ къ Киргизамъ, и перебралось ихъ съ женами и дѣтьми болѣе 50,000 душъ. Неплюевъ послалъ въ Киргизскую орду грамоты, въ которыхъ требовалъ, чтобъ Киргизы выдали бѣжавшихъ къ нимъ Башкирцевъ мужескаго пола или, по крайней мѣрѣ, выгнали ихъ изъ своей орды, а женъ, дочерей и все имѣніе взяли бы себѣ. Киргизы немедленно исполнили это требованіе; многіе Башкирцы, защищая своихъ женъ и дочерей, были побиты, при чемъ погибло много и Киргизовъ; другіе Башкирцы прибѣжали въ прежнія свои жилища, и Неплюевъ велѣлъ пропускать ихъ, чтобъ они поразсказали своимъ, какъ полагаться на Киргизовъ. Толпа Башкирцевъ явилась послѣ того къ Не-

плюеву за позволеніемъ отомстить Киргизамъ. Неплюевъ позволенія не далъ, но переводчики внушили имъ, что «генералу нельзя вамъ позволить, но если вы безъ спроса разобьете Киргизовъ, то думаемъ, что взыску съ васъ не будетъ». Башкирцы отправились за Янкъ и начали опустошать киргизскіе улусы. «Сіе происшествіе, пишетъ Неплюевъ, положило таковую вражду между тѣми мятежными народами, что Россія навсегда отъ согласія ихъ можетъ быть безопасна»¹⁸⁵.

Прекращеніе смуты на востокъ давало возможность сосредоточивать вниманіе на западѣ.

Въ Дрезденѣ англійскій посланникъ Уильямсъ показалъ Гроссу королевскій рескриптъ, въ которомъ говорилось, что польскія происшествія, возвышеніе кредита французской партіи и уничтоженіе кредита партіи русской не могутъ побуждать его великобританское величество къ возобновленію субсиднаго трактата съ его польскимъ величествомъ, какъ саксонскимъ курфирстомъ. Уильямсъ предложилъ Гроссу, не заблагоразсудитъ ли онъ сдѣлать объ этомъ внушенія графу Брюлю, чтобъ склонить его поступать умѣреннѣе съ Чарторыйскими. Брюль самъ заговорилъ съ Гроссомъ о субсидномъ договорѣ съ Англіею, при чемъ жаловался на поведеніе Уильямса, дѣйствующаго явно заодно съ Чарторыйскими. Тогда Гроссъ прямо сказалъ ему о содержаніи рескрипта англійскаго короля къ своему министру и прибавилъ, что такъ какъ заключеніе субсиднаго трактата зависитъ отъ доношеній Уильямса, то онъ, Брюль, долженъ обходиться съ нимъ искреннѣе и дружественнѣе, чѣмъ въ послѣдніе мѣсяцы прошлаго года. Брюль въ отвѣтъ началъ горячо оправдывать поведеніе двора относительно Чарторыйскихъ; по послѣ этого разговора съ Гроссомъ онъ сталъ ласковѣе принимать Уильямса, который сообщилъ Гроссу о словахъ конференцъ-министра графа Рекса и совѣтника посольства Саула, что если возобновленіе субсиднаго трактата зависитъ только отъ примиренія Чарторыйскихъ съ дворомъ, то послѣдній не прочь отъ этого.

24-го января у Брюля была конференція съ Уильямсомъ въ присутствіи Гросса. Уильямсъ началъ прямо, что относительно заключенія субсиднаго трактата короля его останавливаютъ польскія отношенія, усиленіе французской партіи и притѣсненіе благонамѣренной и преданной Россіи партіи. Брюль въ сильномъ

раздраженіи отвѣчалъ, что все сдѣланное въ Польшѣ сдѣлано справедливо, сдѣлано единственно для охраненія королевскаго авторитета противъ непристойнаго и досадительнаго упрямства неблагодарныхъ Чарторыйскихъ и друзей ихъ; Франція и Пруссія въ томъ никакого участія не имѣли. Король Августъ постоянно приносимыми Версальскому двору жалобами на французскаго посла Брولى доказываетъ, что онъ твердо держится прежней системы; онъ, Брюль, тѣмъ болѣе удивляется такимъ рѣчамъ Уильямса, что самъ французскій посолъ жалуется на преступленіе къ придворной партіи Потоцкихъ, которые преданы королю больше, чѣмъ прежде были Чарторыйскіе и такимъ образомъ Франціи теперь ни на кого полагаться нельзя. Уильямсъ сказалъ на это, что напротивъ Брولى хвастается произведеніемъ полной перемѣны въ Польшѣ, разрушеніемъ русской и поднятіемъ французской партіи, а король прусскій недавно за столомъ публично отзывался, что онъ доволенъ ходомъ дѣлъ въ Польшѣ, изъ которыхъ словъ ясно, что ни англійскій король, ни русская императрица этимъ ходомъ дѣлъ довольны быть не могутъ. Брюль отвѣчалъ на это выходками противъ Чарторыйскихъ, которые своимъ недовѣріемъ къ королю одни подали поводъ къ этой перемѣнѣ; Уильямсъ, съ своей стороны, складывалъ всю вину на Мнишка и окружающихъ его людей. Два часа продолжался между ними горячій споръ, и никакого соглашенія не послѣдовало. Ясно было, что Уильямсъ испортилъ дѣло нападками на Мнишка. Гроссъ во все время спора хранилъ глубочайшее молчаніе. Послѣ этой шумной конференціи Брюль говорилъ Гроссу, что Чарторыйскіе своимъ сопротивленіемъ въ острожскомъ дѣлѣ продолжаютъ досаждать королю, что если исправятся, то король возобновитъ къ нимъ свои милости, но что Уильямсъ сильно ошибается, если думаетъ, что за субсидіи, какъ бы онѣ велики ни были, такой твердый государь, какъ ихъ король, пожертвуетъ своимъ авторитетомъ; король постоянно держится доброй системы и потому до сихъ поръ отклонялъ предложенія о субсидіяхъ отъ французскаго посла, да и курфирста баварскаго недавно отвратилъ отъ принятія французскихъ предложеній; противъ посла Брولى принесены жалобы его двору, интриги его при Портѣ съ татарскимъ эмиссаромъ уничтожены; гетманъ Браицкій отправилъ своего эмиссара въ

Константинополь Малчевскаго—и саксонскому резиденту при Портѣ велѣно объявить визирю, что Малчевскій человѣкъ не авторизованный и прямой шпионъ: все это доказываетъ, что польско-саксонскій дворъ французскую партію не ободряетъ, графъ Мишекъ во всемъ противникъ этой партіи, а Потоцкіе заслужили милость совершенною преданностію королю. Гроссъ всё эти слова передалъ Уильямсу, и замѣтилъ ему, что Франція своими субсидіями привлекла къ своимъ интересамъ уже значительное число имперскихъ князей: такъ хорошо ли, если и польско-саксонскій дворъ обяжется съ нею субсиднымъ трактатомъ? «Полноте, отвѣчалъ Англичанинъ: все это хитрости Брюля: французскій дворъ и не думаетъ предлагать Августу III субсидіи».

Между тѣмъ смерть бѣлорусскаго епископа Волчанскаго нагала на Гросса новую трудную обязанность провести на это мѣсто русскаго кандидата. По рескрипту отъ своего двора, Гроссъ просилъ Брюля доложить королю, что императрица, полагаясь на дружбу его, увѣрена, что его величеству не будетъ не пріятна ея рекомендація кандидата на мѣсто Волчанскаго: этотъ кандидатъ архимандритъ Кіевобратскаго училищнаго монастыря и ректоръ Кіевской академіи Георгій Конискій, природный шляхтичъ украинскій, человѣкъ ученый, честный и благонравной жизни. Гроссъ прибавилъ, что его величество покажетъ этимъ особенное вниманіе къ императрицѣ, которая при каждомъ удобномъ случаѣ взаимно заплатитъ такимъ же вниманіемъ. Брюль отвѣчалъ, что съ королевской стороны не будетъ никакого затрудненія въ назначеніи Конискаго, но прежде всего король сообщитъ объ этомъ канцлеру литовскому, князю Чарторыйскому, который долженъ прислать свое мнѣніе, нѣтъ ли законнаго препятствія. Гроссъ писалъ по этому случаю: «Такъ какъ опредѣленіе греко-русскаго епископа въ Литвѣ всегда было противно духовенству римскому и уніатскому, а теперь этому особенно противится митрополитъ полоцкій, то дворъ желаетъ всю ненависть за это дѣло сложить на одного канцлера литовскаго, который при настоящемъ озлобленіи на него двора, пожалуй не захочетъ поступить вопреки уставамъ республики, запрещающимъ назначать въ епископы не изъ польскихъ и литовскихъ шляхтичей». Черезъ нѣсколько времени Брюль объявилъ Гроссу,

что несмотря на письмо папы, не желающаго опредѣленія поваго греко-русскаго епископа, король намѣренъ, по прежнимъ примѣрамъ, на этотъ разъ подписать привилегію Конискому. Гроссъ замѣтилъ, что по девятой статьѣ вѣчнаго мира Русскіе имѣютъ право не на этотъ разъ, но навсегда имѣть своего епископа въ Бѣлоруссіи, и потому сопротивленіе папы, который не можетъ уничтожать торжественные договоры, очень не кстати.

Нужно было черезъ Брюля выхлопотать необходимое для русскихъ интересовъ утвержденіе Конискаго и въ то же время говорить Брюлю очень непріятныя вещи. Отъ 24 февраля Гроссъ получилъ рескриптъ императрицы, въ которомъ говорилось: «Не безъ крайняго сожалѣнія усмотрѣно здѣсь изъ реляціи вашей, что въ конференціи у графа Брюля съ великобританскимъ министромъ, когда послѣдній много говорилъ въ защиту нашей партіи, т.-е. Чарторыйскихъ, вы простымъ свидѣтелемъ были, ибо вамъ наши намѣренія довольно извѣстны и нами никогда отмѣняемы не были, почему вы были въ состояніи достаточно подкрѣплять справедливыя разсужденія Уильямса и въ такомъ важномъ случаѣ прилагать старанія о нашемъ интересѣ. Наше намѣреніе—несмотря на разсужденіе и старанія графовъ Брюля и Мишка, а можетъ быть, на частный ихъ интересъ и пристрастіе къ новосоставленной ими партіи, всегда и неотмѣнно старыхъ благонамѣренныхъ патріотовъ, князей Чарторыйскихъ съ ихъ партіею, какъ искуснѣйшихъ и надежнѣйшихъ для нашихъ и собственныхъ королевскихъ интересовъ, подкрѣплять и защищать, а при томъ и всѣхъ другихъ магнатовъ явно не раздражать, но по удобности стараться приласкать. Въ такомъ намѣреніи мы повелѣваемъ вамъ, испрося нарочно конференцію, графу Брюлю для донесенія королю вновь представить, а если удобный случай будетъ, и самому королю словесно повторить, что во 1) мы весьма неохотно увѣдомились, что наши предъ симъ его величеству дружески поданныя присовѣтованія о сбереженіи старыхъ благонамѣренныхъ патріотовъ въ ихъ прежнемъ состояніи безъ утѣсненія и озлобленія никакого дѣйства не возымѣли, и что намъ сіе тѣмъ напаче удивительно, понеже присовѣтованія наши токмо на дружбѣ къ его величеству и на общихъ обоихъ дворовъ интересахъ основаны были. 2) Что мы какъ прежде такъ и нынѣ присовѣтовать не хотимъ, чтобъ

кромѣ помянутыхъ благонамѣренныхъ, между которыми главнѣйше князя Чарторыйскіе разумѣются, другихъ въ республикѣ знатность и кредитъ имѣющихъ магнатовъ пренебрегать и раздражать, но паче желаемъ ежели возможно было бѣ и всѣхъ ихъ воедино для единодушнаго поспѣшествованія обостороннихъ интересовъ привлекать и въ согласіе приводить, а чтобъ притомъ старыхъ друзей, которыхъ благонамѣренность давно уже испытана, вовсе оставить и въ безсиліе привести, мы отнюдь за полезно признать не можемъ, да и самъ его величество король, по собственнымъ своимъ интересамъ, соглашаясь въ томъ съ нами, не изволилъ бы того допустить, ежели бѣ (какъ чаятельно) посторонніе и безъ вѣдома его величества чинимые проеки иначе не подѣйствовали, какъ то нынѣ видно, что 3) вмѣсто прежней благонамѣренной и въ надежности довольными опытами засвидѣтельствованной, новая будто двору королевскому преданная партія въ такихъ персонахъ состоящая избрана и возвышена, которая въ самомъ дѣлѣ больше французскому двору всегда преданы были, и которому наипаче они и впрядь свои услуги дѣлать обязаны будутъ, когда имъ по рекомендаціямъ французскимъ отличная королевская милость и такіа награжденія подаются, кои давно уже нѣкоторымъ изъ прежней благонамѣренной партіи персонамъ обѣщаны были, но сія послѣдніе вмѣсто того нынѣ совсѣмъ утѣсняются. 4) Что хотя мы не извѣстны о прямыхъ инако побудительныхъ причинахъ, кои бы его величеству королю къ такой перемѣнѣ системы въ королевствѣ поводъ подали, однакожъ то повсюду извѣстно, что Франція и Пруссія сею перемѣною весьма довольны, и потому сомнѣваться больше не можно, что онѣ по своимъ видамъ оною пользоваться не оставятъ, а изъ того слѣдуетъ, что гдѣ и въ чемъ оба сія двора удовольствіе свое находятъ, напротивъ того мы съ его величествомъ польскимъ общихъ своихъ интересовъ конечно не находимъ. 5) Что ежели бѣ иногда князя Чарторыйскіе съ своими друзьями въ извѣстномъ острожскомъ дѣлѣ и при сопряженныхъ съ тѣмъ обстоятельствахъ во время безплоднаго и несостоявшагося сейма его величеству королю нѣкоторую неугодность оказали (къ чему можетъ быть не безправильную причину имѣли); но когда напротивъ того въ разсужденіе возьмется, что и прежніе многіе сеймы по развращенной и ничѣмъ непоправляемой

польской вольности до состоятельства своего не доходили, донныѣ стерпимы были, къ тому жъ и новозбранной партіи глава коронный гетманъ какъ въ самомъ началѣ, такъ и въ продолженныхъ соглашенияхъ о семъ спорномъ дѣлѣ сколь мало къ желаніямъ и указамъ его величества послушанія и угодности оказывалъ, то явственно будетъ, что князья Чарторыйскіе не столь много заслужили королевскаго гнѣва и утѣсенія; но совсѣмъ тѣмъ 6) что до помянутаго острожскаго дѣла принадлежитъ, мы оное собственнымъ въ королевствѣ домашнимъ дѣломъ признавая, распоряженіе и окончаніе онаго королю съ республикою совершенно оставляемъ, и какъ уже въ прошломъ году чрезъ васъ объявить повелѣли, не намѣрены мы съ своей стороны въ оное вмѣшиваться, развѣ когда бѣ постороннія державы по поводу сего дѣла для своихъ дальновидныхъ намѣреній стараться стали внутреннія замѣшанія въ Польшѣ распространять, тогда уже и мы обойтись не можемъ по древнимъ обязательствамъ съ республикою, пристойныя мѣры взять для содержанія въ Польшѣ тишины и ея цѣлости, а впрочемъ 7) и безъ того намъ принадлежитъ, особливо по трактату въ 1716 году соглашеннаго въ республикѣ примиренія, подъ медиациею здѣшняго двора заключенному, всегдашнее стараніе имѣть, чтобъ согласіе, вольность и древніе уставы республики съ королемъ ненарушимо содержаны и сохранены были, и понеже всякія противныя тому дѣйствія, напримѣръ одною королевскою властію или инако насильствомъ, или просками однихъ въ обиду и утѣсеніе другимъ персонамъ происходящія. благоустановленнаго примиренія, вольности и уставовъ ненарушимо содержать не могутъ, то и ожидать надобно потому слѣдствія нежеланнаго внутренняго въ республики замѣшанія и неспокойства, и въ такомъ случаѣ мы, по силѣ вышеупомянутаго трактата, отъ поданія правой сторонѣ нашего вспоможенія справедливо уклониться не можемъ, но принуждены были бѣ самой правдѣ по возможности содѣйствовать».

Гроссъ немедленно потребовалъ у Брюля конференціи, которая и была назначена 20 марта въ присутствіи Уильяма. Гроссъ сталъ читать записку, составленную изъ всѣхъ пунктовъ рескрипта. Выслушавъ первый пунктъ, Брюль вскричалъ: «Вѣрно поведеніе князей Чарторыйскихъ неправильно было представлено императрицѣ: иначе она не стала бы заступаться за королевскихъ не-

пріятелей».—Императрица, отвѣчала Гроссъ, заступаетея не за непріятелей королевскихъ, но за старыхъ благонамѣренныхъ партизановъ обоихъ нашихъ дворовъ». Уильямсъ прибавилъ: «Наша Англія не менѣе вольное государство, какъ и Польша: однако у насъ члены парламента, сопротивляющіеся двору, не называются королевскими непріятелями». По выслушаніи второго пункта Брюль опять распространился въ жалобахъ на Чарторыйскихъ, но въ общихъ выраженіяхъ, повторяя, что король предъ ними не преклонится (*ne pliege pas devant eux*). Когда же Гроссъ дочель до выраженія о чуждыхъ проискахъ, чинимыхъ безъ вѣдома королевскаго, то Брюль горячо возразилъ: «Король все самъ дѣлалъ; это государь чрезвычайно прилежный, который все самъ изслѣдуетъ; онъ работаетъ болѣе всѣхъ другихъ монарховъ въ Европѣ». Когда въ третьемъ пунктѣ было прочтено, что новая партія состоитъ главнымъ образомъ изъ французскихъ приверженцевъ, то Брюль спросилъ: «кто такіе»? и когда Гроссъ назвалъ гетмана Браницкаго и Потоцкихъ, то Брюль сказалъ: «Гетманъ только нѣсколько мѣсяцевъ кажется преданъ французскимъ интересамъ; за Потоцкихъ, кромѣ воеводы Бельзскаго, я поручусь; но я хорошо вижу, что подъ Потоцкими разумѣется зять мой графъ Мнишекъ, какъ старый ихъ пріятель; но я могу подтвердить присягою, что Мнишекъ наичестнѣйшій человѣкъ и французскимъ интересамъ противенъ, и что король никогда не оказалъ бы своего благоволенія человѣку, извѣстному ему за французскаго приверженца».

На четвертый пунктъ Брюль замѣтилъ, что королю всѣ люди, ему преданные и общему благу доброхотствующіе равно пріятны, и по рекомендаціи французской одно воеводство брацлавское отдано Яблоновскому, и то по желанію дофины, дочери короля, точно такъ какъ и русская императрица ожидаетъ, что по ея рекомендаціи какое-нибудь староство будетъ дано молодому графу Сапѣгѣ, хотя негодному человѣку. Противъ этихъ словъ на депешѣ Гросса Воронцовъ написалъ: «Изъ сихъ словъ графа Брюля видно, что онъ былъ въ горячности, ибо по извѣстной всѣмъ его учтивости не токмо о рекомендованной отъ ея императ. величества къ королю, его государю персонѣ такъ дерзостно предъ ея величества министромъ отозваться; но онъ обыкъ и по партикулярнымъ рекомендаціямъ особое снис-

хождение и действительныя услуги оказывать; что молодой Сапѣга правда по вѣтренному своему нраву и недостойнъ бы былъ отъ ея величества призвѣнія, но оное пѣзъ великодушія, и для родни его сія рекомендація въ надеждѣ на дружбу королевскую учинена, и ежели по сему ея величества заступленію оному Сапѣгѣ королевская милость показана не будетъ, то не инако здѣсь принятыя можетъ, что саксонскій дворъ весьма малую атенцію къ нашему имѣть, о чемъ господинъ Гроссъ можетъ при случаѣ графу Брюлю искусное и умѣренное внушеніе учинить, дабы высочайшая ея величества рекомендація бесплодно и втуне не осталась».

По прочтеніи 5-го пункта Брюль опять разсыпался въ горькихъ жалобахъ на поведеніе Чарторыйскихъ во время послѣдняго сейма и по поводу острожскаго дѣла: «Они забыли должное уваженіе къ королю, да и прежде только пользовались королевскою милостію для собственныхъ видовъ, а его величеству мало услугъ оказывали; еслибъ императрица все подлинно знала, то не защищала бы людей, которые такъ нагло сопротивлялись авторитету королевскому; но какъ бы то ни было, король не потерпитъ, чтобъ ему предписывались законы; король, узнавъ о непослушаніи князей Чарторыйскихъ, выразился, что еслибъ не сдерживала его присяга, то онъ отрекся бы отъ престола.» Гроссъ на это замѣтилъ только, что императрица не намѣрена предписывать законы королю, но, полагаясь на дружбу его величества, справедливость и вниманіе къ общимъ интересамъ, предлагаетъ ему дружескіе совѣты.

Противъ 6-го параграфа Брюль не говорилъ ничего; но послѣ 7-го закричалъ съ яростію: «Надобно желать, чтобъ эта записка необнародовалась, въ противномъ случаѣ могла бы возбудить волненія въ Польшѣ; и безъ того Чарторыйскіе и друзья ихъ уже хвастались русскою помощію; но еслибъ императрица приняла участіе въ польскихъ смутахъ, то вѣдь и Франція съ Пруссією то же бы сдѣлали.» — «Императрица, сказалъ Гроссъ, принуждена была бы вмѣшаться по трактату 1716 года, тогда какъ у Франціи и Пруссіи нѣтъ никакого повода вмѣшиваться.» — «Въ случаѣ нарушенія трактата одинъ король долженъ былъ бы употребить средства къ его возстановленію», возразилъ Брюль. Тутъ Уильямъ замѣтилъ, что трактатъ заключенъ между коро-

лемъ и чинами республики, слѣдовательно король не можетъ быть въ одно время и стороною и судьбою, почему Россія и приняла на себя гарантію трактата.

Эти слова Уильямеа и слѣдующій осьмой параграфъ еще больше разсердили Брюля. Онъ объявилъ съ сердцемъ, что король хочетъ быть у себя господиномъ, а не подь чужою опекою; король скорѣе откажется отъ престола; онъ никакъ не могъ ожидать такого обращенія отъ своихъ лучшихъ союзниковъ, которые, кажется, вознамѣрились подобными угрозами довести его до крайности. Обратясь къ Уильямсу, онъ спросилъ: «Что сдѣлалъ бы король англійскій, еслибъ другая держава дала ему такіе совѣты на счетъ его домашнихъ дѣлъ?» Уильямсъ отвѣчалъ, не смутясь: «Мой государь всегда охотно слушаетъ совѣты своихъ вѣрныхъ союзниковъ.» Въ заключеніе конференціи Брюль взялъ записку и обѣщалъ ее довести до свѣдѣнія короля, но сказалъ при этомъ, что отвѣтъ не можетъ быть благопріятнымъ и что король не уступитъ Чарторыйскимъ.

За эту неприятностію слѣдовали другія: отъ 8 іюля Гроссъ получилъ рескриптъ императрицы, въ которомъ говорилось, что еще въ маѣ 1753 года отъ русскаго двора было предъявлено требованіе, чтобъ находившійся при немъ саксонскій посланникъ Функъ былъ отозванъ; но вмѣсто отозванія Функа король прислалъ грамоту такого содержанія, что если императрицѣ надобно отозваніе Функа, то король, въ угодность ей, отзоветъ его; императрица отвѣчала, что остается при прежнемъ требованіи; но Функъ не былъ отозванъ, и все остается въ Петербургѣ, несмотря на то, что послѣ перваго требованія прошло уже болѣе двухъ лѣтъ. Такъ какъ императрица имѣетъ причину быть очень недовольна такимъ страннымъ поведеніемъ польско-саксонскаго двора, ибо не только между дворами, находящимися въ тѣснѣйшемъ союзѣ, но и между вовсе недружными державами въ подобныхъ случаяхъ всегда взаимное снисхожденіе показывается, то императрица повелѣвала Гроссу немедленно объявить графу Брюлю, что такое невниманіе очень чувствительно императрицѣ и если Функъ сейчасъ же не будетъ отозванъ, то министры императрицы не будутъ имѣть съ нимъ никакого сношенія.

На объявленіе Гросса объ этомъ рескриптѣ онъ получилъ

изъ королевскаго кабинета записку, въ которой его просили передать своему двору, что когда было сдѣлано первое требованіе, то графъ Брюль отвѣчалъ тогдашнему русскому посланнику въ Дрезденѣ, графу Бестужеву, что король исполняетъ желаніе императрицы; но при этомъ Брюль представлялъ ему, какое непріятное впечатлѣніе произведетъ это отозваніе Функа, какъ обрадуются этому державы, завидующія дружбѣ между русскимъ и саксонскимъ дворами и наконецъ какъ трудно будетъ отыскать человѣка, который бы исполнялъ должность посланника съ такимъ же знаніемъ и достоинствомъ, какъ Функъ; по крайней мѣрѣ онъ, графъ Брюль, не знаетъ никого, кто бы былъ способенъ замѣнить его. Эти представленія были повторены въ грамотѣ королевской къ императрицѣ, и король надѣялся, что императрица уважитъ ихъ. Только по прошествіи цѣлаго года графъ Бестужевъ доставилъ отвѣтъ императрицы, что она остается при прежнемъ требованіи. Такъ какъ король не могъ думать, чтобъ это повторительное требованіе происходило отъ собственнаго соизволенія императрицы, ибо въ немъ не было объявлено, почему Функъ сдѣлался противенъ ея величеству, и полагалъ, что дѣло происходитъ отъ чьего-нибудь частнаго происка, то велѣлъ графу Брюлю писать объ этомъ къ русскому канцлеру; отвѣта не было, и явилась причина надѣяться, что ея величество изволила это дѣло оставить. Поэтому теперь съ крайнимъ удивленіемъ узнали о противномъ: ея величество непременно требуетъ отозванія Функа, съ угрозою, что въ противномъ случаѣ будетъ прервано съ нимъ всякое сношеніе. Король польскій, который находится въ наптѣснѣйшемъ союзѣ съ императрицею и ежедневно подаетъ опыты неліцебрной преданности и дружбы, никакъ не могъ ожидать такой угрозы. Быть можетъ это былъ бы первый примѣръ прекращенія сношеній съ министромъ союзнаго двора безъ объявленій причины неудовольствія. Крайне удивительно то, что объ этомъ непремѣнномъ намѣреніи императрицы требовать отозванія Функа мы прежде еще узнали изъ Берлина, и потому легко можно разсудить, какъ сильно обрадуются этому берлинскій и французскій дворы.—Король обѣщаль отозвать Функа и давалъ знать, что переводитъ на его мѣсто изъ Стокгольма барона Сакена; но такъ какъ послѣдняго не ловко вызвать изъ Швеціи по случаю наступающаго тамъ

сейма, то просилъ императрицу потерпѣть нѣсколько времени Функа въ Петербургѣ.

При польско-саксонскомъ дворѣ думали, что виновникомъ этого дѣла былъ Мих. Петр. Бестужевъ, который сердился на Функа за то, что тотъ не оказалъ ему въ Петербургѣ никакой помощи по случаю его женитьбы.

Дѣйствительно Бестужевъ донесъ своему двору о словахъ Брюля, что Функъ назначенъ къ петербургскому двору болѣе по желанію императрицы, чѣмъ короля, и по поводу этого донесенія былъ также сдѣланъ запросъ, на какомъ основаніи были сказаны эти слова. Брюль заперся, что говорилъ ихъ. Когда оба эти отвѣта по дѣлу Функа были препровождены въ Петербургъ, то Гроссъ получилъ рескриптъ съ выговоромъ, за чѣмъ онъ велъ все это дѣло на бумагѣ, оба отвѣта возвращены съ приказаніемъ отдать ихъ назадъ саксонскому министерству, какъ такія піесы, какихъ императрица не привыкла принимать, и притомъ дать знать, что императрицѣ очень чувствительно мнѣніе саксонскаго двора, будто ея рѣшенія дѣлаются не по собственной ея волѣ, а зависятъ отъ чуждыхъ внушеній. Медленность отвѣта происходила отъ того, что императрица въ такомъ маловажномъ дѣлѣ не хотѣла входить въ лишнюю переписку, считала достаточнымъ устное заявленіе своего министра о ея желаніи. Объявленіе, что съ Функомъ будутъ прекращены сношенія, не есть какая-нибудь угроза: этимъ объявленіемъ желалось показать саксонскому двору, какъ умѣренно поступаетъ императрица, ибо видя такое отлагательство, она давно имѣла бы право сдѣлать это съ Функомъ, еслибъ ее не удерживала дружба къ королю. Императрицѣ кажется страннымъ, что саксонскій дворъ старается у союзнаго двора удержать министра, который ему противенъ; удивительно и то, что саксонскій дворъ въ два года слишкомъ не могъ отыскать способнаго человѣка на смѣну Функу. На упрекъ, что императрица не упоминаетъ о винѣ Функа, отвѣтъ: еслибъ она не имѣла достаточной причины въ неудовольствіи на Функа, то не приказывала бы такъ домогаться объ его отозваніи. Императрица не понимаетъ, почему Пруссія и Франція могутъ обрадоваться отозванію Функа: онъ будетъ гораздо довольнѣе тѣмъ, что саксонскій дворъ такъ долго проволакиваетъ отозваніемъ отъ русскаго двора непріятнаго.

императрицѣ министра. Рескриптъ оканчивала такъ: «Вы имѣете безъ отлагательства о всемъ вышеписанномъ графу Брюлю точно на словахъ изъяснить, присовокупя къ тому, что мы изъ всего онаго не можемъ иного заключать, какъ что его величеству королю звать по какимъ-либо консидераціямъ удержаніе здѣсь помянутаго Функа болѣе надобно, нежели наша дружба; что мы предаемъ на волю его величества прислать сюда на смѣну Функу барона Сакена или кого-нибудь другого, ибо по той кондиціи, съ которой баронъ Сакенъ сюда назначается, не трудно понять, что отзывомъ Функа еще на долгое время проволочить хотять, а мы неотмѣнно желаемъ, чтобъ оный неприятный намъ министръ отъ нашего двора дѣйствительно и безъ всякаго замедленія отозванъ былъ. Сія есть послѣдняя наша резолюція» ¹⁸⁶.

Съ Англією дѣло остановилось за деньгами: Россія въ послѣднемъ проектѣ союзнаго договора требовала 500,000 фунтовъ стерлинговъ на случай дѣйствительной диверсіи русскимъ войскомъ, и 200,000 фунтовъ ежегодно за содержаніе корпуса на границахъ; Англія предлагала за диверсію 350,000 фунтовъ, а за содержаніе корпуса на границахъ только 50,000 фунтовъ. Канцлеръ въ своей запискѣ для императрицы говорилъ, что изъ суммы за дѣйствительный походъ платимой, едва ли что можно убавить, но изъ суммы за содержаніе корпуса на границахъ можно убавить до половины, ибо содержать войска на границахъ и безъ того надобно.

Въ іюнѣ на смѣну Гюндикенса пріѣхалъ новый англійскій посолъ, Уильямсъ, бывший при польско-саксонскомъ дворѣ. Новый посолъ въ конференціи 6 іюля объявилъ, что онъ торговаться не будетъ, и объявляетъ ультиматумъ: 1) конвенція должна распространяться и на всѣхъ союзниковъ короля англійскаго; 2) сумма субсидій на случай диверсіи будетъ 500,000 фунтовъ; 3) сумма за содержаніе войска на границахъ будетъ 100,000 фунтовъ. 19 іюля императрица велѣла канцлеру и вице-канцлеру представить Уильямсу, только не ея именемъ, но отъ себя, что уменьшеніе субсидій за содержаніе войска на границахъ встрѣтитъ большія затрудненія, ибо императрица считаетъ послѣдній русскій проектъ за ультиматумъ. Когда Уильямсу сдѣлано было это внушеніе, то онъ отвѣчалъ, что не будетъ со-

гласно съ его честію перемѣнить то, что разъ онъ объявилъ, какъ ультиматумъ. Тогда императрица подписала 26 іюля проектъ конвенціи, согласной съ предложеніемъ Уильямса, а 19 сентября конвенція была заключена: за означенныя суммы Россія обязалась содержать на ливляндскихъ и литовскихъ границахъ корпусъ въ 33,000 человекъ, т.-е. 40,000 пѣхоты и 13,000 конницы, и на морскомъ берегу отъ 40 до 50 галеръ съ потребнымъ экипажемъ; этотъ корпусъ идетъ за границу какъ скоро на англійскаго короля или кого-нибудь изъ его союзниковъ сдѣлано будетъ нападеніе, а король англійскій высылаетъ свою эскадру въ Балтійское море. Конвенція продолжается четыре года. Ратификація замедлилась со стороны императрицы, а между тѣмъ 20 декабря канцлеръ пригласилъ пословъ—австрійскаго Эстергази и англійскаго Уильямса, одного послѣ другого, и читалъ имъ слѣдующую записку: «По обстоятельствамъ времени, которыя становятся день ото дня болѣе критическими, по причинѣ неизбежной войны между Англіею и Франціею, императрица повелѣла своему министерству просить посла откровенно и письменно изъясниться о мнѣніяхъ и мѣрахъ своего двора на случай предстоящей въ Европѣ войны, особенно еслибы прусскій король ее началъ или въ нее вмѣшался, т.-е. если прусскій король нападетъ на кого-нибудь изъ общихъ союзниковъ, то съ какими силами Австрія и Англія намѣрены ему сопротивляться или съ какими силами напасть на него. Эстергази принялъ записку на доношеніе своему двору, увѣряя, что его государыня свято исполнитъ договоръ 1746 года. Потомъ Эстергази спросилъ: кончено ли съ Англіею дѣло о субсидномъ договорѣ, потому что его дворъ сильно имъ интересуется, считая основаніемъ доброй системы и по немъ распорядитъ дальнѣйшія свои мѣры. Когда ему сказали, что для окончанія дѣла все еще ожидается высочайшее повелѣніе, то онъ сильно задумался, а потомъ сказалъ: «Не знаю, какъ мнѣ эту записку послать къ своему двору, не давши при томъ знать объ англійской конвенціи, какъ главномъ дѣлѣ, и какъ мнѣ уничтожить безпокойство, въ которое мой дворъ непременно будетъ этимъ приведенъ?»

Уильямсъ, выслушавъ записку, тотчасъ спросилъ: «А наша конвенція ратификована?» Когда и ему сказали, что еще ожидается высочайшее повелѣніе, то онъ, *совсѣмъ потупясь*, отвѣ-

чалъ: «Я надѣялся пріѣхать на конференцію совѣмъ для другого дѣла, а не для принятія читанной мнѣ записки. Уже три недѣли, какъ я сообщилъ о полученныхъ мною изъ Лондона ратификаціяхъ; но я ни однимъ словомъ не докучалъ о скорой ихъ размѣнѣ, уважая время и покой ея императорскаго величества, особенно услыхавъ, что ея величество, чувствуя боль въ рукѣ, по несчастію ее снова повредила. Я и давно терпѣливо и съ благоговѣніемъ буду ждать, только бы я былъ увѣренъ и могъ увѣрить свой дворъ, что медленность въ размѣнѣ ратификацій не поведетъ къ разрушенію самаго дѣла. Читанная мною записка собственно не заключаетъ въ себѣ ничего, противъ чего бы можно было спорить, но принять я ее не могу прежде размѣна ратификацій, не приводя этимъ короля своего въ крайнее безпокойство и не подвергая себя его гнѣву и потерѣ всякаго довѣрія. Я уже и такъ несчастливъ, что въ Лондонѣ узнають объ этомъ изъ Вѣны, куда Эстергази отправить записку.»

Послѣ того Уильямсъ не переставалъ жаловаться на медленность въ размѣнѣ ратификацій и наконецъ объявилъ, что больше не будетъ ѣздить ко двору. Вице-канцлеръ увѣрялъ его, что императрица неизмѣнна въ дружескихъ чувствахъ своихъ къ англійскому королю: «можетъ быть, прибавилъ Воронцовъ, сомнѣніе императрицы происходитъ отъ того, что ея величеству не желательно посылать свои войска такъ далеко въ Германію или Нидерланды, и желательно употребить ихъ только для диверсіи противъ короля прусскаго, когда онъ вмѣшается въ войну.» — «Я, отвѣчалъ Уильямсъ, не могу по этому предмету вступить ни въ какое разсужденіе; только въ одномъ могу увѣрить, что когда ея величество изволитъ ратификовать трактатъ, то его величество король охотно исполнитъ желанія императрицы, о которыхъ я ему и донесу; но прежде ратификацій не можетъ быть ни о чемъ рѣчи. Дѣло понятное, что прежде чѣмъ русскія войска придутъ въ Германію, Франція можетъ завоевать Нидерланды или Ганноверъ; русскія войска будутъ потребованы на помощь только въ крайнемъ случаѣ; при заключеніи договора королевское намѣреніе было то, чтобъ сдержать прусскаго короля, а союзниковъ своихъ, Австрію и Голландію сохранить въ общей системѣ, ибо вѣнскій дворъ рѣшительно отка-

зался посылать свои войска для защиты Нидерландовъ, чтобъ не обнажить свои германскія владѣнія противъ прусскаго короля, но въ случаѣ заключенія субсиднаго трактата между Россією и Англією обѣщаль отправить войско въ Нидерланды, да и Голландцы, узнавъ о трактатѣ съ Россією, примуть рѣшенія болѣе полезныя для общаго дѣла.»—«Не можете ли вы, сказалъ Воронцовъ, дать письменную декларацію того, что вы сейчасъ сказали: это будетъ очень пріятно ея величеству.» Но Уильямсъ отвѣчалъ, что прежде ратификаціи онъ ни во что вступать не можетъ; но если при размѣнѣ ратификацій ея величество изволитъ черезъ свое министерство предложить объ этомъ, то онъ донесетъ своему двору и надѣется, что король одѣлаетъ всевозможное, чтобъ удовлетворить желаніе ея величества ¹⁸⁷.

Въ Швеціи продолженъ былъ на десять лѣтъ союзъ съ Францією, но отклоненъ союзъ съ Пруссією, и вообще положеніе партій въ Швеціи не могло грозить Россіи большою опасностію въ случаѣ европейскихъ замѣшательствъ. Царивъ такъ объяснялъ своему двору положеніе дѣлъ въ Стокгольмѣ: по смерти короля Фридриха на первомъ сеймѣ прежняя французская партія поссорилась съ новымъ королемъ и приняла названіе сенатской партіи; тогда многіе изъ ея членовъ отдѣлились отъ нея для собственныхъ выгодъ и объявили себя придворною партією, а благонамѣренные (т.-е. колпаки) подѣлились между этими двумя партіями. Вражда между королемъ и сенатомъ разгоралась все болѣе и болѣе, при чемъ сенатъ старался поддержать себя распространеніемъ слуховъ, что шведской вольности грозитъ опасность отъ короля. Графъ Тессинъ пережилъ свои способности и удалился отъ дѣлъ, послѣ чего ни у одной партіи не оказалось вождя. Королева, разнуздавши свою гордость, самолюбіе и самовластіе, приобрѣла всеобщую ненависть. Она не мало содѣйствовала холодности между сенатомъ и берлинскимъ дворомъ, ибо хотя она и не чуждается французской системы, но боготворитъ одного своего брата, прусскаго короля, одинъ его интересъ соблюдаетъ, а Фридрихъ II-й хочетъ посредствомъ нея управлять Швецією безъ посредства Франціи. Приверженцы русскаго союза тѣсно соединились и такъ усиливаются, что король отъ нихъ ждетъ поправленія своимъ дѣламъ. Главнымъ между ними почитается графъ Браге,

основанія ихъ программы—сохраненіе конституціи и союзъ съ Россією. Дворъ, волею и неволею, ихъ ласкаетъ, и чтобъ заставить ихъ болѣе войти въ свои виды, король хотѣлъ дать имъ 50,000 платовъ изъ своего ларца на издержки партіи по случаю наступающаго сейма, но они не хотятъ о томъ слышать, думая, что всякій добрый результатъ, достигнутый ими съ чистыми руками, будетъ считаться услугою при дворѣ, а деньги дадутъ двору право требовать отъ нихъ болѣе, чѣмъ они сами сдѣлать намѣрены; но такъ какъ движенія партіи дѣйствительно требуютъ чрезвычайныхъ расходовъ, то они своего имѣнія не щадятъ. Французскій посоль съ своею партією слѣдитъ за каждымъ шагомъ благонамѣренныхъ. Главная цѣль французской партіи состоитъ теперь въ томъ, чтобъ не допустить графа Браге удержать въ своихъ рукахъ ландмаршалскій жезлъ, но выбрать въ ландмаршалы генераль-майора графа Ферзена, который воспитанъ и служилъ во Франціи, душею и тѣломъ ей преданъ и слыветъ очень умнымъ и способнымъ человѣкомъ. Графъ Браге съ своими друзьями очень хорошо понимаютъ, какъ имъ трудно преодолѣть противную партію и напасть на господствующую систему безъ русской помощи; но если партія Браге упадетъ, то останутся только двѣ—придворная и сенатская, и сеймъ долженъ будетъ или усилить власть короля, давши ему право производить въ чины и должности, чѣмъ отворится дверь къ самодержавію, или ограничить власть короля въ пользу сената, отъ чего вліяніе Франціи еще болѣе усилится. Чтобъ помѣшать такимъ вреднымъ для Россіи слѣдствіямъ и не дать упасть партіи добрыхъ патріотовъ нужна сумма отъ 20 до 30,000 рублей, которая должна пойти именно для доставленія ландмаршалскаго жезла графу Браге.

Въ отвѣтъ на эту реляцію Панинъ получилъ отъ канцлера такое письмо: «Думая, что на реляцію вашего высокоблагородія отвѣтомъ изъ коллегіи поспѣшено не будетъ, я за нужно нахожу подать вамъ на оную отъ меня нѣкоторыя объясненія. Кто бы въ оную не заглянулъ, по справедливости признаться долженъ, что она преисполнена прямою къ службѣ ревностію и усердіемъ; только же я вамъ откровенно признаюсь, что хотя она больше злостныхъ, нежели разсмотрительныхъ критиковъ возбудила, я не могъ однакожь ни оныя совершенно опровер-

20*

гать, ни васъ довольно защитить и оправдать. Чтобъ на роздачу Шведамъ сумму опредѣлить, о томъ здѣсь ниже слышать хотятъ. Правда, я и въ самомъ себѣ мало нахожу къ тому склонности, да ваше высокоблагородіе и принамятовать можетъ, что я уже предъ давнымъ временемъ мое мнѣніе откровенно и дружески объявилъ, что не остается болѣе какъ предавать намъ Шведовъ ихъ собственному жребію, довольствуясь одними безубыточными случаями вселять между ими собственно другъ къ другу недовѣренность и несогласіе. Образъ ихъ правительства самъ то по большей части или и единственно дѣлаетъ; а что до постороннихъ денегъ принадлежитъ, то сколько мнѣ лакомства ихъ и бѣдность ни свѣдомы, примѣръ неоднократныхъ издержекъ довольно однакожъ показываетъ, что сколько намъ волка не кормить, онъ въ лѣсъ убѣжитъ, да правду сказать и признаться надобно, что какія бы мы великія тамъ суммы ни истощили, Франція съ половинными издержками всегда больше нашего сдѣлаетъ; между нами сказать: сколько мы Шведамъ ни твердимъ, что прямой ихъ интересъ требуетъ во всегдашней дружбѣ и искреннемъ съ нами согласіи быть, я сего интереса никогда однакожъ найти не могу, да и на словахъ о немъ только говорится, а никогда еще предпріято не было его доказывать. Но обращаясь и паки къ деньгамъ, я не вижу великой изъ того пользы, что графъ Браге ландмаршаломъ избранъ былъ бы. Мы никакихъ особливыхъ (дѣлъ) къ произведенію на сеймѣ не имѣемъ, да хотя бы и имѣли, то повѣрьте мнѣ, что и онъ Шведъ и не лучше будетъ, какъ баронъ Унгернъ-Стернбергъ, который вмѣсто признанія (благодарности) только намъ вредилъ. Болѣе того я вѣрю, что всякій Шведъ лишь бы случай получилъ, готовъ всегда злость свою къ намъ оказать и тѣмъ у себя рекомендоваться. Однимъ словомъ, я сожалѣю, что ваше высокоблагородіе прежде присылки вашей реляціи со мною о томъ не снеслись; но когда сіе уже прошло, то я только для васъ самихъ прошу объ оной въ послѣдующихъ не упоминать, также ежели бъ что особливаго и случилось, сперва ко мнѣ писать, дабы я сличая обстоятельства, могъ то или другое вамъ съ разсмотрѣніемъ присовѣтовать. Я уповаю, что ваше высокоблагородіе за противное не примете сіи примѣчанія, паче же изъ постскрипта усмотря новые знаки моей къ вамъ безпре-

дѣльной откровенности наиболѣе увѣритесь объ ней и объ моей къ вамъ искренней преданности.» Въ постскриптѣ канцлеръ извѣщалъ о заключеніи субсиднаго договора съ Англіею, и въ концѣ замѣтилъ о шведскомъ посланникѣ въ Петербургѣ, Поссе: «Баронъ Поссе, сколько наружность ни наблюдаетъ, есть однакожь внутренно клятвенный миѣ и вамъ злодѣй, хотя къ тому другой причины и не имѣетъ, какъ только что онъ родился Шведъ, да такимъ и жизнь свою скончаетъ.» Рескриптъ отъ имени императрицы Панину заключалъ отказъ въ деньгахъ на томъ основаніи, что прежде истраченные на сеймахъ деньги не принесли никакой пользы ¹⁸⁸.

Мы видѣли, какую тревогу надѣлало въ Константинополѣ построеніе крѣпости св. Елисаветы; видѣли, что этой тревоги особенно испугались союзные дворы—англійскій и австрійскій, которые, разсчитывая на помощь Россіи въ своихъ дѣлахъ, съ ужасомъ предусматривали возможность отвлеченія русскихъ силъ на югъ въ слѣдствіе войны турецкой. Ихъ настоянія произвели то, что въ Петербургѣ рѣшились, въ случаѣ крайней необходимости успокоить Порту объявленіемъ, что императрица согласна остановить дальнѣйшее построеніе крѣпости до тѣхъ поръ пока дѣло не разъяснится, пока Порты не убѣдится, что никакой опасности ей отъ этого построенія нѣтъ. Въ концѣ 1754 года Обрѣзковъ успокоилъ было свой дворъ донесеніемъ, что этой крайней нужды, которая требовала бы упомянутаго объявленія, не оказывается; но въ началѣ 1755 года дѣла перемѣнились, рейсъ-ефенди взялъ верхъ. Чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли крайняя нужда въ объявленіи наступила, Обрѣзковъ обратился къ Пенклеру и Портеру съ объясненіемъ, что по его миѣнію нѣтъ крайней нужды уступать Портѣ и онъ намѣренъ отказать ей въ ея требованіяхъ; если же крайняя нужда окажется, то еще время будетъ объявить снисхожденіе императрицы. Пенклеръ и Портеръ отвѣчали, что если онъ намѣренъ всю Европу зажечь, то пусть отказывается; что теперь именно настаетъ крайняя нужда, какъ потому, что султанъ новый, такъ и потому, что Порты рѣшила дожидаться только до половины января, а тамъ принимать свои мѣры. «Вы знаете, возражалъ Обрѣзковъ, гордость и замашки турецкія, потому когда я снисхожденіе императрицы предъявлю, то пожалуй

Порта станеть требовать, чтобъ строеніе крѣпости было вовсе оставлено и даже чтобъ сдѣланное было разрушено.» Англійскій посоль обѣщаль употребить все стараніе, чтобъ удержать Порту отъ такихъ требованій. Но стараній его не понадобилось: Порта вполнѣ удовлетворилась и обѣщаніемъ пріостановить крѣпостныя работы ¹⁸⁹.

Въ Петербургѣ рѣшились дать это обѣщаніе, потому что война между Франціею и Англіею уже началась, и эту войну считали благопріятнымъ обстоятельствомъ для «сокращенія силъ прусскаго короля», а послѣ этого сокращенія надѣялись легко справиться съ Турціею и со всѣми безпокойными сосѣдями.

ГЛАВА VI.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

Состояніе образованности въ Россіи во второе семилѣтіе царствованіе Елисаветы.

1749—1755.

Въ 1753 году въ Москвѣ появилось предписаніе тамошняго архіерея Платона Малиновскаго, которое можетъ дать намъ понятіе объ образованности учителей народной нравственности, объ образованности духовенства: «Намъ извѣстно учинилось, говоритъ Платонъ, что епархіи нашей при церквахъ священнои церковно-служители, какъ въ давнихъ, такъ и недавнихъ лѣтахъ произведенные, надлежащаго имъ по ихъ должности ученія (которое имъ предъ посвященіемъ по букварю и особливо изданной тетрадки отъ экзаменаторовъ преподается) ничего не знаютъ, ибо по священіи своемъ совѣмъ оное забываютъ, умышленно никакого радѣнія о содержаніи того въ памяти не прилагая. Понеже по правиламъ св. отецъ священникамъ вышеписанное ученіе не точію самимъ должно знать, но и паствы своей людей еженедѣльно оному обучать; но какимъ образомъ имъ обучать тому, чему они сами ничего не умѣютъ? Что чинять они совѣмъ безсовѣстно, не страшась суда Божія.» Архіерей требуетъ, чтобъ священники по воскресеньямъ и праздникамъ непременно преподавали прихожанамъ по букварю и по особо изданной тетрадки сущность христіанскаго ученія, грозя въ противномъ случаѣ отрѣшеніемъ отъ мѣстъ ¹⁸⁰.

Этимъ требованіемъ должно было ограничиться относительно большинства духовенства, состоявшаго изъ лицъ, не знавшихъ школы; отъ меньшинства ученыхъ священниковъ требовалось, чтобъ они говорили проповѣди, проповѣди, назначавшіяся, какъ видно, и для особаго рода слушателей, потому что въ рапортахъ нужно было означать, говорена ли была проповѣдь въ установленные дни и кто изъ знатныхъ прихожанъ были при слушаніи проповѣди. Требования эти отъ неученаго большинства и ученаго меньшинства духовныхъ лицъ были выставлены еще при Петрѣ Великомъ, и послѣ него повторяетъ ихъ каждый достойный архіерей, какимъ былъ Платонъ Малиновскій, жалуясь на ихъ неисполненіе. Главною помѣхою въ ихъ исполненіи была печальная обстановка духовныхъ лицъ, борьба съ нуждою, поглощавшая все вниманіе и заставлявшая забывать его то, чему выучился въ школѣ или у экзаминатора. При Елисаветѣ духовенство было освобождено отъ полицейскихъ повинностей, отъ хожденія на караулы къ рогаткамъ, на дежурство въ сѣбзжіе дома, на пожары; но на немъ лежали еще разныя пошланны и дани, не говоря объ издержкахъ при поставленіи. При такихъ тягостяхъ доходы были недостаточны для человѣка, обязаннаго рано обзаводиться семействомъ. Петръ Великій принималъ самыя дѣйствительныя мѣры для поднятія матеріальнаго благостоянія блага духовенства, постановивъ, чтобъ количество духовенства не превышало средствъ прихода для его содержанія, и постановивъ, чтобъ духовенство не было обязано покупать себѣ дома, которые должны покупаться на церковныя деньги. Но подобно многимъ другимъ постановленіямъ Петра, и эти постановленія потеряли силу послѣ его смерти. Указы однако оставались, и потому всякій благонамѣренный архіерей могъ возстановить ихъ силу. Такъ и поступалъ въ описываемое время уже упомянутый прежде московскій архіепископъ Платонъ Малиновскій: онъ строго наблюдалъ за исполненіемъ петровскаго указа о домахъ и не позволялъ опредѣляться на духовныя мѣста сверхъ штата ¹⁹¹. Но такъ какъ въ другихъ епархіяхъ этого не наблюдалось, а прежде не наблюдалось и въ московской, то оставалось всегда извѣстное количество лишнихъ священниковъ, которые преимущественно стекались въ Москву; здѣсь они становились на Спасскомъ крестцѣ (между Спасскими воротами и

Покровскимъ соборомъ) и нанимались отправлять церковную службу. Въ XIX вѣкѣ еще разсказывали старики, какъ пошы стояли на крестцѣ съ калачомъ въ рукахъ, и когда нанимавшій ихъ служить обѣдню давалъ мало, то они кричали: «не торгуйся, сейчасъ закушу» (т.-е. калачъ, послѣ чего священникъ уже не могъ служить обѣдню). Архіереи вооружались противъ этого явленія, посылали хватать этихъ «крестцовыхъ поповъ», бить ихъ плетью, но ничто не помогало.

Плети не помогали устраненію безобразныхъ явленій, укоре- няя грубость въ нравахъ. Это, какъ видно, понималъ Платонъ Малиновскій. Въ 1733 году онъ издалъ предписаніе: «Нѣкоторые монастырскіе настоятели въ нашей епархіи наказываютъ монаховъ и монахинь очень жестоко, не по-монашески, сверхъ данной имъ власти: услыхавъ о проступкѣ, не удостовѣрся подлинно, не только безъ совѣта, но и безъ вѣдома прочей братіи, не смиряя духомъ кротости, не какъ братію, но какъ злодѣевъ бьютъ, обнажа предъ мірскими людьми, въ противность обѣта своего и закона Божія. Чтобъ отнынѣ начальствующіе не смѣли наказывать тѣлесно порученныхъ имъ монаховъ и монахинь ни за что, безъ общаго разсмотрѣнія и согласія всей братіи или, по крайней мѣрѣ, главныхъ изъ нея.»

Число ученыхъ священниковъ было еще незначительно, да и не всѣ изъ нихъ окончили полный курсъ, нѣкоторые, получивъ уже мѣсто, продолжали посѣщать училище; а между тѣмъ недостатокъ въ людяхъ и школахъ заставлялъ отнимать у духовенства лучшихъ воспитанниковъ для свѣтской науки. Мы видѣли, какъ духовное начальство сильно отставало воспитанниковъ своихъ училищъ отъ требованій медицинской канцеляріи. Но въ 1748 году явился въ Новгородъ и Москвѣ знаменитый профессоръ элоквенціи Тредіаковскій отъ академіи наукъ для набора студентовъ въ академическій университетъ, и выбралъ лучшихъ. Въ Петербургѣ въ академіи экзаминовали ихъ Ломоносовъ, Браунъ и Фишеръ и нашли, что 17 воспитанниковъ въ гуманіорахъ и школьной философіи довольный успѣхъ имѣютъ, такъ что на академическія лекціи о чистотѣ штиля, здравѣйшей философіи и математики допущены быть могутъ, а двоихъ изъ нихъ надобно послать на нѣсколько времени въ академическую гимназію латинскому языку учиться. Дѣятельность акаде-

мін наукъ преимущественно выказывалась въ дѣятельности двоихъ ея членовъ—Ломоносова и Мюллера; темная сторона тогдашней ученой жизни выражалась въ борьбѣ этихъ знаменитостей другъ съ другомъ и въ борьбѣ ихъ съ людьми, которые, получивъ не по праву сильное влияние на судьбу науки въ Россіи, не могли выносить законныхъ представителей науки, потому что послѣдніе не могли спокойно подчиняться имъ. Затруднительное положеніе академіи пронстекало главнымъ образомъ отъ того, что въ странѣ, какою была тогдашняя Россія, гдѣ наука не могла еще пустить сколько нибудь глубокихъ корней, нельзя было наполнить ученаго учрежденія все достойными членами, большинство подавало поводъ къ разнаго рода упрекамъ относительно исполненія обязанностей, и этимъ пользовались люди, желавшіе управлять академією; они выставляли на видъ, что ученые не способны, не достойны сами управляться, что ими нужно управлять другимъ, и достигали своей цѣли, при чемъ, разумѣется, за грѣхи недостойнаго большинства платилось достойное меньшинство.

Профессоръ химіи, напечатавшій въ 1748 году риторику, первую на русскомъ языкѣ, гдѣ всѣ примѣры сочинены или переведены имъ самимъ, въ 1749 году трудился въ лабораторіи, дѣлалъ химическіе опыты, до крашенія стеколь надлежащіе, приготавливалъ простые матеріалы, разныя соли, водки, а потомъ старался искать и нашелъ способъ, какъ дѣлать берлинскую лазурь и баканъ венцейскій; онъ же дѣлалъ физическіе опыты и сочинялъ похвальную рѣчь императрицѣ на руссійскомъ языкѣ и переводилъ ее на латинскій, участвовалъ въ составленіи руссійскаго лексикона. Похвальное слово императрицѣ Ломоносовъ произносилъ въ торжество восшествія на престолъ Елисаветы (академія имѣла собраніе на другой день праздника, 26 ноября). Произнесеніе рѣчей на этомъ торжествѣ всего лучше было поручать двоимъ самымъ виднымъ членамъ академіи, Ломоносову и Мюллеру, ибо кромѣ внутренняго достоинства, какое они могли дать своимъ рѣчамъ, оба ученые были богатыри физически, обладали громкимъ голосомъ и не смущались передъ публикою. Шумахеръ видѣлъ необходимость назначать ораторами Ломоносова и Мюллера, но вотъ какъ по этому случаю завистливый пигмей выразилъ свою ненависть къ великанамъ. Шумахеръ писалъ

Теплову: «Очень бы я желалъ, чтобы кто-нибудь другой, а не г. Ломоносовъ произнесъ рѣчь въ будущее торжественное за-сѣданіе, но не знаю такого между нашими академиками. Ораторъ долженъ быть смѣль и нѣкоторымъ образомъ нахаленъ: развѣ у насъ есть кто-нибудь другой въ академіи, который бы превзошелъ его въ этихъ качествахъ?» О Мюллерѣ Шумахеръ выражается также: «Онъ обладаетъ громкимъ голосомъ и присутствіемъ духа, которое очень близко къ нахальству.»

Для насъ въ знаменитомъ панегирикѣ, который такъ долго выставлялся образцомъ ораторской рѣчи, особенно замѣчательно указаніе Ломоносова на то, чего не достаетъ русской наукѣ, чѣмъ должно было заняться образующееся поклѣпніе: «Представьте себѣ (россійскіе юноши) будущее ваше состояніе, къ которому вы избраны, со благоговѣніемъ внимайте, что августѣйшая императрица, довольствуя васъ своею казною, матерски повелѣваетъ: обучайтесь прилежно: я видѣть россійскую академію изъ сыновъ россійскихъ состоящую желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слава отечества, сего намѣренія моихъ родителей, сего мое произволеніе требуетъ. *Не описаны еще дѣла моихъ предковъ и не воспѣта по достоинству Петрова великая слава.* Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи россійскаго слова. Въ пространной моей державѣ неоцѣненные сокровища, которыя натура обильно произноситъ, лежатъ потаенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію.»

Когда рѣчь стала извѣстна въ Москвѣ и за границу, Шумахера начали терзать извѣстіями о ея успѣхѣ: Тепловъ писалъ ему, что рѣчь понравилась при дворѣ, Эйлеръ писалъ ему изъ Берлина, что это образцовое произведеніе въ своемъ родѣ. То же значеніе образца краснорѣчія имѣло и другое похвальное слово Ломоносова — Петру Великому, произнесенное въ 1755 году. Произнеши образцовую рѣчь, ораторъ опять уходилъ въ лабораторію, гдѣ занимался составленіемъ красокъ и стеколь для мозаики: «По регламенту академіи наукъ, писалъ онъ, профессорамъ должно не меньше стараться о дѣйствительной пользѣ обществу, а особливо о приращеніи художествъ, нежели о теоретическихъ разсужденіяхъ; а сіе больше всѣхъ касается до

тѣхъ, которые соединены съ практикою, каково есть химическое искусство. Того ради заблаго я разсудилъ вопервыхъ изыскивать такія вещи, которыя художникамъ нужны, а выписываютъ ихъ изъ другихъ краевъ и для того покупаютъ дорогою цѣною.» Что и другое требованіе регламента относительно теоретическихъ разсужденій не было забыто, доказательствомъ служатъ извѣстные изслѣдованія Ломоносова, принадлежація описываемому времени: «О причинахъ теплоты и холода», гдѣ авторъ выводилъ явленія теплоты изъ вращательнаго движенія частицъ въ тѣлахъ; «Объ упругости воздуха», «О химическихъ растворахъ»; сюда же должно отнести «Слово о пользѣ химіи» и «Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ». Послѣднее сочиненіе особенно замѣчательно. Узнавши объ открытіяхъ Франклина относительно электричества, Ломоносовъ самъ повторилъ его опыты и составилъ цѣлую теорію воздушныхъ электрическихъ явленій, которая во многихъ пунктахъ сходится съ теоріею Франклина, и во многихъ превышаетъ ее. Знаменитый ученый современникъ Эйлеръ отозвался о сочиненіи Ломоносова, что оно «обнаруживаетъ въ авторѣ счастливое дарованіе къ распространенію истиннаго естествовѣдѣнія, чему образцы впрочемъ и прежде онъ представилъ въ своихъ сочиненіяхъ. Нынѣ таковыя умы весьма рѣдки.» Отзывы такого авторитета, какъ Эйлеръ, заставляли даже Шумахера признаваться, что у Ломоносова «замѣчательный умъ и отличное предъ прочими дарованіе, чего не отвергаютъ и здѣшніе профессора и академики. Только они не могутъ снести его высокоумія.»

Но если такіе отзывы были вынуждаемы у личныхъ враговъ и у людей, которые не имѣли причины радоваться появленію между русскими такой знаменитости, то легко понять, какъ должны были смотрѣть на Ломоносова русскіе люди, особенно тѣ, которые въ слѣдствіе большаго и большаго знакомства съ господствовавшимъ въ Западной Европѣ движеніемъ, считали науку могуществомъ и стремились прославить себя приобрѣтеніемъ для Россіи этого могущества. Къ числу такихъ немногихъ людей принадлежалъ новый фаворитъ Ив. И. Шуваловъ, котораго всегда видали съ книгою въ рукахъ. Шуваловъ очень рано сблизился съ первымъ русскимъ ученымъ и литераторомъ. У молодого Шувалова была книжка, куда онъ записывалъ свои

мысли, извлеченія изъ разныхъ писателей, свои собственные опыты въ стихотворныхъ сочиненіяхъ и переводахъ. Стихотворное искусство имѣло тогда неотразимую прелесть; ученый какъ Тредіаковскій, мучилъ и позорилъ себя пиша стихъ, не сознавая отсутствія въ себѣ всякаго таланта; императрица Елисавета Петровна писала стихи; писалъ ихъ и Шуваловъ. Стихи его выходили не много лучше стиховъ его высокой покровительницы; но ему хотѣлось сдѣлать ихъ лучше, хотѣлось выучиться писать стихи, и къ кому же ему было обратиться, какъ не къ человѣку, который первый сталъ писать красивые, звучные русскіе стихи. Шуваловъ учился у Ломоносова механизму стиха, какъ видно изъ его записной книжки; въ ней же написанъ рукою Шувалова конспектъ всей реторики Ломоносова.

Стихотворная дѣятельность самого Ломоносова продолжалась: въ одѣ его на рожденіе великаго князя Павла Петровича насъ останавливаетъ указаніе на вѣшнюю дѣятельность, какая можетъ занять достойно будущаго русскаго государя: только варварскія страны Востока должны подчиняться цивилизующему вліянію Россіи; противъ западной Европы у Россіи можетъ быть одна война оборонительная. Но отъ гаданій о будущемъ, поэтъ по прежнему любитъ обращаться къ прошедшему Россіи, не внося вражды между ними, а указывая тѣсную историческую связь. Можно сказать, что Ломоносовъ былъ историкъ въ своихъ одахъ, и поэтъ или риторъ въ исторіи. Вотъ обращеніе поэта къ новорожденному:

Расти, расти, крѣпнися,
Съ великимъ прадѣдомъ сравнися,
Съ желачьемъ нашимъ восходи.
Велики суть дѣла Петровы,
Но многіе еще готовы
Тебѣ остались напреды.
Когда взираемъ мы къ востоку,
Когда посмотримъ мы на югъ,
О коль пространность зримъ широку,
Гдѣ можетъ загремѣть твой слухъ.
Тамъ вокругъ облегъ драконъ ужасный
Мѣста святы, мѣста прекрасны,
И къ облакамъ сто главъ вознесъ!
Весь свѣтъ чудовища страшится,
Единъ лишь смѣло устремится

Россійскій можетъ Геркулесъ.
Единъ сто острыхъ жаль притупить,
И множествомъ низвержетъ рань,
Единъ на сто головъ наступить,
Возставитъ вольность многихъ странъ.
Пространными Китай стѣнами
Закрѣтъ быть мнится передъ нами.
Оузъ гордымъ окомъ къ нимъ взираеть:
Но въ нихъ ему надежды нѣтъ.
Внезапно ярость возгорится
И огонь, и мечь между стѣной
Сіе все можетъ совершиться
Петрова племени рукой.
Въ своихъ увидишь предкахъ явны
Дѣла велики и преславны,
Что могутъ духъ природѣ дать.
Уже младаго Михаила
Была къ тому довольна сила
Упадшую Москву поднять,
И послѣ страшной перемѣны
Въ предѣлахъ удержать враговъ,
Собрать разсыпанные члены
Такого множества градовъ.
Сармать съ свирѣпостью своею
Трофеи отдалъ Алексѣю.
Онъ судъ и правду положилъ,
Онъ войско правильное вскорѣ,
Онъ новый флотъ готовилъ въ море;
Но все то Богъ Петру судилъ.
Сего къ отечеству заслуги
У всей подсолнечной въ устахъ,
Его и кроткія супруги
Примѣръ зримъ въ нашихъ временахъ,
Примѣръ въ его великой дщери:
Широки тѣ отверзли двери
Наукамъ, счастью, тишинѣ;
Склоняясь къ общему покою,
Щедротой больше чѣмъ грозю
Въ Россійской царствуетъ странѣ.
Но ты, о гордость вознесена!
Блудися съ хитростью своей:
Она героями рожденна,
Геройскій духъ извѣстенъ въ ней.

Уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и работы по Уложенію

отмѣчены Ломоносовымъ въ надписи на иллюминацію 5 сентября 1754 года:

Россія, вознося главу на высоту,
Взираетъ на своихъ предѣловъ красоту.
Чудится въ радости обильному покою,
Что въ оной утвержень, монархиня, тобою.
Считая многія довольства, говоритъ:
Коль сладкое меня блаженство веселитъ!
Противники къ моимъ предѣламъ не дерзаютъ,
И алчны мытари внутрь торгу не смущаютъ!
Сталь тѣсень къ злобѣ путь коварникамъ въ судахъ.

О трудахъ Ломоносова ученыхъ и поэтическихъ, о томъ, что Ломоносовъ первый талантъ въ Россіи, ея честь, слава царствованія, объ этомъ императрица знала черезъ Шувалова. Самъ Ломоносовъ говоритъ объ этомъ въ извѣстномъ стихотворномъ письмѣ своемъ къ Шувалову «О пользѣ стекла»:

А ты, о Меценатъ, представствуй предъ нею,
Какой наукамъ путь стараешься открыть,
Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрный быть.
Тебѣ похвалны всѣ, пріятны и любезны,
Что тщатся постигать ученія полезны.
Мои посильные и малые труды
Коль часто передъ ней воспоминаешь ты!

Но стоять на такой высотѣ, на какой стоялъ Ломоносовъ, очень тяжело въ обществѣ, гдѣ наука и литература въ младенчествѣ, гдѣ скудно воспитаніе таланта, гдѣ нѣтъ раздѣленія занятій, гдѣ человекъ, выдавшійся своимъ талантомъ, долженъ дѣлать одинъ много разныхъ дѣлъ. Самъ Ломоносовъ въ похвальномъ словѣ Елисаветы упомянулъ, чего дочь Петра Великаго должна требовать отъ русскихъ членовъ созданной имъ Академіи: «Не описаны еще дѣла моихъ предковъ и не воспѣта по достоинству Петра великая слава.» Вотъ первыя требованія, которыя заявляетъ Елисавета у Ломоносова—написаніе русской исторіи и поэмы, содержаніемъ которой должна быть дѣятельность величайшаго героя русской земли. Но кто же исполнить эти требованія? разумѣется первый литературный талантъ времени, Ломоносовъ, и Шуваловъ требуетъ, чтобъ Ломоносовъ занялся русскою исторіею и сама императрица изъявляетъ на то

свою волю. Ломоносовъ сталъ добросовѣстно приготовляться къ новому труду, собиралъ по источникамъ древнѣйшія извѣстія о Славянахъ; Шуваловъ торопилъ. Въ маѣ 1753 года Ломоносовъ писалъ ему: «О первомъ томѣ російской исторіи по общанію моему стараніе прилагаю, чтобъ онъ къ новому году письменной изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертации, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось.»

Проходилъ и 1754 годъ, а Исторія Російская не появлялась. Шуваловъ напомнилъ о трудѣ, о его важности, писалъ, что если другія занятія мѣшаютъ, то ихъ можно и оставить. Ломоносовъ отвѣчалъ въ самомъ началѣ 1755 года: «Я бы отъ всего сердца желалъ имѣть такія силы, чтобы оное великое дѣло совершеніемъ своимъ скоро могло охоту всѣхъ удовольствовать: однако оно само собою такого есть свойства, что требуетъ времени. Коль великимъ счастіемъ я себѣ почесть могу, ежели мсею возможною способностію древность російскаго народа и славныя дѣла нашихъ государей свѣту откроются, то весьма чувствую. Могу васъ увѣрить въ томъ заподлинно, что первый томъ въ нынѣшнемъ году съ Божіею помощію совершить уповаю. Что жъ до другихъ моихъ въ физикѣ и въ химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ниже возможности. Всякъ человекъ требуетъ себѣ отъ трудовъ успокоенія; для того оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостями или съ домашними препровожденія времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ, отъ чего я уже давно отказался за тѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и на сочиненіе російской исторіи и на украшеніе російскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобъ ихъ вмѣсто бильярдъ употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движе-

ніемъ вмѣсто лѣкарства служить имѣють, а сверхъ сего пользу и честь отечеству конечно принести могутъ, едва меньше ли первой.»

Шуваловъ помогъ Ломоносову въ полученіи значительнаго населеннаго имѣнія для заведенія и поддержанія фабрики разноцвѣтныхъ стеколъ, и когда Меценатъ по этому поводу высказала опасеніе, не ослабитъ ли обезпеченное состояніе многообъемлющей дѣятельности Ломоносова, то послѣдній отвѣчалъ ему: «Высочайшая щедрота несравненныя монархини нашей, которую я вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно отвѣтитъ не умела. Я всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство въ томъ быть обнадежену, что я все свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрять не должны, и помнили бы, что музы не такія дѣвки, которыхъ всегда изнасилничать можно: онѣ кого хотятъ того и полюбятъ. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученый человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ одной стороны Діогена, который жилъ съ собаками въ бочкѣ и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ, а съ другой стороны Невтона, богатаго лорда Боила, который всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа, который лекціями и подарками нажилъ больше пяти сотъ тысячъ и сверхъ того баронство.»

Къ Шувалову обращался Ломоносовъ и въ своихъ академическихъ горестяхъ. Онъ былъ по прежнему страстенъ и раздражителенъ, а раздражаться было чѣмъ, когда знаменитый ученый, достойно оцѣниваемый лучшими людьми высоко стоящими, самую императрицу, долженъ былъ находиться въ зависимости отъ какого-нибудь Шумахера или Теплова, когда въ члѣнъ ученаго учрежденія стоялъ человѣкъ недостойный этого положенія ни по способностямъ, ни по образованію, и кромѣ того человѣкъ нерадивый, исполнившій свою должность чужими руками и руками нечистыми. Естественно, что Ломоносовъ искалъ

выхода из своего тяжкаго, унижительнаго положенія, искалъ независимаго положенія въ академіи, или наконецъ другаго мѣста, могшаго дать ему большую независимость и спокойствіе, необходимое для успѣшнаго занятія науками. «Хотя голова моя и много зачинаетъ, писалъ онъ къ Шувалову, да руки однѣ, и хотя во многихъ случаяхъ можно бы употребить чужія, да приказать не имѣю власти. За бездѣлицею принужденъ я много разъ въ канцелярію бѣгать и подъячимъ кланяться, что я право весьма стыжусь, а особливо имѣя такихъ, какъ вы, патроновъ.»

Узнавши отъ Шувалова, что нѣтъ надежды пріобрѣсти въ академіи независимое положеніе, Ломоносовъ писалъ патрону: «Ежели не возможно, чтобы я былъ произведенъ въ академіи для пресѣченія коварныхъ предпріятій, то всеуниженно ваше превосходительство прошу, чтобы вашимъ отеческимъ представительствомъ переведенъ я былъ въ другой корпусъ, а лучше всего въ иностранную коллегію, гдѣ не меньше могу принести пользы и чести отечеству, а особливо имѣя случай употреблять архивы къ продолженію россійской исторіи. Я прошу Всевышняго Господа Бога, дабы Онъ воздвигъ и ободрилъ ваше великодушное сердце въ мою помощь и чрезъ васъ сотворилъ со мною знаменіе во благо, да видятъ ненавидящіи мя и постыдятся: Господь помогъ ми и утѣшилъ мя есть изъ двухъ единымъ, дабы или всѣ сказали: камень егоже не брегоша зиждущіе, сей бысть во главу угла, отъ Господа бысть сей; или бы въ мое отбытіе изъ академіи ясно оказалось, что она лишилась, потерявъ такого человѣка, который чрезъ толь много лѣтъ украшалъ эную и всегда съ гонителями наукъ боролся, несмотря на свои опасности.»

Въ иностранную коллегію Ломоносовъ перемѣщенъ не былъ, а въ академіи въ началѣ 1755 года онъ долженъ былъ выдержать сильную борьбу, потому что побранился съ двумя могуществами—Тепловымъ и Шумахеромъ. Брань произошла по поводу пересмотра академическаго устава въ слѣдствіе извѣстнаго намъ распоряженія сената о составленіи Уложенія. Ломоносовъ высказывался за болѣе сильное участіе ученаго корпуса въ управленіи академіею съ ограниченіемъ власти президента. Шумахеръ, котораго Ломоносовъ называетъ Коварнымъ и который очень хорошо понималъ, чью собственно власть Ломоно-

сову хочется ограничить, говорилъ, что Ломоносовъ хочет отнять власть и полномочіе президентское; Ломоносовъ отвѣчалъ, что желаетъ снять съ президента бремя, которое выше силъ одного человѣка, каковъ бы онъ ни былъ, но дѣла должны производиться по общему согласію, тѣмъ болѣе, что президентъ не полигисторъ; если владѣющій государь имѣетъ своихъ сенаторовъ и другихъ чиновныхъ людей, которыхъ совѣты онъ принимаетъ, несмотря на свое самодержавіе, то можетъ ли быть иначе въ наукахъ? Споръ кончился бранью, послѣ чего Тепловъ, Шумахеръ и Мюллеръ донесли президенту, что не могутъ присутствовать вмѣстѣ съ Ломоносовымъ въ академическихъ собраніяхъ. Разумовскій велѣлъ сдѣлать Ломоносову выговоръ и запретить ему являться въ собранія. «Я осужденъ, писалъ Ломоносовъ Шувалову: Тепловъ цѣлъ и торжествуетъ. Виноватый оправленъ, правый обвиненъ. Коварникъ (Шумахеръ) надѣется, что онъ и со мною такъ поступить, какъ съ другими прежде. Президентъ нашъ добрый человѣкъ, только ввѣрился въ Коварнина. Президентскимъ ордеромъ готовъ повиноваться, только не Теплова. Итакъ въ сихъ моихъ обстоятельствахъ ваше превосходительство всенекорнѣйше прошу, чтобъ меня отъ такого поношенія и несправедливаго поруганія избавить; дабы чрезъ ваше отеческое предстательство всемилостивѣйшая государыня принять въ высочайшее свое собственное покровительство и отъ Теплова ига избавить не презрела, и отъ такихъ нападковъ по моей ревности защитить матерски благоволила. Чрезъ вашего превосходительства ходатайство отъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ вскорѣ спасенъ быть ожидаю.»

Ожиданіе сбылось: пришло приказаніе отъ Разумовскаго возвратить ему его ордеръ относительно Ломоносова и объявить послѣднему, чтобъ по прежнему присутствовать въ академическихъ собраніяхъ. Свою ученую дѣятельность за описываемый періодъ времени Ломоносовъ закончилъ издашемъ грамматики. Объ ней остались въ его замѣткахъ слѣдующія слова: «Меня хотя другія мои главныя дѣла воспящаютъ отъ словесныхъ наукъ, однако видя, что никто не принимается, я хотя не совершу, однако начну, что будетъ другимъ послѣ меня легче дѣлать¹⁹².»

Полезные починны относительно русской исторіи и географіи

дѣлалъ другой академикъ, Мюллеръ. Такъ какъ Мюллеръ пробылъ около десяти лѣтъ въ Сибири на двойномъ жалованьѣ, то, по мнѣнію академической канцеляріи, нельзя было потерять это иждивеніе, и она заключила съ Мюллеромъ новый контрактъ, по которому онъ обязался: 1) быть при академіи наукъ профессоромъ въ университетѣ и для сочиненія генеральной российской исторіи; къ тому же опредѣляется исторіографомъ, при чемъ общаетъ высокій ея императорскаго величества интересъ и академіи честь и пользу всячески наблюдать. 2) Начатыя свои дѣла, на которыя уже столько иждивенія употреблено, а именно Сибирскую исторію, въ которой бы имѣть достовѣрное описаніе положенія всей Сибири географическаго, вѣры, языковъ всѣхъ тамошнихъ народовъ и древностей сибирскихъ, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ профессоромъ Фишеромъ производить, чтобъ всякій годъ издать можно было по одной книжкѣ путешествія его. 3) Когда окончится Сибирская исторія, тогда онъ, Мюллеръ употребленъ будетъ къ сочиненію исторіи всей Россійской имперіи въ департаментѣ, который ему отъ академіи показанъ будетъ, по плану, который имъ самимъ сочиненъ въ то время быть имѣеть и въ канцеляріи апробованъ. 4) Понеже онъ Мюллеръ отъ лекцій уволенъ, то вмѣсто того отправлять ему ректорскую должность при университетѣ.—Историческіе труды Мюллера разсматривались въ особомъ историческомъ собраніи, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ академикомъ. Въ одномъ мѣстѣ Сибирской исторіи было сказано, что Ермакъ позволялъ своимъ козакамъ разбойничать. Ломоносовъ и другіе члены историческаго собранія замѣтили, что «о семъ дѣлѣ должно писать осторожнѣе и помянутому Ермаку въ разсужденіи завоеванія Сибири разбойничества не приписывать.» Мюллеръ отвѣчалъ, что это обстоятельство не подлежитъ никакому сомнѣнію, измѣнить его нельзя, и потому лучше совѣмъ выпустить.

Если историкъ обязывался осторожностію относительно Ермака, то мы не удивимся запросу, полученному Мюллеромъ отъ президента академіи, самъ ли собою онъ сочинялъ найденныя въ его дѣлахъ родословныя, или по чьему-нибудь приказу или прошенію; а потомъ Тенловъ объявилъ ему именемъ Разумовскаго, чтобъ онъ такихъ родословныхъ впредь не сочинялъ, а трудился бы въ однихъ настоящихъ своихъ должностяхъ. Мюл-

леръ отвѣчалъ, что составлялъ родословныя таблицы по должности историка, потому что исторія и генеалогія такъ между собою связаны, что одна безъ другой быть не можетъ. Но отъмѣны приказанія не сочинять родословныхъ не послѣдовало, и Мюллеръ показывалъ, что больше не сочиняетъ. Мюллеръ написалъ предисловіе къ своей исторіи или къ Описанію Сибирскаго царства: Шумахеръ настаивалъ, что предисловіе не нужно, ибо клонится больше къ распространенію суетной славы автора; Миллеръ просилъ позволенія помѣстить при своемъ трудѣ двѣ лѣтописи въ видѣ приложенія: Шумахеръ замѣчалъ, что Мюллеръ и то безъ нужды наполнилъ свою книгу жалованными грамотами, изъ чего видно, что хотѣлъ только увеличить свою исторію и время продлить. Академическая канцелярія объявила Мюллеру, что «хотя по разсужденію вашему, и потребны доказательства къ вашей Сибирской исторіи, однако находится при достопамятныхъ вещахъ не малое число въ оной же лѣтописи лжебасней, чудесъ и церковныхъ вещей, которыя никакого имовѣрства не только недостойны, но и противны регламенту академическому, въ которомъ именно запрещается академикамъ и профессорамъ мѣшаться никакимъ образомъ въ дѣла, касающіяся до закона. А хотя же бы что и до закона не касалось, то не разсуждается за пристойно печатать пустыя сказки и лжи, которыя никакого основанія не имѣютъ; тѣмъ больше съ здравымъ разсужденіемъ не сходно такую книгу напечатать вмѣсто доказательства подъ именемъ будто бы только древности и стараго сложенія, ибо ложь не касается до склада, но до самого дѣла. И по опредѣленію главной канцелярія академіи наукъ велѣно показанную лѣтопись, для объявленныхъ и основательныхъ резонновъ, печатаніемъ оставить до того времени, когда она и другія ей подобныя особливо осмотрѣны будутъ и *очищены отъ помянутыхъ непристойныхъ сказокъ*, происходящихъ отъ излишняго суевѣрства, чего ради и предисловіе къ Сибирской исторіи, которое вы прислали для апробаціи, перемѣнено».

Такимъ образомъ первый томъ «Описанія Сибирскаго царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ» явился въ 1750 году безъ Мюллеровскаго предисловія, въ которомъ между прочимъ говорилось, какъ полезно для читателей, когда они встрѣчаютъ въ книгѣ много выписокъ изъ древнихъ актовъ на древнемъ языкѣ,

напоминающихъ о такихъ словахъ и выраженіяхъ чисто русскихъ, которыя утратились и замѣнены словами иностранными: «Должно, говоритъ Мюллеръ, обыкновенію время нѣсколько уступать, когда старинными словами и складами гнушаются; но сіе обыкновеніе не надлежитъ всегда почитать за узаконеніе и не должно отвергать всего стариннаго только для того, что оно старинное, а новое принимать для того, что новое».

Это указаніе на необходимость поддержать новый русскій языкъ въ тяжелой борьбѣ его съ вѣліемъ новыхъ понятій и словъ, поддержать живымъ и сильнымъ языкомъ древнихъ грамотъ, тѣмъ языкомъ посольскаго приказа, на который при Петрѣ Великомъ заставляли писать и переводить книги,—это указаніе оставлено безъ вниманія, и относительно слѣдующихъ томовъ Сибирской Исторіи академическая канцелярія предписала: «Усмотрѣно, что въ первомъ томѣ Исторіи Сибирской большая часть книги не что иное есть, какъ только копія съ дѣлъ канцелярскихъ, а инако бы книга надлежащей величины не имѣла: то чрезъ сіе накрѣпко запрещается, чтобъ никакихъ копій въ слѣдующіе томы не вносить, а когда нужно упомянуть какую грамоту или выписку, то на сторонѣ цитировать, что она дѣйствительно въ академической архивѣ хранится».

Это время, конецъ 1749 и 1750 годъ было самое тяжелое въ служебной жизни Мюллера. Мы видѣли, что Мюллеру и Ломоносову поручено было въ 1749 году приготовить рѣчи для торжественнаго собранія академіи 6 сентября. Мюллеръ написалъ свою рѣчь на латинскомъ языкѣ «О происхожденіи народа и имени Руссовъ», гдѣ развивалъ положенія Байера о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси. Рѣчь была одобрена въ академическомъ собраніи; но комиссаръ Крекшинъ, выведившій изъ терпѣнія сенатъ своими вздорными доносами, доносившій и прежде на Мюллера, что тотъ дѣлаетъ выписки, унижительныя для русскихъ великихъ князей, и теперь началъ распускать по городу слухи, что въ рѣчи Мюллера много оскорбительнаго для чести русскаго народа. Тогда Шумахеръ поручилъ шестерымъ членамъ академіи, въ томъ числѣ Тредіаковскому и Ломоносову, разсмотрѣть рѣчь Мюллера «не сыщется ли въ ней что-нибудь предосудительное для Россіи». Тредіаковскій подалъ отзывъ, что

«сочинитель по своей системѣ съ нарочитою вѣроятностію доказываетъ свое мнѣніе. Нѣтъ почитай ни единого въ свѣтѣ народа, котораго первоначаліе не было бѣ темно и баснословно, слѣдовательно я не вижу, чтобъ во всемъ авторовомъ доказательствѣ было какое предосужденіе Россіи. Все предосужденіе сдѣлалъ самъ себѣ сочинитель выборомъ столь спорныя матеріи». Но Ломоносовъ, въ своемъ отзывѣ объявилъ, что диссертациа Мюллера «поставлена на зыблющихся основаніяхъ, опроверженіе мнѣній, что Москва происходитъ отъ Мосоха и Россіане отъ рѣки Росса, никакой силы не имѣютъ и притомъ переплетены непорядочнымъ расположеніемъ и темной ночи подобны». Ломоносовъ упрекаетъ Мюллера, зачѣмъ онъ пропустилъ лучший случай къ похвалѣ славянскаго народа и не сдѣлалъ Скивовъ славянами, ибо извѣстно, что Скивы не боялись царей македонскихъ и самихъ Римлянъ; нападаетъ на Мюллера, за чѣмъ онъ очень поздно ставитъ приходъ славянъ въ здѣшнія мѣста, зачѣмъ о Несторѣ лѣтописцѣ говоритъ весьма продерзостно и хулительно такъ: «ошибся Несторъ». Мнѣнія членовъ академіи, большинство которыхъ было противъ диссертации, отосланы къ президенту въ Москву, откуда получено рѣшеніе дѣлу, написанное Тепловымъ: «диссертацию профессора Мюллера, собравъ черную и бѣлую рукописную, отдать въ архиву, а напечатанную и съ корректурами хранить до указа подъ особливою канцелярскою печатію, не выпуская ни подъ какимъ видомъ ни единого экземпляра въ свѣтъ, дабы со столь многими сумнительствами и важными погрѣшностями не могъ себя подвергнуть авторъ дальнему толкованію, а исправя при времени оную могъ при удобной окказіи употребить». Въ Петербургѣ академическая канцелярія объявила Мюллеру, что его диссертацию велѣно *уничтожить*. Мюллеръ, раздраженный этимъ *уничтоженіемъ*, имѣлъ неосторожность написать президенту жалобу на пристрастіе своихъ судей, не сознавая справедливости замѣчанія Тредіаковскаго, что «все предосужденіе сдѣлалъ себѣ сочинитель выборомъ толь спорныя матеріи». Президентъ предписалъ произвести разсмотрѣніе диссертации въ генеральномъ собраніи академіи, въ присутствіи Мюллера, который могъ бы защищаться противъ обвиненій. Начались экстраординарныя засѣданія, на которыхъ Мюллеръ защищалъ свою диссертацию; засѣданія продолжались

съ октября 1749 до марта 1750 года. Кромѣ устныхъ споровъ поданы были опять и письменные отзывы. Тредяковскій опять объявилъ, что «Мюллерова диссертація есть вѣроятна и вѣроятнѣе еще, кажется, всѣхъ другихъ системъ понынѣ о началѣ имени россиянъ вѣдомыхъ». Ломоносовъ остался также при своемъ прежнемъ мнѣніи, что «оной диссертаціи никонимъ образомъ въ свѣтъ выпуститься ненадлежитъ. Ибо кромѣ того, что вся она основана на вымыслѣ и на ложно приведенномъ въ свидѣтельство отъ г. Мюллера Несторовомъ текстѣ и что многія явныя между собою борющіяся прекословныя мнѣнія и нескладныя затѣи академіи безславіе сдѣлать могутъ, находятся въ ней еще не мало опасныя разсужденія. Ибо 1) должно опасаться, чтобы не было соблазна православной російской церкви отъ того, что г. Мюллеръ полагаетъ поселеніе Славянъ на Днѣпрѣ и въ Новгородѣ послѣ временъ апостольскихъ; а церковь російская повсягдно воспоминаетъ о приходѣ св. апостола Андрея Первозваннаго на Днѣпръ и въ Новгородъ къ Славянамъ, гдѣ и крестъ отъ него поставленъ и нынѣ высочайшимъ ея величества указомъ строится на ономъ мѣстѣ каменная церковь. 2) Изъ сего мнѣнія не воспослѣдовала бы нѣкоторая критика на премудрое учрежденіе Петра Великаго о кавалерскомъ орднѣ св. апостола Андрея. 3) Происхожденіе первыхъ князей російскихъ отъ безымянныхъ скандинавовъ въ противность Несторову свидѣтельству, который ихъ именно отъ Вяряговъ-Руси производитъ, происхожденіе имени російскаго весьма недревнее, да и то отъ Чухонцевъ, въ противность же яснаго Несторова свидѣтельства; презрѣніе російскихъ писателей, какъ преподобнаго Нестора, и предпочитаніе имъ своихъ неосновательныхъ догадокъ и готическихъ басней; наконецъ частыя надъ россиянами побѣды Скиндинавовъ съ досадительнымъ изображеніями не токмо въ такой рѣчи быть недостойны, которую г. Мюллеру для чести російской академіи и для побужденія російскаго народа на любовь къ наукамъ сочинить было велѣно, но и всей Россіи предъ другими государствами предосудительны быть должны».

Канцелярія академіи наукъ, основываясь на томъ, что диссертація Мюллера ни однимъ изъ членовъ академіи не одобрена, а

проф. Тредиаковскимъ за прямо основательную непризнана, опредѣлила оную диссертацию совѣсмъ уничтожить.

Но этимъ бѣды не кончились. Подъ предлогомъ скорѣйшаго окончанія Сибирской исторіи у Мюллера отняли должность ректора университета, находившагося при академіи наукъ и въ то же время заставляли читать лекціи по всеобщей исторіи. Тщетно Мюллеръ представлялъ, что онъ уже 18 лѣтъ какъ не читалъ никакихъ лекцій, а посвятилъ всѣ свои труды русской исторіи и географіи и не занимается всеобщею исторіею,—ему объявили приказаніе президента непремѣнно читать лекціи, иначе пойдетъ вычетъ изъ жалованья. Тогда выведенный изъ себя Мюллеръ подалъ жалобу президенту на Теплова, какъ чловѣка, который вредитъ ему во всемъ, дурно отзывается о его Сибирской исторіи, помѣшалъ посвященію этой книги и проч. Легко было предвидѣть слѣдствія жалобы Разумовскому на Теплова. Президентъ прислалъ въ академію бумагу, въ которой говорилось, что нѣкоторые члены академіи препятствуютъ его стараніямъ на пользу этого учрежденія; Делия и Крузіуса онъ за это прогналъ, но еще остался Мюллеръ, который девять лѣтъ пробылъ въ Сибири на большомъ жалованьи, а ничего оттуда не привезъ кромѣ копій съ лѣтописей, грамотъ и другихъ канцелярскихъ дѣлъ, что можно было бы пріобрѣсти съ гораздо меньшими издержками, не посылая его, Мюллера; студента Крашенинникова въ Сибири билъ батогами; клевететь на Теплова, на членовъ канцелярій, самого президента признаетъ нечувствительнымъ и неосмотрительнымъ. За такія преступленія Мюллера разжаловали изъ академиковъ въ адъюнкты. Скоро впрочемъ опомнились, конечно не безъ предстательства людей сильныхъ, и возвратили Мюллеру прежнюю должность, вынудивши однако у него признаніе, что былъ достойно наказанъ. Нельзя было не опомниться, потому что другого такого способнаго труженика не было въ академіи. Онъ былъ конференцъ-секретаремъ, велъ обширную переписку съ заграничными учеными и литераторами, составлялъ протоколы академическихъ засѣданій, наблюдалъ за изданіемъ трудовъ академіи (*Novi commentarii*), и когда задумали издавать при академіи первый учено-литературный журналъ, то некому было поручить и этого изданія кромѣ Мюллера, а изданіе такого журнала въ то время, по состоянію образован-

ности вообще и по недостатку всякихъ средствъ, было дѣломъ крайне труднымъ. Въ декабрѣ 1753 года Мюллеръ прочиталъ въ академическомъ собраніи предисловіе къ первой книжкѣ журнала, который долженъ былъ выходить подъ названіемъ: «Санктпетербургскія академическія примѣчанія». Возраженій не было; но черезъ мѣсяць Ломоносовъ заявилъ, что «сей титулъ и предисловіе при дворѣ ея импер. величества очень раскритикованы и надлежитъ оба перемѣнить. А особливо о титулѣ сказала она, что хотя назвать книгу санктпетербургскими штанами, то сіе таково жъ прилично будетъ, какъ имя «Примѣчанія», потому что и стихи вносятся будутъ, а стихи не примѣчанія». Мюллеръ жаловался, что во время этого спора ему досталось отъ Ломоносова много «безчестныхъ порицаній», и предлагалъ поручить изданіе журнала самому Ломоносову. Изданіе осталось за Мюллеромъ, но онъ долженъ былъ назвать журналъ «Ежемѣсячными сочиненіями».

Въ предисловіи къ журналу издатель говорилъ: «Предлагаемы будутъ здѣсь всякія сочиненія, какія только обществу полезны быть могутъ, а именно: не одни только разсужденія о собственно такъ называемыхъ наукахъ, но и такія, которыя въ экономіи, въ купечествѣ, въ рудокопныхъ дѣлахъ, въ мануфактурахъ, въ механическихъ рукодѣліяхъ, въ архитектурѣ, въ музыкѣ, въ живописномъ и рѣзномъ художествѣхъ, и въ прочихъ, какое ни есть новое изобрѣтеніе показываютъ, или къ поправленію чего-нибудь поводъ подать могутъ. И какъ мы равномѣрно желаемъ, чтобъ и стихотворцы сочиненія свои намъ сообщали, между которыми быть могутъ и забавные, то мы надѣмся, что сочинители оныхъ ни до кого персонально касаться не будутъ. Коль великое множество имѣемъ мы еще другихъ матерій! Когда читателямъ нашимъ предвоспримемъ сообщать экстракты изъ достовѣрнѣйшихъ російскихъ лѣтописей, списки съ старинныхъ грамотъ и съ архивныхъ дѣлъ, описанія церемоній и торжествамъ при дворѣ ея императорскаго величества происходящимъ, высочайшія узаконенія и указы до всенароднаго благополучія касающіеся, которые потому что вѣчно въ силѣ своей остаются имѣютъ, паче другихъ достойны сохраненія, иногда при томъ еще объявлять будемъ о иностранныхъ и здѣшней печати новыхъ и полезныхъ книгахъ, также и о знатнѣйшихъ политиче-

скихъ каждаго мѣсяца приключенiяхъ. При томъ великомъ изобилiи не мнимъ мы, чтобъ когда могъ быть недостатокъ въ матерiяхъ, а еще меньше того опасаемся, чтобъ для ихъ различности оныя кому наскучили». По инструкции президента академiи, Мюллеру въ Ежемѣсячныхъ сочиненiяхъ велѣно «убѣгать отъ всѣхъ богословскихъ и метафизическихъ матерiй, стараться вносить въ оныя (Ежем. сочин.) только такiя вещи, которыя бы сверхъ прiятности и дѣйствительную пользу въ себѣ заключали».

На первый же годъ издатель далъ въ журналъ значительные вклады; онъ помѣстилъ любопытную статью: «О первомъ лѣтописателѣ российскомъ преподобномъ Несторѣ, о его лѣтописи и о продолжателяхъ оныя». Эта статья уже не похожа на ту, которую мы видѣли въ первомъ томѣ нѣмецкаго «Сборника»: Мюллеръ выучился понимать древнiя сочиненiя, самъ сталъ разбирать рукописи, познакомился съ трудами Татищева и, руководствуемый послѣдними, написалъ свое изслѣдованiе, которымъ въ свою очередь, руководствовались позднѣйшiе изслѣдователи. Мюллеръ спѣшилъ самъ указать на грубыя ошибки, которыя онъ сдѣлалъ въ первой статьѣ о лѣтописи, по собственному незнанiю русскаго языка и по невѣжеству своего переводчика; онъ отрицается отъ лѣтописи игумена Θεодосiя и, вслѣдъ за Татищевымъ, объявляетъ въ самомъ началѣ статьи: «Всѣмъ извѣстно, что начало лѣтописанiй российскихъ приписать должно Киевопечерскаго монастыря монаху, преподобному Нестору». О начальной лѣтописи Мюллеръ дѣлаетъ отзывъ, который перешелъ изъ XVIII и въ XIX вѣкъ: «Не беззнатное обстоятельство, для показанiя важности Несторовой лѣтописи, есть то, что прочiе славянскiе народы подобной ей не имѣютъ, ниже чтобъ которая изъ ихъ лѣтописей либо древностию, либо обстоятельнымъ и внятнымъ объявленiемъ происшедшихъ дѣлъ сей нашей предпочитаема быть могла. Послѣдующiе российскiе писатели повторяли въ продолженiяхъ своихъ описанное Несторомъ время по большей части собственными его словами. По крайней мѣрѣ они въ его описанiи не отважились учинить никакой знатной перемѣны. Такъ сильно удостовѣрены были они о вѣрности объявленныхъ Несторомъ приключенiй; да какъ бы имъ таковымъ и не быть, когда и нынѣ никакихъ знатныхъ недостат-

ковъ въ его лѣтописи не видно, и когда точное согласіе перваго нашего россійскаго лѣтописателя съ греческими тогдашнихъ временъ историками примѣчаемъ. Того ради для россійской исторіи весьма полезное бы дѣло было, и какъ отъ природныхъ россійскихъ, такъ и отъ иностранныхъ, давно желаемое, ежели бы повелѣно было къ побужденію тѣхъ, кои россійскую исторію основательно знать желаютъ, или еще розысканіями своими больше изъяснить намѣрены, Несторову лѣтопись купно съ продолженіями оной напечатавши, въ народъ издать... Но сколь нужна сама по себѣ есть Несторова лѣтопись съ продолженіями ея, чтобъ въ печать издана была, столько же не можно почесть за излишнее, если повелѣно будетъ и труды покойнаго господина тайнаго совѣтника Татищева такимъ же образомъ напечатать». Кромѣ этого важнаго въ исторію нашей исторической литературы изслѣдованія, Мюллеръ помѣстилъ въ томъ же году статью «О торгахъ сибирскихъ»¹⁹³.

Въ тотъ самый годъ, когда петербургская Академія Наукъ, «ничего такъ не желая, какъ чтобъ россійскому государству и народу трудами своими приносить дѣйствительную пользу и, сколько возможно, возбудить во всѣхъ удовольствіе, какое производитъ знаніе наукъ,» начала издавать первый учено-литературный журналъ на русскомъ языкѣ, въ тотъ самый годъ основанъ былъ университетъ—въ Москвѣ. Мы уже замѣчали, какъ естественно и постепенно шло развитіе, раздѣленіе занятій между нашими учено-учебными заведеніями въ XVIII вѣкѣ. Въ проектированной Петромъ Великимъ Академіи Наукъ заключалось три учрежденія—и академія наукъ, и университетъ, и гимназія. При Аниѣ учрежденъ кадетскій корпусъ, но и онъ не можетъ носить спеціально военный характеръ, характеръ его двойственный, военно-гражданскій и въ приготовленіи молодыхъ людей къ гражданской службѣ замѣняетъ собственно университетъ. Университетъ при академіи наукъ не ладился; чувствовалась потребность сдѣлать шагъ впередъ въ развитіи учебныхъ учрежденій, выдѣлить университетъ изъ академіи наукъ, учебное заведеніе изъ ученаго. Но для удовлетворенія потребности извѣстнаго времени нужны люди, которые, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, способны приводить въ исполненіе требуемое дѣло. Конечно Ломоносовъ, да и не одинъ Ломоносовъ, могъ внушать

Ив. Ив. Шувалову, что университетъ при академіи, вслѣдствіе безпорядочности ея управленія, не поидеть, и у Мецената естественно родилась мысль основать самостоятельный университетъ, увѣковѣчить этимъ свое имя и, взявши новое учрежденіе въ свое главное начальство, дать ему надлежащее устройство. Мысль эта могла быть прямо внушена Ломоносовымъ или поддержана имъ: по крайней мѣрѣ Ломоносовъ говоритъ, что онъ «первый причину подалъ къ основанію» университета. Какъ видно во время пребыванія двора въ Москвѣ въ 1734 году было рѣшено дѣло объ основаніи университета въ этой столицѣ; Шуваловъ по возвращеніи въ Петербургъ объявилъ объ этомъ Ломоносову, и въ слѣдъ затѣмъ, прислалъ ему черновое доношеніе въ сенатъ объ основаніи университета. Ломоносовъ послалъ ему свое мнѣніе объ устройствѣ будущаго университета, наскоро набросанное, приписавъ слѣдующее: «Не въ указъ вашему превосходительству совѣтую не торопиться, чтобы послѣ не передѣлывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я цѣлый полный планъ предложить могу непременно»¹⁹⁴.

19-го іюля того же года Петръ Ив. Шуваловъ предложилъ сенату доношеніе дѣйствительнаго камергера и кавалера Ивана Ивановича Шувалова и притомъ учиненные имъ г. камергеромъ проектъ и штатъ о учрежденіи въ Москвѣ университета для дворянъ и разночинцевъ и двухъ гимназій, одной для дворянъ и другой для разночинцевъ, кромѣ крѣпостныхъ людей, по примѣру европейскихъ университетовъ, гдѣ всякаго званія люди свободно наукою пользуются. Приказали: доложить ея императорскому величеству и представить, что оный г. камергера трудъ прав. сенатъ признаваетъ за весьма нужный и полезный государству; что же онъ г. камергеръ представляетъ на содержаніе того университета и гимназій ежегодно употреблять суммы до 10,000 рублей, но какъ оное дѣло весьма важное и потребное для пользы всего государства, того для прав. сенатъ рассуждаетъ ежегодно на содержаніе оного университета и двухъ гимназій отпускать по 13,000 рублей, дабы оный пріумноженіемъ достойныхъ профессоровъ и учителей толь наиболѣе въ лучшее состояніе приходилъ, нынѣ же на первый случай единожды на выписываніе профессоровъ, на покупку книгъ и на другія необходимыя нужды отпустить 3,000 рублей. Присутствовали въ

сенатѣ, кромѣ Шувалова, князь Алексѣй Дмитр. Голицынъ и князь Иванъ Андр. Щербатовъ ¹⁹⁵. 11 августа Петръ Пв. Шуваловъ уже объявилъ сенату именной указъ объ исправленіи для учреждающагося въ Москвѣ университета дома у Куретныхъ воротъ, гдѣ прежде была аптека, и о выводѣ находящихся теперь въ этомъ домѣ ревизіонъ-коллегіи, главнаго комиссаріата и провіантской конторы. Это исправленіе дома подрядчикъ взялъ за 3,300 рублей ¹⁹⁶.

Если императрица приказала исправлять домъ для университета, то ясно, что она была согласна на его учрежденіе еще въ 1754 году; но указъ объ учрежденіи былъ подписанъ только 12 января 1755 года; ¹⁹⁷ въ немъ говорилось: «Когда безсмертная слава въ Бозѣ почивающій, любезнѣйшій нашъ родитель и государь Петръ первый, императоръ великій и обновитель отечества своего, погруженную во глубинѣ невѣжествъ и ослабѣвшую въ силахъ Россію къ познанію истиннаго благополучія роду человѣческому приводилъ, какіе и колікіе во все время дражайшей своей жизни монаршескіе въ томъ труды полагалъ, не токмо Россія чувствуетъ, но и большая часть свѣта тому свидѣтель; и хотя во время жизни столь высокославнаго монарха всеполезнѣйшія его предпріятія къ совершенству и не достигли, но мы, со вступленія нашего на всероссійскій престолъ, всечасное имѣемъ попеченіе и трудъ какъ о исполненіи всѣхъ его славныхъ предпріятій, такъ и о произведеніи всего, что только къ пользѣ и благополучію всего отечества служить можетъ.... Но какъ всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напротивъ того зло искореняется, то слѣдовательно нужда необходимая о томъ стараться, чтобъ способомъ пристойныхъ наукъ возрастало въ пространной нашей имперіи всякое полезное знаніе, чему подражая для общей отечеству славы, и признавая за весьма полезное къ общенародному благополучію, сенатъ всеподданнѣйше намъ доносилъ, что дѣйствительный нашъ камергеръ и кавалеръ Шуваловъ поданнымъ въ сенатъ доношеніемъ, съ приложеніемъ проекта и штата о учрежденіи въ Москвѣ одного университета и двухъ гимназій слѣдующее представлялъ: какъ наука вездѣ нужна и полезна и какъ способомъ той просвѣщенные народы превознесены и прославлены надъ живущими во тьмѣ невѣдѣнія людьми, въ чемъ свидѣтельство видимъ на-

шего вѣка, отъ Бога дарованнаго къ благополучію нашей имперіи родителя нашего императора Петра Великаго доказываетъ, который божественнымъ своимъ предпріятіемъ исполненіе имѣлъ чрезъ науки, безсмертная его слава оставила въ вѣчныя времена разумъ превосходящія дѣла, въ столь короткое время переимѣна нравовъ и обычаевъ и невѣжествъ, долгимъ временемъ утвержденныхъ, строеніе городовъ и крѣпостей, учрежденіе арміи, заведеніе флота, исправленіе необитаемыхъ земель, установленіе водяныхъ путей, все къ пользѣ общаго житія человѣческаго..... Учрежденная родителемъ нашимъ академія хотя и славою иностранною и съ пользою здѣшнюю плоды свои и производитъ, но однимъ онымъ ученымъ корпусомъ довольствоваться не можемъ въ такомъ разсужденіи, что за дальностью дворяне и разночинцы къ пріѣзду въ С.-Петербургъ многія имѣютъ препятствія, и хотя жъ первые къ надлежащему воспитанію и наученію къ службѣ нашей, кромѣ академіи, въ сухопутномъ и морскомъ кадетскихъ корпусахъ, въ инженерство и артиллерію открытый путь имѣютъ, но для ученія вышнимъ наукамъ желающимъ дворянамъ, или тѣмъ, которые въ вышеописанныя мѣста для какихъ-либо причинъ не записаны и для генеральнаго обученія разночинцамъ упомянутый нашъ дѣйствительный камергеръ и кавалеръ Шуваловъ о учрежденіи въ Москвѣ университета изъяснилъ для таковыхъ обстоятельствъ, что установленіе онаго университета въ Москвѣ тѣмъ способнѣе будетъ: 1) великое число въ ней живущихъ дворянъ и разночинцевъ; 2) положеніе оной среди російскаго государства, куда изъ округъ лежащихъ мѣстъ способнѣе пріѣхать можно; 3) содержаніе всякаго не стоитъ многого иждивенія; 4) почти всякій у себя имѣетъ родственниковъ или знакомыхъ, гдѣ себя квартирою и пищею содержать можетъ; 5) великое число въ Москвѣ у помѣщиковъ на дорогомъ содержаніи учителей, изъ которыхъ большая часть не только учить науки не могутъ, но и сами къ тому никакого начала не имѣютъ и только чрезъ то младые лѣта учениковъ и лучшее время къ ученію пропадаетъ, а за ученье онымъ бесполезно великая плата дается; всѣ же почти помѣщики имѣютъ стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ, не щадя иные по бѣдности великой части своего имѣнія и ласкаясь надеждою произвести изъ дѣтей своихъ достойныхъ людей въ службу нашу, а иные, не имѣя

знанія въ наукахъ, или по необходимости, не сыскавъ лучшихъ учителей, принимаютъ такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали.... Такіе въ ученіяхъ недостатки реченнымъ установленіемъ исправлены будутъ и желаемая польза надежно чрезъ скорое время плоды свои произведетъ, паче жь когда довольно будетъ національныхъ достойныхъ людей въ наукахъ, которыхъ требуетъ пространная наша имперія къ разнымъ изобрѣтеніямъ сокровенныхъ въ ней вещей и ко исполненію начатыхъ предпріятіевъ и ко учрежденію впредь по знатымъ російскимъ городамъ російскими профессорами училищъ, отъ которыхъ и въ отдаленномъ простомъ народѣ сусвѣрія, расколы и тому подобныя отъ невѣжества ереси истребятся.»

Проектъ и штатъ состояли въ слѣдующихъ статьяхъ: 1) на содержаніе университета и гимназій довольно 10.000 рублей. 2) Нужно къ ободренію наукъ, чтобъ сама императрица взяла университетъ подъ свою протекцію, и поставила одну или двухъ знатнѣйшихъ особъ кураторами. 3) Чтобъ университетъ кромѣ сената не былъ подчиненъ никакому присутственному мѣсту. 4) Чтобъ всѣ служащіе безъ вѣдома и позволенія кураторовъ и директора не становились ни передъ какимъ другимъ судомъ, кромѣ университетскаго. 5) Чтобъ всѣ принадлежащіе къ университету чины въ собственныхъ ихъ домахъ свободны были отъ постоевъ и всякихъ полицейскихъ тягостей, также и отъ вычетовъ изъ жалованья и всякихъ другихъ сборовъ. 6) Надлежитъ быть особому директору, который бы по предписуемой ему инструкціи о благосостояніи университета старался и его доходами править, съ профессорами науки въ университетѣ и ученіе въ гимназій учреждалъ, со всѣми присутственными мѣстами по дѣламъ касающимся до университета переписку имѣлъ и о всемъ вышешисанномъ кураторамъ представлялъ и ихъ аппробаціи требовалъ. 7) Хотя во всякомъ университетѣ, кромѣ философскихъ наукъ и юриспруденціи, должны также предлагемы быть богословскія знанія, однако попеченіе о богословіи справедливо оставляется св. синоду. 8) Профессоровъ въ университетѣ будетъ въ трехъ факультетахъ 10: въ юридическомъ 1) профессоръ всей юриспруденціи, который учить долженъ натуральныя и народныя права и узаконенія римской древней и

новой имперіи; 2) профессоръ юриспруденціи російской сверхъ вышеписанныхъ долженъ знать и обучать внутреннія государственныя права. 3) Профессоръ логики, который долженъ показывать взаимное поведеніе, поступки государствъ и государей между собою, какъ было въ прошедшія вѣка и какъ состоятъ въ нынѣшнія времена. — Въ медицинскомъ 1) докторъ и профессоръ химіи долженъ обучать химіи физической особливо и аптекарской. 2) Докторъ и профессоръ натуральной исторіи долженъ на лекціяхъ показывать разные роды минераловъ, травъ и животныхъ. 3) Докторъ и профессоръ анатоміи обучать долженъ и показывать практикою строеніе тѣла человѣческаго на анатомическомъ театрѣ и приучать студентовъ къ медицинской практикѣ. Въ философскомъ 1) Профессоръ философіи обучать долженъ логику, метафизику и нравоученію. 2) Профессоръ физики обучать долженъ физикѣ экспериментальной и теоретической. 3) Профессоръ краснорѣчія для обученія ораторіи и стихотворства. 4) Профессоръ исторіи для показанія исторіи универсальной и російской, также древности и геральдики. — Каждый профессоръ долженъ учить, по крайней мѣрѣ, два часа въ день, исключая воскресныхъ, табельныхъ дней и субботы; по субботамъ собраніе для разсужденія о дѣлахъ университетскихъ. Никто изъ профессоровъ не долженъ по своей волѣ выбрать себѣ систему или автора, но каждый повиненъ послѣдовать тому порядку и тѣмъ авторамъ, которые ему профессорскимъ собраніемъ и отъ кураторовъ предписаны будутъ. Лекціи должны быть на латинскомъ или на русскомъ языкѣ, смотря какъ по приличеству матерій, такъ и потому, иностранный ли будетъ профессоръ или природный русскій. Вакацій двѣ: зимою отъ 18 декабря по 6 января; лѣтомъ отъ 10 іюня по 1-е іюля.

Въ обѣихъ гимназіяхъ учредить по 4 школы, въ каждой по 3 класса. Первая школа російская: въ ней обучать въ нижнемъ классѣ грамматикѣ и чистотѣ стила, въ среднемъ стихотворство, въ вышнемъ ораторіи. Вторая школа латинская: въ ней обучать въ нижнемъ классѣ первыя основанія латинскаго языка, вокабулы и разговоры, въ среднемъ толковать нетрудныхъ латинскихъ авторовъ и обучать переводамъ съ латинскаго на російскій и съ російскаго на латинскій языкъ, въ верхнемъ тол-

ковать высокихъ авторовъ и обучать сочиненіямъ въ прозѣ и въ стихахъ. Третья школа первыхъ основаній наукъ: въ нижнемъ классѣ обучать ариметикѣ, въ среднемъ геометріи и географіи, въ вышнемъ сокращенную философію. Четвертая школа знаменитѣйшихъ европейскихъ языковъ: въ двухъ нижнихъ классахъ обучать первыя основанія и разговоры съ вокабулами нѣмецкаго и французскаго языковъ, въ двухъ верхнихъ классахъ обучать чистотѣ стили помянутыхъ языковъ.

Кураторами университета были назначены Ив. Ив. Шуваловъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Лаврентій Блюментростъ, извѣстный лейбъ-медикъ Петра Великаго, первый президент Академіи Наукъ, подвергшійся опадѣ въ царствованіе Анны и жившій въ Москвѣ въ должности начальника гошпиталя. Блюментростъ впрочемъ не долго пользовался своимъ новымъ званіемъ куратора, потому что умеръ въ мартѣ того же 1755 года. Директоромъ университета былъ назначенъ коллежскій совѣтникъ Алексѣй Аргамаковъ. Мы видѣли, что Аргамаковъ былъ назначенъ также членомъ въ комиссію объ уложеніи и ему поручено составить проектъ устройства оружейной палаты. Онъ послѣдовалъ въ началѣ же 1755 года представить этотъ проектъ, который дѣлаетъ ему честь и можетъ объяснить, почему его назначили директоромъ университета. По мнѣнію Аргамакова освященные вещи, хранившіяся въ палатѣ, короны, скипетры, державы должны быть положены въ лучшемъ порядкѣ, также курьозныя вещи древнихъ работъ и многимъ числомъ посуды серебряной и пребогатымъ конскимъ и оружейнымъ приборомъ могутъ составить славную галерею. Для этого надобно выстроить особое зданіе и разложить вещи съ украшеніемъ въ надлежащемъ порядкѣ; сдѣлать новую опись по расположенію вещей въ этой новой галереѣ, съ выставленіемъ цѣны и съ объясненіемъ значенія каждой вещи; съ лучшихъ вещей снять рисунки и каталогъ этотъ напечатать на русскомъ и на другихъ иностранныхъ языкахъ «дабы столь богатая и курьозная вещь, которая приносятъ славу имперіи, не преданы были забвенію.» Одинъ день въ недѣлю назначить для публики, которая обозрѣваетъ палату въ присутствіи члена. Сенатъ приказалъ архитектору составить планъ и смѣту новаго зданія палаты ¹⁹⁸. Но планъ Аргамакова очень не скоро осуществился во всѣхъ частяхъ.

Важно было учрежденіе медицинскаго факультета, при всей его неполнотѣ. Госпитальные школы не могли доставлять достаточнаго количества лѣкарей, и прибѣгали къ средствамъ частнаго домашняго наученія; такъ сенатскій лѣкарь Вейраухъ долженъ былъ обучать лѣкарскому искусству учениковъ: ихъ было у него двое, они получали отъ казны денежное жалованье и провіантъ. Но если, съ одной стороны, чувствовался сильный недостатокъ въ лѣкаряхъ, то былъ любопытный случай, когда лѣкарей отвергли какъ ненужныхъ. Въ казанской губерніи были учреждены четыре школы для новокрещенскихъ дѣтей и къ этимъ школамъ опредѣлены два лѣкаря. Вдругъ получается приказаніе отъ казанскаго епископа Луки запечатать въ этихъ школахъ всѣ медикаменты; лѣкаря отправляются къ преосвященному удосто- вѣриться, по его ли приказанію запечатаны медикаменты; епископъ отвѣчаетъ имъ: «Я самъ приказалъ запечатать, да и впредь вамъ лѣчить школьниковъ запрещаю, потому что эти школьники къ лѣченію несродны.» Сенатъ, узнавши объ этомъ изъ донесенія медицинской канцеляріи, приказалъ дать знать въ синодъ, чтобъ послалъ епископу указъ о допущеніи лѣкарей, ибо они опредѣлены по указу, и если не станутъ лѣчить, то жалованье будутъ получать понапрасну. Если же имъ тамъ почему-нибудь быть нельзя, то надлежало бы его преосвященству объ этомъ представить, отстранить же собственною властію и препятствовать имъ въ исполненіи ихъ должности не слѣдовало ¹⁹⁹.

Относительно средствъ спеціальнаго образованія нашли нужнымъ сдѣлать преобразование въ морскихъ школахъ. Со времени Петра Великаго въ адмиралтейскомъ вѣдомствѣ находились двѣ морскихъ академіи, петербургская и московская (на Сухаревой башнѣ). Въ 1750 году адмиралтейская collegія донесла сенату, что въ 1731 году, по доношеніи адмирала Сиверса, сенатъ приказалъ въ навигацкой школѣ содержать учениковъ—въ Москвѣ 100, въ Петербургѣ 150, итого 250 человекъ; но по какимъ побужденіямъ адмиралъ Сиверсъ безъ согласія съ collegіею подалъ доношеніе, этого collegія показать не можетъ. Хотя комплектъ былъ положенъ съ большимъ сокращеніемъ числа учениковъ, однако и положеннаго числа никогда на лицо не имѣлось за неприсылкою учениковъ изъ недорослей и дворянскихъ дѣтей, тогда какъ содержаніе флота въ должномъ состояніи, съ хоро-

шими офицерами зависеть единственно отъ хорошаго состоянія академіи, ибо ученики берутся въ гардемарины, изъ гардемаринъ возводятся въ мичманы и, по порядку, въ другіе чины, а изъ того малаго числа учениковъ флотовъ и артиллерійскаго корпуса комплектовать нектѣмъ. При жизни Петра Великаго опредѣлялись для обученія навигацкимъ наукамъ въ академіи изъ знатнаго дворянства, и была большая часть такихъ, которые имѣли за собою значительныя деревни; а теперь присылаются изъ шляхетства малопомѣстные и безпомѣстные, жалованья въ академіи получаютъ малое: которые въ ариѳметикѣ, тѣ по рублю въ мѣсяць, и изъ такого малаго оклада должны имѣть пропитаніе, одежду, квартиру, тогда какъ и солдату жалованья больше, считая съ хлѣбомъ, мундиромъ и квартирою; случается, что нѣкоторые за босотою и въ академію иногда не ходятъ; и по такой бѣдности приходится не о наукѣ промышлять, но о пропитаніи; нѣкоторые по бѣдности впадаютъ въ продерзости и исправляться имъ въ совершенныхъ лѣтахъ трудно. Для отстраненія всѣхъ этихъ неудобствъ коллегія представила штатъ морского академическаго шляхетскаго корпуса: на содержаніе 500 учениковъ 56,674 рубля; кромѣ того представила необходимость имѣть для корпуса особый домъ, потому что теперь ученики живутъ по отдаленнымъ квартирамъ, гдѣ подешевле, и въ академію къ урокамъ поспѣвать не могутъ. Сенатъ рѣшилъ доложить это представленіе императрицѣ, и слѣдствіемъ было устройство морского кадетскаго корпуса въ нынѣшнемъ его помѣщеніи на Васильевскомъ острову. Большой глобусъ, находившійся на Сухаревой башнѣ въ Москвѣ и хранившійся прежде подъ Ивановскою колокольнею, переданъ Академіи Наукъ ²⁰⁰.

Кромѣ государственныхъ учреждений для образованія были еще частныя. Вотъ, напримѣръ, какое объявленіе читалось въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1753 года: «Нѣкая иностранная фамилія шляхетнаго роду намѣрена принимать къ себѣ дѣтей учить основательно по-французски и по-нѣмецки, и по понятію и по лѣтамъ каждаго за все ученіе о платѣ вдругъ договориться; а дѣвицъ, кромѣ французскаго языка, обучать еще шитью, ариѳметикѣ, экономіи, танцованію, исторіи и географіи, а притомъ и чтанію вѣдомостей.»

Богатые купцы посылали сыновей своихъ учиться за-границу,

что видно изъ просьбы архангельскаго купца Никиты Крылова: построилъ онъ при архангельскомъ портѣ на Быковской верфи собственнымъ коштомъ корабельный заводъ, а сына своего Петра послалъ за море для обученія иностраннымъ языкамъ и лучшему въ Европѣ обхожденію и знанію, гдѣ нѣсколько лѣтъ будучи, голландскому языку совершенно обучился и въ строеніи кораблей частію весьма присмотрѣлся и нынѣ обрѣтается при немъ въ произведеніи купечества и надзираніи надъ строеніемъ купеческихъ кораблей. За все это Крыловъ просилъ его и сына его освободить отъ всякихъ службъ. Сенатъ исполнилъ просьбу ²⁰¹.

Но школьнаго образованія было мало, являлась потребность продолжать учиться изъ книгъ, потребность развлекаться легкимъ чтеніемъ. Люди со средствами для удовлетворенія этихъ потребностей собирали библіотеки французскихъ авторовъ, которые умѣли тогда захватить монополію популяризованія серьезныхъ вопросовъ науки и общества и тѣмъ сдѣлать языкъ свой необходимымъ для образованныхъ людей, языкомъ общеевропейскимъ. Но другіе охотники почитать, не имѣвшіе матеріальныхъ средствъ для составленія библіотекъ, не имѣвшіе знанія французскаго языка, гдѣ могли добывать книги, и какъ пріобрѣтать знаніе иностранныхъ языковъ?

До насъ дошли записки одного изъ тогдашнихъ русскихъ людей, страстнаго къ чтенію книгъ, Болотова. Для пріобрѣтенія необходимыхъ для дворянина познаній его привезли изъ деревни въ Петербургъ, гдѣ онъ помѣстился у дяди своего, ротмистра конной гвардіи, жившаго въ казенныхъ полковыхъ свѣтлицахъ. Квартира ротмистра состояла изъ четырехъ просторныхъ комнатъ: «первая составляла переднюю или залу, отправляющую также должность столовой, вторая спальню, и оба сіи покоя были обиты обоями и порядочно убраны, а изъ другихъ двухъ заднихъ одна была дѣтскою, а другая и лакейскою и дѣвичьею. Жена дяди съ пріятельницею своею препровождали время свое наиболѣе въ играніи въ карты, ибо тогда зло сіе начало входить уже въ обыкновеніе, равно какъ и вся свѣтская нынѣшняя жизнь уже получила свое основаніе, и начало. Все что хорошею жизнію нынѣ называется, тогда только что заводилось, равно какъ входилъ въ народъ и тонкій вкусъ во всемъ. Самая нѣжная

любовь, толико подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получала первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, и онѣ были въ великую еще диковинку, и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была не спускаема.»

Болотовъ такъ описываетъ своего французскаго учителя и свое ученье: «Г. Лаписъ былъ хотя и ученый человѣкъ, что можно было заключить по безпрестанному его читанію французскихъ книгъ, но и тотъ не зналъ, что ему съ нами дѣлать и какъ учить. Онъ мучилъ насъ только списываніемъ статей изъ большаго французскаго словаря, изданнаго французскою академіею, и въ которомъ находилось только о каждомъ французскомъ словѣ изъясненіе и тълкованіе на французскомъ же языкѣ, слѣдовательно были на большую часть намъ не вразумительны. Сіи статьи, и по большей части такія, до которыхъ намъ ни малѣйшей не было нужды, должны мы были списывать, а потомъ вытверживать наизусть безъ малѣйшей для насъ пользы.»

Эти полезныя занятія были прерваны отъѣздомъ молодого Болотова въ деревню по случаю смерти матери. Сначала онъ захалъ въ псковскую провинцію, въ деревню къ сестрѣ своей, которая была за мужемъ за недостаточнымъ помѣщикомъ. У зятя своего мальчикъ нашель книгу: Квинта Курція жизнь Александра Македонскаго: «Я не могъ устать ее читаячи, говоритъ онъ, и прочель ее раза три на досугѣ.» Потомъ мальчикъ поселился въ своей собственной деревнѣ: «Здѣсь, говоритъ онъ, я со скуки бы пропалъ, еслибъ не помогла мнѣ склонность моя къ наукамъ и охота къ читанію книгъ. Несчастіе мое только было, что книгъ для сего чтенія взять было негдѣ. Однако противъ всякаго чаянія узналъ я, что у дяди моего есть одна большая духовная книга, «Камень Вѣры.» Я прочиталъ ее въ короткое время съ начала до конца, и получилъ чрезъ нее столь многія понятія о догматахъ нашей вѣры, что я сдѣлался почти полубогословомъ и могъ удивлять нашихъ деревенскихъ поповъ своими рассказами и рассужденіями, почерпнутыми изъ сей книги.» Одинъ изъ этихъ поповъ, пограмотнѣе, досталъ молодому барченку Четин-Минен: «Боже мой! Какая была для меня радость, когда получилъ я первую часть сей огромной книги. Какъ она была наи-

болѣе историческая, слѣд. для чтенія веселѣе и пріятнѣе, то я изъ рукъ ея почти не выпускалъ. Чтеніе сіе было мнѣ сколько увеселительно, столько же и полезно. Оно посѣяло въ сердцѣ моемъ первыя сѣмена любви и почтенія къ Богу и уваженіе къ христіанскому закону, и я, прочитавъ книгу сію, сдѣлался гораздо набожнѣе противъ прежняго. А знанія мои столько распространялись, что вскорѣ начали обо мнѣ вездѣ говорить съ великою похвалою, деревенскіе же попы почитали меня уже нанученѣйшимъ человѣкомъ; но что и неудивительно, потому что они сами ничего не знали. У дяди моего нашелъ я также и нѣсколько математическихъ книгъ печатныхъ и скорописныхъ, и тотчасъ началъ списывать и всѣ фигуры, разбирая, счерчивать и чрезъ самое то учиться симъ наукамъ. Третье упражненіе мое состояло въ писаніи. Не имѣя ничего лучшаго, списалъ я цѣлаго Телемака съ печатнаго, которую книгу удалось мнѣ тогда достать.»

Съ такимъ приготовленіемъ Болотовъ поступилъ въ военную службу. По особеннымъ обстоятельствамъ онъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ хлопотать о производствѣ въ первый офицерскій чинъ. «Бдучи еще въ Петербургъ, за непремѣнное дѣло положилъ я, чтобъ побывать въ академіи и купить себѣ какихъ-нибудь книжекъ, которыя въ одной ней тогда и продавались. Въ особливости же хотѣлось мнѣ достать «Аргениду» о которой дѣлаемая мнѣ еще въ деревнѣ старичкомъ моимъ учителемъ превеликая похвала не выходила у меня изъ памяти. Я тотчасъ ее первую и купилъ; но какъ въ самое то время увидѣлъ я впервые и «Жилблаза», которая книга тогда только что вышла и мнѣ ее расхвалили, то не разстался я и съ нею. Обѣимъ симъ книгамъ былъ я такъ радъ, какъ нашелъ превеликую находку.»

Въ полку книги, привезенныя Болотовымъ изъ Петербурга, переходили изъ рукъ въ руки и доставили владѣльцу расположеніе товарищей. Одинъ сержантъ познакомилъ его съ новаго рода литературнымъ произведеніемъ. «Имѣлъ онъ у себя списокъ съ трагедіи «Хорева.» Сію трагедію зналъ онъ всю наизусть и умѣлъ такъ хорошо ее декламировать, какъ лучший актеръ. Трагедія сія навела на меня множество хлопотъ, ибо какъ она мнѣ полюбилась до безконечности, то захотѣлось мнѣ ее такимъ же образомъ выучить наизусть для декламрованія ²⁰²»

Кто же были эти люди, которые доставляли Болотову и ему подобнымъ такое наслажденіе?

Въ 1749 году вышелъ первый томъ книги, которая встарину составляла у насъ необходимую принадлежность всякой, сколько нибудь значительной библіотеки: «Древняя Исторія, сочиненная чрезъ г. Роллена, бывшаго ректора парижскаго университета, а нынѣ съ французскаго переведенная чрезъ Василья Тредіаковскаго, профессора элоквенціи». Книга печаталась въ количествѣ 2400 экземпляровъ, потому что «оная книга надлежитъ до историческихъ книгъ, котораго роду книги здѣсь при академіи весьма скоро продаются»²⁰³. Въ томъ же году трудолюбивый профессоръ элоквенціи представилъ въ академическую канцелярію переводъ «Аргениды». Подъ этимъ именемъ извѣстный сатирикъ, Шотландецъ Джонъ Барклай издалъ на латинскомъ языкѣ въ 1621 году романъ, въ которомъ аллегорически изображенъ французскій дворъ того времени; книга не утратила своей привлекательности спустя слишкомъ сто лѣтъ послѣ своего изданія, и переводъ Тредіаковскаго не былъ запоздавшимъ: нѣмецкій переводъ Гакена явился въ 1764 году. Трагедія «Хоревъ» была первымъ драматическимъ произведеніемъ «установителя русскаго театра» Сумарокова. Мы привели извѣстіе Болотова, что «нѣжная любовь, подкрѣпляемая въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получила первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ привеликую еще диковинку, и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была не спускаема». Такими-то пѣснями приобрѣлъ себѣ первую извѣстность воспитанникъ кадетскаго корпуса, Александръ Петровичъ Сумароковъ. Пѣсни эти съ восторгомъ были приняты при дворѣ и пѣлись самыми знатными дамами. Пѣсни эти не дошли до насъ, но дошли оды, которыя обѣщали въ кадетѣ усерднаго подражателя Тредіаковскому; вотъ для примѣра четыре стиха изъ кадетской оды Сумарокова:

Какъ теперь начать Анну поздравляти?
Не могу когда словъ такихъ сыскати,
Изъ которыхъ ей похвалу сплетати,
Иль неволей мнѣ будетъ промолчати.

Въ 1740 году Сумароковъ вышелъ изъ корпуса въ военную службу, а въ 1747 году явилось въ печати первое его драматическое произведеніе «Хоревъ», производившее на русскихъ людей впечатлѣніе, описанное Болотовымъ. Между дѣйствующими лицами трагедіи находимъ имена, взятые изъ преданій, занесенныхъ въ древнѣйшую нашу лѣтопись, имена кіевскаго князя Кія и брата его Хорева, но этими именами все и ограничивается, возсозданія русской старины мы здѣсь не найдемъ; это была трагедія скроенная по французскимъ образцамъ; но Хорева заучивали наизусть и декламировали точно также, какъ выучивали и не спускали съ языка пѣсни Сумарокова, потому что въ монологахъ и діалогахъ Хорева и его возлюбленной Оснельды находили выраженіе того же нѣжнаго чувства, какъ и въ пѣсняхъ; но въ трагедіи впечатлѣніе было сильнѣе, потому что здѣсь изображалась борьба нѣжнаго чувства съ честью, долгомъ, Оснельда влюбилась въ Хорева, врага своего дома; она погибла отъ гнуснаго кова, и Хоревъ закалывается, не будучи въ состояніи перенести ея потери. Подражатель Вольтера, Сумароковъ заставлялъ дѣйствующихъ лицъ своихъ шіесь высказывать мнѣнія, которыя начинали тогда распространяться въ обществѣ и этому распространенію театръ особенно содѣйствовалъ. Князь Кій, въ которомъ бояринъ Сталверхъ возбуждаетъ подозрѣніе противъ Хорева, разсуждаетъ такъ:

Хочу равно и ложь и истину внимать,
И слыно никого не буду осуждать.
Мягусь и лютаго злодѣя видя въ горѣ,
Князь кормщикъ корабля, власть княжеская море,
Гдѣ вѣтры, камни, мѣль препятствуютъ судамъ,
Желающимъ пристать къ покойнымъ берегамъ.
Но часто кажутся и облаки горами,
Летая вдалькѣ по небу надъ водами,
Которыхъ кормщику не должно обѣгать,
Но горы ль то иль нѣтъ искусствомъ разбирать.
Хоть всѣ бѣ вѣщали мнѣ: тамъ горы, мѣли тамо,
Когда не вижу самъ, плавь безъ страха прямо.

Хоревъ такъ вооружается противъ наступательной войны:

Колико въ снѣдъ звѣрѣямъ отцовъ, супруговъ, чадъ
Повержено мечемъ? колико душъ взялъ адъ?
Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приносить,
Помремъ; но жертвы сей теперъ она не просить.

Когда народъ спасти не можно безъ нея,
Мы въ пропасть снидемъ всѣ, и первый снизу я.
По нынѣ страха нѣтъ народу и коронѣ,
А мечъ дается намъ лишь только къ оборонѣ.

Щедрота похвалы въ побѣдахъ умножаетъ,
И человечество въ душахъ изображаетъ.
Или подобиться во бранныхъ дѣйствахъ намъ
Въ пустыняхъ ужасно воюющимъ звѣрямъ,
Которы никакой пощады не имѣютъ?
Не ихъ примѣры намъ во браняхъ быть довлѣютъ,
Довольно въ варварствѣ мы кровь свою пиемъ,
Когда по должности другъ друга мы биемъ.
И защищеніе съ отмщеніемъ мѣшаемъ.
Подъ видомъ мужества мы звѣрство возвышаемъ.
Какое имя ты лести груба злу дала?
Убийство и грабежъ геройствомъ назвала!

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Хоревъ говоритъ:

Тѣ люди, конми законы сотворенны,
Закону своему и сами покоренны ²⁰⁴.

Хоревъ былъ напечатанъ, его учили наизусть и декламировали, но на сценѣ его не видали, въ Россіи еще не было русскаго театра. При дворѣ была опера, гдѣ «пѣли дѣвки итальянки и кастратъ;» былъ нѣмецкій театръ. Въ 1749 году нѣмецкой комедіантской банды содержатель Пантолонъ Петръ Гильфердингъ просилъ, что бывший той банды директоръ Сигмундъ умеръ и банда осталась безъ директора, а содержать ее онъ Пантолонъ Гильфердингъ, выплачивая вдовѣ умершаго Сигмунда нѣкоторую часть собираемыхъ доходовъ, а она уже вышла теперь замужъ за офицера: и потому ему Гильфердингу дать привилегію, а жену Сигмундову отъ того отрѣшить и платы ей болѣе не производить». Сенатъ приказалъ: Гильфердингу въ представленіи комедій и оперъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Нарвѣ, Ревелѣ, Ригѣ и Выборгѣ дать привилегію на такомъ же основаніи, какъ дана была Сигмунду ²⁰⁵.

Но нѣмецкій театръ съ его комедіями и операми не могъ удовлетворять. Нравились трагедіи и комедіи французскія, или по образцу ихъ написанныя русскія, нравился Хоревъ. 29 января 1750 года канцеляристъ графа Алексѣя Григор. Разумовскаго

въ канцеляріи кадетскаго корпуса объявилъ, что ея императ. величество указала приготовить кадетамъ, о которыхъ генераль-адъютантъ (т.-е. главный адъютантъ Разумовскаго) Сумароковъ реестръ сообщилъ, представить на театрѣ двѣ русскія трагедіи, и чтобъ они для затверженія рѣчей были отъ классовъ и отъ всякихъ въ корпусѣ должностей до Великаго поста уволены ²⁰⁶.

Но кадетскія представленія были рѣдки и не всѣмъ доступны; большинство петербургской публики должно было усаждаваться курьозными вещами Франца Сарге, который, по высочайшему повелѣнію, съ своею компанією и ученою лошадью прѣхалъ изъ Риги и давалъ представленія подъ дирекцією того же Пантолона Гильфердинга ²⁰⁷.

Ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ русскаго театра не было; но былъ онъ въ Ярославлѣ, гдѣ въ зданіи, вмѣщавшемъ до 1000 человѣкъ зрителей, играли разныхъ чиновъ люди подъ дирекцією купческаго сына Ѳедора Григорьевича Волкова, человѣка, выдававшагося изъ ряда людей обыкновенныхъ, по отзывамъ современниковъ, которымъ можно вѣрить ²⁰⁸. Въ Петербургѣ узнали объ ярославскомъ театрѣ, и 12 января 1752 года провинціальная ярославская канцелярія получила указъ сената: во исполненіе высочайшаго именного указа велѣно ярославскихъ купцовъ Ѳедора Григорьева Волкова (онъ же и Полушкинъ) съ братьями Гаврилою и Григорьемъ, которые въ Ярославлѣ содержатъ театръ и играютъ комедіи, и кто имъ еще для того какъ изъ купчества, такъ изъ приказныхъ и изъ прочихъ чиновъ потребны будутъ и принадлежащее къ игранію комедій ихъ платьѣ отправить въ С.-Петербургъ съ присланнымъ съ тѣмъ указомъ сенатской роты подпоручикомъ Дашковымъ и для скорѣйшаго всего того привозу какъ подъ нихъ такъ и подъ платьѣ ямскія подводы и на нихъ прогонныя деньги, сколько надлежитъ, дать.—Волковъ (Полушкинъ) былъ призванъ въ канцелярію и показалъ, что сверхъ братьевъ его Гаврилы и Григорья потребны къ комедіи ярославской провинціальной канцеляріи канцеляристы Иванъ Иконниковъ, Яковъ Поповъ, пищикъ Семень Куклинъ, присланные изъ консисторіи для опредѣленія въ канцеляріи изъ церковниковъ Иванъ Дмитревскій, Алексѣй Поповъ, ярославецъ посадскій человѣкъ Семень Скачковъ, да жи-

вущіе въ Ярославлѣ изъ Малороссіянъ Демьянъ Галикъ, Яковъ Шумскій, а подъ свозъ ихъ и платья надлежитъ ямскихъ 19 подводъ, шестеры сани болковни, 6 рогожь, веревокъ 50 сажень.

Нѣкоторые изъ ярославскихъ актеровъ найдены годными и для столичнаго театра: въ іюлѣ того же года генералъ-прокуроръ получилъ отъ оберъ-шталмейстера Петра Сумарокова письмо такого содержанія: «Ея императорское величество соизволила указать взятыхъ изъ Ярославля актеровъ—заводчика Федора Волкова, пищиковъ Ивана Дмитревскаго, Алексѣя Попова оставить здѣсь, а канцеляристовъ Ивана Иконникова, Якова Попова, заводчиковъ Гаврилу да Григорья Волковыхъ, пищика Семена Куклина, Малороссійцевъ Демьяна Галика, Якова Шумскаго, ежели похотятъ, отправить обратно въ Ярославль». При этомъ Иконниковъ и Поповъ пожалованы въ коллежскіе регистраторы ²⁰⁹. Есть извѣстія, что оставленныхъ въ Петербургѣ актеровъ приготавливали, давали имъ дополнительное образованіе, и дѣйствительно Россійскій театръ въ Петербургѣ былъ учрежденъ, какъ увидимъ, только въ 1756 году.

А между тѣмъ число драматическихъ произведеній увеличилось; Сумароковъ былъ неутомимъ: послѣ Хорева онъ написалъ еще въ продолженіе немногихъ лѣтъ пять трагедій и двѣ комедіи. Трагедіи всѣ написаны по одному образцу, во всѣхъ нихъ дѣйствующія лица, добродѣтельныя и порочныя похожи другъ на друга, откуда бы ни были взяты ихъ имена, изъ древне-русской или персидской исторіи, и такъ какъ Сумароковъ не обладалъ сильнымъ талантомъ въ изображеніи природы человеческой и не могъ успѣшно бороться съ языкомъ, невышедшимъ еще изъ хаотическаго состоянія, то и не предохранилъ своихъ произведеній отъ забвенія. Но мы не можемъ не привести нѣкоторыхъ мѣстъ изъ первыхъ трагедій Сумарокова, ибо слова, произносимыя со сцены въ юномъ обществѣ, слова, которыя жадно хватались и заучивались, не могли не производить особаго впечатлѣнія, болѣе сильнаго, чѣмъ то, которое производятъ сухія нравоученія, на примѣръ слова Гамлета:

Я бѣдствіемъ своимъ хочу себя явить,
Что надъ любовію могу я властенъ быть.

Люблю Офелію; но сердце благородно

Быть должно праведно, хотъ плѣнно, хотъ свободно.

Или слова Гостомысла въ трагедіи «Синавъ и Труворъ»:

Гдѣ должность говорить, или любовь къ народу:
Тамъ нѣтъ любовника, тамъ нѣтъ отца, ни роду.

Или слова Семиры:

Отъ знатной крови я на свѣтъ изведена:
Должна ль я тако быть страстями побѣждена,
Чтобъ дѣлали они премѣны тѣ въ Семирѣ,
Какія свойственны другимъ дѣвицамъ въ мірѣ?
Гдѣ жизни хвалыне примѣры находить,
Коль въ княжескихъ сердцахъ пороки будутъ жить?
Иль преимущество имѣемъ предъ другими
Одними титлами лишь только мы своими?

Мы должны остановиться на комедіяхъ Сумарокова, потому что какой бы чуждый образецъ не имѣлъ передъ глазами авторъ, все же онъ, представляя будничную жизнь, не можетъ отрѣшиться отъ явленій окружающаго общества, тѣмъ болѣе, что въ комедіи указанія на ближайшія неправильныя явленія, отъ которыхъ терпитъ общество, даютъ особенную силу, значеніе сочиненію, чѣмъ авторъ пренебречь не можетъ. Разумѣется въ литературныхъ произведеніяхъ сатирическаго свойства, комедіяхъ и собственно сатирахъ, всего рѣзче выставляются тѣ явленія, которыя лично затронули самого автора, и въ первыхъ комедіяхъ Сумарокова мы видимъ педанта, каррикатуру ученаго, подъ которою современники легко могли узнать извѣстнаго профессора элоквенціи Василія Кирилловича Тредіаковскаго. Можно наполнить томы описаніемъ ссоръ и перебранокъ между русскими учеными и литераторами, начиная съ Ломоносова, Тредіаковскаго и Сумарокова. Явленіе это всегда способно было возбуждать глумленіе толпы надъ людьми, которые считали себя наставниками народа, а между тѣмъ подавали очень дурной примѣръ наставляемымъ. Но надобно было войти въ ихъ положеніе. Обыкновенный человѣкъ въ продолженіе всего своего общественнаго поприща, могъ получать замѣчанія отъ начальствующихъ лицъ и то рѣдко публично; пересудовъ же и насмѣшекъ отъ равныхъ себѣ онъ вблизи не слыхалъ, когда же приходилось слышать, то онъ равнодушнымъ не оставался; но эти перебранки обыкновенно не имѣютъ большой гласности. Но вотъ ученый или

литераторъ передаетъ свое произведеніе публикѣ, которая начинаетъ поучаться изъ книги, наслаждаться поэтическимъ произведеніемъ, а тутъ раздается голосъ публично, во всеуслышаніе, что книга ученаго наполнена ошибками, что трагедія или ода наполнена неправильностями относительно языка, здраваго смысла, господствующей теоріи. Публика смущена, ждетъ отвѣта отъ автора, хочетъ присутствовать и судить въ спорѣ; раздраженіе человѣка, котораго изъ ученаго низводятъ въ невѣжды, изъ художника въ человѣка бездарнаго, — раздраженіе автора доходитъ до высшей степени, которую рѣдко кто испытываетъ хотя разъ въ жизни, а несчастный авторъ долженъ испытывать каждый разъ при изданіи въ свѣтъ своего произведенія. Понятно, что при защитѣ, когда надобно поддержать свой авторитетъ противъ подкапывающихся подъ него соперниковъ, первое средство, за которое хватается въ раздраженіи защищающійся—это подкапываніе подъ авторитетъ нападающаго: «Ты обличаешь меня, а самъ-то ты каковъ? и будучи исполненъ такихъ недостатковъ, какое право имѣешь обличать другихъ?» Тутъ насмѣшка, болѣе всего доступная и пріятная толпѣ, играетъ главную роль, но поэтому-то самому насмѣшка и болѣе всего раздражаетъ; несчастному автору кажется, что всякій встрѣчный улыбается при видѣ его.

Понятно, что такого раздраженія между авторами не можетъ быть въ странахъ, обладающихъ крѣпкимъ и широко распространеннымъ образованіемъ: здѣсь авторъ, сознающій несправедливость возраженій, спокоенъ, зная, что въ обществѣ много людей, которые не станутъ на сторону эго противника потому только, что тотъ написалъ нѣсколько рѣзкихъ и насмѣшливыхъ замѣтокъ, зная, что въ обществѣ образованномъ нельзя поколебать авторитета одними криками, насмѣшками. Самая рѣзкость нападокъ изъ противнаго лагеря служитъ доказательствомъ важнаго значенія ученаго или литературнаго произведенія, потому успокаиваетъ автора вмѣсто раздраженія, и если авторъ чувствуетъ необходимость полемики для уясненія вопроса, то ему не нужно спѣшить, онъ сдѣлаетъ это при полномъ спокойствіи и потому съ полнымъ достоинствомъ, безъ личностей и брани.

Но не такъ бываетъ въ обществахъ юныхъ, гдѣ образованіе,

недавно начавшееся, не пустило еще корней, а такимъ обществомъ именно было русское въ описываемое время. Здѣсь автору не было никакого ручательства, что публика и безъ него справедливо разсудитъ его дѣло, общество было въ такомъ состояніи, что для рѣшенія дѣла требовало средневѣковаго доказательства, судебного поединка, присуждало поле, и авторъ долженъ былъ биться публично съ своимъ противникомъ. Мы уже замѣтили по поводу Кантемира, вооружившагося въ своихъ сатирахъ противъ самохвала, какъ состояніе тогдашняго общества развивало самохвальство. Разумѣется этотъ порокъ можетъ корениться въ личности человѣка, но развивается преимущественно въ такомъ обществѣ, которое не можетъ дать ручательства, что на трудъ будетъ обращено вниманіе и онъ будетъ оцѣненъ по достоинству. Въ такомъ обществѣ авторъ считаетъ необходимымъ самъ объявлять о своемъ трудѣ, самъ его оцѣнивать. Если и теперь встрѣчаются люди, такъ называемые образованные, которые потому только знаютъ объ извѣстномъ авторѣ и его сочиненіяхъ, что авторъ съ ними знакомъ и даритъ свои произведенія, а другихъ же не знаютъ; если и теперь для доставленія успѣха книгѣ прибѣгаютъ иногда къ такимъ мѣрамъ, которыя показываютъ недвѣріе къ публикѣ, къ ея вниманію и способности оцѣнить трудъ по достоинству; если и теперь иные авторы считаютъ нужнымъ напоминать о себѣ, очень любятъ поговорить о себѣ,—то мы должны быть снисходительны къ авторамъ XVIII вѣка, считавшимъ необходимою говорить о своихъ трудахъ, о своихъ заслугахъ. Сумароковъ былъ самохвалъ, и Ломоносовъ былъ тоже самохвалъ. И самохвальство въ литературѣ не могло производить непріятнаго впечатлѣнія, когда каждый считалъ для себя позволительнымъ просить правительство о наградѣ, при чемъ высчитывалъ свои труды и важное ихъ значеніе, не догадываясь, какъ оскорбляетъ правительство, предполагая въ немъ неспособность обратить вниманіе и оцѣнить заслуги подданныхъ. Но дѣло въ томъ, что и само правительство не оскорблялось такимъ предположеніемъ и не относилось сурово къ самохвалу. Точно также не оскорблялось и общество авторскимъ самохвальствомъ.

Столкновеніе Сумарокова съ тогдашними учеными авторитетами было неминуемо, во первыхъ потому, что эти ученые были также

стихотворцами, и отсюда рождалось соперничество; ввоторыхъ, по отсутствію тогда раздѣленія занятій, ученому учрежденію, Академіи Наукъ принадлежала цензура сочиненій, бывшая прежде у сената. Нѣтъ сомнѣнія, что профессоръ элоквенціи Тредіаковскій не преминулъ сдѣлать замѣчаній и на первую трагедію Сумарокова Хоревъ, что раздражило ея автора, а раздраженіе это не могло сдерживаться авторитетомъ Василя Кирилловича, котораго собственныя стихотворенія вызывали столько замѣчаній и насмѣшекъ. Какъ видно Тредіаковскій принадлежалъ къ людямъ, оуждавшимъ въ Хоревѣ то, что трагедія оканчивалась гибелью добродѣтельныхъ людей, главныхъ героевъ, что, по мнѣнію критиковъ, было противно нравственности, и мнѣніе это было такъ сильно, что Сумароковъ долженъ былъ иначе окончить вторую свою трагедію «Гамлетъ». Когда въ 1748-году эта трагедія была отдана официально на судъ Тредіаковского и Ломоносова, то первый нашелъ ее «довольно изрядною», а именно потому, что авторъ не повторилъ погрѣшности первой своей трагедіи, въ которой «порокъ преодолѣлъ, а добродѣтель погибла». Тредіаковскій не утерпѣлъ и указалъ на неровность стиля: «индѣ весьма по-славенски сверхъ театра, а индѣ очень по площадному ниже трагедіи»; замѣтилъ и грамматическія несправности, наконецъ позволилъ себѣ передѣлать нѣкоторые стихи. Ломоносовъ ограничился чисто цензурною замѣткою: «Въ оной трагедіи нѣтъ ничего, чтобы предосудительно кому было и могло бы напечатанію оной препятствовать».

Сумароковъ не могъ перенести замѣчаній, что въ его произведеніи повсюду видна неровность стиля и находятся многія грамматическія несправности. Особенно разсердился онъ, когда ему были возвращены изъ академіи для исправленія двѣ его стихотворныя эпистолы, въ которыхъ Тредіаковскій нашелъ «великое язвительство»: Сумароковъ еще подбавилъ язвительства противъ Тредіаковского, который объявилъ, что «такихъ злостныхъ сатиръ апробовать не можетъ»; но другой цензоръ Ломоносовъ одобрилъ эпистолы, въ которыхъ находились такіе стихи:

И съ пышнымъ Пиндаромъ взлетай до небеси,
Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій вознеси—
Онъ нашихъ странъ Мальгербъ, онъ Пиндару подобенъ,
А ты, Штивеліусъ, лишь только врать способенъ.

Штивеліусъ (Тредіаковскій) явился въ 1750 году въ комедія Сумарокова подь именемъ Тресотниіуса, педанта. Комедія начинается тѣмъ, что Клариса, на которой сватается Тресотниіусъ, говоритъ своему отцу: «Нѣтъ, батюшка, воля ваша, лучше мнѣ вѣкъ быть въ дѣвкахъ, нежели за Тресотниіусомъ. Съ чего вы вздумали, что онъ ученъ? никто этого объ немъ не говоритъ, кромѣ его самого, и хотя онъ и клянется, что онъ человекъ ученый, однако въ этомъ никто ему не вѣритъ». Тресотниіусъ является къ Кларисѣ съ такимъ привѣтствіемъ: «Прекрасная красота, пріятная пріятность, по премногу кланяюсь вамъ». Клариса: «И я вамъ попремногу откланиваюсь, преученое ученіе». Тресотниіусъ: «Эта бумажка ясябе вамъ скажетъ, какую язву въ сердцѣ моемъ пріятство ваше, т.-е. красота ваша мнѣ учинила, т.-е. сдѣлала». На бумажкѣ была написана пѣсня, сочиненная Тресотниіусомъ:

Красоту на вашу смотря, распалился я ей, ей!
 Изволь меня избавить ты отъ страсти тѣмъ моею!
 Бровь твою меня пронзила, голосъ кровь зажегъ,
 Мучишь ты меня, Климена, и стрѣлою шибла съ ногъ, и т. д.

За тѣмъ приходитъ другой педантъ Бобембіусъ и заводитъ съ Тресотниіусомъ горячій споръ о литерѣ *твердо* «которое твердо правильнѣе, о трехъ ли ногахъ, или ободной ногѣ»? Тресотниіусъ: «Я содержу, что твердо ободной ногѣ правильнае, ибо у Грековъ, отъ которыхъ мы литеры получили, оно ободной ногѣ, а треножное твердо есть нѣкакой уродъ». Бобембіусъ: «Мое твердо о трехъ ногахъ и для того стоитъ твердо, ergo оно твердо; а твое твердо нетвердое, ergo оно не твердо. Твое твердо слабое, ненадежное, а потому презрительное, гнусное, позорное, скаредное».

Въ другой комедіи Сумарокова «Чудовищи», является педантъ Критиціондіусъ, въ которомъ также легко было узнать Тредіаковскаго. Сумарокову хотѣлось осмѣять своего придирчиваго критика, и потому Критиціондіусъ говоритъ о Хоревѣ: «Немного получше можно бы было написать. Кію подали стулъ, Богъ знаетъ на что, будто какъ бы онъ въ такомъ былъ состояши, что ужъ и стоять не могъ. Отъ чего? я не знаю.... На пѣснь: «Прости мой свѣтъ», я сочинилъ критику въ двѣнадцати томахъ

in folio. На трагедію Хорева сложилъ я шесть дюжинъ епиграммъ, а нѣкоторыя изъ нихъ и на греческій языкъ перевелъ; противъ тѣхъ господъ, которыя русскія представляли трагедіи, написалъ я на сирскомъ языкѣ 99 сатиръ». Когда его спрашиваютъ, что тебѣ въ томъ прибыли, онъ отвѣчаетъ: «Я хочу вывести изъ заблужденія любезное мое отечество, которое то похваляетъ, что похуленія достойно, и отнять честь у автора, которую онъ получаетъ несправедно; а паче всего для того я на него вооружаюсь, что онъ думаетъ обо мнѣ, будто я, все что ни есть, пишу нескладно. Да то мнѣ всего злѣе, что онъ въ томъ на весь народъ ссылается, а весь народъ за нескладнаго писца меня и почитаетъ; однако я противъ всего русскаго народу сдѣлаю ювеналовымъ вкусомъ сатиру... Этотъ же авторъ сдѣлалъ комедію на ученыхъ людей. Хорошо ли это, что на ученыхъ людей дѣлать комедіи?»

Сумароковъ дѣлалъ комедіи на ученыхъ людей, потому что самъ не принадлежалъ къ нимъ; ученые люди, опираясь на свою ученость, указывали на недостатки его произведеній, и Сумароковъ боялся, что эти указанія, какъ указанія людей ученыхъ, должны имѣть вѣсъ и вредить ему, и потому ему нужно было осмѣять, опозорить ученыхъ. Ему было легко сладить съ Тредіаковскимъ, стихотворныя произведенія котораго просились на насмѣшку; но когда извѣстность его стала расти все болѣе и болѣе, когда у него явились поклонники, которые стали величать его «открытелемъ таинства любовной лиры, російскимъ Расиномъ, защитникомъ истины, гонителемъ, бичемъ пороковъ», то дѣло легко дошло и до столкновения съ Ломоносовымъ, который для многихъ оставался первымъ російскимъ не только ученымъ, но и стихотворцемъ. Соперничество повело къ явной враждѣ, къ перебранкѣ въ стихахъ и прозѣ.

Кромѣ педантовъ въ комедіяхъ Сумарокова являются и другіе люди, которыхъ онъ выставляетъ преимущественно на позоръ: это петиметры и приказные. Мы уже говорили, что въ это время господствовали въ Европѣ французскій языкъ и французская литература. Русскіе люди, живя все болѣе и болѣе общею европейскою жизнію, разумѣется, должны были усвоивать себѣ общественный языкъ и знакомиться съ богатою литературою, такъ удовлетворявшею пытливости и вкусу тогдашнихъ обра-

зованныхъ людей. Разумѣется не Ив. Ив. Шуваловъ «заставилъ насъ говорить нечестивымъ французскимъ языкомъ», какъ выразился Растопчинъ, очень плохой знатокъ исторіи: еще прежде чѣмъ Ив. Ив. Шуваловъ получилъ вліяніе, русскіе люди со средствами заводили французскія библіотеки и выписывали французскихъ гувернеровъ и гувернантокъ для дѣтей своихъ. Учиться говорить по-французски заставляла нужда, потребность образованія; кто могъ, учился и по-нѣмецки, но Нѣмцы подавали примѣръ подражанія Французамъ, говорили и писали по-французски, пренебрегая роднымъ языкомъ. Люди съ потребностію образованія, высшихъ наслажденій жадно читали и учили наизусть творенія російскаго Расина Сумарокова; странно было бы требовать отъ людей, могшихъ читать по-французски, имѣть французскія книги, чтобъ они не читали Расина въ подлинникѣ и довольствовались Сумароковымъ. Ив. Ив. Шуваловъ приобрѣлъ себѣ почетное имя въ исторіи русскаго просвѣщенія не тѣмъ, что любилъ французскій языкъ и французскую литературу, но тѣмъ, что старался поднять русскую литературу, увеличилъ средства образованія для русскихъ людей; Шуваловъ пишетъ конспектъ реторикѣ Ломоносова, подъ руководствомъ Ломоносова пишетъ *русскіе* стихи, и въ этихъ плохихъ русскихъ стихахъ защита для него отъ упрековъ во французоманіи.

Но во все времена во всякомъ живомъ обществѣ есть люди слабые, люди мелкой природы, которые подчиняются извѣстному господствующему вліянію до рабства; по внутренней духовной слабости эти люди останавливаются на одномъ вышнемъ, доводятъ это подражаніе вышнему до обезьянства, ибо относятся къ дѣлу съ безсознательностію животнаго, возбуждаютъ смѣхъ и отвращеніе и всего больше содѣйствуютъ упадку извѣстнаго направленія, реакціи противъ него; по слабости природы своей, эти люди увлекаются до такой степени, что кромѣ предмета своего обожанія исключаютъ все другое, какимъ бы священнымъ именемъ это другое не называлось, у нихъ всегда на языкѣ бранная выходка противъ него. Французское вліяніе, господствовавшее во всей Европѣ въ описываемое время, имѣло у насъ въ Россіи такихъ поклонниковъ, и въ Россіи больше и долѣе чѣмъ гдѣ-либо по молодости русскаго общества, слѣдовательно

по большей способности его членовъ къ увлеченію и къ увлеченію виѣшностію, а французская виѣшность очень способна своимъ блескомъ, изяществомъ увлекать слабыхъ. Сатира не могла не остановиться на этихъ людяхъ (*петиметражъ*, какъ ихъ тогда называли), потому что они представляли такъ много смѣшного; впрочемъ они возбуждали и не одинъ смѣхъ, потому что рабствуя чужому, они совершенно отрекались отъ своего, дѣлали противъ него выходки, оскорблявшія патріотическое чувство.

Въ комедіи «Чудовищъ» петиметръ является подъ именемъ Дюлижа. Дюлижъ презираетъ все нефранцузское. Когда хозяинъ дома, неимѣющій понятія объ иностранныхъ языкахъ, думаетъ, что фразы, которыя Дюлижъ вплетаетъ въ свою рѣчь, нѣмецкія, то петиметръ страшно оскорбляется: «Что? вы думаете, что я говорю по-нѣмецки, *Quelle pensée! quelle impertinence!* чтобъ я этимъ языкомъ говорить сталъ!» Услыхавъ объ Уложенъѣ, онъ спрашиваетъ: «Уложенъе! что это за звѣрь?... Я не только не хочу знать русскія права, я бы русскаго и языка знать не хотѣлъ. Скаредный языкъ!... Для чего я родился Русскимъ? о натура! не стыдно ль тебѣ, что ты, произведя меня прямымъ человѣкомъ, произвела меня отъ русскаго отца!» О своихъ достоинствахъ Дюлижъ говоритъ такъ: «Научиться этому, какъ одѣться, какъ надѣть шляпу, какъ табакерку открыть, какъ табакъ нюхать, стоитъ цѣлаго вѣку, а я этому формально учился, чтобъ могъ я тѣмъ отечеству своему дѣлать услуги.» О своемъ соперникѣ, который выставленъ авторомъ въ противоположность ему, Дюлижъ отзывается: «Это будто человѣкъ! Кошелекъ носить такой большой какъ заслонъ; на головѣ пуклей съ двадцать, тростку носить коротенькую, платье дѣлаетъ ему Нѣмчинъ; муфты у него и отъ роду не бывало, манжеты носить короткія, да онъ же еще и по-нѣмецки умѣетъ.» Арлекинъ, который еще продолжаетъ являться въ комедіи, произноситъ приговоръ петиметру: «Этакое безобразіе, стыдъ роду человѣческому! Конечно это обезьяна, да не здѣшная.»

Сатира, комедія не могли не вооружиться противъ явленія, завѣщаннаго древнею Россіею и противъ котораго новая истощалась въ безплодныхъ протестахъ, противъ неправды, недобросовѣстности суда, противъ людей, которые для спокойствія, че-

сти, имущества гражданъ были также вредны, какъ и разбойники. «Статное ли это дѣло, чтобъ я дочь свою выдала за ябедника,» говоритъ жена въ комедіи «Чудовищи». Мужъ отвѣчаетъ ей: «Мы люди разоренные, да ежели этакова человѣка у насъ въ родѣхъ не будетъ, такъ мы и совсѣмъ пропадемъ.» Мужъ съ женою поспорили, и жена дала сожителю своему пощечину. Въ слѣдствіе этого является на сцену судъ. Мы видѣли, какъ графъ Петръ Шуваловъ жаловался на множество комиссій, которыя тянулись безконечно. Сумароковъ подсмѣивается надъ этими комиссіями: дама, давшая мужу пощечину, называетъ судъ «пощечинною комиссіею.» Составъ суда характеризуется въ разговорѣ между судьями: «Я не знаю, говоритъ одинъ судья другому: сильны ли вы въ дѣлахъ приказныхъ, а я все служилъ въ солдатствѣ, и въ приказъ посаженъ недавно: такъ я въ дѣлахъ-то не очень еще силенъ, развѣ вы въ нихъ знающіе?» Товарищъ отвѣчаетъ: «Я вѣкъ свой изжилъ въ приказахъ; только безъ этакова человѣка, каковъ нашъ протоколистъ, и я ничего не сдѣлаю, это не судейская должность, чтобъ знать права. Наше дѣло оговаривать и вершить дѣла; знать права—то дѣло секретарское.» Судья, весь вѣкъ изжившій въ приказахъ, показываетъ однако свою опытность, находитъ разнорѣчіе въ показаніяхъ истца, который одинъ разъ сказалъ, что жена дала ему пощечину, въ другой разъ сказалъ, что оплеуху. Защитникъ истца, ябедникъ Хабзей говоритъ судьямъ: «Въ этомъ разствіи не имѣется: понеже оплеуха и пощечина, такъ какъ помѣстье и вотчина, за едино пріемлются.»—Въ комедіи «Тресотиніусъ» подъячій говоритъ офицеру Брамарбасу: «Я слышалъ, что у вашего благородія изъ вотчинъ пріѣхали.» Брамарбасъ: «А тебѣ что до того дѣло?» Подъячій: «Я слышалъ, что и запасу къ вашей милости повезли. Не имѣется ли и для нашего брата; а у меня жена родила.» Брамарбасъ: «Когда вы рождаетесь, такъ радоваться нечему.» Подъячій: «Я это заявлю и буду на васъ бить челомъ: такъ ты мнѣ заплатишь безчестье.» Брамарбасъ: «Сержантъ, арестуй!» Подъячій: «Какъ, арестовать? приказнаго служителя? Насъ и въ приказахъ не арестуютъ, и весь намъ штрафъ только въ томъ, что насъ на дѣлѣ сажаютъ. А ты это въ противность правамъ дѣлаешь.» Брамарбасъ указываетъ на свою шпагу: «Вотъ право офицерское!» Подъячій, указавъ на свое перо:

«Это хоть и не такъ остро, однако иногда колить сильнѣе и шпаги.»

Литературныя занятія Сумароковъ считалъ своею службою. Такъ онъ писалъ императрицѣ: «Вашего императ. величества челоуѣколюбіе и милосердіе отъемлютъ мою робость пасть къ стопамъ вашего императ. величества и всенжайше просить о всемилостивѣшемъ помилованіи. Я девятый мѣсяцъ по чину моему не получаю заслуженнаго жалованья отъ штатсъ-конторы, и какъ я, такъ и жена моя почти всѣ уже свои вещи заложили, не имѣя кромѣ жалованья никакого дохода, ибо я деревень не имѣю, и долженъ жить только тѣмъ, что я своимъ чиномъ и трудами имѣю, трудясь сколько силъ моихъ есть по стихотворству и театру. Я въ такихъ упражненіяхъ не имѣю ни минуты подумать о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Дѣти мои должны пребывать въ невѣжествѣ отъ недостатковъ моихъ, а я терять время напрасно, которое мнѣ потребно для услугъ вашему императ. величеству въ разсужденіи трудовъ моихъ къ увеселенію двора, къ чему я всѣ силы прилагаю и всею жизнію моею съ младенчества на стихотворство и на театральныя сочиненія положился, хотя между тѣмъ и другія не въ должности и многія лѣта былъ при дѣлахъ лейбъ-компаніи, которыя правлены мною безпорочно: свидѣтель тому его сіятельство графъ Алексѣй Григорьевичъ (Разумовскій), который вашему императ. величеству о моей прилежности и безпорочности всеконечно представить можетъ. Труды мои, всемилостивѣйшая государыня, сколько мнѣ извѣстно, по стихотворству и драмамъ не отставали отъ моего въ исполненіи желанія, и сочиненіями своими я россійскому языку никакого безславія не принесу и покамѣстъ не совсѣмъ утuhnуть мысли мои, я въ оныхъ къ увеселенію вашего величества и впредь упражняться всѣмъ сердцемъ готовъ ²¹⁰.»

Относительно другихъ искусствъ встрѣчаемъ извѣстіе о трудахъ ветерана русскихъ живописцевъ, Ивана Вишнякова, хотя и не можемъ обозначить въ точности эти труды. Въ 1752 году Вишняковъ, по представленію канцеляріи отъ строеній и за добropорядочное порученныхъ ему дѣлъ исправленіе и за излишне понесенные его предъ прочими мастерами труды и за долговременную съ 721 года службу произведенъ въ надворные совѣтники съ жалованьемъ по 700 рублей ²¹¹. Архитекторами

въ Петербургѣ видимъ братьевъ Тразиныхъ, въ Москвѣ Евлашева и князя Дмитрія Ухтомскаго, въ Кіевѣ Мичурина ²¹². Въ 1752 году кн. Ухтомскій представилъ сенату, что опредѣлено къ нему для обученія *архитектуры цивилисъ* учениковъ число довольное, только подлежащихъ для совершенства къ ихъ обученію казенныхъ архитектурныхъ книгъ не имѣется, въ чемъ состоитъ крайняя нужда, а именно: Витрувія—О разсужденіи ординовъ съ фигурами, Серлія—О препорціи ординовъ, Палладія—О разсужденіи ординовъ, Бароція на русскомъ языкѣ въ поллиста шесть книгъ, Полусдекера, Девильера—О разсужденіи ординовъ и о укрѣпленіи фундаментовъ, Поціи—О пропшпективѣ, Штормовъ лексиконъ науки архитектурной, садовыхъ съ фигурами двѣ книги, книга древнихъ греческихъ статуй, машинныхъ и механическихъ на русскомъ языкѣ. По запросу сената академія наукъ показала, что изъ вышеобъявленныхъ книгъ въ продажѣ находятся только Полусдекера, цѣною три тома 16 рублей 50 копѣекъ, да Механика на русскомъ языкѣ 20 копѣекъ. Сенатъ приказалъ: которыя есть купить, а остальные когда при академіи или у вольныхъ въ продажѣ будутъ, купить и отдать Ухтомскому ²¹³.

Сохранимъ память о простомъ русскомъ чловѣкѣ, который въ описываемое время изобрѣлъ «самобѣглую коляску». То былъ крестьянинъ подгородной Яранской слободы Леонтій Шамшуренковъ; коляска двигалась *подъ закрытіемъ* съ помощью двухъ чловѣкъ и стоила 90 рублей; мастеру выдано было за нее изъ казны 50 рублей награжденія. Потомъ Шамшуренковъ объявилъ сенату, что сдѣлалъ онъ коляску, а теперь можетъ сдѣлать сани, которыя будутъ ѣздить зимою безъ лошадей; можетъ сдѣлать также часы, которые будутъ ходить у коляски на задней оси и будутъ показывать на кругу стрѣлою до 1000 верстъ, на всякой верстѣ будетъ бить колокольчикъ, и прежнюю коляску можетъ сдѣлать уборнѣе и на ходу будетъ скорѣе. Сенатъ велѣлъ спросить, сколько все это будетъ стоить ²¹⁴. Послѣдствія неизвѣстны.

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1) Журналы и протоколы сената; 29 мая.
- 2) Тамъ же, 7 іюня и 13 октября.
- 3) Тамъ же, 27 января.
- 4) Тамъ же, 17 февраля.—Пол. Собр. Зак. № 9574.
- 5) Пол. Собр. Зак. № 9630.
- 6) Петербургскія Вѣдомости 1749 года.
- 7) Журналы и проток. Сената, 4 мал, 5 іюля.
- 8) Тамъ же, 3 сентября.
- 9) Тамъ же, 16 января, 13 февраля, 7 марта, 12 мая 1749 года; 25 мая, 6 іюня, 1750 года.
- 10) Тамъ же, 19 сентября 1749 года; 21 мая, 5 іюля 1750 года.
- 11) Исторія Россіи, XXII, 180.
- 12) Журналы и протоколы Сената 1750 года 12 февраля, 5 марта, 8 іюня, 11 іюня, 1 ноября.
- 13) Тамъ же, 13 апрѣля.
- 14) Тамъ же, 8 іюня, 11 декабря 1750 года.
- 15) Тамъ же, 13 марта 1749 года.
- 16) Тамъ же, 19 марта 1750 года.
- 17) Тамъ же, 14 апрѣля 1749 года.
- 18) Тамъ же, 1 іюня, 20 іюня, 28 іюня, 4 іюля, 7 іюля, 21 сентября 1749 года; 3 апрѣля, 2 мая, 12 іюня 1750 года.
- 19) Тамъ же, 20 и 25 января, 15 и 20 февраля, 3 марта, 18 апрѣля, 11 мал, 24 августа, 28 сентября 1749 года; 2 августа 1750 года.
- 20) Тамъ же, 6 іюля, 6 ноября 1749 года; 23 января, 7 марта 1750 года.
- 21) Тамъ же, 4 декабря 1750 года.
- 22) Тамъ же, 22 и 24 Августа 1749 года.
- 23) Письмо въ Гесуд. Архивѣ.
- 24) Тамъ же.

25) Журналы и протоколы Сената 23 мая, 8 июня 1749 года; 18, 26 января и 11 июля 1750 года; Собрание постановлений по части раскола, означенные годы.

26) Исторія Россіи, XXI, 55.

27) Записки Марковича, II, 151 и слѣд.

28) Журналы Сената 15 декабря 1741 года; 21 мая 1742 года.

29) Тамъ же, 23 марта 1743, 7 января 1746; 27 октября 1747; 22 июня, 26 июля, 8 августа 1748; 23 мая 1749.

30) Записки Марковича, II, 149.

31) Журналы Сената, 23 июля 1742; 7 октября 1745; 15 апрѣля 1746; 26 января 1747; 7 марта 1749; 20 июня 1749; 2 и 25 октября 1750 года.

32) Записки Марковича, II, 205 и слѣд,

33) Письмо Разумовскаго въ Государ. Архивѣ.

34) Архивъ Сената въ С.-Петербургѣ.

35) Жизнь И. И. Неплюева, имъ самимъ написанная, Отеч. Записки 1825 года, часть 23.

36) Журналы Сената 22 мая и 14 июля 1749 года.

37) Пол. Собр. Зак. № 8887.

38) Тамъ же, № 8901.

39) Журналы Сената 11 августа 1748 года.

40) Секретныя дѣла Сенатскаго Архива въ С.-Петербургѣ.

41) Mémoires de Catherine II, 117, 118.

42) Записка въ Государ. Архивѣ.

43) Дешеша 16 октября.

44) Дешеша Гольца отъ 16 июня и 28 августа.

45) Архивъ кн. Воронцова, II, 612 и слѣд.

46) Промеморія въ Государ. Архивѣ.

47) Дѣла Прусскія 1749 и 1750 годовъ.

48) Дѣла Австрійскія тѣхъ же лѣтъ.

49) Дешеша Финкеништейна отъ 31 августа 1748 года.

50) Архивъ кн. Воронцова, II, 254.

51) Дѣла Польскія 1749 года.

52) Бумаги о Гуровскомъ въ Государств. Архивѣ.

53) Дѣла Польскія 1749 и 1750 годовъ.

54) Дѣла Шведскія 1749 и 1750 годовъ.

55) Дѣла Англійскія тѣхъ же годовъ.

56) Дѣла Шведскія 1750 года.

57) Дѣла Датскія 1749 года.

58) Архивъ кн. Воронцова, III, 602, 606.

59) Дѣла Датскія 1749 и 1750 годовъ.

60) Дѣла Турецкія 1749 и 1750 годовъ.

- 61) С.-Петербург. Вѣдомости.
- 62) Журналы Сената 7 июня 1751 года.
- 63) Тамъ же, 25 июля 1751 года.
- 64) Тамъ же, 28 октября 1751 года, 7 января 1752 года.
- 65) Секретныя дѣла Сенатскаго Архива въ Петербургѣ
- 66) Журналы Сената 21 сентября 1752.
- 67) Тамъ же, 16 июля 1751 года.
- 68) Тамъ же, 1 февраля 1751 года.
- 69) Тамъ же, 6 июля.
- 70) Тамъ же, 23 июля 1751 года, 27 авг. и 6 октября 1752 года.
- 71) Тамъ же, 15 октября.
- 72) Тамъ же, 21 января 1752 года.
- 73) Пол. Собр. Зак. № 10033.
- 74) Журналы Сената, 22 мая 1751 года.
- 75) Тамъ же, 5 октября 1752 года.
- 76) Тамъ же означенныя числа.
- 77) Тамъ же, 25 мая 1752 года.
- 78) Дѣла тайной Канцелярiи 1754 года.
- 79) Журналы Сената, 18 июля 1751 года; 20 февраля, 4 августа, 24 августа, 1752 года.
- 80) Тамъ же, 9 декабря 1752 года.
- 81) Пол. Собр. Зак. № 9912.
- 82) Тамъ же, № 9959.
- 83) Журналы Сената, 19 сентября 1751 года.
- 84) Тамъ же, 31 июля 1751 года.
- 85) Тамъ же, 12 ноября 1751 года.
- 86) Тамъ же, 28 ноября 1751 года.
- 87) Тамъ же, 25 июля 1751 года.
- 88) Тамъ же, 13 октября 1752 года.
- 89) Тамъ же, 20 декабря 1751 года.
- 90) Тамъ же, 26 августа 1752 года.
- 91) Тамъ же, 27 июля 1752 года.
- 92) Тамъ же, 15 сентября 1752 года.
- 93) Тамъ же, 8 марта 1751 года.
- 94) Пол. Собр. Зак. № 10041.
- 95) Тамъ же, № 10057.
- 96) Журналы Сената, 24 января 1751 года.
- 97) Тамъ же, 23 января 1751 года.
- 98) Тамъ же, 5 марта 1751 года.
- 99) Тамъ же, 4 июня, 1 июля 1751 года; 28 апрѣля, 15 июля 1752 года.
- 100) Тамъ же, 8 февраля, 8 марта, 17 мая 1751 года.

- 101) Тамъ же, 13 мая 1751 года.
- 102) Пол. Собр. Зак. № 9838.
- 103) Журналы Сената, 17 ноября 1702 года.
- 104) Тамъ же, 18 марта 1751 года.
- 105) Тамъ же, 22 іюля 1751; 29 апрѣля и 27 августа 1752 года.
- 106) Пол. Собр. Зак. № 10061.
- 107) Журналы Сената.
- 108) Петербург. Вѣдомости 28 февраля 1752 года.
- 109) Журналы Сената, 9 марта 1752 года.
- 110) Пол. Собр. Зак. № 10028.
- 111) Донесеніе Шаховскаго императрицѣ въ Государ. Архивѣ.
- 112) Журналы Сената, 5 ноября 1751 и 11 августа 1752 года.
- 113) Тамъ же, 1 декабря 1752 года, 3 октября 1751 года.
- 114) Секретныя дѣла въ Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ.
- 115) Журналы Сената, 26 февраля и 2 марта 1751 года.
- 116) Записки Марковича 1751 и 1752 годы.
- 117) Петербургскія Вѣдомости 1751 года.
- 118) Просьба въ Государ. Архивѣ.
- 119) Дѣла Австрійскія 1751 и 1752 годовъ.
- 120) Архивъ кн. Воронцова, II, 257.
- 121) Тамъ же, стр. 261.
- 122) Тамъ же, стр. 263, 270, 272, 274.
- 123) Дѣла Австрійскія 1752 года.
- 124) Дѣла Польскія 1751 и 1752 годовъ.
- 125) Дѣла Англійскія 1751 и 1752 годовъ.
- 126) Дѣла Турецкія 1751 и 1752 годовъ.—Доклады 2 ноября 1752.
- 127) Дѣла Шведскія 1751 и 1752 годовъ.
- 128) Журналы Сената, 3 іюня, 27 іюля, 19 октября 1752 года.
- 129) Розонова—Исторія москов. епархіал. управленія II, 1, 171; Записки Марковича, II, 305, 306, 308, 313.
- 130) Mémoires de Catherine II, 183.
- 131) Журналы Сената, 8 января, 23 марта, 1, 7, 20 апрѣля, 11, 24 мая, 4, 10 іюня, 3 іюля, 4 ноября.—Пол. Собр. Зак. № 10150, 10096, 10103, 10145.
- 132) Mémoires de Catherine II, 195.
- 133) Журналы Сената, 7, 9, 10, 12 и 15 ноября 1753 года.
- 134) Mémoires de Catherine II, 120.
- 135) Журналы Сената 18 іюля 1749 года.
- 136) Государств. Архивъ; дѣла Тайной Канцеляріи 1753 года.
- 137) Журналы Сената 11, 16 марта; 1, 14 іюня 1753 года.
- 138) Пол. Собр. Зак. № 10086.
- 139) Журналы Сената 10 марта, 27 сентября, 29 ноября, 1853 года.

- 140) Тамъ же, 14, 22 января; 9, 26 марта, 7, 25 мая, 7 октября 1753 года.
- 141) Тамъ же, 16 марта, 17 апрѣля, 23 іюля.
- 142) Секретныя дѣла Сенатскаго Архива въ С.-Петербургѣ, годъ 1753.
- 143) Журналъ Сената 18 августа 1753 года.
- 144) Пол. Собр. Зак. № 10164.
- 145) Журналы Сената 22 января, 20 апрѣля, 16 іюля 1753 года.
- 146) Пол. Собр. Зак. № 10141.
- 147) Журналы Сената, 11 мая и 20 сентября 1753 года.
- 148) Секретныя дѣла Сенатскаго Архива въ С.-Петербургѣ.
- 149) Журналы Сената, 12 августа 1753 года.
- 150) Записки Марковича, II, 312.
- 151) Mémoires de Catherine II, 185.
- 152) Дѣла Австрійскія 1753 года.
- 153) Дѣла Польскія 1753 года.
- 154) Дѣла Шведскія 1753 года.
- 155) Дѣла Англійскія 1753 года.
- 156) Дѣла Турецкія 1753 года.
- 157) Журналы Сената, 3 января 1754 года.
- 158) Тамъ же, 7 января.
- 159) Тамъ же, 11 марта.
- 160) Тамъ же, 23 февраля, 9 марта, 11 марта, 4, 10, 11 и 12 мая.
- 161) Тамъ же, 28 іюля.
- 162) Тамъ же, 27 января.
- 163) Тамъ же, 8 февраля.
- 164) Тамъ же, 4 и 19 іюля, 24 и 25 августа, 2 и 13 сентября.
- 165) Тамъ же, 12 января, 30 сентября.
- 166) Тамъ же, 18 августа, 7 декабря.
- 167) Тамъ же, 3 и 23 марта, 20 апрѣля, 5, 7 и 14 іюля.
- 168) Тамъ же, 15 апрѣля, 15 сентября.
- 169) Тамъ же, 7 октября.
- 170) Письмо въ Государ. Архивъ.
- 171) Архивъ кн. Воронцова, II, 282.
- 172) Дѣла Австрійскія 1754 года.
- 173) Дѣла Польскія 1754 года;—донесеніе Панова въ дѣлахъ Сенатскаго Архива въ С.-Петербургѣ 1754 года.
- 174) Дѣла Англійскія 1754 года.
- 175) Дѣла Шведскія 1754 года.
- 176) Дѣла Турецкія 1754 года.
- 177) Журналы и протоколы Сената означенныхъ чисель.
- 178) Тамъ же, 1 февраля.
- 179) Тамъ же, 4 и 16 мая, 8 іюня.

- 180) Тамъ же, 9, 11 января, 2 июня, 4 августа, 17 ноября.
181) Тамъ же, 25 мал, 24 октября. О Зотовѣ см. Исторію Россіи т. XXII, стр. 267.
182) Тамъ же, 16 июня, 3 августа.
183) Тамъ же, 3 апрѣля.
184) Записки внязя Якова Шаховскаго, стр. 74 и слѣд. по изданію 1872 года.
185) Записки Неплюева (Отечеств. Записки 1825 года).
186) Дѣла Польскія 1755 года.
187) Дѣла Англійскія 1755 года.
188) Дѣла Шведскія 1755 года.
189) Дѣла Турецкія 1755 года.
190) Розанова—Исторія москов. епархіал. управленія II, I, 65.
191) Тамъ же, стр. 47, 143.
192) Сочиненія Ломоносова (Смирдинское изданіе); Билярскаго—Матеріалы для біографіи Ломоносова.—Пекарскаго—Исторія Академіи Наукъ, т. II.
193) Моя статья: Герардъ Фридрихъ Мюллеръ въ Современникѣ 1854 года, № X.—Пекарскаго—Исторія Академіи Наукъ, т. I.
194) Билярскаго—Матеріалы, стр. 269.
195) Журналы Сената подъ тѣмъ же числомъ.
196) Тамъ же, 11 августа, 6 октября 1754 года.
197) Пол. Собр. Зак. № 10346.
198) Журналы Сената, 6 февраля 1755 года.
199) Тамъ же, 29 марта, 4 августа 1755 года.
200) Тамъ же, 25 сент. 1749 года; 26 июня, 24 сентября, 13 декабря 1750 года.
201) Тамъ же, 6 апрѣля 1755 года.
202) Записки Болотова по изданію „Русской Старины“.
203) Пекарскаго—Исторія Академіи Наукъ II, 143.
204) Сочиненія Сумарокова, изд. Новикова.
205) Журналы Сената, 12 октября 1744 года.
206) Тамъ же, подъ означеннымъ числомъ и годомъ.
207) Тамъ же, 12 сентября 1750 года.
208) Новикова Опытъ словаря о росс. писател. 40; Фонъ-Визина соч. по Смирдинск. изд. стр. 508.
209) Журналы Сената, 29 января и 18 іюля 1752 года.
210) Просьба въ Государ. Архивъ.
211) Журналы Сената, 10 декабря 1752 года.
212) Тамъ же, 2 марта 1749 года.
213) Тамъ же, 29 апрѣля 1752 года.
214) Тамъ же, 5 ноября 1752, 2 и 29 апрѣля 1753 года.

ДОПОЛНЕНИЕ.

Томъ XXI, стр. 141.

Письма Анны Леопольдовны къ Линару.

1) Собственноручное отъ 8 сентября 1741 года.

J'ai appris avec plaisir votre heureuse arrivée à Narva, Dieu continue sa grace, et nous donne la joie de vous revoir bientôt. Nous nous portons bien, et je ne fait que consoler Julie mais Dieu sait qui en a plus besoin. Vous avez tort quand vous me conseillez dans votre lettre de chercher ailleurs ce que je pourroit mieux trouver dans mon coeur, et jè croi que vous en pourriez être content.

2) Отъ 13 октября 1741; чужою рукою; рукою Анны только тѣ слова, которыя въ скобкахъ; въ подлинникѣ эти слова на верху соотвѣствующихъ, а эти послѣднія зачеркнуты.

Je vous felicite de vôtre arrivée à Leipsig, mais je ne serai pas satisfaite avant qui je vous sache en chemin pour retourner ici. Si vous n'avez pas reçu des lettres de Petersbourg, prenés vous en à Pezold, qui les a mal adressées. Pour ce qui est de Julie, comment pouvez vous douter un moment de son (mon) amour et de sa (ma) tendresse, après toutes les marques qu'elle (je) vous en a données. Si vous l'(m') aimez, ne lui (me) faites plus de pareilles reproches pour peu que sa (ma) santé vous est chère. L'ambassadeur de Perse avec tous ses elephans a eu son audience de la même manière que l'a eue le Turc. Ou dit qu'un de principaux objets de sa commission est de demander en mariage pour le fils du Schach Nadir la princesse Elisabeth et qu'en cas de refus il nous fera guerre. Patience! Ce seroit donc le troisième

ennemi, le bon Dieu nous garde du quatrième. Ne prenez pas pour un conte cette demande du Persan, je ne ris pas, c'est par la voye du favori de l'ambassadeur que l'on a appris ce secret. Nous aurons mascarade le 19 et le 20 de ce mois, mais je ne croi pas que je pourrai (sans vous mon cher coeur) prendre beaucoup de part à ce divertissement, car je prévoi déjà que ma chère Julie, qui a son cœur et son ame ailleurs, ne s'y divertira gueres. La chanson dit fort bien: je ne voi rien qui vous ressemble, et cependant de vous tout me fait souvenir. Mandez moi le tems de votre retour et soyez persuadé que je suis votre bien affectionnée (je vous embrasse et meurs tout à vous).

3) Собственноручное отъ 17 октября 1741 года.

Nous avons eu ici je ne sais qui de France qui a fait ce petit voyage uniquement pour rendre visite à M. Chetardie à ce que prétend celui—ci. Le beau pretexte! il est fort provable. Pendant le sejour qu'il a fail ici il ne s'est point montré à la cour, mais il est allé tous les jours voir la P. Eli. comme aussi Chetardie. Jusqu'ici nous ne savons pas quel but a eu le voyage de ce faiseur de visite. On me donne tant d'avis que je ne sais qu'en croire: je voudrois quelquesfois n'en savoir pas tant, car la moitié n'étant certainement que de mensonges, jamais de ma vie je n'ai eu tant d'amis ou soi disant tels que depuis que j'ai pris la regence. Heureuse si je pouvais toujours demeler les veritables d'entre les faux, mander moi ce que vous pensez du manifeste de Suedois. Conservez votre santé et aimez moi toujours, c'est tout ce que je souhaite.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I. Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петров- Стр.
ны. 1749 и 1750 годы.—Москва въ 1749 году; заботы о ея восстановле-
ніи.—Распоряженія на случай опасности со стороны Швеции, распори-
женія по флоту и арміи.—Увеличеніе цѣны вина и соли.—Распоряженія
о инородцахъ.—Привыкъ бѣглыхъ.—Мѣры о сохраненіи народнаго здо-
ровья.—Мѣры противъ разбоевъ.— Столкновенія между частями город-
скаго населенія.—Сопротивленіе бѣглыхъ крестьянъ въ Брянскѣ.—Маги-
страты.—Воеводы и полиція.—Положеніе фабрикъ и заводовъ.—Жало-
ба русскихъ купцовъ на иностранныхъ браковщиковъ.—Коллегіи.—Стол-
кновеніе членовъ синода съ оберъ-прокуроромъ кн. Шаховскимъ.—Из-
даніе Библіи.—Жалобы синода на дурное обращеніе свѣтскихъ лицъ съ
духовенствомъ.—Запрещеніе книгъ и вещей на религіозныхъ основані-
яхъ.—Состояніе Малороссіи.—Возстановленіе гетманства въ Малорос-
сіе.—Дѣятельность Неплюева въ Оренбургскомъ краѣ.—Борьба съ ино-
родцами въ сѣверо-восточной Сибири.—Отношенія къ европейскимъ дер-
жавама.—Положеніе канцлера Бестужева.—Прекращеніе дипломатиче-
скихъ сношеній съ Пруссіею.—Сношенія съ Австріею по поводу право-
славныхъ ея подданныхъ.—Сношенія съ польско-саксонскимъ дворомъ.—
Вопросъ курляндскій.—Неудачная попытка Морица Саксонскаго.—Дѣй-
ствія Никита Ив. Панина въ Стокгольмѣ, Корфа въ Коненгагенѣ, Не-
плюева въ Константинополѣ. 5

ГЛАВА II. Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Пе-
тровны. 1751 и 1752 годы.—Востанія приписныхъ къ фабрикамъ крестья-
нъ.— Помѣщичьи и крестьянскія междоусобія.— Столкновенія на ме-
жахъ.—Предложеніе графа Петра Иванов. Шувалова о генеральномъ ме-
жеваніи.—Указъ противъ ябедниковъ.—Смягчающее движеніе въ законо-
дательствѣ.—Продолженіе брянскаго дѣла о бѣглыхъ крестьянахъ.—Ма-
гистратское дѣло въ Бѣлгородѣ.—Безпорядки въ Орлѣ.—Устюжскіе буи-
цы и половники.—Торговое и промышленное движеніе.—Финансы.—Дѣла
церковныя.—Продолженіе борьбы съ инородцами въ Сибири.—Дѣла

малороссійскія.—Письмо канцлера Бестужева къ императрицѣ.—Ссора канцлера съ братомъ его Мих. Петр. Бестужевымъ.— Столкновеніе съ Австрією по поводу выселенія Сербовъ въ Россію.—Новая Сербія.—Сношенія съ польско-саксонскимъ дворомъ.—Переговоры съ англійскимъ дворомъ о субсидіяхъ.—Дѣла турецкія.—Кончина шведскаго короля Фридриха и вступленіе на престолъ Адольфа Фридриха.—Прекращеніе безпокойствъ относительно плановъ новаго короля.—Сношенія съ Данією.

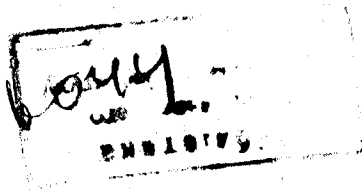
ГЛАВА III. Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны. 1753-й годъ.—Отъѣздъ Елисаветы въ Москву и положеніе этой столицы.—Пожаръ въ Головинскомъ дворцѣ.—Постройка новаго дворца.—Загорь Батурина.—Крестянскія волненія.—Осторожность относительно пытки.—Распоряженія по поводу отмѣны смертной казни.—Мѣры противъ провоочки дѣлъ.—Финансовыя мѣры.—Учрежденіе банка для дворянства.—Уничтоженіе внутреннихъ таможенъ.—Заботы о шелковомъ производствѣ.—Дѣла на украинахъ.—Сближеніе канцлера Бестужева съ великою княгинею.—Назначеніе новаго канцлера въ Вѣнѣ, графа Кауница, и отзывъ о немъ Кейзерлинга.—Затруднительное положеніе русскаго министра Гросса въ Дрезденѣ въ слѣдствіе ссоры польско-саксонскаго правительства съ князьями Чарторыйскими.—Дѣятельность Гросса по дѣлу о православныхъ въ Польшѣ.— Переговоры по поводу наслѣдства польскаго престола.— Переговоры относительно Пруссіи.—Отношенія шведскія отходятъ на второй планъ.—Начало переговоровъ съ Англією о субсидіяхъ.—Дѣла турецкія.

ГЛАВА IV. Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны. 1754 годъ.—Мѣры для составленія Уложенія.—Учрежденіе купеческаго банка.—Постановленіе о выдачѣ бѣглыхъ.—Уничтоженіе внутреннихъ сборовъ въ Малороссіи.—Коммиссія объ Уложеніи.—Положеніе суднаго приказа.—Помѣщичьи усобицы.—Столкновеніе церковныхъ крестьянъ съ причтомъ.—Неприятная переписка между синодомъ и сенатомъ, между сенатомъ и адмиралтейскою коллегією.—Положеніе новоучрежденнаго купеческаго банка.—Продажа соли.—Мѣры относительно повивальныхъ бабокъ.—Обширный проектъ Петра Ив. Шувалова о сохраненіи народа.—Рожденіе великаго князя Павла Петровича.—Письмо канцлера Бестужева къ брату, Михаилу Петровичу.—Послѣдній не перестаетъ сердиться на брата.—Дѣло о переселеніи Черногорцевъ въ Россію.—Затруднительные переговоры съ Польшею по дѣлу о выдачѣ бѣглыхъ, по курляндскимъ дѣламъ и по дѣлу Чарторыйскихъ.—Продолженіе переговоровъ съ Англією о субсидномъ трактатѣ.—Столкновеніе съ Турцією по поводу строенія крѣпости св. Елисаветы.

ГЛАВА V. Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны. 1755-й годъ.—Слушаніе статей новаго Уложенія.—Межевое дѣло.—Самоуправства.—Новый генераль-кригсъ-коммиссаръ князь Шаховской.—Башкирскій бунтъ и его утушеніе.—Продолженіе неприятныхъ сношеній

съ польско-саксонскимъ правительствомъ по дѣлу князей Чарторыйскихъ, и отозванію саксонскаго посланника Функа изъ Петербурга.—Дѣло о конвенціи съ Англією.—Реляція Панина о состояніи дѣлъ въ Швеціи и письмо къ нему канцлера Бестужева—Уступка требованіямъ Турціи относительно строенія крѣпости св. Елисаветы. 288

ГЛАВА VI. Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны—Состояніе образованности въ Россіи во второе семилѣтіе царствованія Елисаветы. 1849—1755.	315
Примѣчанія.	365
Дополненіе.	371

НБ ПНУС

6044

О П Е Ч А Т К И.

<i>Напечатано:</i>		<i>Должно читать:</i>	
Стран.	строка.		
11	23	преслала	прислала
—	38	по	на
13	26	предоставленные	представленные
28	38	фабрикъ	фабрикантовъ
—	—	онѣ	они
41	25	комитетовъ	квалитетовъ
49	24	Попатенко	Потапенко
50	35	увидаль	свидаль
60	18	отъ его	его
101	23	готова	готовъ
—	24	съ ея	съ его
112	3	не всегда	навсегда
116	28	изъ одного	въ одно
—	29	уха	ухо
135	8	получила	получило
139	13	мастерамъ	мастеромъ
140	16	мѣсть,	мѣсть сою,
145	34	чернополосными	черносолонными
181	37	и прочихъ	и земли прочихъ
193	31	о обязательствахъ	обязательствъ
225	21	пользы	пользѣ
231	31	подверглась	подверглось
234	14	просилъ	просить
264	31	службу	службу
276	36	Кіевскіе	Кіевскій
286	34	По объявленіи	По объявленію
322	35	тѣ	та
336	31	замѣняетъ	Корпусъ замѣняетъ
355	19	а другихъ	о другихъ
371	16	qui	que
—	24	Ou dit	On dit